

I

3415

Н Q//

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Для служебного пользования

Экз...»

0064B

ЭФФЕКТИВНОСТЬ
ПРАВОСУДИЯ
И
ПРОБЛЕМА УСТРАНЕНИЯ
СУДЕБНЫХ ОШИБОК

I часть

Ответственный редактор
член-корреспондент Академии наук СССР
В. Н. Кудрявцев

МОСКВА 1975

Монография посвящена рассмотрению одной из центральных проблем науки о социалистическом правосудии — его эффективности. Авторы впервые в советской литературе изучили критерии и показатели эффективности правосудия. На основе обширных социологических исследований и судебной статистики удалось определить распространенность, структуру, динамику судебных ошибок и наметить пути их устранения. Изучено влияние на эффективность правосудия социально-психологических факторов, научной организации труда в судах и состояния судебных кадров, а также основных тенденций уголовной политики, практики вышестоящих судов, прокуратуры и адвокатуры.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

М. И. АВДЕЕВ, член-корреспондент АМН СССР, доктор медицинских наук, профессор (гл. IX, § 3)
 В. Б. АЛЕКСЕЕВ, кандидат юридических наук (гл. X, XII)
 Г. З. АНАШКИН, доктор юридических наук, профессор (гл. VII, § 4, б)
 А. Д. БОЙКОВ, кандидат юридических наук (гл. IX, § I, 2; гл. XI)
 Ю. А. ЛУКАШОВ, член Верховного Суда РСФСР (гл. IX, § 4)
 К. С. МАКУХИН, старший консультант Президиума Верховного Совета СССР (гл. VIII, § 5)
 Т. Г. МОРИЩАКОВА, кандидат юридических наук (гл. V; VI; VII, § 1—5; гл. VIII, § 1—4)
 И. Л. ПЕТРУХИН, кандидат юридических наук (руководитель авторского коллектива) (введение; гл. I; II; III; IV; VIII; § 1—4; заключение)

Научно-техническую работу по теме вели младшие научные сотрудники М. М. КУЗОВА и Т. И. МИНАЕВА. Обсчет данных социологических исследований проведен в лаборатории кибернетических методов исследования ВНИИСЭ (Д. Л. ГЛАДИЛИН; кандидат юридических наук О. А. ГАВРИЛОВ; кандидат юридических наук Д. О. ХАН-МАГОМЕДОВ; И. В. СОЛОВОВА), расчеты корреляционных зависимостей проведены П. В. ХРАМЦОВОЙ

А М 002-000 ~
 " 042(02)-75 3

(©М Институт государства и права Академии наук СССР, 1975 г.

«Партия ставит задачу обеспечить строгое соблюдение социалистической законности, искоренение всяких нарушений правопорядка, ликвидацию преступности, устранение всех причин, ее порождающих» К

Важная роль в достижении этой задачи принадлежит органам государства, специально созданным для охраны правопорядка и борьбы с преступностью, среди которых особое место занимает суд. Будучи независим и подчинен только закону (Конституция СССР, ст. 112), суд охраняет от всяких посягательств интересы советского государства и общества, надежно защищает права граждан, вносит свой вклад во всенародное дело борьбы с преступностью и тем самым укрепляет социалистическую законность.

Деятельность советской судебной системы должна быть эффективной, т. е. максимально способствующей достижению поставленных перед нею целей. Ошибки судов, встречающиеся иногда при рассмотрении и разрешении уголовных и гражданских дел, снижают эффективность судопроизводства. Они особенно нетерпимы, поскольку представляют собой нарушения законности в деятельности органов, специально призванных укреплять ее. Понятно поэтому, что изучение судебных ошибок, их причин и способов устранения представляет собой важную научную и практическую проблему, составляющую часть более широкой проблемы повышения эффективности советского правосудия.

Невозможно изучать эту проблему умозрительно, без систематического собирания и анализа фактов, характеризующих действительное положение дел в области судопроизводства.

В. И. Ленин, который всегда основывал свои выводы на несомненных фактах, писал: «...нестерпимо скучно заниматься „общепартийным говорением“ ...впустую, без материала, без фактов, высасывая из пальца разногласия, дефиниции...»²

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1969, стр.

² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 42, стр. 283.

По свидетельству современников, В. И. Ленин говорил: «Очень люблю статистику, и у меня осталась привычка к совершенно точным вычислениям»³. Даже в условиях, когда Советское государство еще не имело хорошо налаженной статистики, В. И. Ленин требовал фактов, сведений, цифр и не мог позволить себе судить о чем-либо умозрительно, бездоказательно.

Этот метод работы тем более необходим в (настоящее время, когда имеются все возможности для систематического и целенаправленного отбора фактов, без которого невозможно развитие науки. Наука, оторванная от своей эмпирической основы, лишенная фактов, рискует выродиться в умозрительную схоластику.

Оценивая с этих позиций положение дел в науке о судопроизводстве до 60-х годов, можно констатировать, что в течение длительного времени в ней преобладало направление, особенностью которого было изучение самих норм права, процессуальной формы, процессуальных гарантий без необходимого учета социальных, психологических, организационно-правовых и иных факторов, оказывающих существенное влияние на правоприменительную деятельность суда и других субъектов уголовного судопроизводства. Результатом такого подхода было отсутствие достаточной информации о том, как функционирует система гарантий правосудия и в какой мере достигаются его цели. Вне поля зрения науки о судопроизводстве оставались проблемы подготовки судебных кадров, организации труда в судах, изучения социальных и психологических характеристик личности судей и народных заседателей и др. Судебная практика использовалась в научных (работах преимущественно на уровне примеров; социологические исследования почти не проводились, а при проведении обобщений судебной практики полученные данные довольно часто не были репрезентативны (достаточны для точных выводов); данные государственной судебной статистики редко использовались в научных работах, а если и использовались, то иллюстративно; теоретические положения эмпирически не проверялись. Короче говоря, преобладал теоретический, логический анализ правового материала, а сама деятельность органов уголовного судопроизводства и социальные факторы, оказывающие на нее влияние, на теоретическом уровне почти не исследовались. Иными словами, не подвергалась достаточному исследованию центральная проблема науки о судопроизводстве, связывающая воедино теорию и практику,— проблема эффективности правосудия.

Отмеченные явления в большей или меньшей мере наблюдались и в других отраслях правовой науки. Они были вскрыты и глубоко проанализированы в постановлении ЦК КПСС

«О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» (1964), где, в частности, отмечалось: «Вместо того, чтобы исследовать общественные процессы, вызывающие необходимость правового регулирования, определять наиболее эффективные пути и формы этого регулирования, изучать практические результаты принятия того или иного закона, многие юристы ограничиваются догматическим анализом понятий, поверхностным комментаторством. В правовой науке еще мало творческих поисков и научных дерзаний, свежих, оригинальных мыслей, конкретных рекомендаций и предложений»⁴.

Постановление ЦК КПСС о юридической науке и другие партийные решения способствуют развитию советской правовой науки, которая успешно преодолевает юридический догматизм, все более тесно увязывает изучение правовых норм и регулируемых ими общественных отношений, анализируя информацию о результатах действия правовых норм, и тем самым стремится к выявлению социальной эффективности права. Это в полной мере относится и к науке о судопроизводстве, которая все более активно переходит к исследованию процессов, происходящих непосредственно в судебной практике, изучает влияние процессуальной формы, а также социальных, психологических и иных факторов на эффективность правосудия. Такой подход обеспечивает приток в процессуальную науку необходимой информации, достаточной для выдвижения и эмпирической проверки научных гипотез, опровержения или подтверждения ранее возникших концепций, выявления и устранения факторов и тенденций, снижающих эффективность правосудия. В конечном счете такая работа должна привести к повышению уровня «управления» этой сложной системой, направленного на неуклонное повышение ее эффективности. Разумеется, это потребует длительной и трудоемкой работы ученых и практиков, проведения как специализированных, так и комплексных исследований на основе различных отраслей знания, резкого расширения потоков информации внутри системы уголовной юстиции, анализа этой информации с применением современных логических, статистических, математических методов и электронно-вычислительной техники.

Правовая наука и, в частности, наука о судопроизводстве входит в такую полосу своего развития, когда общие теоретические рассуждения все более подкрепляются цифрами, фактами.

К. Маркс в статье «Население, преступность и пауперизм» (1859) писал, что цифры, статистика «в действительности дают больше ценного материала для истории общего развития на-

³ Л, Волков-Ланит. Живое слово Ильича.— «Правда», 11 октября 1957 г,

⁴ «Коммунист», 1964, № 12, стр. 7.

ции, нежели темы, полные риторической чепухи и политической болтовни»⁵.

Предлагаемая вниманию читателей работа выполнена авторским коллективом © 1967—1972 гг. В ней освещаются некоторые актуальные вопросы, касающиеся самой теоретической концепции эффективности правосудия, а также методологии ее изучения. Вместе с тем анализируются результаты конкретных исследований на основе показателей качества судебной работы и рассмотрения основных факторов, влияющих на эффективность правосудия, — тем самым на характер и распространенность судебных ошибок. Анализ сделан с применением математико-статистических и ряда других присущих социологии методов.

Авторы исходили из того, что судебные ошибки, их распространенность и характер — важнейшие показатели достигнутого уровня эффективности правосудия. Причины судебных ошибок, по их мнению, не могут быть выявлены и тем более выражены количественно без изучения основных факторов (гарантий) правового, социального, психологического и иного характера, влияющих на эффективность правосудия⁶, а устранение причин судебных ошибок — это процесс оптимизации указанных факторов за счет устранения ряда отрицательных явлений в правосудии.

Таким образом, проблема судебных ошибок и их причин рассматривается в данной работе как центральная, основная часть более широкой проблемы эффективности правосудия. Есть и другие аспекты проблемы эффективности правосудия (воспитательный эффект правосудия, защита судом прав и законных интересов участников процесса и т. д.), которые нами специально не исследовались.

К началу наших исследований система факторов, определяющих эффективность правосудия, не была разработана и вообще не существовало достаточно ясного представления, что такое эффективность правосудия, каковы ее критерии. Поэтому нам пришлось начать с ряда общих вопросов, чтобы на этой основе затем изучать один из основных аспектов эффективности правосудия — судебные ошибки, их причины и пути устранения.

К этому времени появились первые работы советских авторов (И. С. Самощенко, В. И. Никитинского, А. Б. Венгерова, В. П. Казимирчука, А. С. Пашкова, Д. М. Чечот, Е. П. Шикина, М. П. Лебедева и др.) общетеоретического характера о понятии, методах изучения эффективности права, которые были использованы нами для разработки концепции эффективности правосудия как особого вида правоприменительной деятельно-

сти⁷. В дальнейшем это направление общей теории права получило значительное развитие, а вместе с ним (иногда и раньше него) исследовались вопросы эффективности в пределах отдельных и смежных отраслей права (эффективность уголовных наказаний, эффективность норм трудового права, эффективность системы органов уголовной юстиции и др.)⁸. Появились и отдельные статьи, намечавшие подходы к изучению эффективности уголовно-процессуального права и процессуальной деятельности⁹.

Проблема эффективности права и правоприменительной деятельности с учетом влияния на них социальных и иных факторов стала одной из центральных в правовой науке, а указанное направление исследований — одним из главных направлений развития всей юридической науки¹⁰. Проблема судебных ошибок — один из аспектов этого направления.

Широкое изучение отрицательных социальных явлений не должно приводить к смещению акцентов, выдвигению на передний план не типичного, не основного, не главного. Разумеется, опасения подобного рода не должны в свою очередь приводить к отказу от изучения этих отрицательных социальных явлений.

Л. И. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик», отмечая, что при социализме еще дают себя чувствовать унаследованные от прошлого «болячки», заявил: «Партия считает своим долгом обращать внимание всего нашего общества на эти явления, мобилизовать народ на решительную борьбу с ними, на их преодоление, ибо без этого нам коммунизма не построить»¹¹.

Изучение отрицательных социальных явлений (преступности, судебных и иных ошибок и т. д.) позволяет на строго научной основе доказать, что в условиях социализма они постепенно исчезают, устраняются, сужают сферу своего действия, уступая

⁷ Анализ некоторых положений из работ указанных авторов дан в гл. I, § 1.

⁸ Ссылка на работы некоторых авторов по этим вопросам (Г. А. Злобина, В. Н. Кудрявцева, В. И. Никитинского, И. В. Шмарова, С. А. Шлыкова и др.) и анализ отдельных положений из этих работ даны в гл. I.

⁹ Имеются в виду статьи В. Б. Алексеева, Г. З. Анашкина, А. Д. Бойкова, В. И. Каминской, Т. Г. Моршачковой, И. Л. Петрухина, Н. В. Радутной и др., ссылки на которые даются в соответствующих главах монографии.

¹⁰ Следует признать, что учение об эффективности права и правоприменительной деятельности с доминирующим в нем социологическим методом исследования (социология права) во многом обязано своим появлением и развитием успехам советской криминологии, которая, по-видимому, первая из юридических наук не только теоретически поставила вопрос об эффективности правовых и иных социальных факторов (применительно к системе мер борьбы с преступностью), но и сделала реальные шаги в сторону его разрешения путем комплексного (прежде всего социологического) исследования конкретных факторов, влияющих на преступность.

¹¹ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973, стр. 56.

⁵ Д. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 513.

⁶ Схема этих факторов приведена в гл. I, § 1.

место явлениям положительного свойства. Никакие социальные явления, в том числе отрицательные, не возникают беспричинно. Задача «состоит в том, чтобы выявить и подвергнуть научному изучению причины отрицательных социальных явлений, активно и со знанием дела воздействовать на них, уменьшить их отрицательное влияние, а затем и вовсе устранить. Сокращение отрицательных социальных явлений -и их причин, отказ от научного их изучения может привести к оживлению этих явлений».

Подлинно научное, с классовых, партийных позиций, исследование отрицательных социальных явлений, осуществляемое в интересах ускорения продвижения нашего общества к коммунизму, не имеет ничего общего с критиканством, преувеличением, тем более смакованием недостатков. Речь идет и не об объективистском описательстве, а о действенной борьбе против всего, что тормозит наше развитие.

Л. И. Брежнев в речи перед избирателями Бауманского района Москвы 12 июня 1970 г. отметил, что «мы стараемся сами выявить имеющиеся недостатки и ошибки, откровенно говорим о них, чтобы их исправить... партия помнит указания Ленина о том, что коммунистам не пристало бояться серьезной и деловой критики и самокритики на том основании, что этим может воспользоваться враг...»¹²

В свете сказанного очевидна несостоятельность той точки зрения, согласно которой отрицательные социальные явления (в том числе судебные ошибки) исчезают сами по себе либо в результате лишь практической деятельности органов государства и не требуют вмешательства науки, теории; их причины якобы нестойки, уходят корнями «в прошлое и не имеют опоры в настоящем».

Судебные ошибки необходимо делать предметом глубокого изучения, обсуждения, и только тогда можно рассчитывать на их сокращение и полное устранение, сопровождаемое реальным ростом престижа советского правосудия.

Опасение распространить буржуазную «теорию судебных ошибок» на советский уголовный процесс приводило к отсутствию вообще какой-либо теории, изучающей судебные ошибки. Упомянутая концепция заключается в стремлении с философских позиций, применительно ко всякому обществу, вне зависимости от социального строя обосновать неизбежность вынесения судами значительного количества неправосудных приговоров. Но подлинно научное изучение судебных ошибок, их причин с целью повышения качества судебной работы, с одной стороны, и буржуазная «теория судебных ошибок» — с другой, это, конечно, не только разные, но и диаметрально противоположные концепции.

¹² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 3. М., 1974, стр. 45.

Советский уголовный процесс основан на подлинно демократических началах, обеспечивающих достижение истины по уголовным делам при строгом соблюдении прав и законных интересов личности.

Гласность, устность, непосредственность, состязательность, национальный язык судопроизводства, право на защиту, презумпция невиновности, независимость судей и подчинение их только закону — эти и многие другие принципиальные положения демократического характера последовательно воплощены в советском уголовно-процессуальном праве и служат надежными гарантиями против судебных ошибок.

Мы должны исходить из того, что, как отмечается в Программе КПСС, «демократические основы советского правосудия будут развиваться и совершенствоваться»¹³.

Наличие в настоящее время некоторого количества ошибок, допускаемых советской судебной системой, — это вполне реальный факт, вызываемый действием определенных причин.

Как отметил Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 4 «О судебном приговоре» от 30 июня 1969 г., по большинству уголовных дел «приговоры выносятся в строгом соответствии с законом, реже стали допускаться нарушения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также факты назначения несправедливых мер наказания»¹⁴, однако в результате поверхностного проведения судебного разбирательства, неправильной оценки доказательств и других нарушений закона «все еще имеют место случаи вынесения незаконных и необоснованных приговоров»¹⁵.

По мере изучения и устранения причин судебных ошибок их количество будет неуклонно сокращаться. Уже теперь их во много раз меньше, чем, допустим, 30 лет назад. Так, процент отмененных приговоров от количества обжалованных и опротестованных в кассационном порядке составлял: 1939 г. — 30,2 (11,1); 1949 г. — 21,5 (8,2); 1959 г. — 5,0 (1,9); 1969 г. — 3,9 (1,8)¹⁶.

Таким образом, в 1939 г. из 100 обжалованных и опротестованных приговоров 30 признавались ошибочными и отменялись, а в 1969 г. таких приговоров было только 4 из 100, или в 7,5 раза меньше. Примерно такое же соотношение сохранялось и в последующие годы. И это при условии, что уровень требований, предъявляемых к приговору, его законности и

¹³ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 12.

¹⁴ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 4, стр. 9.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В скобках указан процент отмененных приговоров от всех вынесенных. При исчислении процента не принимались в расчет уголовные дела о преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «Об ответственности рабочих и служащих за опоздания и самовольный уход с работы», который давно уже отменен.

обоснованности в настоящее время значительно выше, Таким образом, налицо тенденция к постепенному сокращению количества судебных ошибок (более подробно о динамике судебных ошибок см. гл. IV).

Неизмеримо вырос уровень советских судей и всех юристов—их правосознание, образование, верность служебному долгу. В свое время А. Я. Вышинский утверждал: «Если человека некуда было пристроить, его посылали в органы юстиции»¹⁷. В настоящее время в судах, органах Министерства юстиции работают знающие и любящие свое дело юристы, профессия судьи стала одной из самых почетных и ответственных. Если в довоенный период в СССР лишь 5% народных судей имели высшее юридическое образование, а в 1946 г. в РСФСР было лишь 14,6% таких народных судей, то на выборах в 1970 г. этот процент достиг 87 (по РСФСР—90). Подавляющее большинство судей имеют большой опыт общественно-политической и юридической работы, почти все они—члены КПСС.

Коммунистическая партия и Советское правительство принимают меры к дальнейшему совершенствованию организации и деятельности судов. Исключительно важную роль в решении этих вопросов играет постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» от 30 июля 1970 г., на основании которого были созданы союзное и республиканские министерства юстиции и их местные органы, значительно расширена материально-техническая база судов, поднят престиж судейской профессии, введены дополнительные гарантии правосудия и прав личности в судопроизводстве.

Однако «уровень деятельности судебных и прокурорских органов еще не в полной мере отвечает решениям партии о дальнейшем укреплении социалистической законности, государственной дисциплине, предупреждении и искоренении преступлений»¹⁸.

Нельзя забывать, что за относительно благополучными процентами отмены и изменения приговоров стоят живые люди, необоснованно привлеченные к уголовной ответственности и невинно осужденные.

Значение этой проблемы подчеркивается тем огромным вредом, который причиняют судебные ошибки Советскому го-

¹⁷ Л. #. Вышинский. О задачах следователей.—«Социалистическая законность», 1937, № 1, стр. 11.

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О задачах судебных органов по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 июля 1970 г. «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов».— «Социалистическая законность», 1970, № 12, стр.

сударству, социалистическому обществу, отдельным гражданам.

Прежде всего—это вред, причиняемый делу успешной борьбы с преступностью. Как уже отмечалось, качество уголовного судопроизводства, важнейшим показателем которого являются распространенность и характер судебных ошибок, несомненно, влияет на уровень преступности, поскольку судебная ошибка часто сопряжена с безнаказанностью преступника¹⁹. Однако вред, причиняемый судебными ошибками,—это также вред личности необоснованно осужденного, его родственникам и близким, коллективу, в котором он работал; наконец, престижу органов социалистического правосудия.

Особенно ощутимый вред (моральный и материальный) судебная ошибка причиняет необоснованно осужденному.

Моральный вред—это чувство горечи, обиды, разочарования, вызванное необоснованным осуждением и несправедливым наказанием. Потеря работы, публичная дискредитация, длительная разлука с родными и близкими людьми, вынужденное общение с преступниками при отбывании наказания—все это угнетающе действует на невинно осужденного, причиняя ему моральные страдания.

Материальный вред, причиняемый необоснованно осужденному в результате судебной ошибки, может быть разнообразным: 1) потеря работы и утрата заработка в связи с задержанием, предварительным арестом и применением лишения свободы как меры наказания; 2) ущерб от так называемых имущественных мер наказания (штрафов, исправительно-трудовых работ без лишения свободы, конфискации имущества, возложения обязанности загладить причиненный вред); 3) взыскание с невинного судебных издержек (сумм, выплаченных свидетелям, потерпевшим, экспертам, специалистам, понятым; расходы на хранение, пересылку и исследование вещественных доказательств и др.— см. ст.* 105—106 УПК РСФСР).

Вред, причиняемый родственникам и близким невинно осужденного, тоже может быть моральным и имущественным.

Судебные ошибки причиняют вред и коллективу, в котором работал невинно осужденный. Коллектив оказывается дезориентированным относительно нравственного облика одного из своих членов. Осуждение невинного вносит разлад в общественное мнение и отношения между людьми в коллективе.

Судебные ошибки причиняют вред и государству. Моральный «вред заключается в подрыве престижа органов государства, осуществляющих борьбу с преступностью (суда, прокуратуры, следственного и оперативного аппарата).

При допущении большого числа судебных ошибок население убеждается, что указанные органы недостаточно эффективно

¹⁹ См. гл. I, § 2.

боюются с преступностью, нарушают права и законные интересы граждан, вместо того чтобы всячески охранять их. Это ослабляет законность и не способствует снижению преступности.

В советской юридической литературе отмечалось, что «ошибка плоха в любом деле, но особенно тяжелы ее последствия там, где речь идет о судьбе человека»²⁰. Следует далее иметь в виду, что «за каждым таким случаем — не только живой человек, но и в конечном счете авторитет всей судебной системы»²¹.

Наконец, проблема устранения судебных ошибок имеет и чисто материальную сторону, так как указанные ошибки дорого обходятся государству и обществу. Конечно, Советское государство не останавливается перед расходами, необходимыми для борьбы с преступностью, но все же эти расходы были бы гораздо меньше, если бы удалось существенно сократить брак в работе органов уголовной юстиции, в частности, количество судебных ошибок.

Изучение проблемы судебных ошибок до последнего времени было предметом заботы преимущественно практических работников суда, Министерства юстиции и прокуратуры. Судебные органы, учреждения Министерства юстиции и отделы Прокуратуры по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел периодически изучают судебные ошибки и их причины, обобщают полученные при этом данные и доводят их до сведения судей. Каждое умело составленное мотивированное определение (постановление) вышестоящего суда, которым отменяется или изменяется приговор, каждый обоснованный кассационный (надзорный) протест прокуратуры или обоснованная кассационная (надзорная) жалоба адвоката содержат глубокий анализ существа и причин конкретной судебной ошибки. Образцом такого анализа служат регулярно публикуемые в Бюллетене Верховного Суда СССР и Бюллетенях (Верховных Судов союзных республик постановления и-определения высших судебных органов Союза ССР и союзных республик. В руководящих постановлениях Пленума Верховного Суда по отдельным категориям уголовных дел и отдельным вопросам судебной практики нередко содержатся обобщенные данные о недостатках, упущениях и ошибках судов, относящиеся как к установлению фактических обстоятельств по уголовным делам, так и к области применения права (уголовно-правовая квалификация, назначение наказания).

Обобщения судебной практики, как и анализ отдельных судебных ошибок, должны опираться на определенную методо-

«Повышать культуру в деятельности органов юстиции и судов». — «Советская юстиция», 1973, № 20, стр. 2.

«Задачи органов юстиции и судов в свете решений декабрьского (1973 г.) Пленума ЦК КПСС». — «Советская юстиция», 1974, № 6, стр. 1.

логическую и теоретическую основу. Нельзя сказать, что такой основы* в прошлом не (было, однако ощущалась ее недостаточность ввиду теоретической неразработанности проблемы судебных ошибок и их причин.

Нельзя не обратить внимание и на то, что изучение судебных ошибок и их причин самими судебными и прокурорскими органами осуществляется в основном на первом, так сказать, юридическом, уровне без выявления их связи с более глубинными — социальными, психологическими, организационными, морально-этическими и другими причинами²². По существу обобщается применение судами юридических оснований (поводов) к отмене или изменению приговора. В этом смысле при анализе конкретных судебных ошибок и в обобщениях обычно утверждают, что причиной ошибки послужила, допустим, неполнота и односторонность судебного следствия, что ошибка выразилась, например, в существенных нарушениях процессуального закона, в неправильном применении уголовного закона и т. д. Но и такого рода обобщения проводятся в судах и органах судебного управления довольно редко и по несогласованным показателям, что не позволяет получать сопоставимые данные в целом по той или иной союзной республике и тем более по СССР. Поскольку правила получения представительной выборки, выработанные социологией, при этом часто не соблюдаются, получаемые таким способом данные не позволяют делать достаточно обоснованные выводы.

Изучение проводимых <в судах обобщений показывает, что из года в год фиксируются одни и те же причины судебных ошибок, «привязываемые» обычно к основаниям отмены приговоров. Такой анализ не доходит до изучения связи количества отмененных (измененных) по различным основаниям приговоров с характеристиками личности и условий работы судей, допустивших ошибки. Поэтому причины судебных ошибок, связанные с недостатками профессиональной подготовки судей, дефектами системы стимулирования их труда, текучестью судебных кадров, не вполне продуманной организацией труда в ряде судов, уровнем правосознания судей и народных заседателей, взаимоотношениями внутри судейской коллегии, посторонними влияниями на судей и т. д., т. е. более глубинные и потому более существенные причины, пока не выявляются при проведении обобщений судебной практики в органах юстиции. Тем более такого рода обобщения не могут выявить недостатки законодательной регламентации судопроизводства и судостройства, снижающие результативность деятельности суда, определить степень влияния на качество отправления правосудия процессуальной Деятельности участников уголовного процесса, прежде всего, прокуроров и адвокатов. Выявление этих зависи-

²² См. гл. I, § 1.

мостей и шязей возможно лишь в рамках «научного исследования, включающего как теоретическое расчленение сложной системы факторов, влияющих на качество отправления правосудия, так и социологическое исследование, имеющее целью сбор информации о функционировании этой системы в целом и в наиболее существенных ее звеньях.

Предлагаемая работа -представляет собой попытку системного анализа правосудия и отдельных его гарантий с использованием государственной судебной статистики и данных социологических исследований.

Опираясь на методологию диалектического материализма — универсальную основу развития всех отраслей научного знания—авторы данной работы стремились возможно шире использовать различные методы исследования,

Непосредственное изучение членами авторского коллектива уголовных дел с отмененными приговорами. В частности, систематически изучались такого рода дела, рассмотренные Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда СССР, Изучение дел было организовано при выездах членов авторского коллектива в союзные —Украинскую, Белорусскую, Литовскую, Молдавскую, Таджикскую — и автономные — Тувинскую и Чечено-Ингушскую — республики.

Кроме того, Верховный Суд СССР истребовал ряд дел, по которым была заполнена судьями анкета № 1 (см. стр. 17). Эти дела были также изучены. Прокуратура СССР истребовала то просьбе авторского коллектива более 200 уголовных дел, которые после отмены приговоров были возвращены на исследование, но в суды больше не поступили, так как были прекращены или приостановлены. Эти дела также были изучены.

В общей сложности авторским коллективом было непосредственно изучено 1000 уголовных дел, по которым суды допустили ошибку в решении основного вопроса судопроизводства— о виновности подсудимого.

Для создания «контрольных групп» и выявления латентных (не обнаруженных судами) ошибок изучались также дела, по которым отмены приговоров не было. В частности, в 1970 г. были изучены уголовные дела в отношении 80 лиц, осужденных Мосгорсудом по ч. II, III ст. 117 УК РСФСР (2/3 дел данной категории, рассмотренных Мосгорсудом за год).

В тех же случаях, когда не представлялось возможным изучить само уголовное дело, по которому была допущена судебная ошибка, изучалось определение (постановление) вышестоящего суда об отмене или изменении приговора, дающее, как правило, полное представление о характере судебной ошибки,, ее причинах (на юридическом уровне), изоищШх сторон и т. д. Было предпринято сплошное изучение такого рода определений (постановлений) за ряд лет в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР, в Верховных Судах УССР,

БССР, Литовской, Молдавской и Таджикской ССР, Тувинской и Чечено-Ингушской АССР. В общей сложности было изучено более 500 определений (постановлений) об отмене и около 100 — об изменении приговоров.

Таким образом, если принять во внимание уголовные дела, зафиксированные в анкете № 1, которую заполняли судьи (1700 дел), непосредственно изученные соавторами (1000 дел) и изученные по неопубликованным определениям (постановлениям) вышестоящих судов об отмене приговоров (500 дел), то в основе исследования, проведенного авторским коллективом, лежит изучение 3200 уголовных дел (в отношении более 4000 лиц), в которых суды первой инстанции допустили ошибку в установлении факта преступления и виновности подсудимого.

К этому количеству следует добавить уголовные дела с допущенными по ним ошибками, в отношении которых имелись публикации в сборниках постановлений и определений Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР, Бюллетенях Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР и журнале «Социалистическая законность».

Сплошное изучение обобщенных материалов судебной практики за ряд лет в Верховном Суде СССР, Верховных Судах указанных выше союзных и автономных республик, куда выезжали члены авторского коллектива. В частности, изучались и анализировались обобщения кассационной и надзорной практики по союзным и автономным республикам в целом и по отдельным категориям дел; обобщения практики судов первой инстанции в целом и по отдельным вопросам (оправдательные приговоры, возвращение дел на доследование, вынесение частных определений и т. д.); обобщения судебной практики по делам с применением смертной казни, по делам несовершеннолетних и др.; обобщения внесудебной работы (организация выездных сессий, прием граждан, пропаганда права). Изучались также обзоры судебной практики за более или менее длительные периоды; информационные письма и справки о состоянии преступности, судимости и качестве судебной работы, направляемые в партийные органы и органы государственной власти; справки и акты о проверках областных и районных судов; дисциплинарные производства; переписка судов с прокуратурой, адвокатурой, МВД и др.

Обобщения практики за ряд лет, справки об организации труда, служебной нагрузке и т. д. были изучены также в отделах по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел Прокуратуры СССР, прокуратур ряда союзных республик, а также в президиумах коллегий адвокатов и существовавших прежде отделах адвокатуры юридических комиссий Советов Министров ряда союзных республик.

Обобщения практики работы судов, прокуратуры, адвокатуры содержат огромный исключительной ценности материал о

правосудии, судебном управлении, судебных ошибках и разных других недостатках в судебной работе, а также их (причинах, порою скрытых от взгляда постороннего наблюдателя. Этот материал — результат наблюдений, размышлений, творческого анализа практических работников органов юстиции, чьи знания и опыт оказали нам неоценимую помощь в подготовке данной работы.

В связи с этим уместно вспомнить, что в самом начале работы над темой подробный план работы был направлен в Верховные Суды союзных республик, Верховные Суды ряда автономных республик, многие областные и краевые суды, где он был подвергнут тщательному обсуждению. В присланных отзывах (их поступило 40) судебные работники единодушно одобрили выбор темы и высказали ряд ценных замечаний и пожеланий, которые были учтены при подготовке данной работы.

Все наиболее актуальные, сложные, спорные вопросы, возникшие при изучении собранного материала, а также подсказанные в беседах с судьями, прокурорами, адвокатами обсуждались на совещаниях. В частности, результаты изучения авторами этой работы судебных ошибок в УССР были обсуждены на совещании членов Верховного Суда УССР, которые к тому же дали письменные ответы на несколько сформулированных нами дискуссионных вопросов (метод экспертных оценок).

Аналогичные совещания по результатам нашей работы над материалами судебной практики в союзных республиках были проведены с членами Верховного Суда Молдавской ССР, членами Верховного Суда и народными судьями Таджикской ССР. Соображения, замечания и рекомендации, высказанные на этих совещаниях, были использованы при подготовке этой работы²³.

Изучение государственной судебной статистики, а также статистики прокуратуры и адвокатуры за ряд лет. Конечно, статистический метод исследования скучен для читателя, интересующегося «судебными драмами», увлекательными рассказами о «судебных ошибках века» и не склонного теоретически осмыслить количественные показатели работы судебной системы в целом.

В. И. Ленин писал в незаконченной работе «Статистика и социология»: «...Мы решили начать со статистики, вполне созная, конечно, какую глубокую антипатию вызывает статистика у некоторых читателей, предпочитающих «низким истинам»

²³ Заместитель председателя Верховного Суда РСФСР В. В. Шубин писал: «...Проблемой причин судебных ошибок непосредственно занимаются сейчас и Верховный Суд СССР, и верховные суды союзных республик, и научные учреждения, и отдельные ученые. Это весьма полезное дело, несомненно, поможет в будущем целеустремленнее, оперативнее организовывать работу по устранению причин судебных ошибок как объективного, так и субъективного характера» (В. Шубин. Судьи и закон.— «Советская юстиция», 1970, № 5, стр. 24).

«нас возвышающий обман»²⁴. К этому трудно что-нибудь добавить о значении статистики.

Социологические методы исследования способствуют «развитию» показателей государственной статистики, помогают собрать не отраженные в ней данные о правосудии и его гарантиях, поэтому в данной работе они использовались достаточно широко. При анализе отдельных проблем данные статистики и социологических исследований применялись совокупно, комплексно.

Основными средствами проведения социологических исследований были две специально разработанные анкеты.

Анкета № 1 заполнялась по материалам уголовных дел с отмененными приговорами судьями, исправившими судебные ошибки (прекратившими уголовное дело или вынесшими новый (приговор, вступивший в законную силу). Цель анкеты — исследование судебных ошибок и их причин на первом, «юридическом», уровне (основания отмены приговоров, ошибки суда в оценке отдельных доказательств, соотношение позиций по делу прокурора, адвоката, подсудимого и др.).

Анкета была апробирована и уточнена в 1967 г. на основе экспериментального ее заполнения в судах г. Москвы, Молдавской и Литовской ССР (экспериментальный массив—около 500 анкет).

За два года исследования (1968—1969) было заполнено таких анкет на 2091 осужденных и оправданных, в отношении которых приговоры были отменены вышестоящими судами и дела прекращены или переданы на доследование или новое судебное рассмотрение (всего в анкету попало 1700 уголовных дел с отмененными приговорами). Как показал расчет²⁵, такой выборки достаточно для выводов о судебных ошибках и их причинах (на «юридическом» уровне) по СССР. При этом за основную совокупность принималось общее количество отмененных за год по СССР приговоров, в которых содержится необоснованное решение основного вопроса уголовного судопроизводства—о событии преступления и лице, его совершившем. Таким образом, анкета была рассчитана на изучение так называемых процессуальных ошибок, или ошибок в установлении факта преступления и преступника. По общему правилу, это наиболее опасные судебные ошибки. Что касается уголовно-правовых ошибок (ошибки в квалификации и мере наказания), то о них гораздо больше сведений содержит государственная статистика. Авторский коллектив не ставил перед собой задачу специального изучения уголовно-правовых ошибок судов, имея в виду, что их исследование было бы более плодотворно проводить не вообще, а по отдельным составам преступлений

В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 30, стр. 351. См. приложение.

и отдельным (видам наказаний). Это тема самостоятельного исследования. Однако уголовно-правовые ошибки не могли не быть включены нами в общее понятие судебной ошибки (гл. II). Они были также учтены в исследовании — структуры и динамики судебных ошибок (гл. III, IV). Следует учитывать, что многие из исследуемых нами факторов влияют на уровень ошибок как в установлении фактов, так и в применении права, т. е. объектом исследования являются причины, общие для (процессуальных и уголовно-правовых ошибок (см. гл. V, VI, VII, VIII).

Массив анкет № 1 после заполнения был обработан во ВНИИСЭ на счетно-перфорационной —машине по специальной программе, включавшей различные группировки показателей. Результаты обсчета были зафиксированы в IV статистических таблицах. Всего от анкеты № 1 было составлено около (1000 таблиц. В данной работе использованы лишь некоторые из них. Анкета № 1 послужила основой 'Статистической карточки на лицо, в отношении которого, 'приговор или определение суда первой инстанции были отменены. Эта карточка принята Министерством юстиции СССР и в отрядке эксперимента распространена в ряде союзных республик и областей РСФСР. Таким образом, социологические исследования судебных ошибок и их причин постепенно входят в практику судебных органов и органов Министерства юстиции.

Анкета № 2 заполнялась судьями (в основном народными) независимо от наличия у них отмененных и измененных приговоров. Ее задача — изучить некоторые характеристики личности судей, условия их жизни и работы, связать изучаемые факторы с (показателями качества работы судей за год и выявить некоторые статистические зависимости между ними.

В течение 1968—1969 гг. анкету заполнили 3100 судей, в том числе около 3000 народных судей, т. е. примерно 73 народных судей СССР. Такая выборка (вполне представительна и достаточна для выводов по Советскому Союзу. Анкета была обработана во ВНИИСЭ на счетно-перфорационной машине по специальной программе. На основе обсчета и группировки данных составлено около 1000 статистических таблиц, лишь частично использованных в данной работе. Далее с использованием соответствующего математического аппарата выявлялась «теснота связи» между отдельными исследуемыми факторами и показателями качества отправления правосудия (корреляционный анализ). Полученные зависимости интерпретировались теоретически (см. гл. V, VI). в 1973 г. анкету № 2 заполнили 1833 судьи.

Повторение исследования с помощью анкеты № 2 через несколько лет по той же программе позволило установить сдвиги в эволюции факторов, влияющих на эффективность правосудия, и наметить меры по дальнейшему совершенствованию га—

рантий правосудия. Анкета № 2 позволяет изучать главным образом социальные и организационные (не закрепленные правом) условия судебной деятельности в связи с показателями ее качества (второй уровень изучения гарантий эффективности правосудия)²⁶.

При подготовке данной работы были использованы и другие социологические методы исследования: *наблюдение* (были определены средняя продолжительность рабочего дня судьи и компоненты, из которых складывается служебная нагрузка народных судей, при помощи «самофотографирования» — в Вильнюсе и «фотографирования» студентами юридических факультетов Киевского, Кишиневского и Таджикского государственных университетов) — в Киеве, Кишеневе, Душанбе; *опросы* (интервьюирование) судей и народных заседателей по специальным программам для выявления некоторых социально-психологических и иных факторов, влияющих на внутреннее убеждение суда (в Москве, Кишиневе); *экспертные оценки* (Верховный Суд УССР).

Через разбор конкретных судебных ошибок и выявление их причин — к обобщенным и репрезентативным сведениям о характере и причинах всей совокупности судебных ошибок — таково существо статистическо-социологического метода исследования, примененного в данной работе.

Давно уже было замечено, (что правовая (в данном случае — процессуальная) форма, даже весьма совершенная, не предвещает полностью успех дела. Уголовно-процессуальные кодексы, принятые в 1959—1961 гг., содержат достаточно эффективную систему гарантий. Однако и после их принятия суды выносили значительное количество необоснованных приговоров. «Мало выработать хороший закон, мало его принять, — говорил Л. И. Брежнев. — Закон живет, действует лишь тогда, когда он исполняется»²⁷.

Правильное применение закона зависит от лиц, которые обязаны проводить в жизнь все его требования. Поэтому вполне естественно, что наука о судопроизводстве все более стала обращаться к изучению личности судьи и народных заседателей, их правосознания, морально-этических качеств, юридической и психологической подготовленности для отправления правосудия, а равно и к изучению условий, в которых осуществляется правосудие (служебная нагрузка, стимулирование труда и т. д.), поскольку эти условия отражаются на качестве судебной работы.

Наука о судопроизводстве, следовательно, перестает быть только правовой отраслью знания; она делает объектом исследования все социальные факторы, влияющие и на содержание

Об уровнях изучения условий эффективности правосудия см. гл. I, § 1. Л. И. Брежнев, Ленинским курсом, т. 3, стр. 49.

процессуального права, и на организацию судебной системы, и непосредственно на отправление правосудия. В рамках этой науки приобретают все большее значение судебная психология, судебная этика, судебная логика, организация судебной деятельности и другие прикладные дисциплины.

Следует признать, что и при комплексном подходе к изучению эффективности судопроизводства основным способом получения сведений о функционировании социальных и иных факторов, определяющих эту эффективность (и, в частности, уровень судебных ошибок), является социологический, статистический метод исследования, использованный в данной работе.

В работе над проблемой судебных ошибок достаточно широко использовались и *традиционные методы исследования* — теоретический, логический анализ правовых понятий, концепций, норм, который в ряде случаев и сам по себе, без социологического исследования, достаточен для обнаружения причин судебных ошибок, выявления «слабых мест» в системе гарантий правосудия. Следует со всей определенностью указать, что теоретический, концептуальный подход к любой изучаемой проблеме был, есть и будет альфой и омегой любого научного исследования, в частности социологического, программа которого основывается на концепциях, научных гипотезах и которое завершается теоретическим осмысливанием эмпирического материала.

Данные социологических исследований только тогда могут играть определенную роль в науке, когда они подтверждают и/ли опровергают концепцию, служат основой возникновения теоретических гипотез, концепций, точек зрения. Следует, однако, иметь в виду, что некоторое время эмпирические данные могут существовать и сами по себе, представляя ценность для теоретических концепций, которые могут возникнуть в будущем. Поэтому собирая, систематизируя данные о функционировании системы правосудия, мы даже в этом видим задачу научного характера, не говоря уже о случаях, когда эти данные позволяя выдвинуть гипотезу, в какой-то мере ее обосновать, высказать мнение о состоятельности или несостоятельности точки зрения, сформулированных умозрительно.

В данной работе нашли применение и другие теоретические методы исследования — *исторический подход* к объяснению некоторых правовых явлений (см., например, гл. IV, §2; гл. XII, § 3, и др.) и *сравнительно-правовой анализ* (в частности, сравнение эффективности правосудия в разных союзных республиках и попытки объяснить причины различий).

Работа над темой позволила авторскому коллективу обратиться в руководящие органы с информацией и предложениями, направленными на совершенствование организации и деятельности уголовной юстиции. Некоторые из них (наряду с предложениями других авторов) были приняты.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ И ПРОБЛЕМА СУДЕБНЫХ ОШИБОК

Глава I

НАУКА ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ — ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИЗУЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ОШИБОК

§ 1. Значение целей (правосудия) для определения его эффективности

Советское социалистическое правосудие — это самостоятельный вид государственной деятельности, состоящий в том, что особый орган государства — суд — рассматривает в установленных законом процессуальных формах и разрешает на основе закона, своего социалистического правосознания и внутреннего убеждения уголовные и гражданские дела, принимая от имени государства по ним решения (приговоры, определения, постановления), которые после истечения установленных для обжалования сроков¹ приобретают силу закона (для данного случая)¹.

Советское государство, общество, отдельные граждане и юридические лица проявляют понятную заинтересованность в том, чтобы социалистическое правосудие было эффективным, т. е. полностью выполняло возложенные на него ответственные задачи.

Эффективность правосудия зависит как от того, насколько точно и реально определены в законе его цели, так и от того, достаточно ли процессуальных и иных средств (гарантий) для

О понятии правосудия см.: В. И. Каминская. Гарантии законности в деятельности суда.™ «Правовые гарантии законности в СССР», 1963, стр. 160—169; М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. I. М., 1968, стр. 9—14; И. Л. Петрухин. Социалистическая законность в осуществлении правосудия.—«Социалистическая законность и способы ее обеспечения». Под. ред. В. М. Чхиквадзе. М., 1968, стр. 167—169.

их достижения. Количественно она определяется степенью приближения достигнутого уровня осуществления правосудия к его идеальным целям.

С точки зрения эффективности может изучаться осуществление правосудия как по одному конкретному делу, так и по всей совокупности дел (отдельно уголовных и гражданских), рассматриваемых судебной системой СССР, союзной или автономной республики, области или края и т. д. ов течение определенного периода, — квартала, полугодия и т. д. Можно изучать также эффективность осуществления правосудия применительно к деятельности отдельного суда или судьи либо применительно к рассмотрению судами отдельных категорий дел.

В настоящей работе речь идет преимущественно об эффективности правосудия, осуществляемого всей судебной системой (СССР, отдельных союзных республик), поскольку это открывает возможность статистически определить роль и значение отдельных гарантий правосудия в обеспечении достижения его целей.

В связи с актуальностью проблемы эффективности правосудия приобрел особое значение и утратил черты академизма, казалось бы, старый и мало привлекательный вопрос о целях правосудия. Правильное определение целей правосудия, размежевание их с целями других систем государственного механизма — необходимое условие нахождения надежных критериев оценки качества отправления правосудия. Слишком широко сформулированные цели правосудия не позволяют правильно определить его эффективность, поскольку в достижении этих целей участвуют не только суд, но и другие государственные органы. Излишне узкое определение целей правосудия способно снять с суда часть «социальной нагрузки», которую обязано нести правосудие, и следовательно, также таит опасность искаженного представления о степени его эффективности.

При социологическом подходе к изучению правосудия обнаруживается некоторое расхождение между целями правосудия, сформулированными в законе, и реальным уровнем их достижения. Обнаружение, измерение, сокращение этой дисфункции в результате совершенствования гарантий судопроизводства и составляет существо проблемы эффективности правосудия².

Для правильного «подхода к изучению эффективности правосудия необходимо прежде всего выяснить гносеологическую и управленческую природу его целей. Под целью понимают «явление объективного мира, которое: а) не существует в настоящем, но предполагается, что может существовать в будущем, следовательно, б) отражается в сознании человека, причем,

² И. Д. Перлов отмечает актуальность и неразработанность этой проблемы (И. Д. Перлов. Исследования в области уголовного процесса.—«Советское государство и право», 1967, № 67, стр. 165),

естественно, отражается заранее, т. е. заранее учитывается; в) рассматривается как возможный результат возможной деятельности; г) является желательным для данного человека; д) человек реально стремится практически достичь ее»³.

(Понятно, что цели формулируются не только отдельными людьми, но и социальными коллективами различной степени общности, вплоть до общества в целом. С этой точки зрения цели правосудия — это цели всего советского народа, выраженные в законе.

Категория цели получила значительное развитие в связи с кибернетизацией научного знания. («Кибернетика резко подчеркнула методологическое значение учета аспектов целеполагания и целенаправленного действия»⁴. По мнению Г. Клауса, «кибернетику можно определить как науку о планомерном достижении целей с помощью настройки систем на такие цели...»⁵.

В сложных системах, каковыми, несомненно, являются общество и государство со всеми составляющими их структуру элементами, под целью понимают «опережающее отражение действительности»⁶ или «идеальную модель будущего»⁷.

Целеполагание связано с учетом объективных условий, наличием средств, необходимых для достижения цели, выявлением связей, знание которых необходимо для определения цели. Средства детерминируют цель; «с другой стороны, выбор средств определяется характером цели»⁸.

Эти положения методологического характера имеют принципиальное значение для определения целей правосудия и выявления его эффективности. Системный подход к изучению гарантий правосудия (см. схему 1) позволяет утверждать, что и здесь имеет место свойственная кибернетике и социологии иерархия систем, целей и ценностей. При этом цели правосудия и охраняемые в результате их достижения ценности выступают в качестве фактора, интегрирующего систему гарантий судопроизводства, состоящую из совокупности связанных и взаимодействующих элементов.

Цели правосудия, которые будут рассмотрены ниже, полностью укладываются в понятие цели, выработанное марксистско-ленинской философией, социологией и кибернетикой. В то же время они имеют ряд особенностей.

³ В. Х. Багдасарян. Причина и цель. Автореф. канд. дисс. Ереван, 1967, стр. 3.

⁴ Б. В. Бирюков и др. Философские вопросы кибернетики.—«Кибернетику на службу коммунизму», т. 5. М., 1968, стр. 288.

⁵ Г. Клаус. Кибернетика и философия. М., 1963, стр. 339.

⁶ Б. В. Бирюков и др. Философские вопросы кибернетики.— «Кибернетику — на службу коммунизму», стр. 287.

⁷ В. Х. Багдасарян. Причина и цель, стр. 14.

⁸ М. А. Парнюк. Детерминизм диалектического материализма. Киев, 1967, стр. 223—225.

Первая состоит в том, что цели правосудия формулируются законом. Правовая и-аука определяет цели правосудия, классифицирует, детализирует их не произвольно, а опираясь на (положения закона).

Вторая, вытекающая из первой, заключается в обращении к суду требования закона достичь цели правосудия яри рассмотрении уголовных и гражданских дел. Таким образом, цели правосудия включаются в содержание правовой нормы, нарушение которой судом влечет (применение (санкций).

Третья связана с тем, что цели правосудия как будто не обращены в будущее, а являются правовыми-требованиями сегодняшнего дня. Если не углубиться в выяснение этого «противоречия», то возникает явно неправильное мнение, что цели правосудия не охватываются философским понятием цели.--В связи с этим необходимо высказать по крайней мере два соображения.

1. Цели правосудия, сформулированные в законе, должны быть достигнуты по конкретному делу, к рассмотрению которого приступает судья. Они представляют собой нечто, характеризующее планируемый результат работы суда, к которому он стремится. Значит, и здесь цель характеризует положение вещей не в настоящем, а в будущем. По достижении цели (в данном случае при вынесении законного и обоснованного приговора) она вообще как таковая по данному делу больше не существует.

2. Это соображение более существенно, если оно относится к достижению целей правосудия не по одному делу, а по всем делам, рассматриваемым судебной системой за какой-то период. Закон требует, чтобы цели правосудия достигались в полном объеме всеми судами не только в будущем, но и теперь; это мобилизует -судей на выполнение ими своего долга. Но, с другой стороны, законодатель понимает, что максимально полное достижение целей правосудия — сложная задача, что встречаются еще судебные ошибки, нарушения законности, хотя их становится все меньше и меньше.

Именно поэтому законодатель вводит проверочные стадии процесса — кассационное, надзорное производство, пересмотр дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Если бы цели правосудия всегда достигались полностью и суды первой инстанции правильно разрешали все дела, то не было бы особой надобности в этих (проверочных) стадиях процесса. Идеальное,

К процессуальным санкциям такого рода следует отнести отмену или изменение приговора (решения), вынесением которого не достигаются цели правосудия, а также вынесение вышестоящим судом частного (особого) определения в адрес суда, прокурора, следователя, по вине которых не достигнуты цели правосудия. Возможны дисциплинарная ответственность судей и досрочный отзыв их по требованию избирателей (решению соответствующих Советов депутатов трудящихся). Преступные нарушения законности судьями влекут применение уголовно-правовых санкций.

полное, абсолютно безошибочное осуществление судами СТОЯ-ЩИХ перед ними задач возможно, при этом следует отметить, что многие суды и судьи уже теперь достигли или почти достигли этого (высшего уровня. Отсюда вывод: применительно ко всей судебной системе цели правосудия характеризуют ее идеальное состояние в будущем и, следовательно, укладываются в философское понятие целей. Перейдем к их рассмотрению.

Цели советского правосудия определены законом. В ст. 2 Основ законодательства о судостроительстве указано, что правосудие призвано охранять от всяких посягательств общественный и государственный строй СССР, социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность, политические, трудовые, жилищные и другие имущественные права граждан СССР, права и охраняемые законом интересы государственных учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций.*

Правосудие в СССР имеет задачей обеспечение точного и неуклонного исполнения законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР.

Всей своей деятельностью суд воспитывает граждан СССР в духе преданности Родине и делу коммунизма (ст. 3 Основ законодательства о судостроительстве).

В ст. 2—3 Основ законодательства о судостроительстве определены цели правосудия как по уголовным, так и по гражданским делам, т. е. формулировки целей здесь весьма широки.

В данной работе нас интересуют цели правосудия по уголовным делам¹⁰. Для характеристики их необходимо обратиться к уголовно-процессуальному закону. В ст. 2 Основ уголовного судопроизводства указано, что его задачами¹¹ являются:

;; «Быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден».

В дальнейшем будет идти речь о правосудии по уголовным делам, однако многие из рассматриваемых ниже факторов (условий) эффективности правосудия (в частности, характеристика личности судьи и условий его работы) имеют значение для обеих его форм.

Закон, видимо, не проводит четкого различия между понятиями «цели» и «задачи». Эти понятия, как правило, не дифференцируются и в научной литературе («Настольная книга судьи». М., 1972). Теоретически различие между понятиями «цели» и «задачи» можно усмотреть в том, что цель — это результат познания действительных потребностей системы, «идеальная модель будущего», к которой следует стремиться, а задача — это требование установить искомые данные на основе исходных данных путем нахождения нужного алгоритма. Однако в законодательстве это различие, как правило, не проводится, и задача чаще всего понимается как конкретизация цели, как ближайшая цель.

Уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе «неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития».

Нетрудно заметить, что в п. 1 ст. 2 Основ уголовного судопроизводства по существу содержатся положения, определяющие непосредственные и специфические цели органов уголовного судопроизводства, а в ч. 2 не случайно употреблена формулировка «уголовное судопроизводство должно способствовать...». Способствовать достижению целей — значит достигать их не самостоятельно, а вместе с другими элементами социального и государственного механизма.

Приведенные формулировки закона нуждаются в теоретическом анализе и классификации, прежде чем они могут быть применены для оценки эффективности правосудия. Это объясняется рядом причин.⁶

• Во-первых, как уже указывалось, сформулированные в ст. 2, 3 Основ законодательства о судостроительстве и ст. 2 ч. 2 Основ уголовного судопроизводства цели являются целями; не только суда, но и других государственно-правовых, а также иных социальных институтов (предупреждение и искоренение преступлений, укрепление законности и воспитание граждан — цели не только суда, но и других органов, осуществляющих борьбу с преступностью, а равно общественных организаций, коллективов трудящихся и т. д.).

Во-вторых, закон специально не определяет цели правосудия по уголовным делам, а сформулированные в нем задачи уголовного судопроизводства распространяются также на прокурора, следователя, лицо, производящее дознание (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства). Представляется, что такие требования этой статьи, как «быстрое раскрытие преступлений» и «изобличение виновных» относятся к следственным органам, а не к суду, который не занимается раскрытием преступлений (в специфически криминалистическом смысле слова) и не выполняет функцию обвинения, т. е. изобличения подсудимого (эта функция в суде возложена на прокурора).

В-третьих, формулировки целей правосудия, приведенные в законе, непосредственно не вполне пригодны для тех случаев, когда необходим количественный анализ степени эффективности правосудия, поэтому их смысл в точном соответствии с законом может быть воплощен в так называемых операциональных определениях, которые в свою очередь могут быть подразделены на ряд еще более конкретных показателей.¹²

¹² Об «операциональных определениях» см.: И. С. Самощенко, В. И. Никитинский, А. Б. Венгеров. Об основах методологии и методики изучения эффективности действия правовых норм.—«Ученые записки ВНИИСЗ», Вып. 25. М., 1971, стр. 3 и ел.

С учетом изложенных соображений и не отступая от смысла формулировок закона можно предложить определенную классификацию целей правосудия по уголовным делам.

Прежде всего необходимо различать «широкие» цели правосудия по уголовным делам, т. е. такие цели, в достижении которых принимают участие другие государственно-правовые и иные социальные институты, и «узкие» цели правосудия данного вида, т. е. такие, которые специфичны только для той или иной формы осуществления правосудия (по уголовным и по гражданским делам).

Эффективность правосудия определяется как по степени его «вклада» в достижение «широких» целей, так и по степени достижения им своих непосредственных «узких» целей. Оба процесса взаимосвязаны и по существу совпадают, ибо доля «вклада» в достижение «широких» целей определяется степенью достижения «узких» целей. Поэтому вопрос об эффективности правосудия распадается на две части, из которых одна — степень достижения правосудием его собственных, непосредственных целей (см. § 1—3 данной главы), а другая — степень достижения целой более высокого порядка, т. е. прежде всего «степень воздействия на преступность посредством того «вклада», который правосудие вносит в это важное государственное дело, взаимодействуя с факторами социально-экономическими, идеологическими, политическими, культурно-воспитательными и др. (см. § 4 этой главы)¹³.

К «широким»¹⁴ целям правосудия по уголовным делам следовало бы, с учетом приведенных формулировок закона, отнести: 1) охрану от преступных посягательств общественного и государственного строя СССР, социалистической собственности, прав и свобод граждан, прав и охраняемых законом интересов государственных учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций (все это, вместе взятое, охватывается понятием «предупреждение и искоренение преступности»); 2) обеспечение точного и неуклонного исполнения законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами (в формулировке закона это означает «способствовать укреплению социалистической законно-

¹³ Для нас в этой связи важны представления о «внутреннем» и «внешнем» критериях эффективности, сложившиеся в социологии, кибернетике и в других науках, изучающих системы. В этой связи А. Лернер пишет: «Задачи управления частью системы определяются задачами управления системой, в которую она входит. Поэтому теоретически ни для одной конкретной системы нельзя точно и строго сформулировать задачу управления и определить критерий эффективности управления, не поднимаясь при этом до самого высокого уровня, позволяющего вводить в рассмотрение социально-экономические факторы глобального масштаба» (А. Лернер. Начала кибернетики. М., 1967, стр. 282—283).

¹⁴ Эта терминология, разумеется, условна.

ста»¹⁵; 3) воспитание граждан в духе преданности Родине и делу коммунизма, в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития (воспитательная функция правосудия).

Исчислить «степень вклада» правосудия в достижение этих «широких» целей в принципе (возможно с помощью факторного «анализа», однако лишь в будущем, когда в распоряжении исследователей окажется достаточно информации о функционировании огромного количества социально-экономических, политических, идеологических, государственно-правовых и иных факторов, оказывающих совокупное влияние на достижение целей правосудия «в широком смысле».

Другой, достижимый в значительной мере уже в настоящее время, способ определения эффективности правосудия связан с необходимостью формулирования на основе закона непосредственных, или «узких», целей правосудия, по уголовным делам, специфичных только для этого вида государственной деятельности. Максимально полное достижение этих «юридизированных» целей и будет означать максимально возможный «вклад» правосудия по уголовным делам в достижение более широких социальных целей.

Из формулировки ст. 2 Основ уголовного судопроизводства вытекает: 1) каждое уголовное дело должно быть правильно разрешено, т. е. по нему необходимо: а) достоверно и полно установить все фактические обстоятельства, входящие в предмет доказывания (ст. 15); б) правильно квалифицировать деяние подсудимого на основе норм уголовного права и правильно применить нормы гражданского права, если судом принимается решение о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением, либо суд отказывает в этом; в) назначить справедливое наказание либо обоснованно отказаться от применения наказания к подсудимому;

2) производство в судах должно вестись таким образом, чтобы при этом строго соблюдались требования социалистической законности, охранялись права и законные интересы обвиняемого и других участников процесса;

3) осуществление правосудия должно оказывать максимально возможное воспитательное воздействие на граждан.

Итак, к непосредственным, или «узким», целям правосудия по уголовным делам¹⁶, исходя из содержания закона, на наш взгляд, необходимо отнести следующее.

1. Правильное разрешение всеми судами всех уголовных дел: а) достоверное и полное установление судом фактических

В широком смысле п. I («борьба с преступностью») включается в понятие «укрепление законности» (п. 2).

Непосредственные цели правосудия по гражданским делам в данной работе не рассматриваются.

оснований уголовной ответственности (либо ее отсутствия); б) уголовно-правовая, а при необходимости и гражданско-правовая оценка деяния; в) решение вопроса о наказании в соответствии с законом, степенью общественной опасности деяния и личностью преступника¹⁷, а при необходимости — и возмещение ущерба, причиненного преступлением¹⁸.

Вводя указанные выше «операциональные определения», мы конкретизируем применительно к правосудию и делаем доступной для количественных оценок более широкую социальную цель осуществления правосудия, а именно «борьбу с преступностью».

Суды, осуществляя правосудие, борются с преступностью не иначе, как путем правильного разрешения уголовных дел: чем больше правильно разрешенных уголовных дел, тем эффективнее борьба с преступностью, и наоборот. С преступностью также борются и оперативные розыскные, и следственные органы, прокуратура, общественные организации и т. д. Однако эффективность деятельности каждого из этих звеньев государственного механизма по борьбе с преступностью будет определяться исходя уже из других, специфических для каждого из них, целей, выраженных соответствующими операциональными определениями.

2. Строгое соблюдение законности при рассмотрении и разрешении судами уголовных дел: а) соблюдение судами требований законов в своей собственной деятельности; б) обеспечение точного и неуклонного исполнения законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами, в отношении которых осуществляется правосудие; в) охрана прав и законных интересов всех физических и юридических

¹⁷ Существует точка зрения, согласно которой эти или по крайней мере первые два элемента входят в содержание истины, устанавливаемой судом (В. Я. Дорохов. Установление истины — цель доказывания в советском уголовном процессе. — Теория доказательства в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 44—112). Многие другие авторы ограничивают содержание истины лишь фактическими обстоятельствами дела (см., например, М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. II, стр. 308—332). Учитывая спорность обоих решений и не имея возможности рассмотреть этот вопрос по существу в рамках данной работы, мы объединяем указанные три элемента в единое понятие цели правосудия по признаку «правильное разрешение уголовного дела».

¹⁸ Следует присоединиться к точке зрения, согласно которой всякое преступление причиняет больший или меньший вред порядку общественных отношений. Однако возместить этот вред, как правило, возможно лишь в случаях, когда государству, общественным организациям или гражданам причинен имущественный ущерб. Физический вред, причиненный преступлением, в уголовном процессе невозмещаем; если он повлек расходы на лечение и утрату трудоспособности, то возмещается имущественный вред. Моральный вред возмещается самим фактом публичного осуждения, а в редких случаях — и публичным извинением перед потерпевшим или членами коллектива в форме, установленной судом (ст. 32 УК РСФСР). Таким образом, рассматриваемая цель правосудия в основном сводится к возмещению имущественного вреда.

лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве; г) воздействие на лиц, нарушивших закон, либо компетентных устранить причины и условия, способствующие его нарушению,— вынесение судами частных (особых) определений во всех случаях, когда для этого имеются основания.

3. Максимально возможное воспитательное воздействие правосудия по уголовным делам на граждан¹⁹.

Достижение первой цели правосудия существенно отражается на достижении его второй и третьей целей и наоборот. Ведущей является цель, требующая достоверного установления фактических обстоятельств дела, их правильной правовой оценки и определения наказания в соответствии с требованиями закона. Три элемента этой цели (факты, квалификация, наказание) относительно самостоятельны, хотя и связаны между собой: достижение подцели «а» служит условием достижения «б», достижение «б» — условием достижения «в». Данная цель выражает публичное начало советского уголовного процесса, в силу которого государство через свои органы стремится к изобличению и справедливому наказанию каждого преступника. Достижение этой цели в значительной мере определяет достижение и других целей правосудия. В самом деле, если дело разрешено верно, то это предполагает, как правило, соблюдение всех законов в процессе судопроизводства (цель вторая) и положительно влияет на его воспитательную функцию (цель третья).

Имеется и обратная зависимость между рассматриваемыми целями. Строгое соблюдение законности, охрана прав и законных интересов участников процесса служат условиями как правильного разрешения дела, так и воспитательного эффекта правосудия.

Наконец, достижение третьей цели правосудия (воспитание граждан) влияет (хотя и в меньшей мере) на достижение первых его двух целей, так как при этом создаются наиболее

¹⁹ Т. Н. Добровольская предложила в целом удачное определение целей советского правосудия по уголовным делам. В этом определении сначала воспроизводится формулировка общих для уголовного и гражданского судопроизводства целей правосудия, как они изложены в ст. 2 Основ законодательства о судостроительстве, а затем указывается, что в сфере уголовного процесса они достигаются «путем своевременного привлечения к ответственности и справедливого осуждения лиц, действительно виновных в совершении... посягательств, путем коммунистического воспитания граждан, предупреждения правонарушений и устранения причин и условий, способствующих их совершению (Т. Н. Добровольская. Цель советского социалистического правосудия.— «Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, криминалистики и криминологии». Сб. 2. Душанбе, 1968, стр. 97). В приведенной формулировке средства достижения «широких» целей правосудия, указанных в ст. 2 Основ, сами выступают как узкоюридические цели правосудия по уголовным делам, и это безусловно правильно.

благоприятные условия для поисков истины и охраны прав граждан.

Достижение трех основных целей правосудия влияет на достижение четвертой, дополнительной цели (правильное разрешение гражданского иска). В свою очередь достижение этой четвертой цели сопряжено с достижением первых трех: правильное разрешение гражданского иска предполагает установление истины по делу, обеспечивает охрану законных интересов граждан и усиливает воспитательный эффект судопроизводства.

В принципе возможно повысить «эффективность» правосудия, связанную с установлением истины по уголовным делам, ценой отказа от некоторых гарантий личности.

Однако нельзя «добывать» истину любыми средствами, не останавливаясь перед ущемлением основных прав и свобод граждан.

С другой стороны, нельзя представлять дело так, будто в уголовном процессе вообще нет ограничений прав личности, диктуемых публичными интересами. Известно, что меры процессуального принуждения могут применяться как для обеспечения доказательств (обыски, выемки, освидетельствования, наложение ареста на корреспонденцию, приводы), так и для предотвращения уклонения обвиняемого и подозреваемого от уголовной ответственности. Эти меры применяются в отношении лиц, вина которых еще не вполне установлена или вообще не причастных к совершению преступления (свидетели, обыскиваемые и т. д.).

Применение указанных мер в советском уголовном процессе возможно в строго ограниченных случаях и по основаниям, четко сформулированным в законе.

Для каждого исторического типа уголовного процесса характерно определенное соотношение между указанными двумя целями правосудия. Инквизиционный процесс знал только первую цель (истина), но не достигал ее, так как пренебрегал правами граждан. Доктрина буржуазного права выдвинула на первый план вторую цель («лучше оправдать десять виновных, чем осудить одного невиновного»), трактуя весь уголовный процесс как систему правовых гарантий личности, ограничивающую произвол властей. Однако в действительности буржуазный уголовный процесс так и не освободился от инквизиционных начал, которые в последнее время в некоторых странах еще более усилились.

В советском уголовном процессе между целями правосудия существует определенное оптимальное соответствие. Всякого рода «перекосы» в их соотношении могут привести либо к развиту инквизиционных тенденций, либо к такому усложнению гарантий личности, при котором поиски истины по уголовным делам сталкивались бы с непреодолимыми затруднениями.

§ 2. Критерии и показатели эффективности правосудия

Любая система, в частности система гарантий правосудия, предназначена для достижения определенных целей.

Система может быть более или менее эффективной и при неполном достижении ею целей. Цель не имеет степеней, эффективность же их имеет: есть большая или меньшая эффективность²⁰. Поэтому важно установить критерии, отличающие систему эффективную от неэффективной.

Эффективный — значит дающий эффект, приводящий к нужным результатам, отсюда эффективность — это результативность. Критерий эффективности — это мерило результативности целенаправленного действия. Говоря об эффективности, следует различать цель, систему действий, направленных на ее достижение, информацию о степени достижения цели, содержащую сведения: о состояниях объекта воздействия — первоначальном, желаемом и достигнутом (обратная связь); выработку и передачу корректирующего сигнала с тем, чтобы еще в большей степени приблизить объект управления к достижению намеченной цели; при необходимости — корректировку* целей.

Мы видим, что с помощью критерия эффективности осуществляется управление системой. Понятие критерия эффективности связано с явлением гомеостазиса, т. е. динамического уравновешивания системы, при котором она как минимум не теряет оптимальности в организации и функциях. Гомеостазис имеет верхний и нижний пределы. При оптимальном режиме функционирования системы гомеостазис достигает верхнего предела или близок к нему²¹.

Соответственно этому следует различать верхний и нижний пределы эффективности системы: верхний означает полное совпадение результата действия и цели, что в открытых системах затруднено из-за влияния возмущений, а нижний указывает предел эффективности системы, ниже которого система утрачивает свою оптимальность, становится все менее управляемой и в конце концов как таковая прекращает свое существование.

В достаточно изученных управляемых (самоуправляемых) системах критерий эффективности, выражаемый в достижении «на выходе» определенных количественных показателей, определяется заранее с учетом степени оптимизации системы. По мере повышения уровня ее организации критерии эффектив-

И. С. Самощенко и В. И. Никитинский справедливо указывают на «возможность существования различных степеней эффективности (низкой, средней, высокой)» (И. С. Самощенко, В. И. Никитинский. Изучение эффективности действующего законодательства. — «Советское государство и право», 1969, № 8, стр. 5).

И. Б. Новик. Кибернетика. Философские и социологические проблемы. М., 1963, стр. 84.

ности все более приближаются к целям системы. Критерии эффективности учитывают реальные возможности системы, а повышение их до определенного уровня может заранее планироваться на основе данных научного прогноза²². Таким образом, критерии эффективности — это как «идеальные» цели системы, так и «промежуточные» все возрастающие характеристики уровня, который должен быть достигнут на пути прогрессирующей системы к ее идеально оптимальной организации. Регрессирующая система, наоборот, движется к нижнему пределу эффективности, за которым она становится малоуправляемой. Следствие снижения уровня ее организации и развития энтропийных (антиинформационных) процессов внутри нее.

Для определения эффективности любой системы, в частности правосудия, представляется важным установить, в каком направлении развивается система, каковы темпы ее развития. Прогрессирующая система становится эффективной в тот момент, когда при структурно-функциональном анализе начинает выявляться устойчивая зависимость между функцией данной системы и достижением целей системы более высокого порядка. Как уже отмечалось, на состояние преступности кроме правосудия влияют разнообразные факторы экономического, политического, социального, культурно-воспитательного характера. Неэффективное правосудие характеризуется тем, что оно не оказывает сколько-нибудь существенного влияния на преступность; его функция в общей функции факторов, детерминирующих преступность, ничтожна.

Допустим, что борьба с преступностью ведется без осуществления правосудия, т. е. другими методами. И без каких-либо исчислений ясно, что в этом случае преступность резко возрастает и будет угрожать самим основам общественной жизни. Значит, вклад правосудия в достижение целей системы более высокого порядка чрезвычайно велик. Правосудие, через которое проводятся в жизнь почти все принудительные меры государственного воздействия на преступность, в настоящее время является одним из важных факторов в борьбе с нею.

Допустим теперь, что правосудие, хотя и существует, но функционирует плохо: невиновных осуждается больше, чем виновных. Очевидно, и такое состояние правосудия не свидетельствовало бы о его эффективности, так как ущерб, который бы оно причинило обществу, больше выгоды, связанной с изобличением и осуждением некоторого количества преступников. При какой же степени достижения целей правосудие становится эффективным? В настоящее время ответить на этот вопрос невозможно, ибо для этого необходим точный количественный

²² Одна из задач научного прогноза — разработка метода управления системами, повышающего их эффективность («Управление, социология, право». Под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 1971, стр. 48).

анализ всех факторов, влияющих на преступность. С этой задачей социология и криминология пока не справились, хотя она уже поставлена <в порядок дня.

Однако у нас есть немало доказательств того, что советское правосудие достигло высокой степени эффективности и, что весьма важно, из года в год улучшает свои показатели (они рассмотрены в гл. III—IV).

Полное достижение всей судебной системой ее целей означало бы, что правосудие по уголовным делам поднялось на свой высший уровень. Степень приближения к этому уровню исчисляется путем сопоставления идеальных целей и достигнутого уровня по одной и той же совокупности показателей, роль которых состоит, следовательно, в том, чтобы словесному описанию цели и достигнутого уровня придать операциональный, т. е. удобный для исчисления, характер.

Приближение системы судопроизводства к идеальному уровню—длительный процесс, который представляется возможным прогнозировать и планировать.

В ходе такого планирования показатели уровня, который, как предполагается, будет достигнут в определенное время, могут играть роль промежуточных целей.

Таким образом, в качестве критериев эффективности правосудия одновременно выступают как «идеальные» (конечные), так и «промежуточные» (планируемые на ближайшее время) его цели, представленные набором количественных характеристик (параметров)²³. Степень приближения системы правосудия к идеальным и планируемым характеристикам дает представление о его эффективности, управляемости и темпах оптимизации гарантий судопроизводства. При этом количественные характеристики при достаточно больших числах являются показателями качества отправления правосудия²⁴. Чем разветвленнее система таких показателей, чем большее количество изучаемых объектов они характеризуют, тем точнее и адекватнее

И. В. Шмаров справедливо критикует некоторых авторов, отождествляющих критерий эффективности с ее показателями. «Критерий эффективности... нельзя смешивать с показателями,— пишет он.— Каждому критерию эффективности... должны соответствовать определенные показатели» (И. В. Шмаров. Критерии и показатели эффективности наказаний.—«Советское государство и право», 1968, № 6, стр. 57). К этому следует добавить: критерий эффективности, формулируемый словесно, не существует иначе, как в виде совокупности определенных количественных показателей, характеризующих степень приближения системы к достижению конечной цели. С помощью показателей характеризуется не только заданное, но и реально достигнутое состояние системы. Поэтому существуют показатели эффективности и показатели достигнутого уровня.

В настоящей работе объектом исследования является именно отправление правосудия, а не любая служебная деятельность судей. Для оценки всей служебной деятельности судей (включаяющей также правовую пропаганду, прием граждан, работу с народными заседателями и т. д.) должны применяться несколько иные критерии.

отражается в них качество отправления правосудия. Но и здесь, конечно, существует изучаемый статистикой «порог», за которым дальнейшее наращивание количественных характеристик практически не дает более точного описания объекта.

С другой стороны, применение количественных характеристик для определения степени эффективности не всей судебной системы, а правосудия, осуществляемого конкретными судьями (и судами), недостаточно ввиду малого количества изучаемых объектов: здесь на первый план выступает качественный анализ. Например, единственная ошибка, допущенная одним судьей, может быть более опасна, чем несколько ошибок, допущенных другим судьей,—этот вывод основывается на качественной характеристике дел, рассмотренных обоими судьями, и качественной оценке серьезности допущенных ими ошибок. Если же оперировать большими числами, то эти различия сглаживаются, «усредняются».

Наша судебная статистика пока не содержит исчерпывающей совокупности показателей, необходимых для оценки степени эффективности правосудия, поэтому статистика должна дополняться данными, получаемыми в результате регулярного проведения социологических исследований.

В настоящее время вряд ли возможно сформулировать все показатели, по которым должна определяться степень эффективности правосудия. Назовем лишь некоторые из них, основные.

Прежде всего необходимо выделить основной показатель качества правосудия, относящийся ко всем трем его непосредственным целям (правильное разрешение дел, соблюдение при этом требований закона и воспитательный эффект судопроизводства). Таким обобщающим показателем является количество законных и обоснованных или, наоборот, незаконных и необоснованных приговоров (позитивная или негативная форма выражения данного показателя не имеет значения).

Если все приговоры законны и обоснованы, то полностью достигается первая цель правосудия (правильное разрешение дел), в значительной мере достигается его вторая (соблюдение законности) и третья (воспитательное воздействие) цели. Этот показатель (законность и обоснованность приговоров) вторую и третью цели охватывает не полностью. За его пределами остаются так называемые менее существенные нарушения закона, хотя и допущенные в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства, однако не влекущие признание приговора незаконным и его отмену или изменение (вторая цель). Он не охватывает также действие таких средств воспитания граждан (третья цель), которые выходят за пределы формально правильного применения судом закона и разрешения дела (например, культура судебного процесса, судебная этика, (не сопряженные только с применением норм права),

Несмотря на эти ограничения, количество законных и обоснованных приговоров — важнейший показатель эффективности правосудия, полностью относящийся к достижению первой цели правосудия и в значительной мере — к достижению его второй и третьей целей. В наиболее обобщенном виде этот показатель относится ко всем приговорам по всем делам. Его детализация, т. е. применение к отдельным категориям уголовных дел, позволяет дифференцированно изучать эффективность правосудия по отдельным видам и составам преступлений. Тем самым при определении эффективности правосудия принимаются в расчет характер и сложность уголовных дел различных категорий, а равно степень опасности преступлений, в отношении которых ведется судебный процесс.

Количество незаконных и необоснованных, т. е. ошибочных, приговоров²⁵ — негативное выражение рассматриваемого показателя. Отсюда — центральное значение проблемы судебных ошибок при определении эффективности правосудия: чем больше судебных ошибок и чем серьезнее эти ошибки²⁶, тем менее эффективно правосудие (применительно к достижению всех его целей), и наоборот: чем меньше судебных ошибок и чем менее они серьезны, тем более эффективно правосудие.

Распространенность и серьезность допущенных судами ошибок выявляются через статистические показатели отмены и изменения приговоров, с учетом показателей необоснованной отмены и изменения приговоров вышестоящими судами, а также количества латентных (скрытых, не выявляемых судебной системой) ошибок, для определения распространенности которых необходимы специальные исследования. Статистика содержит еще более дробные, более детальные показатели²⁷, указывающие некоторые из оснований отмены и изменения приговоров (например, изменение приговоров путем смягчения наказания, перекалфикации деяния на менее СТДО-

Развернутое понятие ошибочного приговора дано в гл. П.

О степени серьезности судебных ошибок см. гл. III.

Л. Н. Волин пишет, что состояние управляемого объекта «характеризуется набором величин, каждая из которых в любой момент времени в принципе может быть измерена и выражена числом» (Л. Н. Волин. Проблема оптимальности в теоретической кибернетике. М., 1968, стр. 10). В философии и кибернетике возникла идея о неравноценности параметров и необходимости их ранжирования по степени отображения существенных и менее существенных черт изучаемого объекта. «Хорошо организованная функция есть функция с достаточно большим числом переменных,— пишет Ю. В. Скачков,— причем эти переменные можно разделить на существенные и несущественные... Несущественные переменные могут обуславливать резкие изменения и скачки функции, но они не оказывают определяющего действия на характер функции в целом... Форма, вид функции определяются прежде всего существенными параметрами, влияние которых на небольших интервалах может весьма значительно маскироваться воздействием несущественных параметров» (Ю. В. Скачков. Введение в вероятностный мир. М., 1971, стр. 87—88).

иую статью уголовного кодекса, одновременно путем того и другого и т. д.). Дифференцированные показатели позволяют решить вопрос о распространенности более серьезных или менее серьезных судебных ошибок, а следовательно, и о степени эффективности правосудия. При этом неизбежно возникает вопрос о ценностном соотношении разных показателей (например, какая ошибка в среднем опаснее — завышение или занижение наказания, квалификации, нарушение норм процессуального или материального права, повлекшее отмену приговора, и т. д.). На основе специального исследования (в частности, путем применения метода экспертных оценок) представляется возможным составить шкалу показателей судебных ошибок, расположив их по степени серьезности и опасности для правосудия и граждан. Это позволит более точно определять степень эффективности правосудия, ее возрастание или убывание и сравнивать эффективность правосудия в различных союзных республиках, областях и краях.

Таким образом, количество законных (незаконных) и обоснованных (необоснованных) приговоров как обобщенный показатель эффективности правосудия распадается на многие дробные, а последние — на еще более дробные показатели, исчерпывающий перечень которых дать невозможно из-за бесконечности «процесса дробления» показателей. Однако в принципе можно установить «предел дробления», обеспечивающий практически достаточную точность определения степени эффективности правосудия.

Назовем еще два обобщенных показателя эффективности правосудия, а именно: 1) количество случаев, когда суду удалось предотвратить вынесение незаконного и необоснованного приговора (он распадается на ряд дробных показателей, характеризующих количество дел разных категорий, возвращенных из судов первой инстанции для доследования и прекращения в стадии предания суду); 2) количество случаев, когда различного рода ошибки судов первой инстанции, хотя и были допущены, однако вышестоящие суды их выявили и исправили либо приняли меры к исправлению (по сути дела это уже рассмотренный первый обобщенный показатель, но характеризующий эффективность не судебного разбирательства, а кассационного и надзорного производства, а именно: чем больше выявлено судебных ошибок и чем опаснее эти ошибки, тем эффективнее кассация и судебный надзор).

Названные три обобщенных показателя (и развивающие их дробные показатели) характеризуют степень достижения не только первой, но и в значительной мере второй и третьей целей правосудия. Однако последние две цели правосудия имеют и собственные специфические показатели.

Цель, состоящая в охране законности, защите прав и законных интересов личности в уголовном процессе, в значитель-

ной мере характеризуется достижением показателей, отнесенных к первой цели, но имеет и специфические показатели: данные об удовлетворении и отклонении судами обоснованных ходатайств участников процесса; количество незаконно арестованных и не освобожденных судами из-под стражи при наличии тому оснований; сроки незаконного (по вине суда) содержания обвиняемых под стражей; сроки рассмотрения дел в судах и др.

Цель правосудия, заключающаяся в его воспитательном воздействии на граждан, в значительной мере характеризуется показателями, отнесенными к первой и второй целям, но они должны быть дополнены такими специфическими показателями воспитательной функции судопроизводства, как содержащиеся в статистике данные о выездных сессиях судов и т. п., а также данные, полученные в результате выборочных социологических исследований (опросы по специальной программе присутствующих в зале суда, опросы осужденных, отбывающих наказание, о роли процедуры судебного процесса в их перевоспитании и т. п.).

Развитие системы количественных оценок, даваемых статистикой, достигается, как мы видим, благодаря социологическим исследованиям. Чем разветвленнее эта система, тем лучше отражает она (качественное состояние объекта исследования — правосудия. С учетом колоссальных возможностей ЭВМ хранить и перерабатывать информацию следует пересмотреть традиционный взгляд на обилие цифровых показателей как проявление бюрократизма в работе и признать неправильным стремление отдельных работников сократить судебную статистику. Без получения и анализа полной и точной информации о результатах функционирования судебной системы невозможно управление на научной основе факторами, влияющими на эффективность правосудия.

Некоторые авторы, исследуя различные отрасли государственно-правовой деятельности, считают, что к критериям *Ш* эффективности необходимо также относить «рентабельность» системы, т. е. количество материальных средств, необходимых для успешного выполнения ею своих функций, а также объем работы, выполненной системой, и сроки выполнения этой работы, степень затраченных социальных усилий, зависящих от производительности труда, рационализации трудовых операций и т. д.²⁸

²⁸ *И. В. Шжаров*. Критерии и показатели эффективности наказания, стр. 57; *И. В. Шмаров*, *Ф. Т. Кузнецов*, *П. Е. Подымов*. Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений. М., 1968, стр. 64—68; *Н. Баранов*, *В. Чистякова*, *А. Гуляев*, *Н. Майоров*. Критерии оценки работы следователя.—«Социалистическая законность», 1969, № 4, стр. 4)1—44.

Применительно к эффективности правовых норм эту точку зрения отста-

На наш взгляд, указываемые этими авторами факторы не следует относить к критериям эффективности правосудия.

Расходы на правосудие, безусловно, имеют чрезвычайно важное значение для повышения качества судебной работы. Вряд ли есть смысл экономить на правосудии. Давно известно, что «дешевое» правосудие в конечном счете дорого обходится обществу. В связи с этим вопрос о вложениях, необходимых для достижения целей правосудия, представляется весьма существенным и требующим глубокого изучения. Однако расходы на правосудие — это все-таки *средство* достижения целей правосудия, а не критерий его эффективности²⁹. Нет нужды переносить на правосудие категории, принятые в политэкономии, для которой критерием эффективности вложений является мера их окупаемости. В правосудии «окупаемость» вложений определяется через степень достижения указанных выше целей, в основном не поддающихся денежной оценке[^]

Переходя ж *объему работы*, выполняемой судебной системой, следует прежде всего заметить, что этот показатель сам по себе нейтрален по отношению к критериям эффективности правосудия. Важен не объем работы сам по себе, а показатель нагрузки на одного работника или систему в целом. Если нагрузка превышает нормальную, качество работы постепенно ухудшается (см. гл. V). Правда, система может долгое время успешно функционировать при сверхнагрузках, однако известно, что бесследно это не проходит.

ивают А. С. Пашков и Л. С. Явич, предложившие формулу

$$C = \frac{A-B}{K}$$

где *C* — показатель эффективности правовой нормы; *A* — результат ее действия; *B* — состояние общественных отношений до применения нормы; *K* — материальные затраты (*А. С. Пашкову* *Л. С. Явич*. Эффективность действия правовой нормы.— «Советское государство и право»; 1970, № 3, стр. 40—45). *Е. П. Шикин* считает, что материальные и иные средства достижения цели нормы права, а не только достигнутый результат должны охватываться «понятием эффективности» (*Е. П. Шикин*. Основные условия эффективного применения права. Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1971, стр. 4; см. также: *О. В. Смирнов*. Эффективность правового регулирования организации труда на предприятии. М., 1968, стр. 18; *Л. И. Спирidonov*, *В. Б. Никитина*, *Э. А. Фомина*. О возможном подходе к изучению эффективности правовой нормы.—«Ученые записки ВНИИСЗ». Вып. 22. М., 1970, стр. 209—121(1; *Г. А. Туманов*. Организация управления в сфере охраны общественного порядка. М., 1972, стр. 113—118; *В. А. Козлов*. Вопросы теории эффективности правовой нормы. Автореф. канд. дисс. Л., 1972; *А. И. Михайлов*. Исследование проблем эффективности предварительного следствия.—«Научная информация по вопросам борьбы с преступностью». М., 1973, стр.26).

В. Н. Кудрявцев призывает относиться к концепции указанных авторов «с большой осторожностью», так как сокращение расходов на уголовную юстицию часто снижает ее эффективность (*В. Я. Кудрявцев*. Эффективность системы уголовной юстиции.—«Социалистическая законность», /1971, № 7, стр. 14—15).

Значит, «дропуйкная способность», или «объем работы», судебной системы — это не самостоятельный критерий эффективности правосудия, а фактор, влияющий на степень достижения его целей,

То же следует сказать и о *сроках* выполнения определенного объема работы, в данном случае — процессуальных сроках, установленных законом. Презюмируется, что это оптимальные сроки (хотя в принципе возможно их законодательное уточнение). Они избраны с таким расчетом, чтобы обеспечить достижение истины по уголовным делам, охрану прав и интересов граждан и воспитательный эффект судопроизводства. Следовательно, соблюдение процессуальных сроков — способ достижения целей правосудия.

Высокая производительность труда в судах, обеспечиваемая планомерным ведением судебного процесса, устранением из него всего лишнего при строгом соблюдении форм судопроизводства, внедрением современных технических средств и т. д., — необходимое условие достижения целей правосудия, сформулированных в законе. Однако* в качестве самостоятельной цели правосудия производительность труда судей не формулируется.

Изложенное приводит к выводу, что источник наших расхождений с авторами, расширяющими понятие эффективности правосудия за счет организационно-технических критериев, состоит в следующем: мы понимаем под эффективностью социальной системы (подсистемы) достижение ею полезных целей, тогда как упомянутые авторы включают в это понятие и наиболее экономичные средства достижения целей.

Разумеется, эффективными или неэффективными могут быть и средства достижения целей. Но применяя понятие эффективности в этом смысле, мы неизбежно смещаем угол зрения, опускаемся в своем анализе на уровень подсистем (забывая, что объект исследования — система "в целом) и при этом от финального (целевого) подхода незаметно переходим к организационно-техническому.

Оба подхода важны, но они не тождественны. Учитывая это, необходимо выделять и разграничивать две группы критериев, а именно: критерии качества работы судов, связанные с достижением рассмотренных выше целей правосудия, и критерии организации судебной работы, определяемые через иные показатели (служебная нагрузка судей в соотношении с оптимальной, время, затрачиваемое на рассмотрение одного дела в соотношении с объективно необходимым, подбор и расстановка судебных кадров, стимулирование труда судей, техническая оснащенность судов и пр.)³⁰.

Существует тесная связь между уровнем организации судопроизводства и показателями его качества, но это вовсе не зна-

Содержание этих критериев раскрыто в гл. V—VI.

чит, что организация проявляет себя исключительно в показателях качества. Она имеет и собственный набор характеристик.

При сравнении качества отправления правосудия, допустим, в двух союзных республиках оно может оказаться примерно одинаковым при разном уровне организации труда в судах. Но там, где уровень организации выше, судьи работают спокойно, ритмично, не испытывая перегрузок; там же, где он ниже, — картина обратная, что со временем приводит к снижению качества правосудия.

Объективным фактором, влияющим на обе группы критериев, является объем судебной работы, не зависящий непосредственно ни от качества судопроизводства, ни от его организационно-технических характеристик (в области уголовной юстиции он определяется динамикой преступности, изменениями в юрисдикции судов и возможностью передавать дела о мало^ значительных преступлениях на рассмотрение общественности или несудебных государственных учреждений).

Существенным для правильного определения эффективности правосудия и его критериев следует считать вопрос о разграничении и согласовании понятий эффективности и оптимальности.

Оптимальность — более широкая и емкая категория, чем эффективность.

Если эффективность — лишь степень достижения целей системы, то оптимальность включает в себя, кроме того, организационное совершенство системы, ее внутреннюю «сбалансированность», нахождение наиболее подходящих средств для достижения поставленных целей, ранжировку целей с учетом меняющихся потребностей системы, погашение «эгоизма» отдельных подсистем, стремящихся иногда решить свои специфические задачи в ущерб интересам всей системы³¹.

Следует согласиться поэтому с теми авторами, которые различают эффективность, полезность и экономичность действия правовых норм как близкие и взаимосвязанные, но все же различные их характеристики, объединяемые понятием оптимальности. Норма может быть сама по себе эффективна, если достигаются поставленные перед нею цели, но ее применение может оказаться неэкономичным либо причинять заранее непредвиденный, побочный вред другим общественным отношениям, превышающий полезный результат действия нормы³².

Л. Н. Волин. Проблема оптимальности в теоретической кибернетике. Я. С. Самощенко, В. И. Никитинский, А. Б. Венгеров. Об основах методологии и методики изучения эффективности действия правовых норм, стр. »14—15; В. И. Никитинский. Эффективность норм трудового права. М., 1971. стр. 26—29; «Марксистско-ленинская теория государства и права. Социалистическое право». Отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 1973, стр. 265—274; А. Лодгурецкий. Очерк социологии права. Под ред. А. Р. Ратинова (перевод с польск.). М., 1974, стр. 313—315. Эти соображения применимы не только к нормам права, но и к социальным системам, в частности к судебной системе.

«Взвешиванием» пользы и вреда намечаемых или осуществляемых воздействий занимается наука праксеология.

В то же время не вполне последовательны те авторы, которые ограничиваются определением эффективности как соотношения результата и цели, не показывая при этом, что эффективность— лишь один из аспектов (хотя и весьма существенный) проблемы оптимального управления (самоуправления)³³.

Нельзя также согласиться и с понятиями «отрицательной» и «нейтральной» эффективности, когда действие соответственно удаляет от намеченной цели или вообще не способствует ее достижению³⁴.

Не всякий результат эффективен. Таковым может быть только социально полезный результат, что в полной мере имеет значение и при характеристике эффективности правосудия³⁵.

При рассмотрении критериев эффективности правосудия возникает вопрос: можно ли на основании одних только этих критериев дать правильную оценку качества судебной деятельности.

На этот вопрос следует ответить отрицательно. При оценке работы судов следует учитывать и те параметры, которые выходят за пределы эффективности как степени достижения целей правосудия и характеризуют уровень организации судебной деятельности (о чем уже говорилось), а также экономичность и полезность правосудия. Иными словами, общую оценку качества правосудия необходимо давать не только на уровне достижения определенных целей (эффективность), но и с учетом того, что при прочих равных условиях социальные усилия (затраты труда, средств и т. п.) должны быть минимальными, производительность труда работников суда — максимальной, общий уровень организации судебной работы (культура процессов, соблюдение процессуальных сроков, применение оргтехники и т. д.) — совершенной, т. е. должны учитываться все критерии оптимальности.

Как и критерии эффективности правосудия, все указанные выше характеристики его оптимальности могут быть представлены в виде набора количественных показателей, т. е. переведены в операциональные определения, позволяющие сравнивать уровень судебной работы в разных республиках, областях, краях на языке цифр.

³³ См., например: Л. Попов, А. Шергин, А. Шашкин. Эффективность административных санкций.— «Советская милиция», 1972, № 1, стр. 27—29; И. И. Веремеенко, Л. Л. Попов, А. П. Шергин. Понятие и условия эффективности административных санкций.— «Правоведение», 1972, № 5, стр. 33.

³⁴ В. И. Никитинский. Эффективность норм трудового права, стр. 26—27.

³⁵ Настоящая работа хотя и посвящена эффективности правосудия, однако в ней рассмотрены и некоторые другие вопросы теории оптимального судопроизводства. В завершеном виде эта теория пока не создана.

Далее необходимо, учитывать, что правосудие и судебная работа— не одно и то же. Правосудие— лишь один из компонентов (правда, решающий) всей судебной работы, куда кроме правосудия входят: прием граждан, рассмотрение административных материалов, правовая пропаганда (лекции, отчетные доклады и т. д.), оказание помощи товарищеским судам, занятия с народными заседателями, контроль за исполнением частных (особых) определений, контроль за поведением условно осужденных и др. Как показало исследование хронометраж служебных операций народных судей), проведенное нами с помощью студентов-юристов во всех народных судах городов Киева, Кишинева, Душанбе, лишь 50—60% рабочего времени народного судьи уходит на осуществление правосудия и непосредственно связанные с ним трудовые операции (изучение дел, проверка протокола судебного заседания и т. п.).

Конечно, основной, наиболее важный компонент судебной деятельности— осуществление правосудия. Поэтому показатели качества и организации правосудия имеют решающее значение при оценке всей судебной работы. Но и другие компоненты нельзя не принимать во внимание. Каждый из этих компонентов в принципе может быть оценен количественно (если массив изучаемых объектов достаточно велик), хотя для этого потребуются большие усилия. Это даст возможность оценивать работу судов отдельных республик, областей, краев всесторонне, по многим показателям. При этом сразу же возникнет проблема о «цене», или «удельном весе», одного показателя в сопоставлении с другим. Например, в одной и той же союзной республике— сравнительно хорошие показатели качества отправления правосудия, но плохие показатели правовой пропаганды, часто нарушаются процессуальные сроки и т. д. По-видимому, нужны (коэффициенты значимости (ценности) того или иного вида трудовой деятельности судей, чтобы можно было дать сравнительную оценку работы судов разных республик, областей, краев. Выведение таких коэффициентов— задача трудная. Ее можно решить на основе опроса большого числа судей и других юристов о сравнительной ценности основных компонентов судебной деятельности. Применять же эти коэффициенты можно будет лишь при анализе большого количества объектов исследования— иначе будут получены искаженные результаты.

Наконец, при оценке судебной деятельности необходимо учитывать характер «внешней среды». При равных показателях, характеризующих судебную деятельность, предпочтение следовало бы отдать судам, работавшим в более трудных внешних условиях (слабо развитая сеть путей сообщения, в результате чего возникают трудности при вызове в суды свидетелей, потерпевших, экспертов, при проведении выездных сессий и т. д.; трудные климатические условия, требующие от

судей большого физического и психического напряжения; сравнительно высокий уровень преступности в отдельных районах, увеличивающий служебную нагрузку судей; сравнительно низкий уровень общей и правовой культуры населения, влияющий на распространенность ложных свидетельских показаний, неявок свидетелей и потерпевших в суды и т. д.).

Следовательно, разработка критериев эффективности правосудия — лишь первый шаг на пути к созданию сложной системы объективных оценок качества правосудия и всей судебной деятельности.

Как видно из вышеизложенного, степень достижения целей правосудия (т. е. его эффективность) в основном может быть определена через количество и характер необоснованных и незаконных, т. е. ошибочных, приговоров (и иных судебных решений), вынесенных в данной судебной системе за определенный период. Поэтому научное направление, изучающее эффективность правосудия в целом, в качестве одного из своих важнейших разделов должно рассматривать проблему судебных ошибок и их причин.

Судебные ошибки и их причины связаны с проблемой эффективности правосудия двояко. Во-первых, количество судебных ошибок и их специфика характеризуют основной критерий эффективности правосудия (истинное установление судом фактических обстоятельств дела, правильная уголовно-правовая квалификация действий обвиняемого, назначение справедливого наказания) и имеют важное значение для характеристики остальных критериев эффективности (охрана прав граждан, воспитательное воздействие судопроизводства). Распространенность и характер судебных ошибок — это негативное выражение основного критерия эффективности правосудия и один из важных показателей степени достижения остальных критериев эффективности.

Во-вторых, изучение состояния факторов, влияющих на эффективность правосудия (см. схему 1), и выявление в них резервов для повышения эффективности совпадают по сути дела с обнаружением причин судебных ошибок и определением путей их устранения. Каждый из указанных факторов (структурных элементов системы) действует в сторону достижения целей правосудия и выступает в качестве гарантии против судебных ошибок. Однако внутри этих факторов (элементов системы) существуют тенденции и обратного свойства, несколько снижающие эффективность отдельных гарантий и правосудия в целом. Выявление и преодоление этих тенденций отрицательного характера оптимизируют отдельные гарантии правосудия и всю систему судопроизводства, снижают уровень судебных ошибок.

Улучшающиеся из года в год показатели судебной работы (они будут рассмотрены ниже) свидетельствуют и об улучше-

нии системы гарантий правосудия. Однако известно, что не все судьи и суды работают одинаково. Есть судьи, работающие в течение ряда лет без отмены и изменения приговоров. И есть судьи, у которых в течение года отменяется и изменяется до 10—15 приговоров. Одни судьи имеют хорошую юридическую подготовку, высокий уровень правосознания, достаточный опыт работы. Другие судьи не в полной мере обладают этими качествами. Одни добросовестны, другие — не в достаточной мере, одни по своим психологическим данным подходят для судебной работы, другие — не вполне. Условия работы в одних судах хорошие, в других — хуже. Причины отдельной судебной ошибки могут быть объяснены действием какого-нибудь одного из этих факторов или нескольких из них.

Ошибка может быть вызвана и случайным стечением обстоятельств. Но для того чтобы выяснить, какие именно причины детерминируют поведение системы в целом (в данном случае правосудия), необходимы статистический их обсчет, корреляционный и факторный анализы, дающие представление о том, с какой «силой» действуют те или иные причины ошибок, насколько типичны они для правосудия, какие из них главные и какие — второстепенные. При этом может оказаться, что причина отдельной судебной ошибки нетипична, случайна. Только такой подход позволит определить, насколько оптимально организовано правосудие, как близко оно подошло к реализации своих целей и наметить пути его дальнейшего совершенствования.

Речь идет, таким образом, о выявлении некоторых факторов, определяющих закономерность и темпы «убывания» судебных ошибок, а «закономерность, — указывал В. И. Ленин, — не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности при взаимопогашении индивидуальных уклонений в ту или другую сторону»³⁶. Поэтому представляются недостаточными предпринимавшиеся в прошлом исследования, когда действие той или иной причины судебных ошибок иллюстрировалось разбором отдельных (хотя бы и очень показательных) уголовных дел³⁷. Вывод о типичности и распространенности той или иной причины судебных ошибок при этом основывался на весьма сомнительных предположениях и был лишен точных количественных характеристик.

В отдельной судебной ошибке не обязательно проявляются коренные причины судебных ошибок как определенного соци-

³⁶ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 26, стр. 68.

³⁷ См., например: П. Н. Ткачев. Судебные ошибки. СПб., 1867; «Судебные драмы», т. 4, кн. 10, 1899; Max Alsberg. Justizirrtum und Wiederaufnahme. Berlin, 1913; М. М. Гродзинский. Фактические ошибки в вердикте присяжных. — «Право», 1911, № 5; Jerom Frank, Barbara Frank. «Non guilti». New York, 1957; Rene Floriot. Les erreurs judiciaires. Paris, 1968.

судей большого физического и психического напряжения; сравнительно высокий уровень преступности в отдельных районах, увеличивающий служебную нагрузку судей; сравнительно низкий уровень общей и правовой культуры населения, влияющий на распространенность ложных свидетельских показаний, неявок свидетелей и потерпевших в суды и т. д.).

Следовательно, разработка критериев эффективности правосудия — лишь первый шаг на пути к созданию сложной системы объективных оценок качества правосудия и всей судебной деятельности.

Как видно из вышеизложенного, степень достижения целей правосудия (т. е. его эффективность) в основном может быть определена через количество и характер необоснованных и незаконных, т. е. ошибочных, приговоров (и иных судебных решений), вынесенных в данной судебной системе за определенный период. Поэтому научное направление, изучающее эффективность правосудия в целом, в качестве одного из своих важнейших разделов должно рассматривать проблему судебных ошибок и их причин.

Судебные ошибки и их причины связаны с проблемой эффективности правосудия двояко. Во-первых, количество судебных ошибок и их специфика характеризуют основной критерий эффективности правосудия (истинное установление судом фактических обстоятельств дела, правильная уголовно-правовая квалификация действий обвиняемого, назначение справедливого наказания) и имеют важное значение для характеристики остальных критериев эффективности (охрана прав граждан, воспитательное воздействие судопроизводства). Распространенность и характер судебных ошибок — это негативное выражение основного критерия эффективности правосудия и один из важных показателей степени достижения остальных критериев эффективности.

Во-вторых, изучение состояния факторов, влияющих на эффективность правосудия (см. схему 1), и выявление в них резервов для повышения эффективности совпадают по сути дела с обнаружением причин судебных ошибок и определением путей их устранения. Каждый из указанных факторов (структурных элементов системы) действует в сторону достижения целей правосудия и выступает в качестве гарантии против судебных ошибок. Однако внутри этих факторов (элементов системы) существуют тенденции и обратного свойства, несколько снижающие эффективность отдельных гарантий и правосудия в целом. Выявление и преодоление этих тенденций отрицательного характера оптимизируют отдельные гарантии правосудия и всю систему судопроизводства, снижают уровень судебных ошибок.

Улучшающиеся из года в год показатели судебной работы (они будут рассмотрены ниже) свидетельствуют и об улучше-

нии системы гарантий правосудия. Однако известно, что не все судьи и суды работают одинаково. Есть судьи, работающие в течение ряда лет без отмены и изменения приговоров. И есть судьи, у которых в течение года отменяется и изменяется до 10—15 приговоров. Одни судьи имеют хорошую юридическую подготовку, высокий уровень правосознания, достаточный опыт работы. Другие судьи не в полной мере обладают этими качествами. Одни добросовестны, другие — не в достаточной мере, одни по своим психологическим данным подходят для судебной работы, другие — не вполне. Условия работы в одних судах хорошие, в других — хуже. Причины отдельной судебной ошибки могут быть объяснены действием какого-нибудь одного из этих факторов или нескольких из них.

Ошибка может быть вызвана и случайным стечением обстоятельств. Но для того чтобы выяснить, какие именно причины детерминируют поведение системы в целом (в данном случае правосудия), необходимы статистический их обсчет, корреляционный и факторный анализы, дающие представление о том, с какой «силой» действуют те или иные причины ошибок, насколько типичны они для правосудия, какие из них главные и какие — второстепенные. При этом может оказаться, что причина отдельной судебной ошибки нетипична, случайна. Только такой подход позволит определить, насколько оптимально организовано правосудие, как близко оно подошло к реализации своих целей и наметить пути его дальнейшего совершенствования.

Речь идет, таким образом, о выявлении некоторых факторов, определяющих закономерность и темпы «убывания» судебных ошибок, а «закономерность, — указывал В. И. Ленин, — не может проявляться иначе как в средней, общественной, (массовой) закономерности при взаимоотношении индивидуальных отклонений в ту или другую сторону»³⁶. Поэтому представляются недостаточными предпринимавшиеся в прошлом исследования, когда действие той или иной причины судебных ошибок иллюстрировалось разбором отдельных (хотя бы и очень показательных) уголовных дел³⁷. Вывод о типичности и распространенности той или иной причины судебных ошибок при этом основывался на весьма сомнительных предположениях и был лишен точных количественных характеристик.

В отдельной судебной ошибке не обязательно проявляются коренные причины судебных ошибок как определенного соци-

В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 26, стр. 68.

См., например: Я. Я. *Ткачев.* Судебные ошибки. СПб., 1867; «Судебные драмы», т. 4, кн. 10, 1899; *Max Alsberg.* Justizirrtum und Wiederaufnahme. Berlin, 1913; *М. М. Гродзинский.* Фактические ошибки в вердикте присяжных. — «Право», 1913, № 5; *Jerom Frank, Barbara Frank.* «Non guilti». New York, 1957; *Rene Floriot.* Les erreurs judiciaires. Paris, 1968.

ального явления, которое детерминировано на основе так называемого статистического закона причинности³⁸.

Среди юристов (особенно практиков) распространено мнение, что если многие суды и судьи работают в течение ряда лет без ошибок и полностью выполняют возложенные на них задачи, то и вся судебная система имеет 'Возможность и должна немедленно достичь этого уровня. Такой подход направлен к тому, чтобы мобилизовать судей на выполнение стоящих перед ними задач. Однако без постоянной, неуклонной, планомерной работы по совершенствованию социальных, политических, организационных, правовых и иных гарантий, влияющих на достижение «целей правосудия, невозможно существенно улучшить качество судебной работы. Поэтому научный подход к этой проблеме предполагает постепенное совершенствование гарантий правосудия³⁹, с тем чтобы обеспечить неуклонное снижение количества судебных ошибок.

Не только в правосудии, но и в других, не менее важных сферах человеческой деятельности встречаются ошибки. Их количество и характер определяются как уровнем организации этой деятельности, так и степенью развития соответствующей науки. Встречаются ошибки экономические, политические, военные, агрономические, конструкторские, эксплуатационные, навигационные, врачебные и т. д. В некоторых сферах человеческой деятельности, где достичь желаемого результата с первой попытки практически невозможно, применяется метод «проб и ошибок». Например, артиллерийская пристрелка является специфической разновидностью применения этого метода. При са-

мой высокой точности определения координат цели «идеальные данные» все же не могут быть получены. Ошибка нередко углубляется 'погрешностями приборов при наведении орудия на цель, невозможностью достичь «полного стандарта» при изготовлении снарядов и зарядов, постоянной неустойчивостью метеорологических условий и т. д. Все факторы, влияющие на точность стрельбы, образуют сложную статистическую совокупность, вызывают рассеивание снарядов. Прямое попадание при стрельбе с закрытой позиции — явление чрезвычайно редкое, что вызывает необходимость вести пристрелку по специальным правилам, в основе которых лежат эмпирически выявленные статистические закономерности рассеивания снарядов.

К сожалению, встречаются ошибки и в медицине, причем они иногда влекут весьма тяжелые последствия.

По данным академика А. И. Берга, Британское королевское общество проверило точность врачебной диагностики больных инфарктом. Отобрана 1 тыс. больных, лечившихся у восьми лучших врачей. Из них 214 умерли с диагнозом «инфаркт миокарда». На вскрытии инфаркт был подтвержден только у 118 пациентов. Таким образом, лучшие врачи ошиблись почти в половине случаев⁴⁰.

В публикации, посвященной новым методам хирургии, «говорится, что «для сердечных операций с АИКом (специальный аппарат. — *Авт.*) существуют трагические (хотя и минимальные по сегодняшнему уровню медицины) десять процентов... Тем не менее очередь на операции в клинике расписана уже на два года вперед»⁴¹.

В правосудии тоже существуют трагические проценты, характеризующие брак в работе органов судопроизводства. Их следует неуклонно снижать вплоть до полного устранения, совершенствуя с этой целью систему гарантий правосудия.

Эта проблема имеет и гносеологический аспект.

Средства информации в уголовном процессе (показания свидетелей, обвиняемых, потерпевших, документы) не всегда достаточно надежны.

Заинтересованность в исходе дела лиц, обладающих сведениями о преступлении, создает серьезные помехи для установления истины. Нередки случаи добросовестного заблуждения этих лиц относительно обстоятельств дела вследствие ограниченных возможностей восприятия, запоминания и воспроизведения фактов. Сохранение следов преступления до их обнаружения следователем (судом) зависит от метеорологических и иных объективных условий, которые не всегда благоприятствуют расследованию. Преступники нередко принимают меры к

³⁸ В философии, социологии и в других науках различают динамические и статистические законы причинности.

«В динамическом законе раскрываются отношения между различными состояниями одной и той же отдельной вещи, фиксируются изменения этих состояний, причем начальное состояние однозначно и полностью определяет последующее состояние... В статистическом законе отражаются отношения между состоянием множества, совокупности относительно однородных и относительно независимых друг от друга вещей» (*М. А. Парнюк. Детерминизм диалектического материализма*, стр. 198—199), при этом однородность статистических явлений «указывает на общность... их детерминации, на генетическое родство» (*Указ. соч.*, стр. 201).

На основе динамического закона выявляется детерминация одной, отдельно взятой судебной ошибки, а на основе статистического закона — детерминация судебных ошибок как единого социального явления. Как справедливо отмечает М. А. Парнюк, между этими двумя законами нет непроходимой грани как потому, что отдельное вызывается множественностью причин, в принципе независимых, так и потому, что средние характеризуют совокупное как отдельное^ и «эта характеристика приобретает динамический характер» (*Указ. соч.*, стр. 210).

³⁹ А. И. Берг видит проблему повышения оптимальности в том, чтобы «совершенствовать даже самое совершенное на данный период» (*Л. Я. Берг» Кибернетика. Мышление. Жизнь*. М., 1964, стр. 13); см. также: Г. З. Анашкин, *И. Л. Петру хин. Эффективность правосудия и судебные ошибки.* — «Советское государство и право», 1968, № 8).

А. И. Берг. Кибернетика и надежность. М., 1968, стр. 39.

Е. Манучарова. Скальпель и звезды. — «Известия», 18 ноября 1966 г.

уничтожению и фальсификации следов преступления, имея при этом в виду, что возможности криминалистики, несмотря на ее быстрое развитие, не беспредельны. Недостатки в работе следственного и оперативного аппарата иногда приводят к тому, что в распоряжении суда оказывается недостаточно данных для установления истины.

Сроки расследования и судебного рассмотрения ограничены. Доказывание истины в суде строго не формализовано, в нем преобладают рассуждения индуктивного характера по типу правдоподобных умозаключений⁴², что создает опасность подмены истины высокой степенью вероятности.

Все это, вместе взятое, приводит к тому, что по некоторому (хотя и незначительному) числу дел не удается установить истину в суде, и подсудимый оправдывается «за недоказанностью» (ст. 309 УПК РСФСР).

§ 3. Системно-структурный подход к изучению эффективности правосудия

Изучение эффективности любого звена социального и государственно-правового механизма, включая правосудие, требует применения системно-структурного подхода, который в последнее время широко и плодотворно используется во многих отраслях научного знания.

Попытку сформулировать общую теорию систем предпринял еще в 1937 г. Л. Берталанти, который затем развил свои взгляды⁴³ и приобрел многочисленных сторонников. Однако, по справедливому замечанию В. Н. Садовского, эта теория — «общая, но не всеобщая»⁴⁴, ибо системные идеи были затем включены в теорию еще более высокой степени общности — кибернетику, а это дает основание утверждать, что системно-структурный подход «является фактически кибернетической установкой»⁴⁵.

Следует учитывать, что и сама кибернетика не есть наука высшей степени абстракции, поскольку она опирается на теоретический и методологический фундамент диалектического материализма.

Характеризуя значение общей теории систем для гуманитарных наук, Б. В. Бирюков и Е. С. Геллер пишут:

⁴² Г. М. Резник. Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе. Автореф. канд. дисс. М., 1969, стр. 9—10.

⁴³ Л. Берталанти. Общая теория систем.—«Системные исследования». М., 1969, стр. 66 и сл.

⁴⁴ В. Н. Садовский. Общая теория систем: задачи и методы построения.—«Исследование систем» (материалы Всесоюзного симпозиума). Под ред. А. А. Ляпунова и М. Д. Ахунова. М., 1971, стр. 31.

⁴⁵ Б. В. Бирюков, Е. С. Геллер. Кибернетика в гуманитарных науках. М., 1970, стр. 9.

«Идущий от кибернетики „системный подход“, который поэтому лучше называть системно-кибернетическим подходом, в науках о человеке и обществе вносит немаловажный вклад в реализацию требования „строгости“, „точности“ исследования, Прежде всего этот подход способствует большей определенности применяемых в гуманитарных науках понятий. Предполагая установление информационных связей между элементами исследуемой системы, ее подсистемами, системой и средой, выявление феноменов управления, организации и адаптации, он, этот подход, влечет за собой введение соответствующих количественных критериев, создает условия для систематизации и осмысливания фактического материала, для выработки различных языков описаний, т. е. перехода к этапу математической (и логико-математической) формализации»⁴⁶.

Здесь не место для анализа основных идей, концепций, понятий общей теории систем. Этому посвящена обширная специальная литература. В нашу задачу входит лишь применение системно-структурного подхода для изучения предмета нашего исследования — правосудия, поскольку этот метод в совокупности с другими позволяет глубже проанализировать систему гарантий эффективности судопроизводства, рассмотреть их как отдельно, так и в интегрированном виде.

Но прежде чем сделать это, придется все же, хотя бы в общих чертах, рассмотреть основные признаки, образующие понятие системы, а затем выявить их возможные приложения к интересующей нас проблеме.

В настоящее время существует очень большое количество определений системы и структуры, в которых на первый план выдвигаются то одни, то другие стороны этих многогранных понятий в зависимости от целей, которые ставили перед собой исследователи, области приложения системных представлений и степени абстрактности изложения.

Отсылая читателя к соответствующей литературе⁴⁷, отка-

⁴⁶ Б. В. Бирюков, Е. С. Геллер. Кибернетика в гуманитарных науках, стр. 10; см. также: Н. Стефанов. Теория и метод в общественных науках. М., 1967, стр. 90; Ст. Бир. Кибернетика и управление производством. М., 1967, стр. 23.

⁴⁷ В. Я. Садовский. Основания общей теории систем. М., 1974, стр. 82—100; А. Г. Спиркин. Курс марксистской философии. Изд. 2-е. М., 1966, стр. 161; А. Д. Урсул. Природа информации. М., 1968, стр. 94—99; Г. Кестлер. Общие принципы системного анализа.—«Исследования систем (материалы Всесоюзного симпозиума)». М., 1971, стр. 37—42; Ю. В. Скачков. Введение в вероятностный мир, стр. 29; «Точные методы исследования культуры и искусства» (материалы к симпозиуму). М., 1971, стр. 12, 46—47, 115 и сл.; Н. Г. Абрамова. Целостность и управление. М., 1974, стр. 31—34, 200—233; А. В. Оболонский. Проблемы системного исследования социально-культурной отрасли управления (методологические аспекты). Автореф. канд. дисс. М., 1974, стр. 10.

Понятие системы в его применении к государству и праву рассматривалось рядом авторов. См., например: Я. Я. Лебедев, Л. И. Спиридонов. О возможностях системного анализа государственно-правовых явлений.—

жемся от попытки сформулировать всеобъемлющее, универсальное понятие системы и попытаемся раскрыть содержание этой категории методом перечисления ее основных 'свойств.

1. Система — это совокупность элементов любого свойства (физических, химических, социальных и т. д.), объединенных по принципу отнесения их к определенной сфере управления.

2. Элементы в системе взаимосвязаны, представляя собой некое единство. Существуют различные формы связи элементов в системе: информационная, энергетическая, причинная (на уровне динамических или статистических законов 'причинности), связь взаимодействия, функциональная⁴⁸.

Элементы системы обмениваются информацией как по вертикали (из управляющего центра и обратно), так и по горизонтали. Преобладание информационных потоков «сверху вниз» указывает на жесткость управления, централизованность системы, слабую информированность центра о положении дел на периферии (недостаточная обратная связь). Если же, наоборот, обратная связь (информация «снизу» вверх) налажена удовлетворительно, а управляющих информационных потоков из центра явно недостаточно, то элементы системы могут стремиться к чрезмерной автономии, и система становится все менее управляемой.

Энергетическая связь элементов означает переход энергии различных видов от одного из них к другому. В оптимально организованной системе общая энергия элементов направлена на достижение заранее намеченных целей.

Причинная связь означает, что одни элементы могут генетически порождать другие либо совокупность элементов может детерминировать на статистическом уровне определенное состояние системы. Поскольку существует обратное влияние следствия на причину, можно говорить о взаимодействии элементов. Причинная связь лишь звено в сложном переплетении взаимодействий, из которых возникает определенный результат.

«Вестник ЛГУ». Вып. 4, 1963, № 23, стр. 86—92; В. П. Казимирчук. Право и методы его изучения. М., 1965, стр. 178; Ц. А. Ямпольская. К методологии науки управления.— «Советское государство и право», 1965, № 8, стр. 12—21; В. А. Шабалин. Системный анализ механизма правового регулирования.— «Советское государство и право», 1969, № 10, стр. 123—127; Г. А. Туманов. Организация управления в сфере охраны общественного порядка, стр. 76—4158; Р. С. Белкин, А. Я. Винберг. Криминалистика. Общетеоретические проблемы. М., 1973, стр. 153—165; В. Н. Кудрявцев. Уголовная юстиция как система.— «Правовая кибернетика». Под ред. А. Р. Шляхова, В. Н. Кудрявцева. М., 1973, стр. 8—20; В. Д. Рудаевский. Проблемы системного анализа процесса принятия государственных решений. Автореф. канд. дисс. М., 1973, и др.

М. Бунге. Причинность. Место принципа причинности в современной науке. М., 1962, стр. 31—32; Б. С. Украинцев, Самоуправляемые системы и причинность. М., 1972, стр. 17.

Функциональная связь между элементами системы характеризует ее многоярусность, т. е. такое построение, при котором элементы нижнего яруса, объединенные в подсистемы, выполняют функцию, направленную на достижение целей элементов верхнего яруса, и, таким образом, все элементы системы «работают» в вертикальном направлении, в сторону достижения целей всей системы. Возникает иерархия функций — от функции элемента, группы элементов, подсистемы до функции (всей системы). Неполадки в этой сложной системе функций называют дисфункциями, на устранение которых направлено управление системой.

На пути передачи, информации внутри системы могут возникнуть «барьеры», или помехи, обусловленные различными факторами (географическая удаленность объектов управления, ведомственная разобщенность, смысловые неточности и ошибки в перекодировании информации, организационные, психологические и иные затруднения)⁴⁹.

Преодолевая указанные «барьеры», сигналы информации могут «затухать», поэтому в управляемых объектах нередко функционируют специальные усилители.

3. Нет такой сложной системы, которая не состояла бы из менее сложных подсистем. Эти подсистемы, уже в качестве самостоятельных систем, состоят из еще менее сложных подсистем и т. д. (порог дробления на подсистемы определяется степенью изученности структуры систем и характером задачи управления).

С другой стороны, сложная система, о которой шла речь, входит в более сложную, а эта последняя — в еще более сложную и т. д.

Теоретически иерархия систем не имеет ни нижнего, ни верхнего предела. Это явление принято называть «парадоксом иерархичности».

4. Система — не механическая или арифметическая сумма элементов, не простой конгломерат их, а гибкое образование, приобретающее совершенно новые свойства по отношению к свойствам отдельных элементов или подсистем. Речь идет, таким образом, об интегративных свойствах системы, ее целостности.

Если в сложную систему включить какой-нибудь существенный элемент или, наоборот, исключить такого рода элемент, то меняется характер связи между всеми или многими элементами системы⁵⁰.

Г. А. Туманов. Организация управления в сфере охраны общественного порядка, стр. 105—111.

И. Д. Кучеров. Об особенностях построения системно-структурных моделей в конкретных социальных правовых исследованиях.— «Проблемы социологии права». Под ред. В. Н. Кудрявцева и А. Б. Чяпаса. Вильнюс, 1970, стр. 63.

Правда, это явление наблюдается в хорошо организованных системах со сложным комплексом устойчивых многосторонних связей между элементами (они могут быть выявлены на основе теории графов).

5. Элементы системы связаны единой целью, достижению которой подчинено функционирование всей системы. Подсистемы имеют свои собственные целевые функции, свои специфические цели, однако их достижение должно служить достижению общей цели системы. Таким образом, локальные цели подсистем и глобальная цель системы должны представлять собой некоторую иерархию.

Система должна иметь допустимый критерий эффективности, определяющий предельно возможное отклонение от цели. Как справедливо заметил В. Н. Кудрявцев, системный анализ — не самоцель, а средство повышения эффективности систем⁵¹.

6. Система выделена из окружающей среды благодаря единству элементов, интегрированных единой целью системы. Среда сама представляет собой сложное системное образование. В зависимости от угла зрения и целей исследования одни и те же элементы могут принадлежать разным системам.

Информационные связи внутри системы интенсивнее, чем связи системы со средой. Существование системы и степень ее эффективности зависят от того, насколько она может приспосабливаться к «возмущающим» влияниям среды, адаптироваться к постоянно меняющимся условиям, перестраивая свою внутреннюю организацию, но сохраняя при этом неизменной свою целевую функцию и качественную определенность.

Теоретически бесспорно, что открытые системы, взаимодействуют со средой и не имеющие жесткой детерминации, не в полной мере гарантированы от ошибок и дисфункций. Речь идет о так называемых возмущающих факторах, стремящихся сдвинуть систему с оптимального режима функционирования. Адаптация системы (подсистемы), т. е. ее приспособление к новым условиям, происходит за счет саморегулирования (перестройки системы с таким расчетом, чтобы она не отклонялась от ранее намеченных целей). До тех пор пока открытая система, взаимодействующая со средой, не отреагировала на возмущение, она находится в состоянии дисфункции. Когда же система восстановила, а иногда и повысила свою функцию, она подвергается влиянию новых возмущений и т. д. Правда, и в этих сложных условиях эффективность прогрессирующих систем возрастает, но возмущающие воздействия продолжают оставаться неизбежным их спутником. Конечно, эти взаимодействия можно заранее предвидеть с помощью научного прогноза, но не все и не во всех деталях. Поэтому элемент случай-

ности и неопределенности выбора в поведении открытой, не жестко детерминированной системы до конца преодолеть невозможно.

Общество и государство не являются жестко детерминированными системами — они относятся к типу вероятностно-стохастических систем, сохраняющих существенную свободу выбора поведения. Этим достигаются гибкость системы, ее способность так реагировать на возмущения, чтобы сохранять свое равновесие (гомеостазис).

Следует иметь в виду, что возмущение — это любое воздействие на систему, заставляющее ее менять свою организацию, — как положительное (повышающее в конечном счете уровень организации), так и отрицательное (действующее в сторону снижения уровня организации). Хорошо организованная система устойчива (гомеостатична), она «борется» с возмущающими влияниями среды, обнаруживая при этом поразительную живучесть. Парадоксально, что при относительно слабой надежности каждого элемента системы все системное образование может быть чрезвычайно надежным.

7. Система всегда связана с регулированием, саморегулированием и управлением. Управление достигается благодаря воздействию на детерминанты системы, сопряжено с перестройкой связи внутри системы, чтобы обеспечить ей заданное поведение. Управляемая и управляющая системы представляют собой некое единство. Чтобы управлять, надо иметь модель объекта управления, оказывать на него необходимые воздействия и получать сигналы обратной связи о том, какова эффективность этих воздействий.

В системе, рассматриваемой с точки зрения теории управления, различают: 1) мотиваторы, определяющие и корректирующие потребности системы; 2) сенсоры и эффекторы, получающие информацию, перерабатывающие ее и генерирующие определенные действия системы; 3) законы и правила (алгоритмы), по которым функционирует система⁵².

Постоянное изменение элементов системы, их функций и связей в процессе управления (самоуправления) придает системе свойство динамичности.

Таковы основные краткие характеристики категории «система».

Специфика социальных систем определяется по крайней мере тремя основными факторами.

1. Это системы повышенной сложности (так называемые большие системы, ультрасистемы) с огромным количеством подсистем, блоков, элементов, находящихся в сложном взаимодействии. Такая высокая степень сложности пока не позволяет применять в полной мере метод формализации структуры

⁵¹ В. Н. Кудрявцев. Уголовная юстиция как система, стр. 12,

⁵² Г. Кестлер. Общие принципы системного анализа, стр. 25—27,

социальных систем и пользоваться при этом математическим аппаратом (хотя простейшие математические модели социальных процессов имеются, и, надо полагать, в будущем это направление исследований достигнет значительных результатов).

Сверхсложность социальных систем не всегда позволяет довести анализ до выявления всей совокупности причинно-следственных связей. Это делает особенно плодотворным входо-выходной метод изучения социальных (и других сверхсложных) систем, при котором не пытаются изучить в деталях строение системы, зато стремятся обеспечить «на выходе» необходимое поведение системы путем подачи «на вход» определенных управляющих воздействий. При этом возрастает значение эксперимента и моделирования. Управление сложной системой без детального изучения ее субстрата именуется макроподходом. Когда возникает необходимость изучить отдельные элементы системы, выявить причинные связи и иные зависимости внутри системы, то такой метод исследования именуется микроподходом. Макро- и микроподходы в социальных науках, как правило, не применяются изолированно.

Способом преодоления «кошмара сложности» социальных систем может служить декомпозиция, т. е. разбивка на определенные подсистемы и их изолированное изучение.

2. Социальные системы относятся «к разряду так называемых диффузных систем (диффузия — взаимопроницаемость), характерных тем, что между элементами системы нет четких перегородок, взаимодействия носят стохастический (вероятностный) характер и не могут быть пока строго формализованы»⁵³.

3. Социальные системы функционируют с учетом такого чисто «человеческого» фактора, как потребности и ценности. Потребность, которой придано социально полезное значение, превращается в ценность, для достижения или охраны которой создана и «работает» социальная система (подсистема)⁵⁴.

Цели социальных систем формируются человеком, проходят через его сознание, прежде чем стать реальным стимулятором деятельности. Поэтому в социальных системах существует аппарат выработки и регулирования ценностных ориентаций⁵⁵, которые воплощаются в совершенно конкретные цели систем и подсистем.

На основе изложенных выше представлений о системах и их функционировании можно теперь попытаться найти некоторые нетрадиционные подходы к изучению судебной системы и условий (гарантий) ее эффективности. Представляется, что

⁵³ В. В. Налимов. Теория эксперимента. М, 1971, стр. 7—8; Б, В, Бирюков* Е. С. Геллер. Кибернетика в гуманитарных науках, стр. 40,

⁵⁴ Л. М. Яковлев. Преступность и, социальная психология. М., 1971.

⁵⁵ В. Д. Рудашевский. Проблемы системного анализа процесса принятия государственных решений, стр. 13.

правосудие как определенная государственно-правовая система может быть охарактеризовано в четырех ракурсах.

1. Представление об органах правосудия как судебной системе, включающей четыре звена (снизу вверх): 1) Народные районные (городские) суды; 2) Верховные суды АССР, областные, краевые суды, суды автономных областей и национальных округов (все они наделены одинаковой компетенцией при осуществлении правосудия); 3) Верховные суды союзных республик; 4) Верховный Суд СССР (на Военной коллегии Верховного Суда СССР «замыкается» система военных трибуналов, отнесенных к судам Союза ССР).

Каждое звено судебной системы, кроме Верховного Суда СССР, представляет собой ярус, состоящий из равных элементов, выполняющих одни и те же функции, притом одними и теми же методами.

Организация этой системы с точки зрения общей теории систем не очень сложна, потому что связи между элементами одного яруса сравнительно слабы. В самом деле, нельзя говорить о непосредственной связи (в смысле теории управления) между народными судами области, автономной, союзной республики. Тем более трудно усмотреть связь между народными и областными судами, находящимися в разных союзных республиках. Специфика отправления правосудия такова, что даже в одном народном суде нет тесной связи между судьями в смысле «управления» их (и народных заседателей) процессуальной деятельностью, поскольку при отправлении правосудия они независимы и подчинены только закону (разумеется, здесь не идет речь о личных контактах, взаимных поездках для обмена опытом и т. п.).

И, тем не менее, во всех этих случаях информационно-управленческие связи имеются, однако осуществляются они специфическим образом.

Внутри народного суда и вообще суда любой инстанции складывается определенный единый подход к разрешению различных правовых вопросов — о том, при наличии каких доказательств обвинение следует считать доказанным, при каких обстоятельствах следует возвращать дела для доследования, какие меры наказания следует применять по однородным делам и т. д. Короче, в суде образуется микроколлектив со своими ценностными ориентациями (они, как правило, соответствуют потребностям всего общества), с явлениями конформности (единообразным поведением членов социальной группы на основе одобряемых ими социальных норм), с отклоняющимся поведением отдельных судей, отстаивающих и проводящих в жизнь свою собственную спорную точку зрения, и т. д.

Связь же между судами одного яруса, как равноправными элементами системы, осуществляется опосредованно, а именно через единые для всех судов законы и вышестоящий

суд. Последний, рассматривая в кассационном и надзорном порядке уголовные и гражданские дела, формирует единую судебную практику нижестоящих судов, придает ей то направление, которое соответствует закону и задачам уголовной политики. Верховный Суд СССР и Верховные суды союзных республик, кроме того, «управляют» осуществлением правосудия в пределах своей компетенции и при помощи руководящих разъяснений по отдельным категориям дел или проблемам, возникающим на практике.

Информационно-управленческие связи между судами одного яруса судебной организации осуществляются также через министерства юстиции СССР, союзных и автономных республик, отделы юстиции областных (краевых) исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся (совещания и семинары судей, организация обмена опытом путем рассылки во все суды материалов обобщений судебной практики, проверки организации судебной деятельности и т. д.).

И все-таки при рассмотрении судебной системы лишь как совокупности органов более рельефно выступают на передний план информационно-управленческие связи, идущие по вертикали, т. е. сверху вниз (прямая управляющая связь) и снизу вверх (обратная связь). При таком иерархическом подходе к судебной системе более очевидны необходимая связь между ее подсистемами, а также детерминированность системы. Сразу видно, что устранение хотя бы одного яруса системы невозможно. Этого нельзя сказать об элементах системы, принадлежащих к одному ярусу (ликвидация или возникновение нескольких народных судов в республике, области может существенно и не повлиять на функционирование всей судебной системы). Правда, и здесь есть элементы связи, так как указанные организационные мероприятия могут увеличить или уменьшить нагрузку, падающую на другие суды, и в конечном счете как-то повлиять на качество их работы.

2. Понимание судебной системы как системы инстанций вполне правомерно и лишь некоторыми сторонами отличается от предыдущего. По существу оно смыкается с представлением о системе стадий процесса, из которых здесь рассматриваются в единстве лишь судебные стадии. Известно, что в СССР существуют суды трех инстанций — первой, второй (кассационной) и третьей³⁶ (надзорной). В качестве суда первой инстанции может действовать, в пределах своей компетенции, любой суд. Кассационными и надзорными инстанциями являются соответственно пленумы, коллегии, президиумы вышестоящих судов начиная с областного (краевого).

Как и в предыдущем случае, связь между инстанциями

О превращении судов надзорных инстанций в суды третьей инстанции см. гл. III, IV и XII. Эта точка зрения дискуссионна,

одного яруса опосредованная — она осуществляется через единый для всех закон, вышестоящую инстанцию и органы судебного управления.

Связь между судебными инстанциями по вертикали более интенсивна и информационно насыщена. Вышестоящие инстанции призваны исправлять ошибки нижестоящих и посредством вынесения определений, постановлений, руководящих разъяснений направлять их деятельность. При рассмотрении конкретных дел используются два способа «управления»: отмена и изменение приговоров. Однако такого рода «управление» имеет свои разумные пределы. В частности, вышестоящая инстанция, отменяя приговор, не вправе предписывать нижестоящей, какие факты следует считать доказанными, какое наказание необходимо назначить и т. д.

В сущности здесь «управление» не вполне сбалансировано, так как нижестоящая судебная инстанция (хотя и в ином составе судей) может теоретически сколько угодно раз выносить приговор, который, с точки зрения вышестоящей инстанции, является ошибочным. Эффективность управления в подобных случаях определяется авторитетом вышестоящей инстанции и ее правом принять дело к своему производству.

О системе инстанций можно также сказать, что устранение хотя бы одного звена может послужить серьезным «возмущающим фактором» и привести к росту судебных ошибок.

3. Система — это также система правоотношений, а равно иных (не только правовых) отношений между участниками уголовного процесса. Это чрезвычайно сложная, хорошо сбалансированная система, где различают функции обвинения, защиты, рассмотрения и разрешения дела по существу.

Этот аспект хорошо разработан в теории советского уголовного процесса, поэтому на нем здесь вряд ли нужно останавливаться.

4. Система — это также и система условий (гарантий) эффективности правосудия. Она представляет наибольший интерес для нашего исследования, поэтому ей будет уделено и больше внимания.

В социальном организме можно выделить систему, целью которой является поддержание и развитие нравственных ценностей общества³⁷. Она включает в себя подсистему, имеющую целью борьбу с преступностью. Эта последняя, рассматриваемая уже в качестве самостоятельной системы, состоит из многих подсистем, одной из которых является государственный

В. Г. Афанасьев различает в структуре общества четыре подсистемы: 1) экономическую; 2) социальную; 3) духовную; 4) семейно-бытовую (В. Г. Афанасьев. Управление обществом как социологическая проблема. — «Научное управление обществом», 1968, вып. 3, стр. 184). Нравственные ценности общества, по-видимому, следует отнести в основном к третьей подсистеме.

аппарат, осуществляющий государственное принуждение и уголовную политику⁵⁸.

В качестве компонента этой системы и следует рассматривать правосудие по уголовным делам. Достижение правосудием своих специфических целей способствует достижению целей вышестоящей системы, куда оно входит, т. е. искоренению преступности.

Эффективность деятельности суда, в свою очередь, обеспечивается согласованным действием ряда подсистем, каждая из которых, способствуя достижению его целей, имеет свои собственные функции и задачи (прокурорский надзор, защита и т. д.).

Однако в число подсистем, обеспечивающих эффективность правосудия, следует включать не только соответствующие государственные органы и участников процесса, действующих на основе закона, но и неправовые факторы.

Все эти системы и подсистемы построены по функциональному признаку: функции подсистем при их совокупности действий определяют общую функцию системы.

Этот структурно-функциональный подход к изучению правосудия имеет то преимущество, что он позволяет не только глубже изучить его сущность (гносеологический аспект), но и обеспечить достижение целей правосудия путем оптимизации его гарантий (управленческий аспект). Элементарная структурная модель этих гарантий приведена на схеме 1.

Каждая из намеченных в нашей схеме структур представляет относительно самостоятельную систему, состоящую из множества более мелких структур и элементов вплоть до мельчайших звеньев — отдельных норм процессуального права, отдельных микрофакторов. Каждый элемент этой весьма сложной динамической системы несет определенную нагрузку, выполняет определенную функцию. Из функций микроэлементов складывается функция структурной группы и так далее, вплоть до функций правосудия в целом. Следовательно, можно и нужно изучать эффективность не только правосудия в целом, но и отдельных структурных групп, элементов, из которых складываются гарантии правосудия. В настоящее время некоторые элементы этой сложной системы еще плохо изучены (например, психологические характеристики личности судей).

Плодотворную попытку дать системный анализ «практической уголовной политики» предпринял А. А. Герцензон (*А. А. Герцензон. Уголовная политика и пути ее изучения.* — «Советское государство и право», 1969, № 8, стр. 21—23).

Продолжением и уточнением этой идеи является вычленение В. Н. Кудрявцевым из всего государственного аппарата системы органов уголовной юстиции, ведущих борьбу с преступностью (МВД, прокуратура, суды, министерство юстиции и его органы, исправительно-трудовые учреждения) (*В. Н. Кудрявцев. Эффективность системы уголовной юстиции*, стр. 13—18).

Элементарная структурная модель гарантий советского правосудия*

* Для упрощения не обозначены связи правосудия в суде первой инстанции с качеством предварительного расследования, уровнем кассационной и надзорной работы, а также обратные связи («управление» указанными на схеме факторами на основе сведений о степени достижения целей), I, II, III — три уровня гарантий.

Если каждый элемент сложной системы гарантий правосудия имеет заранее рассчитанную функцию (в принципе это осуществимо, хотя бы в отдаленном будущем), а их совокупность определяет функцию всего правосудия, то для поддер-

жания стабильности системы необходимо «постоянно следить за тем, чтобы все эти функции не отклонялись от заданных параметров. Для этого нужна, конечно, хорошо налаженная система информации о «поведении» элементов системы. Пока мы не располагаем столь исчерпывающей информацией, но социологические исследования правосудия приближают нас к этому.

На приведенной схеме указаны цели, т. е. идеальные критерии эффективности правосудия.

Цели (критерии эффективности) правосудия достигаются через применение судьями и народными заседателями норм права, процессуального и уголовного, а также благодаря рациональной организации судебной системы (судоустройство). Достижению целей правосудия способствует то влияние, которое оказывают на внутреннее убеждение судей участники процесса с самостоятельными или представляемыми процессуальными интересами (прокурор, защитник, обвиняемый и т. д.), действующие в рамках закона.

На уровень судебной работы влияют также качество предварительного следствия (чем оно хуже, тем больше вероятность судебных ошибок), практика вышестоящих судов, осуществляющих уголовную политику, состояние судебного управления.

Чрезвычайно высока степень влияния на эффективность правосудия свойств личности судей и народных заседателей, условий, в которых живут и работают судьи. В основе их личностных характеристик лежат факторы еще более глубокой сущности, характеризующие состояние общих для всех видов государственной деятельности гарантий законности. Эти гарантии образуют фундамент, на котором зиждется вся социальная и государственно-правовая система.

Исходя из приведенной схемы, можно наметить три уровня изучения эффективности правосудия.

На первом уровне анализируются факторы, связанные с применением судом Отраслей, институтов и отдельных норм права, изучаются правовые характеристики эффективности процессуальной деятельности (правовой аспект). Констатируется, в частности, что причинами судебных ошибок являются неполнота, необъективность, односторонность предварительного и судебного следствия, несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела, существенные нарушения уголовно-процессуального закона. На этом уровне изучаются полнота установления предмета доказывания, взаимоотношения суда с участниками процесса, влияние последних на внутреннее убеждение суда, ошибки при проведении отдельных процессуальных действий и их влияние на разрешение дела, а равно и другие вопросы применения судом норм права (см. гл. VII—IX).

Обобщения практики, проводимые в судах, как правило, не выходят за пределы этого уровня, ограничиваясь констатацией судебных ошибок и юридическим подходом к объяснению их

причин. Этот подход, будучи необходимым и важным условием изучения эффективности правосудия, все-таки недостаточен, ибо без выяснения остается вопрос: почему эффективность правового воздействия снижается из-за ошибок и недостатков правоприменительной деятельности. Надо объяснить, в частности, почему в ряде случаев судебное следствие проводится односторонне, необъективно, почему судьи допускают процессуальные нарушения, ошибки в применении диспозиций норм материального права, назначении наказания и т. д.

Ошибки допускают судьи и народные заседатели⁵⁹, поэтому и объяснение причин ряда ошибок нужно искать в их личностных характеристиках, условиях жизни и работы.

Второй уровень изучения эффективности правосудия характеризуется социологическим, психологическим, этическим подходом к изучению личности судей и народных заседателей и их взаимоотношений между собой, а равно изучением объективных условий, в которых протекает служебная деятельность и вообще вся жизнь судьи (см. гл. V—VI). Это второе звено в цепи гарантий правосудия теоретически оказалось почти неисследованным, хотя именно оно в значительной мере определяет эффективность правоприменительной деятельности. Оно не укладывается в традиционную схему правовых наук, изучающих правосудие (уголовный процесс, судоустройство), так как предметом изучения в данном случае является не право, а личность судьи и условия его работы, влияющие на эффективность применения уголовного и процессуального права.

Право, верно отражающее характер регулируемых общественных отношений и способное направлять их в соответствии с законами общественно/го развития, в целом является эффективным. Однако в процессе правоприменительной деятельности возможны искажения смысла норм права, ошибки и просчеты, подмена правовых предписаний усмотрением отдельных должностных лиц; возможны ситуации, когда та или иная норма права вообще не применяется или применяется ограниченно⁶⁰. Поэтому реальная «жизнь» правовой системы — это нечто отличное от правовых нормативов. Кто же дает жизнь уголовному и процессуальному праву при осуществлении правосудия? Конечно, судья и народные заседатели. И от того, как они понимают задачи права, каков уровень их правосознания и юридической подготовки, насколько судьи любят свою профессию,

⁵⁹ Рассмотреть все личностные характеристики судьи в работе о судебных ошибках не представляется возможным. Здесь не рассматриваются также характеристики личности народных заседателей, поскольку это — самостоятельная научная проблема, которую исследуют специально созданные для этого авторские коллективы и отдельные ученые.

⁶⁰ Л. С. Пашков, Д. И. Чечот. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления.—«Советское государство и право», 1965, № 8, стр. 7.

в каких условиях они работают, как стимулирован их труд,— зависит реализация замысла законодателя. Следовательно, для достижения эффективности правосудия недостаточно эффективного процессуального и уголовного орава и хорошо организованного судоустройства. Необходима еще и эффективная деятельность. Чаще 'всего именно из-за недостатков правоприменительной деятельности, а не дефектов трава, снижаются показатели эффективности правосудия. Суд и другие участники процесса далеко не всегда пользуются широкие возможности, которые предоставляет им право,—и в этом, а не только в самом праве, следует искать резервы для повышения эффективности правосудия⁶¹.

Третий уровень изучения эффективности правосудия состоит в выявлении зависимостей между качеством судебной работы и действием социально-экономических, политических^ идеологических, научных гарантий, общих для всех видов государственной деятельности.

В нашей работе эффективность правосудия (в связи с проблемой судебных ошибок) рассматривается на всех трех уровнях. При этом третий (самый глубокий) уровень образует методологическую основу изучения причин судебных ошибок и представлен по существу во всех разделах работы, которая имеет задачей поставить проблему судебных ошибок не только юридически, но и в широком социально-политическом плане. В частности, об этом сказано в гл. IV при объяснении динамики судебных ошибок в связи с изменениями уголовной политики и в других разделах работы.

Иерархическая система гарантий правосудия — самая сложная из рассмотренных выше систем, где речь шла либо об органах, либо о субъектах судопроизводства и их взаимоотно-

И. С. Самощенко и В. И. Никитинский определяют эффективность права как «степень достижения тех целей, которые имел в виду законодатель» (И. С. Самощенко, В. И. Никитинский. Изучение эффективности действующего законодательства, стр. 6), связывая ее с действием, реализацией норм права (там же, стр. 4). Но представляется, что при этом допускаются смешение эффективности правовых норм с эффективностью правоприменительной деятельности. Между тем сами по себе эффективные нормы могут неэффективно применяться. Поэтому эффективность права следует понимать как долю «вклада» права в достижение целей регулируемой им деятельности, на которую оказывают регулирующее воздействие и другие, неправовые факторы. Это обстоятельство в значительной мере учтено в более поздней статье И. С. Самощенко, В. И. Никитинского и А. Б. Венгерова «Об основах методологии и методики изучения эффективности действия правовых норм» (стр. 37-^38), где ставится вопрос о необходимости вычлнения правового фактора из ряда других, неправовых: мера влияния нормы права на совокупный результат воздействия всех основных регулирующих факторов и определяет степень эффективности этой нормы. И все же указанные авторы не проводят достаточно четко различия между «социальной эффективностью норм права» самих по себе и «эффективностью механизма действия норм права» (там же, стр. 18).

ношениях. Поэтому именно данный аспект системно-структурного подхода к правосудию прежде всего вытекает из общей теории систем и именно здесь находят наиболее плодотворное применение (понятия и категории этой теории).

Цели и критерии эффективности системы гарантий правосудия уже (были рассмотрены в § 1, 2 данной главы. Следует, однако, иметь в виду, что некоторые элементы приведенной выше системы обладают и «собственными» потребностями, целями и критериями эффективности.

Потребность⁶² потерпевшего от преступления, признаваемая и поощряемая законом, состоит в возмещении причиненного ему вреда и изобличении преступника. Отсюда — целевой функцией потерпевшего, как она определена законом, является обвинение. Можно наметить и критерии эффективности осуществления этой функции: активное изобличение преступника потерпевшим, заявление им обоснованных ходатайств, сообщение достоверных сведений на допросе, степень использования права участвовать в исследовании доказательств судом, кассационного обжалования приговора и др. Степень девиантного (отклоняющегося от определенной законом функции) поведения потерпевшего, когда он, допустим, использует свои широкие процессуальные возможности для «выгораживания» преступника или с той же целью отказывается от реализации предоставленных ему законом прав, тоже служит одним из критериев определения степени эффективности участия потерпевшего в процессе.

Противостоящая потерпевшему сторона — обвиняемый — имеет, как правило, противоположные потребности, интересы и цели в уголовном процессе.

Естественная потребность обвиняемого — защищаться от предъявленных обвинений или доказывать суду меньшую вину. Закон признает эту потребность, учитывая, что среди обвиняемых есть и невиновные, и поэтому определяет основное направление деятельности обвиняемого в уголовном процессе как функцию защиты. {Впрочем, закон, не препятствует взрослому и здоровому обвиняемому отказаться от права на защиту, независимо от преследуемой им цели (полное раскаяние или заpirationство)}. Эффективность процессуальной деятельности обвиняемых может быть оценена с помощью критериев, 6 которых говорилось применительно к потерпевшим; только направление деятельности будет противоположным и отказ от защиты при полном раскаянии не будет фактором, снижающим эффективность поведения обвиняемого в процессе.

Теперь представим себе всех потерпевших по всем уголов-

Потребности системы — это «факторы, способствующие ее выживанию, активному поведению и развитию» {Б. С. Украинцев. Самоуправляемые системы и причинность, стр. 174).

ным делам. Они будут «представлять собой некоторую систему, имеющую свои потребности, признаваемые законом интересы, цели и критерии эффективности. При этом виктимология (наука о потерпевшем) изучает на статистическом уровне те факторы, которые определяют общий облик потерпевшего и способствуют (или препятствуют) осуществлению им своей процессуальной функции.

То же можно сказать об обвиняемых. И они в целом могут быть представлены как некая система со своими потребностями, интересами, целями и критериями эффективности. Факторы, влияющие на поведение обвиняемого в процессе, изучают криминология и психология.

Но такое разделение двух указанных систем не исчерпывает существа вопроса, ибо они по сути дела представляют собой единую систему.

Глубокий смысл состоит в том, что систему составляют элементы, имеющие (на статистическом уровне) противоположные интересы, цели и функции. Единство этих противоположностей, их взаимодействие в судебном процессе служат интересам правосудия в целом.

В качестве сложной системы можно рассматривать всех лиц, наделенных функцией обвинения (включая прокурора и общественного обвинителя), и их взаимодействие в процессе.

С другой стороны, не менее сложной системой являются совокупности и взаимодействия лиц, осуществляющих функцию защиты (включая адвоката и общественного защитника).

Обе эти сложные системы образуют систему еще большей сложности, где обвинение и защита противоборствуют в целях достижения истины. Поскольку обвинение и защита общаются в процессуальном плане только через суд, стремясь убедить его в своей правоте, следует, безусловно, включить в эту сложную систему и суд. Последний представляет центральное звено в этой системе*, поскольку он управляет ходом процесса и принимает решения/имеющие силу закона.

К этой системе подключаются лица, от которых неходят сведения о преступлении,—свидетели, эксперты, а также названные уже обвиняемый и потерпевший (выступающие в данном аспекте как источники сведений о фактах); лица, от которых исходят документы, истребованные судом; лица, оказывающие суду техническую помощь (секретарь судебного заседания, переводчик, специалист).

Указанные на приведенной схеме личностные характеристики судьи и характеристики условий его трудовой деятельности в принципе применимы к прокурору, следователю, адвокату, эксперту, хотя эти характеристики будут меняться в зависимости от юридической профессии. Указанные факторы, влияя соответственно на эффективность процессуальной деятельности прокуратуры, адвокатуры, экспертных учреждений, в конечном

счете оказывают существенное влияние на достижение целей правосудия. Значит, большая система гарантий правосудия должна включать в себя и эти факторы. Сюда же должны войти факторы, характеризующие социальный облик свидетеля— наиболее часто встречающейся фигуры в судопроизводстве, ибо от этих характеристик (уровень правосознания, честность, общее развитие, культура и т. д.) в значительной мере зависит эффективность правосудия, в частности уровень судебных ошибок.

Вся эта сложная система детерминирована глубинными социально-экономическими, идеологическими, политическими, социокультурными, научно-техническими и иными факторами, которые проявляются и в личностных характеристиках всех участников процесса в условиях их процессуальной деятельности, и в самом праве. Факторы этого (на схеме— 3-го уровня) играют роль управляющих по отношению к факторам 2-го и 1-го уровней. Последние же оказывают управляющее воздействие в направлении достижения целей правосудия.

Следует заметить, что выше была показана в упрощенном виде абстрактная схема (модель) условий эффективности правосудия. В реальной действительности— это постоянно действующая, динамичная, прогрессирующая, (взаимодействующая с другими социальными образованиями система очень высокой степени сложности.

В будущем внутренняя структура этой системы окажется более изученной. Задача будет состоять, видимо, в том, чтобы структурную модель гарантий правосудия превратить в структурно-функциональную, т. е. научиться определять и исчислять функции отдельных структурных групп и системы в целом. Разумеется, это не самоцель, а условие научного и планомерного управления системой.

К сожалению, в управлении общественными процессами еще не преодолены недостатки, когда «сигнал к действию и информация о результате действия были существенно разобщены, разделены вследствие медленности передачи информации»⁶³. С другой стороны, даже при наличии информации, указывающей на необходимость корректировки объекта управления (в данном случае общественных отношений), управляющий сигнал подчас вырабатывается медленно. Время с момента получения сигнала обратной связи до выработки и передачи корректирующего сигнала при управлении общественными процессами все еще слишком велико. В течение этого времени дисфункции в управляемой системе усиливаются, оптимальность ее снижается. Особенно это относится к области правовых явлений, где постоянно противостоят интересы стабильно-

И. Б. Новик. Кибернетика. Философские и социологические проблемы*
стр. 37.

сти правовой системы и необходимости ее корректировки в связи с изменением непрерывно развивающихся общественных отношений. Нарушение нормальной пропорции между этими двумя тенденциями служит источником дисфункций в правовой системе. Имеет место некоторое отставание права от развития регулируемых им общественных отношений, что служит ИСТОЧНИКОМ недостатков и ошибок в практической деятельности.

Задача управления состоит в том, чтобы неуклонно сокращать количество допускаемых системой ошибок, (своевременна обнаруживать и устранять дисфункции, повышать надежность отдельных элементов системы, удерживать ее в состоянии равновесия и оптимизировать управление системой, приближая ее к идеальному достижению целей⁶⁴.

Это вовсе не значит, что система никогда не достигает своих целей. Она не только их достигает, но и выдвигает новые, более высокие цели. Однако это относится к системе в целом. Отдельные же единицы коллектива, являющегося объектом управления, находятся на разных уровнях развития — одни ближе к цели, другие дальше от нее. Лишь общая их статистическая характеристика позволяет утверждать, насколько приблизилась система к своей цели. Эти процессы происходят и в правосудии.

Когда говорят об управлении судебной системой в смысле совершенствования гарантий правосудия с целью повышения его эффективности, то понятие «управление» употребляется в широком смысле, как это имеет место, например, в кибернетике. Судебное управление в привычном для юриста смысле — лишь некоторая часть многочисленных управляющих воздействий, обеспечивающих необходимый уровень работы судов. Судебное управление в узком смысле обеспечивает подбор и повышение квалификации судей и других сотрудников суда; создает необходимую для судебной работы материально-техническую базу (помещения, оборудование и т. д.), внедряет более совершенные формы организации труда, помогает судьям изучать и обобщать свой опыт, в частности выявлять наиболее типичные ошибки при проведении обобщений судебной практики. Тем самым органы судебного управления оказывают «содействие осуществлению целей правосудия»⁶⁵.

Однако управление в области судопроизводства имеет ту специфику, что оно не совместимо с администрированием, вмешательством в рассмотрение судами уголовных и гражданских

дел, чем существенно отличается от управления в административном праве⁶⁶.

В широкое понятие управления судебной деятельностью следует включить и другие управляющие системы, прежде всего нормы права, применяемые судом. В уголовном судопроизводстве — это нормы уголовного, а при разрешении гражданского иска — отчасти гражданского материального права и нормы уголовно-процессуального права. Зависимость судебной деятельности от этих норм, их руководящее для суда значение выражены известной формулой: «Суд независим и подчинен только закону» (ст. 112 Конституции СССР). Нормы уголовного права указывают судьям, что именно, какие факты надо установить, чтобы признать деяние общественно опасным и противоправным, какие обстоятельства отягощают ответственность, смягчают или вовсе устраняют ее, какие виды и меры наказания следует применить, когда можно освободить осужденного от наказания, и т. д.

Нормы уголовно-процессуального права предписывают суду и другим участникам процесса определенный образ действия при исследовании обстоятельств дела. Их строгое и точное исполнение создает благоприятные условия для установления судом истины, охраны прав и законных интересов граждан, воспитательного эффекта судопроизводства. Процессуальная форма активно способствует, таким образом, достижению целей правосудия.

Совершенствуя формулировки составов преступлений, уточняя образующие их правовые понятия, дифференцируя в зависимости от тяжести преступления уголовно-правовые санкции, развивая систему уголовно-процессуальных гарантий, законодатель осуществляет управление (в широком смысле) правосудием, обеспечивая повышение его эффективности, сокращение количества судебных ошибок.

В систему «управления» правосудием входит также формирующая единую судебную практику деятельность вышестоящих судебных инстанций — кассационных и надзорных⁶⁷.

В. В. Копейчиков справедливо отмечает, что суд принципиально отличается от других государственных органов «характером и формами руководства», ибо он подчинен только закону. «В процессе осуществления правосудия, — пишет В. В. Копейчиков, — не существует в собственном смысле отношений подчинения как между вышестоящими и нижестоящими судами, так и между судами и иными государственными и общественными органами» (В. В. Копейчиков. Социалистическая законность, правосудие и судебное управление. — «Проблемы социалистической законности на современном этапе развития советского государства». Межвузовская научная конференция. Харьков, 1968, стр. 214).

Курт Вюнше, например, отмечает, что Верховный Суд ГДР обладает исключительной компетенцией по руководству непосредственно судопроизводством. Это связано с тем, что судопроизводство — выражение суверенитета народа (Курт Вюнше. Министерство юстиции ГДР и его взаимоотношения с Верховным Судом. — «Советская юстиция», 1970, № 1, стр. 28).

⁶⁴ По авторитетному утверждению У. Р. Эшби, «весьма важным случаем познания является управление ошибками» (цит. по: А. Д. Урсул. Природа информации, стр. 245).

⁶⁵ См. ст. 2 «Положения о Министерстве юстиции СССР», утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 21 марта 1972 г. № 194, — «Социалистическая законность», 1972, № 6, стр. 30—35.

Отменяя в необходимых случаях приговоры или оставляя их в силе, вышестоящие суды тем самым как бы устанавливают определенные «уровни доказанности» преступлений, на которые равняются все суды при рассмотрении аналогичных уголовных дел. Кассационные и надзорные инстанции детализируют при рассмотрении конкретных дел безусловные основания отмены приговоров и реагируют на процессуальные нарушения судов первой инстанции посредством частных (особых) определений. В кассационной и надзорной практике судов вырабатываются единые мерки оценки степени тяжести преступлений и личности преступников, позволяющие правильно и единообразно применять уголовное наказание⁶⁸.

Особенно важное значение для «управления» процессами, происходящими в судебной (и следственной) практике, играют руководящие разъяснения (постановления) Верховного Суда СССР и Верховных судов союзных республик.

Средством управления служит и внепроцессуальная деятельность (вышестоящих судов по изучению и обобщению судебной практики, стажированию народных судей, участию в проверках судов).

Таким образом, следует выделить три основных непосредственных «рычага управления» правосудием: а) управление с помощью закона; б) организационное руководство судами; в) деятельность вышестоящих судебных инстанций (процессуальную и внепроцессуальную), формирующую судебную практику.

Через указанные выше «рычаги управления» правосудием проводится в жизнь уголовная политика, разрабатываемая Коммунистической партией и советскими законодательными органами.

«Управление» правосудием можно понимать еще шире, включая в это понятие более удаленные звенья детерминации, о которых уже говорилось.

В системе гарантий правосудия наблюдается тесная связь между элементами, так что изменение даже одного из них могло бы повлечь существенные изменения других и оказать влияние на функцию всей системы. Например, превышающая норму служебная нагрузка судей отрицательно влияет на процесс повышения их профессиональной подготовки, оказывает косвенное воздействие на уровень их правосознания (стремление «упрощенчеству при повышенной занятости»), парализует действие

⁶⁸ Председатель Верховного Суда РСФСР А. К. Орлов отмечает, что «надзор за судебной деятельностью является одной из форм руководства нижестоящими судами процессуальными средствами» (А. К. Орлов, Судебный надзор и укрепление законности.— «Советская юстиция», 1971, № 12, стр. 21).

такого фактора, как обеспеченность судьи юридической литературой (если литература имеется, но читать ее не всегда есть время) и т. д. В конечном счете и качество всей судебной работы (функция всей системы) при излишне высокой нагрузке начинает снижаться (см. гл. V).

Правосудие достаточно четко выделено из социальных и государственно-правовых системообразующих по отношению к нему так называемую «внешнюю среду».

Некоторые авторы рассматривают всякую социальную организацию как единство программированного действия (воздействие на внешний мир), внутренних коммуникаций (информационные связи внутри системы) и наблюдений (сигналов, поступающих из «среды»)⁶⁹.

Это относится и к организации гарантий правосудия (см. схему 1).

Воздействие на внешний мир достигается через достижение целей правосудия, что в свою очередь воздействует на преступность.

Что касается информационных связей внутри данной системы, то следует признать, что они еще не очень развиты. Министерства юстиции и Верховные суды СССР и союзных республик имеют информацию в основном о результатах действия судебной системы, притом, как уже отмечалось, недостаточно полную. Однако информации о состоянии и функциях гарантий правосудия и того меньше. В частности, нет регулярно поступающих обобщенных сведений о личностных характеристиках судей, условиях их работы и жизни. Получение таких данных возможно в результате сложных социологических исследований.

Следовало бы ускорить уже начатую работу по приспособлению судебной статистики к машинной обработке, а заодно и расширить количество статистических показателей. Применительно к существующим ныне формам статистической отчетности возникает вопрос о введении ряда дополнительных показателей, необходимых для оценки эффективности правосудия по уголовным делам.

1. Представляется необходимым дополнить государственную статистическую отчетность (формы № 6, 8) сведениями об основаниях отмены приговоров (ст. 342 УПК РСФСР), без чего невозможно судить о характере допускаемых судами ошибок, при этом все основания должны быть четко дифференцированы.

2. Статистика содержит сведения об отмене приговоров с направлением дел на новое судебное рассмотрение «ввиду, не-

Дою. Маршак. Жизнеспособные и эффективные организационные формы. — «Математические методы в социальных науках». Под ред. П. Лазарсфельда и Н. Генри (перевод с англ.). М., 1973, стр. 153.

правильного оправдания или прекращения дела», «за мягкостью наказания» и «по другим основаниям» (формы № 6, 8), однако в ней нет сведений об отмене обвинительных приговоров с направлением дел на новое рассмотрение в случаях, когда суд первой инстанции допустил нарушение процессуального закона, неправильно квалифицировал преступное деяние, провел судебное следствие односторонне, необъективно, неполно (хотя имел возможность разрешить дело без направления его для доследования), когда выводы суда не соответствуют обстоятельствам дела. Такое дифференцированное рассмотрение «других оснований» отмены приговоров необходимо для анализа допускаемых судами ошибок.

3. В статистике (форма № 6) учтены кассационные жалобы осужденных (оправданных), потерпевших, протесты прокурора, но почему-то в ней не выделены данные о количестве кассационных жалоб, (поданных защитниками. Представляется, что необходимо вести не только статистический учет общего количества этих жалоб, но и дифференцировать их на отклоненные и удовлетворенные. Эти сведения будут чрезвычайно ценны для определения эффективности работы адвокатуры. -

4. Представляется, что в формах № 1, 6, 8 должен быть предусмотрен учет всех оснований прекращения уголовных дел вышестоящим судом.

5. В разделе об изменении приговоров (формы № 6, 8) представляется необходимым предусмотреть изменение приговора с фактической стороны, заключающееся в отпадении ряда эпизодов обвинения. Такое изменение может и не повлечь переквалификацию преступления или снижение меры наказания, поэтому оно не укладывается в действующие статистические показатели.

6. Статистика не содержит дифференцированных сведений об отмене приговоров и определений судов о прекращении дела, что вряд ли правильно, так как затрудняется анализ характера судебных ошибок.

7. В статистике (форма № 1) объединено прекращение дел в распорядительных и судебных заседаниях, при этом не указаны основания прекращения дел. Это не позволяет дифференцированно изучать эффективность стадии предания суду и стадии судебного разбирательства.

8. При учете дел, переданных для дополнительного расследования (формы № 1, 6, 8), необходимо выделить из их общей массы такие, по которым требуется в сущности не доследование, а изменение квалификации на более «строгую» статью, либо устранение процессуального нарушения. Это позволит более четко отделить уголовно-правовые ошибки от процессуальных.

8. При учете дел, прекращенных в связи с психической болезнью обвиняемого (форма № 1), необходимо отделить не-

вменяемых от лиц, заболевших психической болезнью после совершения преступления. Необходим учет приостановленных судами дел с указанием оснований приостановления.

9. Следовало бы ввести учет так называемых поощрительных частных (особых) определений.

10. Поскольку районные (городские) суды тесно связаны с товарищескими судами, оказывают им помощь, придают юридическую силу некоторым их решениям, следовало бы включить в судебную статистику количество дел, рассматриваемых товарищескими судами, выделив особо дела о преступлениях. В настоящее время такого учета нет, что затрудняет изучение преступности.

11. Недавно введенный учет количества обобщений судебной практики следовало бы дифференцировать по характеру этих обобщений (предмет обобщения) и количеству изученных дел (достаточность выборки).

12. Следует вести статистический учет судей, которые не имеют не только отмененных, но и измененных приговоров, а также дифференцированно учитывать судей, имеющих два, три и более отмененных и соответственно измененных приговоров в году.

13. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что учет по формам № 1, 6 (суды первой и второй инстанций) ведется как общий, так и по отдельным видам преступлений, что, безусловно, правильно. Однако в форме № 8 (надзор) имеется только общий учет без разбивки на виды преступлений. Это не позволяет с достаточной полнотой анализировать качество рассмотрения судами отдельных категорий уголовных дел (о хищениях, убийствах, изнасилованиях и т. д.), поскольку до 40% судебных ошибок вскрывается именно при пересмотре дел в порядке надзора, а данных о категории дел, по которым выявлены ошибки, форма № 8 судебной статистики не содержит. Таким образом, форма № 6 (кассация) с формой № 8 (надзор) в этом отношении несопоставимы.

14. Форма № 8 (надзор) нуждается в совершенствовании по ряду других показателей. Представляется необходимым выделить из общего числа надзорных жалоб те, которые поступили от осужденных, защитников, потерпевших, других участников процесса, лиц, не имеющих прямого отношения к процессу.

Если в форме № 6 (кассация) сравнительно недавно введена графа о частичном прекращении дела по одному или нескольким обвинениям с оставлением менее тяжкого обвинения, то форма № 8 (надзор) таких сведений не содержит и, следовательно, немалое количество выявленных в надзорном порядке судебных ошибок остается неучтенными. Опять же речь идет о неполной сопоставимости форм № 6 и 8 судебной статистики. Следует также заметить, что для более полного учета всех судебных ошибок важно иметь сведения о прекращении дел не

только по основному, но и по любому другому обвинению, а этих данных судебная статистика не содержит. Между тем можно предположить, что при прекращении дела чаще исключается второстепенное обвинение. Имеет значение четкое отграничение понятий основного и второстепенного обвинений (необходимы надежные критерии дифференциации). В настоящее время, несмотря на наличие соответствующих инструкций, этот вопрос не вполне ясен для судей, консультантов судов и отделов юстиции, поэтому нередки ошибки как в первичных, так и в сводных статистических документах.

15. Необходим статистический учет судебных ошибок, ^которые не могут быть исправлены ввиду недопустимости поворота к худшему для осужденного, обжаловавшего приговор самостоятельно или через защитника.

16. Изменение приговоров, а не только отмена должно учитываться при выведении количественных показателей состояния судебной работы. При этом необходимо учитывать ошибки, выявленные не только в кассационном, но и в надзорном порядке.

Иногда утверждают, что статистика и без того перегружена излишними показателями. Это -мнение проистекает из непонимания роли статистики в совершенствовании судопроизводства. Тенденцией является значительное расширение потока информации о функционировании судебной системы, для переработки которой, по нашему мнению, необходимо создание при Верховном Суде СССР и Министерстве юстиции СССР вычислительного центра. Впредь до его организации следовало бы ввести порядок, при котором министерства юстиции союзных республик представляют в Министерство юстиции СССР и в Верховный Суд СССР не только сами статистические данные, но и развернутый их анализ, осуществляемый по единой программе. В настоящее время в некоторых союзных республиках данные судебной статистики накапливаются, но не систематизируются и не подвергаются достаточно глубокому анализу. Не везде имеются сводные статистические данные за ряд лет, позволяющие выявлять тенденции в развитии правосудия и делать обоснованные прогнозы. Наступило время, когда необходимо до конца преодолеть взгляд на обилие статистических показателей как проявление бюрократизма в работе. При использовании современной вычислительной техники хранение в «памяти» машины и обработка по заданной программе даже очень большого количества информации — вполне возможная и необходимая мера, способствующая лучшему «управлению» правосудием.

К проблеме информационных связей внутри системы правосудия можно подойти и с других позиций.

В суды первой инстанции ежегодно поступает и ими рассматривается какое-то число уголовных дел, которое, если

учесть разный объем дел и различную степень их сложности, в принципе может послужить основой для определения количества информации, получаемой и перерабатываемой судами первой инстанции. Здесь понятие информации употребляется в смысле объема сведений, поступающих извне. Такое понятие информации имеет право на существование и признается наукой. Однако чаще всего оперируют понятием информации как «снятой неопределенностью выбора»: если всего лишь два выбора, то на «снятие неопределенности» уходит 1 бит информации и т. д. В информационном плане чем меньше вероятность события, гипотезы ;и т. д., тем большее количество информации будет получено, если событие наступит, а гипотеза подтвердится⁷⁰.

С учетом приведенных соображений судебная система получает от следственной системы казалось бы меньшее количество информации (сведения оперативного характера и не относящиеся «к делу» данные в нем не фиксируются; первоначально возникшие гипотезы — следственные версии, как правило, уже опровергнуты и доказана только одна из них). Но это лишь видимость. На самом деле суд обязан изучить вполне самостоятельно все версии, которые возникали в ходе следствия, и прийти к выводу о доказанности одной из них или о том, что неопределенность выбора в полной мере «не снята». С одной стороны, суду могут быть неизвестны версии, не нашедшие отражения в деле, с другой же стороны, суд может выдвинуть и собственные версии, не возникшие на предварительном следствии.

Если понимать информацию как совокупность сведений (знаков), то и в этом случае вопрос решается не так просто. С одной стороны, суд не знает некоторых сведений, которыми располагал следователь; с другой же стороны, объем сведений, получаемых судом, может быть и больше (исследование новых обстоятельств, вызов в суд свидетелей, не допрошенных на предварительном следствии, проведение новых экспертиз и т. д.).

Результат переработки информации судами первой инстанции — это вынесенные ими решения (приговоры, определения). Далее лишь 7з этих решений вместе с делами поступает в кассационные инстанции. Здесь объем информации, с одной стороны, меньше (меньшее число дел, утрата ряда подробностей, не зафиксированных в протоколе судебного заседания), а с другой — больше, так как добавляется еще один важный источник информации — судебный приговор, подлежащий критической оценке, а в некоторых случаях — и дополнительно представленные (истребованные судом) материалы.

Далее необходимо отметить любопытное явление — <количе-

⁷⁰ А. Д. Урсул. Природа информации, стр. 11—78.

ство заявок" на пересмотр приговоров в порядке надзора оказывается в 2,5 раза большим, чем количество кассационных жалоб (протестов). Это, видимо, объясняется неудовлетворительностью работы кассационных инстанций и неоднократной подачей жалоб в различные надзорные инстанции.

Объем информации, перерабатываемой надзорными инстанциями, с одной стороны, меньше, так как истребуется и изучается в порядке надзора лишь 5% от общего количества уголовных дел, рассмотренных судами первой инстанции, и только 20% — от количества дел, рассматриваемых в кассационном порядке.

С другой же стороны, объем информации в надзорных инстанциях больше, чем в кассационных, так как: а) надзорные жалобы, которых гораздо больше кассационных, содержат значительный объем информации, которую необходимо изучить, дать ей оценку и на этой основе решить вопрос о целесообразности истребования дела (эта работа проводится в настоящее время в непроцессуальных формах); б) к объектам изучения добавляются новые источники информации: кассационное определение, дополнительно собранные или представленные материалы.

Вся эта работа завершается рассмотрением в порядке надзора уголовных дел с протестами. Таких дел лишь 2,5% от всех дел, рассмотренных судами первой инстанции, и около 10% от всех дел, рассмотренных кассационными инстанциями.

В информационном плане можно зафиксировать парадокс: «заявок» на пересмотр дел в порядке надзора гораздо больше, чем на кассационное рассмотрение дел, однако эти заявки в подавляющем большинстве по существу не рассматриваются (система надзорных инстанций пока не может выполнить такой объем работы).

Существуют и многие другие подходы к системе правосудия и его гарантий, оставленные нами без рассмотрения.

Следует только в общих чертах указать на связи правосудия со средой, т. е. с другими подсистемами государственного и социального организма. В качестве такой среды выступают в одном аспекте — остальные органы уголовной юстиции (Прокуратура, МВД, МЮ СССР и их местные органы), в другом, более широко, аспекте — социально-экономические условия, уголовная политика, идеология, социокультура, изменения в законодательстве и т. д. Влияния среды могут быть связаны с событиями большого социального значения (крупные амнистии, существенные изменения в уголовной политике, в прошлом — условия военного времени и т. д.). Эти влияния могут быть

Здесь употребляются некоторые термины теории массового обслуживания (разумеется, речь идет не о бытовом обслуживании), которая вполне применима для исследования систем.

и менее существенны. В кибернетике и социологии все такие влияния среды называют «возмущениями», поскольку они требуют от системы приспособления к новым условиям (адаптации) путем изменения своей внутренней организации. Даже положительные воздействия среды сначала могут действовать «возмущающим образом» и лишь в конечном счете приводить к повышению эффективности системы.

Таковыми факторами, которые положительно сказались на организации и качестве работы органов правосудия, были, например, следующие: принятие в 1958—1961 гг. нового законодательства с более развернутой системой процессуальных гарантий (хотя потребовалось некоторое время, чтобы судьи изучили его и научились успешнее работать, чем раньше); расширение в 1959—1960 гг. участия общественности в борьбе с преступностью (хотя в этом отношении поначалу были допущены некоторые преувеличения); переход в 1961 г. от участковой системы к районным судам; перестройка в 1964—1965 гг. следственного аппарата; образование в 1970 г. самостоятельной системы судебного управления и др. Реагируя на все эти изменения, система сначала восстанавливает, а затем и повышает свою эффективность, но происходит это не сразу и в ряде случаев не без усилий.

Объяснение изменений эффективности правосудия, в частности уровня ошибок, допускаемых судебной системой, возможно на основе статистической теории причинности. Согласно этой теории, причина — не одно какое-то явление, событие, а сложная совокупность постоянно изменяющихся факторов, из взаимодействия которых возникает определенный результат (следствие)⁷². Причинные цепи бесконечны, детерминирующий фактор сам детерминирован рядом других факторов и т. д., и все они находятся в состоянии взаимодействия. Однако по мере удаления от главных факторов, определяющих основную тенденцию развития, сила причинной связи ослабевает. Изменения отдельных факторов, связанных со следствием через посредство многих промежуточных звеньев, могут практически не оказывать никакого влияния на совокупную функцию всей системы.

Система взаимодействующих факторов, как правило, достаточно гомеостатична. Это значит, что резкие колебания в со-

⁷² О статистической теории причинности как совокупном действии взаимосвязанных факторов см.: «Ленин об элементах диалектики». Под ред. Б. М. Кедрова. М., 1965, стр. 451; А. Л. Кузьмина. Категория причинности и практика. М., 1964, стр. 92; Владислав Краевский. Проблема онтологической категории причины и следствия. — «Закон. Необходимость. Вероятность» (перевод с польск.). М., 1967, стр. 289—310; М. Л. Парнюк. Детерминизм диалектического материализма, стр. 116, 199—215; В. Н. Кудрявцев. Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). М., 1968, стр. 10, 31, 107—112; Б. С. Украинцев. Самоуправляемые системы и причинность, стр. (16-²⁷ и ел.

стоянии одного из факторов уравниваются компенсирующим изменением ряда других факторов, поэтому функция всей системы остается стабильной. Только серьезные изменения в состоянии главных детерминирующих факторов, вызванные внутренними процессами или внешними воздействиями, могут вести к нарушению функции всей системы.

Причинность в обществе может быть объяснена через категории «потребность», «цель» и «средства»⁷³. Потребностями социалистического общества являются, в частности, поддержание общественного порядка, осуществление коммунистических нравственных идеалов, защита социальных ценностей. Отсюда — искоренение преступности как цель общества. Для достижения этой цели используются различные средства, представляющие определенную систему факторов, влияющих на уровень преступности. Среди них важную роль играет и уголовное судопроизводство. Факторы, влияющие на качество судопроизводства, взаимодействуют⁷⁴. При этом вся система гарантий правосудия становится оптимальнее, эффективнее, а это ведет к искоренению судебных ошибок, что, в свою очередь, способствует достижению цели более высокого порядка — искоренению преступности.

Для повышения эффективности правосудия следует выявлять «слабые звенья» в системе гарантий правосудия и совершенствовать их. С этой целью необходима система хорошо поставленного социально-правового эксперимента, в ходе которого апробировались бы разные варианты гарантий правосудия с тем, чтобы самые оптимальные из них реализовать повсеместно. При этом можно будет с достаточной степенью вероятности предвидеть, на какой уровень поднимается эффективность правосудия⁷⁵.

В области социальной, в том числе в судебной деятельности, степень отрицательного эффекта «возмущений» можно заранее предвидеть и разработать систему мер стабилизации, т. е. приспособления системы к новым условиям функционирования. Но для этого необходимо осуществлять уголовную политику по определенной научно обоснованной государственной программе, в частности, необходим перспективный план мероприятий, направленных на сокращение преступности, и как часть его — план совершенствования гарантий правосудия. Необходимость такого планирования вытекает из Программы КПСС, где говорится, что «демократические основы правосудия будут разви-

ваться и совершенствоваться»⁷⁶. На основе этой формулы следовало бы более конкретно определить, когда и каким образом будут усовершенствованы гарантии правосудия, какой от этого ожидается эффект и какие подготовительные мероприятия необходимо провести, чтобы нововведения не снизили на первых порах эффективность судопроизводства, не ослабили борьбу с преступностью.

Первым шагом на пути сознательно планируемого повышения эффективности правосудия служит системный подход к изучению его гарантий. Система гарантий правосудия, включающая и неправовые факторы, может стать предметом изучения определенного научного направления, особенностью которого — комплексность, изучение системы в динамике, структурно-функциональный подход.

Инструментарием исследования эффективности правосудия должен стать структурно-функциональный анализ, освобожденный, однако, от недостатков буржуазной социологии (прагматизма, отрыва от методологической базы, недооценки теории и др.), а также частные социологические методы (наблюдение, анкетирование, интервьюирование и др.), статистические методы, в частности, факторный, дисперсионный, корреляционный анализы; кибернетические методы (математическое моделирование, метод формализации и др.).

При изучении эффективности правосудия найдут применение и получат развитие и традиционные методы исследования: формально-логический анализ правовых норм (большие возможности для его развития дают математическая логика и аксиоматический метод), монографический метод (в частности, изучение работы отдельных судов, отдельных уголовных дел), а также метод сравнительного правоведения.

Некоторые из указанных методов в том или ином объеме применялись нами для изучения одного из основных аспектов проблемы эффективности правосудия — причин судебных ошибок и путей их устранения.

При рассмотрении эффективности правосудия в связи с проблемой судебных ошибок мы в значительной мере опирались на общее учение об эффективности права и социологию права⁷⁷.

Однако в нашем подходе к изучению эффективности правосудия имеется некоторая специфика.

«Ленин об элементах диалектики», стр. 159; М. А. Парнюк. Детерминизм диалектического материализма, стр. 216—230.

О понимании причинности как сложном взаимодействии факторов см.: В. В. Панкратов. Проблема причинности и принцип взаимодействия в криминологии.— «Советское государство и право», 1967, № 6, стр. 122—126. Я. Л. Петрухин. Причины судебных ошибок.— «Советское государство и право», 1970, № 5.

⁷⁶ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 106.

⁷⁷ Я. С. Самощеико, В. И. Никитинский, А. Б. Венгеров. Об основах методологии и методики изучения эффективности действия правовых норм, стр. 339; А. С. Пашков, Л. С. Явич. Эффективность действия правовой нормы, стр. 40 и ел.; Е. П. Шикин. Основные условия эффективного применения права. Автореф. канд. дисс. Свердловск, 1971; В. А. Козлов. Вопросы теории эффективности правовой нормы. Автореф. канд. дисс. Л., 1972.

Мы исследуем правосудие как *правоприменительную деятельность*. Эффективность норм права, применяемого судом, и вообще сам факт правовой регламентации судебной деятельности играют роль лишь одного из факторов, влияющих на эффективность правосудия. Остальные факторы — неправовые. Именно их совершенствование (при относительной стабильности процессуальной формы) решающим образом определяет повышение эффективности правосудия (хотя, конечно, и совершенствование правовой регламентации судебной деятельности имеет важное значение).

Социальные факторы оказывают управляющее воздействие не только сами по себе, но и через нормы права. И все же у нас нормы права — одно из условий (притом не всегда решающее) эффективности судебной деятельности, тогда как в общей теории эффективности права (социологии права), как она выглядит на сегодняшний день, нормы права и их социальное действие — основной предмет исследования, как (бы вырванный) (разумеется, лишь в целях изучения) из сложной взаимосвязи социальных рычагов управления. Но обособить действие правовых норм (а в этом основная задача юристов) можно не иначе, как при условии столь же тщательного изучения неправовых факторов, влияющих на достижение социальных целей. Таким образом, возникает необходимость комплексного изучения всей системы рычагов управления определенными сферами общественных отношений, включая отношения в сфере правосудия.

§ 4. Эффективность правосудия и преступность

Одно из условий дальнейшего развития социалистического общества состоит в неуклонном сокращении, а затем и в полном устранении преступности.

Выполнение этой задачи возможно, если будут выявлены и устранены причины и условия, способствующие совершению преступлений. К их числу следует относить не только отрицательные факторы социально-экономического, идеологического, (культурно-воспитательного и иного характера, но и недостатки в деятельности органов государства, ведущих непосредственную борьбу с преступностью (МВД, прокуратуры, суда).

Распространенность, характер, последствия ошибок, нарушений законности, других недостатков в деятельности органов уголовного судопроизводства в значительной мере определяют его уровень, качество, эффективность. Насколько нам известно, вопрос о связи качества отправления правосудия и состояния преступности, находящийся «на стыке» криминологии и уголовного процесса, почти не разрабатывался ни криминологами, ни процессуалистами. Поэтому в лучшем случае мы можем рассчитывать лишь на его теоретическую постановку и освещение некоторых аспектов этой сложной проблемы. Понятно, что ка-

чество работы органов судопроизводства в определенной мере способствует успеху борьбы с преступностью.

Если о каждом совершенном преступлении становится известно соответствующим государственным органам, если каждое преступление раскрывается своевременно и исчерпывающим образом, если каждый совершивший преступление предстает перед судом и подвергается справедливому наказанию, при этом существуют достаточные гарантии, что не будет осужден невиновный,—то при столь эффективной работе органов государства создаются наиболее благоприятные условия для полного искоренения преступности. Обеспечивая применение принуждения в отношении каждого, совершившего преступление, органы государства тем самым способствуют еще более эффективному использованию убеждения как основного метода коммунистического воспитания трудящихся.

Ошибки, просчеты, нарушения законности в деятельности органов государства, на которые возложена борьба с преступностью, приводят к тому, что некоторые преступления остаются неизвестными государству (латентная преступность), совершившие их лица продолжают свою преступную деятельность, а известные преступления далеко не всегда раскрываются быстро и полно. В случаях осуждения невиновных подлинные преступники остаются ненаказанными и могут совершать новые преступления. Те же последствия наступают в случаях необоснованного оправдания лиц, виновных в совершении преступлений.

Препятствуют исправлению и перевоспитанию преступников, а значит и предупреждению преступлений, ошибки судов, выражающиеся в необоснованном завышении или занижении мер наказания, а также в неправильной уголовно-правовой квалификации преступных деяний⁷⁸.

Судебные (а равно следственные, прокурорские) ошибки, взятые в связи с задачами по борьбе с преступностью, представляют проблему, изучаемую не только уголовным процессом, но и криминологией. Авторы учебника криминологии по данному поводу пишут: «Анализ работы суда, прокуратуры, органов охраны общественного порядка... является весьма важной, в практическом отношении, задачей криминологического исследования. Материалы этого анализа служат целям систематического контроля за деятельностью органов юстиции, помогают выявлять и устранять ее недостатки»⁷⁹.

⁷⁸ Следует в принципе согласиться с тем, что «эффективность наказания и других уголовно-правовых мер борьбы с преступностью — один из важнейших критериев для оценки деятельности не только исправительно-трудовых, но и судебных учреждений» (Б. С. Никифоров. К вопросу об изучении эффективности уголовно-правовых мер борьбы с преступностью.— «Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью». Под ред. Б. С. Никифорова. М., 1968, стр. 19).

⁷⁹ «Криминология», Учебник для вузов. М., 1968, стр. 254.

А. А. Герцензон включает анализ состояния (предварительного расследования и судебного разбирательства «под углом зрения выяснения качества, быстроты и результативности этого процесса..., доказанности состава преступления, точности квалификации преступлений, индивидуализации наказаний и определения главных линий судебной практики» в понятие практической уголовной политики. Эта комплексная дисциплина, по мнению А. А. Герцензона, включает также процесс исполнения наказаний, исследование общественных мер борьбы с преступностью и мер предупреждения преступлений⁸⁰.

Представляется важным указание А. А. Герцензона на тесную связь между состоянием расследования, качеством судебного разбирательства и достижением задач уголовной политики, т. е. искоренением преступности.

Вообще говоря, и уголовное, и уголовно-процессуальное право, как и регламентированная их нормами деятельность следователя, прокурора, суда направлены на искоренение и предупреждение преступлений. Чем выше эффективность этих отраслей права и деятельности субъектов уголовного процесса, чем меньше в ней ошибок и других недостатков, тем полнее и последовательнее осуществляется принцип неотвратимости наказания в отношении лиц, совершивших преступления, тем в большей мере прокуратура, следственные органы и суд оказывают влияние на преступность. Отсюда важное криминологическое значение проблемы ошибок в деятельности государственных органов, ведущих борьбу с преступностью. Ошибки следователей, прокуроров и судей сами по себе не порождают преступность, однако они в значительной мере влияют на ее распространенность, структуру и динамику. Можно сказать, что ошибки в судебной, следственной и прокурорской деятельности создают благоприятные условия для действия факторов, играющих основную роль в генезисе преступности.

Как справедливо отметил В. Н. Кудрявцев, на практике наблюдаются две крайности в оценке криминологического значения состояния судебной (а также следственной) работы. Одна состоит в том, что качество этой работы жестко, однозначно связывается с уровнем преступности; другая заключается в отрицании сколько-нибудь существенной связи между этими двумя явлениями⁸¹.

Действительно, в обобщениях судебной практики, в справках о проверках судов довольно часто делается вывод, что снижение (рост) преступности в районе (области, республике)

⁸⁰ А. А. Герцензон. Уголовное право и социология. М., 1970, стр. 191—192; *он же*. Уголовная политика и пути ее изучения.

⁸¹ В. Я. Кудрявцев. Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения), стр. 112; *он же*. Борьба с преступностью и задачи криминологической науки.—«Социалистическая законность», № 6, стр. 19.

причинно связаны с улучшением (ухудшением) качества судебной работы за соответствующий период.

Достаточные доказательства такого вывода обычно не приводятся, поскольку для этого потребовалось бы изучить «силу» действия всех факторов, предопределивших снижение (рост) преступности, что, конечно, невозможно сделать во время проверки суда⁸².

Рост преступности © районе, области, республике иногда ставят в вину судебным органам, а ее снижение рассматривают как показатель улучшения судебной работы. Применяя этот критерий, следственные органы, прокуратуру и суды нередко рассматривают как единое целое: их либо хвалят за снижение преступности, либо критикуют за ее рост, не определяя вклад каждого из этих органов в достижение указанных результатов, что не позволяет дать раздельную оценку их деятельности.

Важное значение для понимания этих сложных вопросов имеет постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 августа 1966 г. «Об улучшении деятельности судебных органов в борьбе с преступностью», где, в частности, говорится: «Не допускать оценки деятельности судебных органов только по средним статистическим данным, без учета фактического состояния преступности в отдельных районах, городах, областях, крае, республике и результатов проводимых судами мероприятий»⁸³.

Принципиальное значение этого указания Пленума состоит в том, что оно требует выявления связи между уровнем судебной работы и состоянием преступности. Но, к сожалению, методика такого анализа еще не разработана, и этот анализ нередко заменяется упрощенными выводами.

К тому же понимание этого указания Пленума осложняется тем, что в нем соединены два разнородных момента. Действительно, нельзя судить о качестве судебной работы по одним

В. Н. Кудрявцев отмечает, что в принципе возможно, но при современном состоянии факторного анализа пока не удалось определить степень «вклада» системы уголовной юстиции в осуществление задачи искоренения преступности. «Мы еще не сумели ясно определить пределы тех возможностей, которыми обладает уголовная юстиция, в воздействии на преступность, и не смогли показать ее соотношение с другими социальными факторами в преодолении антиобщественного поведения людей» (В. Н. Кудрявцев. Эффективность системы уголовной юстиции, стр. 14).

Тем большие трудности возникают в вычленении степени воздействия на преступность такого социального фактора, как правосудие, в качестве одного из элементов системы антиуголовной юстиции, которая сама — лишь часть системы мер воздействия на преступность. Однако советские юристы считают, что в принципе факторный анализ в области правовых (и вообще социальных) явлений может быть доведен в будущем до точных количественных характеристик (И. С. Самоценко, В. Я. Никитинский, А. Б. Венгеров. Об основах методологии и методики изучения эффективности действия правовых норм, стр. 37).

«Бюллетень Верховного Суда СССР», 1966, № 5, стр. 16.

лишь средним статистическим показателям, характеризующим состояние этой работы (см. гл. IV). Но оценка качества судебной работы с учетом фактического состояния преступности вызывает наибольшие трудности.

Представляется, что состояние преступности, отражая действие многих экономических, социальных, идеологических «и иных факторов, далеко не всегда служит признаком, определяющим качество правосудия»⁸⁴.

В отдельных случаях снижение преступности может иметь место даже и без улучшения качества судебной работы в республике, области, районе, если такое снижение вызвано фактами социально-экономического, идеологического и иного характера, а также связано с улучшением деятельности следственного аппарата и прокуратуры. В этом случае использование одного лишь критерия снижения преступности для оценки работы суда неизбежно привело бы к необоснованно оптимистическим выводам относительно качества судебной работы.

Ухудшение качества судебной работы может далеко не сразу и не (прямо повлиять на преступность. Возможны ситуации, указывающие на сложность и многозначность рассматриваемой связи. Так, ухудшение качества судебной работы может выразиться в снижении уровня требований к обоснованию обвинительных выводов и в увеличении недостаточно обоснованных обвинительных приговоров, т. е. учащении случаев осуждения невиновных. Такая обвинительная тенденция в деятельности судов может на время усилить общепреventивное воздействие уголовной репрессии, хотя это достигается ценой нарушения прав граждан, осужденных без достаточных оснований. Подобные ситуации встречались в истории буржуазного права»⁸⁵.

Трудно сказать, какой продолжительности может быть этот период. Но в дальнейшем неизбежно развиваются факторы, способствующие оживлению преступности. Под влиянием плохой работы судов все более ухудшается качество предварительного следствия. Вместо раскрытия каждого преступления у следователей появляются надежды на то, что суды «проштампуют» недостаточно обоснованные обвинительные выводы. Во взаимоотношениях следственного аппарата, прокуратуры и

В. Н. Кудрявцев с полным основанием указывает: «...вряд ли правильно оценивать степень эффективности системы уголовной юстиции на основании таких прямых показателей, как состояние или динамика преступности или судимости в стране. Эти показатели характеризуют совокупное действие всех социальных систем, включая уголовную юстицию» (В. Я. Кудрявцев, Эффективность системы уголовной юстиции, стр. 14). Критику этих концепций см.: М. С. Строгович. Материальная испшпа и судебные доказательства в советском уголовном проишвн\ М. .!., 1955, стр. 31—32,

судов создается атмосфера недостаточной взаимной требовательности, терпимости к ошибкам.

Это не может, конечно, долго оставаться незамеченным населением. В результате престиж государственных органов, ведущих борьбу с преступностью, падает; воспитательное воздействие их деятельности снижается; вскоре всем становится очевидно, что осуждаются невиновные люди, а многие преступники уклоняются от ответственности и продолжают свою антиобщественную деятельность; вместо иеры в могущество органов государства, способных шокавать любого преступника, у граждан постепенно развивается скептическое отношение к возможностям этих органов. Эти перемены в сознании населения создают благоприятную почву для оживления преступности, незаконных методов борьбы с преступностью (разумеется, речь идет о буржуазной юстиции)⁸⁶.

Возможны и другие ситуации, когда преступность растет, несмотря на улучшение качества работы судов. Дело в том, что цифры статистики преступности могут увеличиваться там, где правосудие, предварительное следствие, прокурорский надзор, оперативно-розыскная работа начинают осуществляться в соответствии с повышенными требованиями. И это понятно: выявляется гораздо большее, чем прежде, количество преступлений и преступников. В действительности, конечно, не преступность растет, а происходит весьма положительное, полезное изменение соотношения между выявленной и латентной, а также уголовно-ненаказуемой преступностью за счет сокращения латентной преступности. Например, в 1967 г. в результате осуществления законодательных и иных мер по укреплению общественного порядка количество лиц, осужденных за хулиганство, по сравнению с 1965 г. возросло. Означает ли это, что меры по укреплению общественного порядка привели к росту преступности? Нет, конечно. В 1965 г. хулиганов, видимо, было больше, чем в 1967 г. (иначе усиление (борьбы с хулиганством следовало бы признать неэффективным), однако тогда борьба с хулиганством не придавали должного значения, и большая часть этих преступлений входила в латентную преступность. Это относится и ко многим другим преступлениям.

И, наоборот, плохая работа правоохранительных органов может привести к искусственному снижению показателей преступности. В частности, такой «эффект» могут дать необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел, которых, к сожалению, еще немало. По данным выборочного исследования Высшей школы МВД, прокуроры отменяли около 10% постановлений следователей МВД об отказе в возбуждении уголов-

⁸⁶ Современные буржуазные социологи права, отмечая это явление, называют его «антиюстицией».

ных дел. После отмены этих постановлений около половины дел было передано в суд и четвертая часть «приостановлена, поскольку преступления оказались нераскрытыми. От 73 до 1/2 жалоб на отказ в возбуждении уголовных дел оказались обоснованными»⁸⁷.

Итак, показатели преступности могут дать иногда основу для искаженных, ошибочных выводов о «качестве работы судов»⁸⁸. В упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда ССОР говорится об учете *фактической* преступности. Это очень правильное и ценное указание. Но беда в том, что при проверке деятельности судов оно не всегда может быть реализовано. Проследить динамику фактической преступности, выявить латентную преступность, отделить ее от цифровых показателей государственной статистики — это задача сложного криминологического исследования, которое не может быть проведено при осуществлении обычных проверок судов. В актах проверок оперируют цифрами государственной статистики. Именно по ним судят о динамике преступности. Рост ее часто расценивается как доказательство ухудшения судебной работы, а снижение — как признак ее улучшения. Но такие выводы, как было показано выше, довольно часто бывают ошибочными.

Таким образом, представляется возможным наметить четыре основных варианта, в которых качество судебной работы и состояние преступности принимают различные значения: 1) качество судебной работы улучшается — преступность снижается; 2) качество судебной работы улучшается — цифры (преступности) растут; 3) качество судебной работы ухудшается — преступность растет; 4) качество судебной работы ухудшается — цифры преступности снижаются.

Закономерным для Советского государства является первый вариант, а остальные могут проявляться как временные тенденции, ограниченные небольшими периодами и отдельными территориями.

В первом и третьем вариантах состояние преступности в какой-то мере определяется состоянием судебной работы, хотя степень этого влияния может быть различной — от весьма существенной до незначительной, так как преступность детерминирована многими другими факторами (изменения в экономике, сдвиги в социальных отношениях, миграция населения и т.д.).

⁸⁷ В. Афанасьеву А. Чувилов, Ю. Белозеров. Незаконные отказы в возбуждении уголовных дел.— «Социалистическая законность», 1971, № 7, стр. 28—31.

⁸⁸ Для выяснения характера связи между качеством судопроизводства и состоянием преступности нами был применен метод экспертных оценок. В качестве экспертов в сентябре 1969 г. были опрошены 33 члена Верховного Суда УССР. Все они *единодушно* высказали мнение, что основным критерием оценки работы судов должна быть правильность разрешения дела, а не состояние преступности.

Во втором и четвертом вариантах изменения в видимом состоянии преступности происходят вопреки влиянию правосудия, функция которого оказывается «подавленной» согласованным действием других «сильных» факторов.

В первых двух случаях определяется некоторая (хотя и слабая) зависимость между функцией правосудия и состоянием преступности; в последних двух случаях такую зависимость вычленив невозможно.

Более сложны случаи, когда качество правосудия стабильно, а преступность изменяется. С точки зрения статистической теории причинности стабильность одного из этих факторов рассматривается как элемент взаимосвязи, оказывающий влияние на конечный результат, т. е. играющий определенную детерминирующую роль⁸⁹. Если бы не эта стабильность, результат был бы иным.

Если в будущем удастся изучить и количественно выразить функцию каждого более или менее существенного фактора, влияющего на качество судопроизводства, а также на эффективность многих других мер борьбы с преступностью, то это позволит управлять всей системой, т. е. планомерно и на строго научной основе бороться с преступностью. Изучение эффективности правосудия будет способствовать достижению этой весьма трудоемкой и сложной задачи.

Чтобы ответить на вопрос о степени влияния на преступность качества судопроизводства, надо знать, какой «вклад» в сокращение преступности внесли другие детерминирующие ее факторы. При этом необходимо учитывать соотношение между различными факторами внутри самого судопроизводства (не исключено, например, что решающим условием сокращения преступности в области, республике было коренное улучшение следственной и оперативно-розыскной, а не судебной работы).

Вычленив функцию каждого криминогенного фактора (или условия, способствующего преступности) из общего, суммарного результата их действия (рост или снижение преступности) можно с помощью количественного, факторного анализа. Значение такого анализа трудно переоценить. Достаточно сказать, что он ответил бы на вопрос о степени эффективности тех или иных государственных и общественных мероприятий, направленных на борьбу с преступностью.

Однако в настоящее время факторный анализ нашел в криминологии лишь ограниченное применение, что объясняется отсутствием постоянной, достаточно полной информации о «функционировании» основных криминогенных факторов. Тео-

В. Г. Иванов справедливо заметил, что «категория детерминизма... означает обусловленность не только изменений, но и самой устойчивости» (В. Г. Иванов. Категория причинности как выражение объективной закономерности. Автореф. канд. дисс. Л., 1965, стр. 8).

реческая схема таких факторов разработана, но нет информационной модели динамической системы и причин и условий преступности.

Осуществляемые ныне выборочные криминологические исследования с применением методов социологии и (привлечением государственной статистики создают информационную основу для применения в будущем факторного анализа⁹⁰, К числу факторов, оказывающих существенное влияние на (преступность и подлежащих количественному анализу, вместе с криминогенными факторами относятся и ошибки в следственной, [прокурорской и судебной работе. Факторный анализ должен быть доведен до степени, позволяющей дифференцировать влияние на преступность предварительного следствия, судебных стадий процесса, прокурорского надзора, оперативной работы и т. д. Внутри каждой стадии процесса факторный анализ позволит выделить и исчислить «силу воздействия» основных факторов, влияющих на достижение задач данной стадии процесса и эффективность деятельности отдельных его участников.

Сложная взаимозависимость прокурорской, следственной и судебной работы затрудняет, но в принципе не создает непреодолимых препятствий для дифференциации их целей, функций на основе факторного анализа. Факторный анализ необходим не для того, конечно, чтобы органы уголовного судопроизводства «соревновались» за первое место во влиянии на преступность. Его цель — количественно определить «функцию каждого структурного звена в государственном механизме, и предназначенном для борьбы с преступностью⁹¹, и в дальнейшем постоянно следить за состоянием этих функций, особенно в связи с проведением различного рода мероприятий по борьбе с преступностью и совершенствованию судопроизводства.

Следует, однако, иметь в виду, что и до получения точных количественных характеристик действия криминогенных факторов представляется возможным приближенно оценить их значение на основе знания практики борьбы с преступностью. Эти оценки, возникающие из неформализованного, содержа-

тельного мышления и опирающиеся на обширный опыт, довольно часто обладают достаточной точностью и «потому лежат в основе многих прогнозов и научных (предложений, направленных на совершенствование судопроизводства и искоренение преступности. Однако в некоторых прогнозах и предложениях было много субъективного, волюнтаристского, что подчас приводило к серьезным ошибкам в оценке роли и значения правосудия и вообще государственного принуждения как одного из важнейших элементов в комплексе мер борьбы с преступностью.

В первые годы осуществления мер по расширению участия общественности в уголовном процессе, которое, как известно, сопровождалось «некоторыми крайностями, были распространены доводы и выкладки, призванные убедить, что это мероприятие подняло эффективность судопроизводства и привело к резкому сокращению преступности. Об этом, казалось бы, говорили цифры судимости и (количество административных правонарушений. Если 1958 г. (канун проведения рассматриваемого мероприятия) принять за 100%, то в 1960 г. по СССР количество осужденных за все преступления составило 50%, т. е. судимость всего лишь за 2 года сократилась вдвое. Если 1958 г. принять за 100%, то судимость за хулиганство сократилась в 1959 г. до 68,1%, в 1960 г. — до 41,9%. Количество дел о мелком хулиганстве за 2 года сократилось вдвое.

Сокращение судимости коснулось в основном менее серьезных преступлений, совершение которых могло повлечь передачу виновных на поруки или направление материалов о них в товарищеский суд (комиссию по делам несовершеннолетних)⁹². Эта тенденция проявлялась и в значительном количестве случаев отказа в возбуждении уголовных дел, а также в прекращении большого числа дел по нереабилитирующим основаниям.

Лица, совершившие преступления, но не привлеченные к уголовной ответственности (в основном это лица, переданные на воспитание общественности), по статистике преступниками не значились⁹³.

По данным Н. Н. Кондрашкова, доля лиц, совершивших преступления, но освобожденных от уголовной ответственности с передачей виновных на поруки или с направлением дел в товарищеские суды (комиссии по делам несовершеннолетних), составляла в 1965 г. от 74 до У» а по делам несовершеннолетних — до Уг от всех совершивших преступления,

Характерны резкие колебания этой доли в зависимости от изменений в уголовной политике. Так, в одном из районов Украины из общего числа лиц, совершивших преступления, было освобождено от уголовной ответственности: в 1959 г. — 412%, в 1960 г. — 10%, в НОШ г. — 17%, в 1962 г. — 40% и в 1963 г. — 51% (Я. И. Кондрашков. Статистический учет и анализ данных о лицах, совершивших преступления. — «Советское государство и право», 1965, № 9, стр. 108—109).

³ С. Остроумов, С. Панченко, Н. Кондрашков с сожалением отмечают, что до сих пор нет статистики преступлений и других правонарушений, рассматриваемых в товарищеских судах, хотя в стране 280 000 таких судов,

Успешные попытки создать простейшие математические модели в криминологии предприняты рядом авторов (О. А. Гаврилов, Г. М. Собко. Методы криминологического прогнозирования. — «Вопросы научного прогнозирования», 1968, № 2, стр. 198; О. А. Гаврилов, В. А. Колемасов. Математические модели в криминологии. — «Правовая кибернетика». М., 1970, стр. 85—104). Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что из-за отсутствия достаточной информации указанные авторы строят модели на основе статистики Польской Народной Республики. Качество судопроизводства в этих моделях не получило пока никакого отражения. В. Н. Кудрявцев в связи с этим правильно пишет: «Если мы определим реальный «вклад» суда, прокуратуры, милиции и других органов в процесс снижения преступности, мы сможем существенно помочь в повышении результатов их работы» (В. Н. Кудрявцев. Борьба с преступностью и задачи криминологической науки, стр. 20).

Кроме того, некоторые деяния, считавшиеся в прошлом преступлениями, были переведены в разряд административных правонарушений (мелкое хулиганство, мелкая спекуляция и др.), что также дало «эффект» -сокращения преступности,

Однако все эти явления были лишь видимостью резкого сокращения преступности. На самом деле росла латентная и так называемая уголовно-ненаказуемая преступность, не уменьшалось количество серьезных (преступлений, хотя в целом судимость резко падала⁹⁴. Но очень скоро за это пришлось расплатиться усилением активности преступных элементов, особенно хулиганов, в связи с чем 23 июля 1966 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы с нарушениями общественного порядка», а затем и соответствующие законодательные акты.

Уже в 1966—1967 гг. количество осужденных резко возросло и, надо полагать, приблизилось к количеству лиц, совершивших преступления, достигнув уровня 1958 г. Если 1958 г. принять за 100%, то число лиц, осужденных за хулиганство, составило в 1960 г. 41,9%, а в 1966 г. — 119,7%; число лиц, привлеченных в 1966 г. к ответственности за мелкое хулиганство, превысило уровень 1958 г. на 25% и уровень 1960 г. на 100%. Понятно, что такие резкие перепады показателей судимости отражают лишь крутые переломы в уголовной политике, но не действительное состояние преступности, которая изменяется относительно медленно и не столько под влиянием уголовной

и они рассматривают половину так называемых малозначительных преступлений. Иногда в статистику не попадают преступления, дела о которых прекращены по нереабилитирующим основаниям (С. Остроумов, С. Ланченко, Н. Кондрашков. Неотложные задачи уголовной статистики. — «Социалистическая законность», 1972, № 5, стр. 66—69).

В связи с расширением роли общественности в уголовном процессе Н. Р. Миронов в 1960 г. писал: «Жизнь полностью доказала правильность линии... на усиление роли общественности в борьбе с преступностью и нарушениями правил социалистического общежития. Совместные усилия партийных и советских органов, суда, прокуратуры, милиции и общественных организаций дали положительные результаты: преступность и как следствие этого (разрядка авт.) судимость в стране стали снижаться. В 1959 г., например, число осужденных сократилось по сравнению с 1958 г. почти на 20%. ...Процесс сокращения преступности и судимости имел место и в истекшем 1960 г.— судимость, например, снизилась по сравнению с 1959 г. более чем на одну треть (Н. Р. Миронов. О некоторых вопросах предупреждения преступности и других антиобщественных явлений и борьбы с ними в современных условиях.— «Советское государство и право», 1961, № 5, стр. 4).

В этой оценке, на наш взгляд, имеется неточность. Снижением! Ику • - 1960 г. судимости было не только и, возможно, не столько а\едствием сокращения преступности, сколько результатом излишне широкой замены уголовных наказаний мерами общественного воздействия. Только при таком объяснении становится понятно, почему впоследствии судимость снова стала расти.

репрессии, сколько в результате стабильного действия основных социально-экономических факторов.

Следовательно, некоторые перегибы в уголовной политике, связанные с преувеличением роли общественности, привели к отрицательным явлениям.

Правда, общественные меры борьбы с преступностью применялись в отношении лиц, совершивших менее опасные преступления. И все же в рассматриваемый период сфера субъективного усмотрения в уголовном процессе была необоснованно расширена. Появилась возможность прекращать или не возбуждать «трудные» дела, требовавшие больших усилий для отыскания доказательств и изобличения виновных. Это в какой-то мере отразилось и на качестве судебной работы.

В 1959—1960 гг. несколько ухудшились показатели рассмотрения уголовных дел в кассационном порядке. Об этом свидетельствует приводимый ниже статистический ряд, в котором указан процент пересмотренных в надзорном порядке приговоров, ранее безуспешно обжалованных (опротестованных) в кассационном порядке: в 1957 г.—50,7%, в 1958 г.—47,2%, тогда как в 1959 г.—65,0%, в 1960 г.—64,8%. Но в последующие годы этот показатель снова уменьшился: в 1961 г.—35,4%,..., в 1966г.—47,7%.

В 1959—1960 гг. значительно возросло количество жалоб по общеуголовным делам, поступивших в надзорные инстанции. Если 1957 г. принять за 100%, то таких жалоб было рассмотрено: в 1958 г.—88,4%, а в 1959 г.—166,2, в 1960 г.—121,9%. В дальнейшем число этих жалоб стало заметно убывать 1961 г.—110,9%,..., 1966 г.—79,4%.

Еще в большей мере это заметно по количеству общеуголовных дел, пересмотренных в порядке надзора (1957 г. принимается за 100%): в 1958 г.—89,1%, в 1959 г.—127,7, в 1960 г.—121,0%. В дальнейшем и этот показатель стал быстро снижаться: 1961 г.—69,3%, ... , 1966 г.—49,3%.

Однако давать однозначное объяснение этим явлениям нельзя. Возрастание роли надзорного производства в исправлении судебных ошибок в 1959—1960 гг.— не только свидетельство ряда недостатков в деятельности судов первой и второй инстанций, но и доказательство большей активности надзорных инстанций, которые по мере освобождения от пересмотра «старых» дел все более переключались на работу по исправлению «текущих общеуголовных ошибок».

Рассмотренная выше совокупность разных (возможно, далеко не всех) факторов привела все же к тому, что качество правосудия в годы наибольших «перегибов» в использовании общественности для борьбы с преступностью несколько снизилось, хотя разгрузка судов в связи с передачей ряда дел на рассмотрение общественности создавала благоприятные условия для улучшения судебной работы. Если 1958 г. принять за 99

100%, то ежегодное поступление в народные суды уголовных дел составило: в 1957 г.—91,6%, в 1958 г.—100, в 1959 г.—77,0, в 1960 г.—46,1, в 1966 г.—57,8%. Один народный судья в среднем рассмотрел в месяц уголовных дел в 1960 г. в два раза меньше, чем в 1957—1958 гг.

Мероприятия, связанные с неумеренным использованием общественности в борьбе с (преступностью, имели и другие отрицательные последствия.

Партия указала, что расчеты на быстрые, коренные сдвиги в динамике преступности под влиянием радикальных мероприятий, связанных то с резким усилением репрессии, то со значительным ослаблением ее и расширением общественного начала (так называемое «шарахание») следует признать нереалистичными. К «Глубу» преступности можно сдвинуть с места, опираясь на более мощные рычаги в виде основных социально-экономических, идеологических, нравственно-этических и других факторов. Варьирование же силой и масштабами репрессии, перенесение центра тяжести с убеждения на принуждение, а йотом с (принуждения на убеждение и т. д. способно вносить лишь временные, нестойкие изменения в состояние преступности (они касаются в значительной мере судимости, а не преступности). Указанные выше ошибки были исправлены.

В то же время положительные изменения в состоянии судебной, а равно следственной, прокурорской, оперативной работы все-таки оказывают весьма заметное воздействие на преступность.

Известно, что состояние преступности в конечном счете определяется изменениями в экономическом базисе, прогрессом социалистических производственных отношений, повышением культурного и материального уровня жизни советского народа. Но эти же факторы благоприятно действуют и на качество судебной, а также следственной, прокурорской, оперативной работы. Успехи в области экономики позволяют государству без ущерба для достижения других целей ассигновать все большие суммы на содержание государственного аппарата, борющегося с преступностью, и повышать качество его работы. Иными словами, рост общественного богатства позволяет воздействовать на преступность как непосредственно, так и через улучшение качества следственной и судебной работы.

Успехи социалистического общества в области воспитания трудящихся в духе коммунистической нравственности, высоких общественных идеалов, правильного понимания задач и методов права (правосознание) лежат в основе как сокращения преступности, так и улучшения качества работы органов государства по борьбе с (преступностью). Общество в каждый данный момент развития характеризуется определенным уровнем культуры, нравственности, образования, правосознания, что определяющим образом влияет как на состояние преступности,

так и на качество судебной работы. Последнее, как известно, во многом зависит от уровня культуры судей, их нравственно-этических качеств, развитости их социалистического правосознания, образованности и других данных. Каждые два года около полумиллиона граждан осуществляют правосудие в качестве народных заседателей. Через них общество привносит в правосудие свои взгляды, нравы, привычки, представления, заблуждения, обычаи, эмоции. Чем выше уровень правосознания и культуры народных заседателей, тем успешнее их деятельность.

Сознательность граждан, вызываемых в суд в качестве свидетелей, потерпевших, экспертов и т. д., во многом определяет уровень судопроизводства. Неявка и опоздание граждан по вызовам следственных и судебных органов, заведомо ложные показания и лжедоносы, сокрытие от суда важных для дела обстоятельств, подговор свидетелей и потерпевших к искажению действительной картины преступления — все это, даже при небольшой распространенности этих явлений, снижает качество судопроизводства. Причина, лежащая в основе этих отрицательных явлений в уголовном процессе, — недостаточно высокий уровень сознательности ряда граждан — выступает одновременно и как одна из причин преступности.

Исходя из изложенного, тенденцию к сокращению преступности и параллельную ей тенденцию к улучшению качества судебной работы, обусловленные рядом общих причин, следует признать закономерными для социалистического общества, отвечающими самой его природе.

Наряду с общей детерминацией преступности и недостатков судебной работы, имеет место и двустороннее взаимодействие этих явлений;

То, что улучшение качества судебной работы выступает в качестве фактора, действующего в сторону снижения преступности, — бесспорно. Но, с другой стороны, снижение преступности оказывает обратное положительное влияние на качество судопроизводства. Достаточно сказать, что вместе со снижением преступности постепенно сокращается служебная нагрузка в органах расследования, прокуратуре и судах. Это позволяет им более тщательно исследовать обстоятельства каждого дела и улучшать качество работы. Здесь велика и роль морального фактора: наблюдаемый повсеместно реальный (а не мнимый!) процесс сокращения преступности служит источником энтузиазма у тех, кто с нею борется, а это, в свою очередь, положительно влияет на качество их работы.

Наблюдаемые у нас одновременное улучшение качества судебной, прокурорской, следственной работы и сокращение преступности позволяет проводить более гуманную уголовную политику.

В. И. Ленин писал: «Давно уже сказано, что предупреди-

тельное значение наказания обуславливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью. Важно не то, чтобы за «преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы *ни один* случай преступления не проходил нераскрытым»⁹⁵. Из этого указания В. И. Ленина вытекает следующее. Если обеспечено раскрытие всех преступлений и неотвратимость наказаний, то при такой ситуации нет необходимости сохранять жестокие наказания — налицо условия для гуманизации уголовной политики, смягчения наказаний, усиления элемента убеждения в борьбе с преступностью. Если каждый (преступник будет знать, что он не уйдет от заслуженного наказания, то, конечно, мало у кого появится желание совершать преступления. Если же следственный и судебный аппарат плохо работает, многие преступления не раскрываются, осуждаются невиновные, а преступники имеют шансы уклоняться от ответственности, то только одна лишь сила репрессии не сможет предотвратить преступность.

Можно сказать так: желание совершить преступление обратно пропорционально шансу подвергнуться наказанию. Если государство не в состоянии обеспечить раскрытие подавляющего большинства преступлений — такие ситуации возникают в буржуазных государствах — преступность переходит в наступление и тогда взвинчиваются меры уголовного наказания, раздаются призывы ввести более жесткие законы и «уничтожить» преступность суровой, беспощадной репрессией. Но, как справедливо заметил К. Маркс, «жестокость характерна для законов, продиктованных трусостью, ибо трусость может быть энергична, только будучи жестокой»⁹⁶.

Ожесточение нравов в обществе может проявляться в требованиях отдельных граждан покарать само преступление, хотя бы вместо преступника пострадал, возможно, и невинный человек.

Такие настроения не должны проникать в органы судопроизводства. Нельзя, чтобы «попустительство» публики снижало качество судебной работы. Понятно, что суд, вынесший недостаточно обоснованный обвинительный приговор под аплодисменты публики, не выполняет свою воспитательную функцию.

С другой стороны, настроенная таким образом публика без всякого одобрения и даже с раздражением и осуждением встречает иногда оправдательный приговор. В частности, поэтому некоторые суды не проводят выездных сессий, если предвидится вынесение оправдательного приговора. Вряд ли это во всех случаях правильно, так как и оправдательный приговор имеет большое воспитательное значение. Он демонстрирует высокое положение суда в Советском государстве, его незави-

симость, заботу о правах граждан и служит наилучшим средством пропаганды важных правовых идей, в частности, о недопустимости осуждения граждан на основе сомнительных или недостаточных доказательств.

Опыт прежних лет учит, что усиление борьбы с преступностью нельзя осуществлять под флагом свертывания процессуальных гарантий. Чем шире процессуальные гарантии, тем больше возможностей для установления истины по уголовным делам, тем последовательнее осуществляется принцип неотвратимости наказания за действительно совершенные преступления и тем строже охраняются права граждан, участвующих в судопроизводстве. Расширение процессуальных гарантий укрепляет режим социалистической законности и способствует сокращению преступности. В этом направлении развиваются как законодательство, так и советская правовая наука.

⁹⁵ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 4, стр. 412.

⁹⁶ К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 133.

ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУДЕБНЫХ ОШИБОК

§ 1. Понятие судебных ошибок и основания их классификации

В самом общем виде ошибка — это утверждение, не соответствующее действительности, или мера, действие, не приводящие к достижению (поставленной цели, если искажение в познании или отклонение от цели допущены непреднамеренно, т. е. являются результатом добросовестного заблуждения¹.

Первое значение ошибки связано с познанием объективной действительности (гносеологический аспект), второе — с действием, вытекающим из (познания и направленным на достижение определенной цели (телеологический аспект).

Различие между этими двумя значениями ошибки хорошо видно на примере клинической медицины. Одно дело допустить ошибку в диагностике, другое — назначить неправильный курс лечения при достоверно установленном диагнозе. Ошибка в диагностике довольно часто влечет и выбор неоптимальных или даже вредных для больного средств лечения, однако эти виды ошибок могут существовать и отдельно друг от друга. Первая — ошибка в познании, вторая — в выборе средств для достижения определенной цели (в данном случае излечения больного)².

Этот пример подводит нас к различию и между двумя основными видами судебных ошибок: первые относятся к познанию фактических обстоятельств преступления (иного исследуемого в суде деяния) в его уголовно-правовом опосредовании, вторые — к определению вида и меры наказания или освобождению от уголовного наказания, т. е. к выбору наиболее эффек-

тивных, вытекающих из предшествующего познания средств перевоспитания преступника и предупреждения преступления.

Ошибки могут быть теоретическими и практическими. Ошибки в теории существенно влияют на практическую деятельность, снижая ее эффективность.

Судебные ошибки — это ошибки в практической деятельности особого органа государства — суда, призванного осуществлять правосудие по уголовным и гражданским делам. В настоящей работе рассматриваются ошибки, допускаемые при осуществлении правосудия по уголовным делам, притом в основном ошибки суда первой инстанции³.

Закон требует от суда установления истины по каждому уголовному делу на основе всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, осуждения лиц, виновность которых в совершении преступления полностью доказана, и назначения им справедливого наказания, а равно оправдания лиц, если достоверно установлена их невиновность или не вполне доказана виновность (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства).

Недостижение судом этих целей означает допущение им судебных ошибок различных видов.

Ошибки суда, связанные с его познавательной функцией, могут выражаться: а) в неправильном (не соответствующем действительности или сомнительном) установлении фактических обстоятельств дела и (либо) б) в неправильной материально-правовой оценке инкриминированного обвиняемому деяния.

Судебные ошибки второго вида могут выражаться в назначении наказания, не соответствующего тяжести преступления и личности преступника даже при правильном установлении фактических обстоятельств дела и правильной материально-правовой оценке деяния. Ошибка в наказании — это ошибочный выбор средств для исправления и перевоспитания преступника в минимально необходимые сроки с учетом общепредупредительного воздействия наказания на граждан⁴.

Указанная классификация видов судебных ошибок связана с определенным пониманием характера истины, устанавливае-

¹ Отличие ошибки от преднамеренной лжи будет рассмотрено в § 6 данной главы.

² Н. Е. Кушев. Ошибки терапевта. Харьков, 1925; С. М. Рубашев. Диагностические ошибки. Кишинев, 1950; Черноуцкий. Диагностика внутренних болезней. М., 1954; «Ошибки клинической диагностики». Под ред. С. С. Вайль. М., 1961.

³ Ошибки судов кассационной и надзорной инстанций рассматриваются в связи с проблемой эффективности кассационного и надзорного производства (см. гл. XII).

⁴ С. В. Курьлев полагает, что уголовное наказание является «не констатацией существовавших или существующих фактов, а предвидением будущего» (С. В. Курьлев. Установление истины в советском правосудии. Автореф. докт. дисс. М., 1967, стр. 7).

Представляется, что не само по себе наказание есть предвидение будущего. Наказание определенного вида и размера основано на предвидении того, что именно такой образ действия является оптимальным для достижения целей как скорого и надежного перевоспитания данного лица, так и воздействия на всех иных лиц, способных совершить преступление (общая превенция).

мой судом. В настоящей работе нет необходимости подробно рассматривать этот дискуссионный вопрос. Мы опираемся на уже сформулированную в советской юридической науке точку зрения, согласно (которой содержание указанной истины составляют как установленные по уголовному делу факты, так и их уголовно-правовая оценка⁵.

Доказывание по уголовному делу — не просто установление фактов. Это процесс «идентификации сущностей»⁶ — той, которая была абстрагирована законодателем из единичных общественно опасных деяний и воплощена в законе в виде составов преступлений, и той, которая характеризует данное конкретное деяние. С учетом уголовно-правовых составов формулируется предмет доказывания по уголовному делу, производится «отбор» фактов и их уголовно-правовая оценка — тесно связанные между собой мыслительные процессы, протекающие, как правило, параллельно. Однако на отдельных этапах доказывания один из этих мыслительных процессов может стать преобладающим. Так, убедившись в относимости исследуемого факта и допустимости средства доказывания (здесь может преобладать правовая оценка), суд переходит к выяснению вопроса о его доказанности, которая правом не предустановлена и определяется на основе внутреннего убеждения суда. Дифференцированное (а не только совместное) рассмотрение вопросов о доказанности фактических обстоятельств дела и уголовно-правовой оценке деяния предпринимается судом и при постановлении приговора⁷.

В мыслительном процессе судей (и следователя) установление фактов составляет область неформализованного, содержательного мышления с преобладанием индуктивных процессов, тогда как уголовно-правовая оценка деяния представляет собой строгий силлогизм, где большая посылка (состав преступления) заранее определена законом⁸.

⁵ В. Н. Кудрявцев. Общая теория квалификации преступлений., М., 1972, стр. 51 и сл.

⁶ О. Т. Сизякин. Гносеологическая природа судопроизводства. Автореф. канд. дисс. Львов, 1971, стр. 7; он же. Сущность и явление в уголовном процессе.— «Советское государство и право», 1968, № 6, стр. 115—120.

⁷ М. С. Строгович правильно отмечает: «При всей связи вопросов фактической и юридической сторон рассматриваемого судом дела, каждая из этих групп вопросов представляет самостоятельную научную проблему большого практического значения и поэтому может быть предметом самостоятельного исследования» (М. С. Строгович. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.—Л., 1955, стр. 14; см. также: В. Д. Арсеньев. Доказывание фактических обстоятельств дела в советском уголовном процессе. Автореф. докт. дисс. М., 1967, стр. 8).

⁸ Г. М. Резник. Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе. Автореф. канд. дисс. М., 1969, стр. 87.

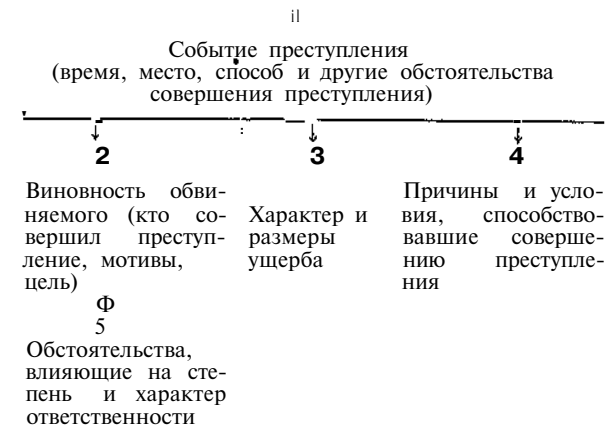
Следует, однако, заметить, что содержание правовых понятий, образующих состав преступления, раскрывается и с помощью содержательного мышления.

Таким образом, установленные по делу факты и их уголовно-правовая оценка образуют два самостоятельных, хотя и тесно связанных между собой, компонента истины, причем к их установлению ведут два несколько отличающихся друг от друга (хотя и протекающих зачастую одновременно) логических процесса.

Из этого следует, что судебные ошибки, связанные с познанием истины в суде, могут быть двух видов: ошибки © установлении фактов и ошибки в применении права — и они в известной мере объясняются разными причинами.

Ошибки в установлении фактов возможны как в виде констатации факта при отсутствии к тому достаточных оснований, так и в виде отрицания факта при наличии оснований для признания его существующим. Оба эти вида ошибок встречаются в уголовном судопроизводстве, причем они могут относиться к установлению как предмета доказывания в целом, так и отдельных его элементов, как главного факта, так и доказательственных фактов,

Элементы предмета доказывания, указанные в ст. 68 УПК РСФСР, можно расположить в логической последовательности.

Нетрудно заметить, что элементы п. 1 относятся к объекту и объективной стороне преступления, а некоторые из этих элементов (время, место) могут и не относиться к составу преступления, хотя их установление обязательно. Здесь (в п. 1) уже дана правовая оценка элементов, поскольку речь идет не о событии вообще, а о событии преступления, хотя субъект престу-

Особенно это относится к оценочным понятиям (особая жестокость, крупный размер похищенного и т. п.). (В. Я. Кудрявцев. Общая теория квалификации преступления, стр. 134—142).

пления и его субъективная сторона могут быть еще не установлены⁹. Это не согласуется с современным уголовно-правовым учением о составе преступления, однако, как правило, отражает логику следственного и судебного мышления: сначала дано само событие, оно оценивается как результат возможного преступления (.какого-точно—сначала не всегда известно), далее устанавливается лицо, совершившее действия, образующие событие преступления, его вина, мотивы, цель (см, п. 2), а затем обстоятельства, влияющие на характер и степень ответственности (п. 5).

Элементы, составляющие п. 3, 4, могут устанавливаться и при неизвестном субъекте преступления.

После этих пояснений рассмотрим два варианта ошибочных решений суда.

Если п. 1 ошибочно признан установленным, хотя события преступления не было (либо оно не доказано), то суд ставит перед собой, а при возвращении дела на доследование — и перед следователем неразрешимую задачу— найти мнимого преступника, установить его вину, мотивы и т. д. (см. п. 2, 5), а также доказать п. 3 и 4. Одна только постановка такой задачи сопряжена с риском осуждения невиновного и всегда влечет напрасное увеличение объема исследования, неоправданное расходование времени, сил и средств.

Если же п. 1 ошибочно признан неустановленным, хотя в действительности событие преступления имело место, то это влечет ошибку при установлении всех остальных элементов предмета доказывания (в частности, п. 2, 5), что сопряжено с необоснованным оправданием преступника или отказом от его поисков и неоправданным сужением пределов исследования по уголовному делу.

Таким образом, ошибка суда в более высоком звене логической цепи умозаключений (при установлении соответствующего элемента предмета доказывания) влечет ошибку (или создает риск ее допущения) в нижележащем звене этой цепи.

Расположение элементов предмета доказывания в такой логической последовательности, при которой лишь утвердительный ответ на вопрос о наличии одного элемента делает возможным переход к решению вопроса о наличии другого элемента, а отрицательный ответ на указанный вопрос исключает необходимость дальнейших исследований и рассуждений, позволяет

добиться не только четкости и экономии в судебном мышлении, но и создать условия для быстрого обнаружения того логического звена, в котором была допущена ошибка.

Конечно, определение логической последовательности выводов далеко не всегда предопределяет порядок исследования доказательственного материала в суде, поскольку многие средства доказывания содержат сведения сразу о нескольких элементах предмета доказывания.

Однако в ряде случаев и порядок исследования доказательств в суде (а равно порядок проверки следственных версий) представляется возможным определить, хотя бы с некоторым приближением, исходя из указанной логической схемы. В этих случаях сначала исследуются доказательства, относящиеся к событию преступления, потом устанавливаются лицо, совершившее преступление, его вина, мотивы и цели и, наконец, производится исследование доказательств, характеризующих личность преступника и влияющих на меру наказания. Порядок исследования доказательств при этом становится более последовательным, целенаправленным. При соблюдении такого порядка суду должно быть предоставлено право после исследования всех доказательств, относящихся к событию преступления, вынести оправдательный приговор, не переходя к исследованию остальных обстоятельств дела, если событие преступления не установлено и нет возможности собрать дополнительные доказательства при доследовании. Если же событие преступления имело место, но после исследования следующей группы доказательств не установлено, что деяние совершил обвиняемый, что он действовал виновно, с определенными мотивами и целью, то исключается необходимость исследовать обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, который • и без их исследования должен быть судом оправдан. Кстати, этот порядок исключает возможность пополнять недостающие доказательства виновности сведениями о прошлых судимостях обвиняемого, его поведении на следствии (ложные показания, отсутствие раскаяния и т. д.) и другими данными, отрицательно характеризующими его личность (такие случаи встречаются в судебной практике).

Поэтапный порядок судебного следствия, описанный выше, конечно, потребовал бы внесения и других изменений в процедуру судебного разбирательства, учитывающих интересы обвинения и защиты, однако более подробное рассмотрение этих ©опросов выходит за пределы нашей темы.

Идея разделения судебного следствия на два последовательных этапа (напомним, что в нашей схеме — три этапа), а именно: 1) доказывание состава преступления и 2) углубленное исследование обстоятельств, характеризующих личность преступника, влияющих на характер и меру наказания, а равно обсуждение вопроса о мерах воспитательного характера, кото-

⁹ В римском праве и в средние века состав преступления включал в себя лишь событие преступления. Он вменялся в вину определенному субъекту (иногда неодушевленному предмету, например, при падении камня на голову человека). Лишь значительно позже доктрина уголовного права включила в состав преступления его субъекта и субъективную сторону. Однако в процессуальной теории и в процессуальном законе (ст. 803 УПК РСФСР) событие преступления (деяние и лицо, его совершившее) остались отделенными от состава преступления.

рым должен быть подвергнут осужденный,— была высказана представителями криминологии, развивающими концепцию «новой социальной защиты»¹⁰.

Предлагаемая реформа процедуры судебного разбирательства, на наш взгляд, заслуживает внимания, поскольку она не только усиливает криминологический аспект судопроизводства, но и обеспечивает лучшие процессуальные условия для достижения истины судом при установлении состава преступления, экономя при этом мыслительную работу, время и средства. Разумеется, этот вопрос требует дальнейшего обсуждения и может быть окончательно разрешен на основе специальных исследований, в частности экспериментально-правовых.

Возвращаясь к схеме элементов предмета доказывания, мы вслед за многими другими процессуалистами выделяем в ней *главный факт*, т. е. факт совершения (несовершения) преступного деяния обвиняемым (п. 1 и 2).

Практическая значимость вычленения главного факта из всех элементов предмета доказывания определяется не только тем, что дает стабильное основание для деления доказательств на прямые и косвенные¹¹, но также и тем, что применительно к нашей теме позволяет выделить *основные, главные* ошибки суда в установлении фактических обстоятельств дела.

Констатация судом при вынесении приговора наличия главного факта при недоказанности хотя бы одной из его составных частей означает *осуждение невиновного*, а констатация судом отсутствия главного факта, хотя в действительности все его составные части доказаны, представляет собой *оправдание виновного*.

Оба вида судебных ошибок связаны с нарушением принципа неотвратимости наказания. Они в одинаковой мере способствуют росту преступности и подрывают престиж органов правосудия. Однако наиболее серьезной судебной ошибкой является ©се-таки осуждение невиновного, потому что оно причиня-

ет *реальный* тяжкий ущерб личности осужденного¹², тогда как оправдание виновного лишь создает опасность, что невиновному человеку, если он будет привлечен к ответственности вместо виновного, возможно будет причинен такой ущерб (в остальном, как уже указывалось, последствия обоих видов судебных ошибок одинаковы).

Разумеется, ошибки суда в уголовно-правовой квалификации преступного деяния и определении виновному меры наказания тоже весьма серьезны (в некоторых случаях, например при ошибочном применении смертной казни, они могут быть еще более серьезны, чем ошибки в решении вопроса о виновности). Но все же, по общему правилу, самые опасные и серьезные ошибки — это ошибочное осуждение или ошибочное оправдание, поэтому авторы настоящей работы избрали в качестве основного объекта изучения именно эти виды судебных ошибок. В то же время исследование проводилось на таком уровне, который, как нам представляется, обеспечил изучение ряда причин судебных ошибок, общих для всех их разновидностей (недостатки в подборе и стимулировании судебных кадров, организация труда в суде и т. д.). При этом, однако, имелось в виду, что указанные причины получают наиболее рельефное выражение в тех случаях, когда в суде решается основной вопрос судопроизводства — вопрос о виновности обвиняемого.

Судебные ошибки, выражающиеся в осуждении невиновного и оправдании преступника, в свою очередь, могут быть разделены на несколько разновидностей.

§ 2. Необоснованное осуждение и (необоснованное оправдание)

Осуждение невиновного возможно как в случаях, когда на момент вынесения обвинительного приговора *невиновность положительно доказана*, однако суд ошибочно считает, что обвиняемый виновен, так и в случаях *недоказанной виновности*. Эти два случая в юридическом отношении равнозначны, ибо недоказанная виновность (если возможности для собирания доказательств исчерпаны) юридически приравнивается к доказанной невиновности: в обоих случаях должен быть вынесен оправда-

¹⁰ Лидер этого направления Марк Ансель считает, что «изучение ЛИЧНОСТИ преступника должно быть составной частью уголовного процесса, который до сих пор сводился лишь к осуждению деяния» (*Марк Ансель*, Новая социальная защита. Под ред. А. А. Пионтовского. М., 1970, стр. 203).

Уголовный процесс в суде, по мнению М. Анселя и ряда других авторов, должен быть разделен на *две стадии*. Необходимо «установить обстоятельства дела, дать им юридическую квалификацию и вменить преступление исполнителю. Если обвиняемый признан «виновным», то тогда на второй стадии речь должна идти о выборе уголовной санкции, соответствующей данной ситуации и ее индивидуальным особенностям» (стр. 2—12).

¹¹ На это обращали внимание многие авторы (см., например: *И. Б. Михайловская, И. Л. Петрухин*. Некоторые вопросы теории судебных доказательств.— «Советская юстиция», 1964, № 15; *М. С. Строгович*, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 376 и др.)—

¹² М. Робеспьер, известный своей непримиримостью ко всем, кто посягал на революционный правопорядок, тем не менее отмечал, что «общественная безопасность... гораздо более страдает от судебного убийства невиновного, чем от безнаказанности виновного» (*Максимilian Робеспьер*. Революционная законность и правосудие. М., 1959, стр. 120).

«В этих случаях,— пишет М. С. Строгович,— вред причиняется двойной: честный человек объявляется преступником и подвергается незаслуженной репрессии, а действительный преступник остается на свободе ненаказанным и радуется, что дело так удачно для него обернулось» (*Ж. С. Строгович*. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966, стр. 222).

тельный приговор, полностью и без всяких изъятий реабилитирующий обвиняемого¹³. Если же суд вместо этого выносит обвинительный приговор, то он допускает одинаково серьезную ошибку как при положительно доказанной невинности, так и при недоказанной виновности.

Гносеологически же указанные два случая существенно отличаются. При положительно доказанной невинности суд по существу находит фактические основания, достаточные для категорического утверждения, что обвиняемый не совершил преступления, однако иногда в силу тех или иных причин делает ошибочный вывод противоположного характера. Такие ошибки сравнительно редки. Они, как правило, исправляются вышестоящим судом путем прекращения дела за отсутствием события или состава преступления (п. 1, 2 ст. 5 УПК РСФСР).

При недоказанной виновности суд находит некоторые доказательства, дающие основание для более или менее вероятно противоположения о том, что преступление, возможно, совершил обвиняемый. Но, с другой стороны, у суда нет достаточных оснований для того, чтобы в гносеологическом плане достоверно утверждать: обвиняемый преступления не совершал. С точки зрения теории познания суд при недоказанной виновности обвиняемого истину не устанавливает, так как гносеологически остается не установленным, кто совершил преступление — обвиняемый или другое лицо, оставшееся неизвестным¹⁴.

¹³ Вполне обоснованы предложения ряда авторов о необходимости разделить основание оправдания, связанное с недоказанностью, на два основания: 1) недоказанность совершения подсудимым преступления и 2) доказанность совершения преступления не обвиняемым (см., например: М. Ф. Маликов. Оправдательный приговор в советском уголовном процессе. Автореф. канд. дисс. Казань, 1974, стр. 8).

¹⁴ Нельзя согласиться с М. С. Строговичем (М. С. Строгович. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.—Л., 1947, стр. 252) и Р. М. Оганесяном (Р. М. Оганесян. Оправдательный приговор в советском уголовном процессе. Автореф. канд. дисс. М., 1970, стр. 23), полагающими, что при оправдании подсудимого за недоказанностью его участия в совершении преступления суд обнаруживает истину, которая состоит в утверждении, что данный подсудимый не совершал данного преступления. Ошибка этих авторов состоит в смешении гносеологических и юридических категорий. В указанных случаях подсудимый презюмируется невинным (юридически это равнозначно положительно доказанной невинности), а кто в действительности совершил преступление — он или другое лицо — этот вопрос гносеологически остается не решенным, и, значит, истина оказывается судом не установленной. Критика рассматриваемой точки зрения дана рядом авторов (С. В. Курьлев. Установление истины в советском правосудии, стр. 10—11; Г. М. Резник. Оправдание за недоказанностью.—«Советская юстиция», 1969, № 15, стр. 11—12; Я. Скворцов.—Оправдание за неустановлением события преступления.—«Советская юстиция», 1970, № 10, стр. 9; В. Г. Заблоцкий. Основания посташления оправдательного приговора.—«Вопросы борьбы с преступностью».—Труды Иркутск, гос. ун-та, т. 81, вып. 11, ч. 4. Иркутск, 1971, стр. 121; «Теория доказательств в советском уголовном процессе». 1-й изд. М., 1973, стр. 355).

Если, с точки зрения суда, имеется возможность дополнительно собрать и исследовать доказательства, чтобы расширить фактическую основу для решения вопроса о виновности,—он возвращает дело на доследование. Если же такой возможности нет, к) суд обязан вынести оправдательный приговор даже при весьма высокой степени вероятности того, что преступление, возможно, совершил обвиняемый. Если не доказано событие преступления, то оно презюмируется отсутствующим (применяется п. 1 ст. 5 УПК РСФСР)¹⁵; если не доказаны элементы состава преступления, то презюмируется отсутствие состава преступления (применяется п. 2 ст. 5 УПК РСФСР); —если же не доказано, что преступление совершил данный обвиняемый, то он презюмируется не совершившим преступления (применяется п. 3 ст. 309 УПК РСФСР).

В целом же указанные виды правовых презумпций синтезированы в презумпции невинности обвиняемого, которая действует до тех пор, пока главный факт (событие преступления, его совершение данным лицом) не доказан во всех его элементах и установленном порядке. Сомнение в наличии хотя бы одного элемента главного факта, объективно обусловленное недостаточностью доказательств, толкуется в пользу обвиняемого, который юридически должен быть признан невинным. К такому решению приводит судей не только твердая их уверенность в невинности обвиняемого, но и неуверенность в его виновности. Закон, юридически приравнивающий недоказанную виновность к доказанной невинности, исходит из давно сформулированного положения: лучше позволить некоторому числу преступников, вину которых не удалось доказать, уклониться от правовой ответственности, чем обрушить уголовную репрессию на головы невинных.

Правильность этого положения подтверждена историческим опытом и не может вызывать сомнений, ибо, как уже было показано, осуждение невинного — более опасный вид судебных ошибок, чем оправдание преступника.

Вынесение же обвинительных приговоров при недоказанной виновности вытекает из прямо противоположного ошибочного представления: покарать вместе с преступниками и некоторое число невинных якобы эффективнее в «смысле предупреждения преступности»¹⁶.

Можно ли считать судебной ошибкой все те «случаи, когда суду из-за недостатков предварительного следствия не удалось

¹⁵ В законе на этот счет нет специальных разъяснений, однако такие ситуации в судебной и следственной практике встречаются. Имея в виду необходимость четкого решения этого вопроса, Р. М. Оганесян справедливо пишет: «Недоказанность события преступления равнозначна доказанности отсутствия события преступления» (Р. М. Оганесян. Оправдательный приговор в советском уголовном процессе. Ереван, 1972, стр. 106).

¹⁶ Критика этого неверного положения была дана в гл. 1.

установить истину по делу и он вынес оправдательный приговор за недоказанность события или других элементов состава преступления, или недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления? Конечно, нет. Это правильный приговор, законный и обоснованный, хотя истина как цель процесса им не установлена. Такая ситуация возможна в случаях, когда следственным органам не удалось собрать достаточно доказательств для вывода о виновности, следствие уже не может дать эффекта и у суда нет возможности восполнить (пробелы в доказательственном материале). Констатируя невозможность установления истины по делу, суд не допускает ошибку — наоборот, он исправляет ошибку следственных органов, представивших © суд необоснованное обвинительное заключение. Сама такая констатация истинна лишь в том смысле, что она адекватно отражает действительно сложившуюся ситуацию — недостаточность доказательств для достоверного вывода как о виновности, так и о невиновности¹⁷.

Недостижение истины судом нельзя рассматривать как судебную ошибку и в случаях (Прекращения дела за применением сторон по делам частного обвинения (оскорбление, клевета, побои, легкие телесные повреждения без расстройства здоровья) или при отсутствии жалобы потерпевшего по делам частного-публичного обвинения (изнасилование безотягчающих обстоятельств). В этих случаях закон охраняет личные интересы граждан ценой отказа от поиска истины по уголовному делу.

Не будет допущена судебная ошибка и тогда, когда дело прекращено ввиду истечения сроков давности уголовного преследования или по амнистии, хотя бы не все элементы предмета доказывания были установлены. Однако установление самого события преступления и лица, его совершившего, в этих случаях следует считать обязательным. Для прекращения дела ввиду смерти обвиняемого достаточно доказательств, что преступление совершено данным лицом¹⁸.

Возникает и такой вопрос: охватываются ли понятием судебной ошибки случаи, когда доказательств для вывода о виновности недостаточно, однако вынесен обвинительный приговор, отмененный затем с возвращением дела на следствие,

¹⁷ С. В. Курьлев не без основания видит опасность в том, что довольно часто перед судом ставят непосильную задачу — во что бы то ни стало установить истину, хотя доказательств для этого недостаточно и собрать недостающие доказательства из-за просчетов предварительного следствия уже не представляется возможным.

Это иногда способствует применению незаконных средств с целью получения признания обвиняемого и т. п. Концепция, полагающая возможным установление судом истины абсолютно во всех случаях, по мнению С. В. Курьлева, «питается благими пожеланиями» (С. П. Курьлев, О достоверности и вероятности в правосудии.— «Правоведение», 1968, № 1, стр. 70—72).

¹⁸ «Теория доказательств в советском уголовном процессе», стр. 414—415.

которое позволило собрать недостающие доказательства и вынести при новом рассмотрении дела в суде на этот раз законный и обоснованный обвинительный приговор? Как будет — показано в дальнейшем (см. гл. III), подавляющее большинство отмены обвинительных приговоров приходится именно на эти случаи.

Ответ на поставленный вопрос далеко не очевиден. Достаточно сказать, что в прокуратуре и судах указанные случаи, хотя и включаются в общий процент отмены приговоров, влияющий на оценку «качества их работы», однако далеко не всегда входят в понятие «осуждение невиновного», поскольку при до следовании и новом рассмотрении дела в суде виновность обвиняемого в конечном счете подтверждается.

На практике укоренился ошибочный взгляд, согласно которому под необоснованным осуждением понимают не ©се случаи отмены по законным основаниям обвинительных приговоров, а только те случаи, когда дело прекращается по реабилитирующим основаниям или выносятся впоследствии оправдательный приговор. Так, в одном из обобщений Верховного Суда УССР говорится, что в 1967 г. по республике были неосновательно осуждены лишь 7 человек (общее количество отмененных приговоров не приведено), тогда как 36 лиц, совершивших тяжкие преступления, были неосновательно оправданы. Создается впечатление, что случаи необоснованного осуждения чрезвычайно редки и что большинство судебных ошибок связано с неправильным оправданием. А если это так, то создается видимость существования «оправдательного» уклона. Отсюда недалеко и до призыва к устранению «излишнего» либерализма в судебной деятельности.

Случаи, когда после отмены обвинительного приговора и проведенного затем следствия и нового судебного разбирательства снова выносятся обвинительный приговор, нельзя исключать из понятия необоснованного осуждения. В этих случаях отсутствовали основания для первого обвинительного приговора на момент его вынесения. Значит, осуждение обвиняемого этим приговором было необоснованным.

Конечно, есть разница в степени опасности осуждения действительно невиновного и лица, вина которого подтвердилась лишь после отмены приговора и следствия. Однако не следует забывать, что, вынося обвинительный приговор при недостаточных доказательствах, суд, независимо от окончательного результата производства по делу, осуждает невиновного (при данной совокупности доказательств) человека. Последующее осуждение того же человека по тому же обвинению, но при иной (более широкой) совокупности доказательств немногим снижает степень ответственности судей за осуждение лица, вина которого на момент вынесения первого приговора не была доказана. Такой вывод вытекает из презумпции невиновности,

согласно которой обвиняемый считается невиновным, пока вина его не доказана в установленном законом порядке. Значит, вынесение необоснованного обвинительного приговора есть осуждение невиновного, хотя, быть может, в дальнейшем на основе иной совокупности доказательств он будет признан виновным.

Этот вопрос тесно связан с теоретическими (Представлениями о соотношении истины и достоверности в судебном познании).

Некоторые авторы считают, что недостоверное, недоказанное положение может быть тем не менее истинным, ибо истина характеризует адекватное отражение мыслью объекта, а не доказательство их тождества.

Согласно этой точке зрения, истинными могут быть гипотеза (версия), предположение, догадка, в дальнейшем доказанные¹⁹. Если после отмены необоснованного обвинительного приговора, доследования и нового судебного разбирательства снова будет вынесен обвинительный приговор по тому же обвинению, хотя и при иной совокупности доказательств, то при условии истинности последнего первый приговор следует считать также истинным (но не обоснованным) — таково одно из приложений этой точки зрения к уголовному судопроизводству. Но если необоснованный обвинительный приговор оказался все же истинным, то выходит, что и судебная ошибка не была допущена.

¹⁹ П. Ф. Пашкевич пишет: «Истина бывает доказанной и недоказанной» [П. Ф. Пашкевич. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., 1961, стр. 71; см. также: А. А. Эйман. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М., 1967, стр. 110]. Этот взгляд опирается на весьма сомнительное размежевание истины и достоверности в работах некоторых философов и логиков (см., например: Д. П. Горский. Логика. М., 1963, стр. 91). Г. М. Резник, защищая эту точку зрения, пишет: «...от того что мысль не доказана, она не перестает быть истиной» (Г. М. Резник. Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе, стр. 224). Но мысль еще не начинала быть истиной; это значение она приобретает только после того, как будет доказано ее соответствие действительности. В частности, если приговор не обоснован, т. е. в нем не приведены доказательства выводов, к которым пришел суд, то сама постановка вопроса о признании его истинным ничего не дает для науки и тем более практики. Такая постановка вопроса может лишь неосновательно смягчить серьезность допущенной судом ошибки.

Г. М. Резник полагает, что такое понимание истины приводит к субъективной ее трактовке, поскольку «она становится зависимой от субъекта познания, от того, располагает ли он необходимыми средствами, правилами проверки суждений» (стр. 205). Правильно, и быть иначе не может. Истина, безусловно, субъективна в том смысле, что ее достижение определяется познавательными возможностями человека — открывателя истины — и человечества в целом на каждой данной стадии его развития. Но по содержанию знаний, соответствующих действительности, истина, конечно, объективна. Человечество много раз жестоко страдало от того, что принимало на веру недоказанные утверждения, объявляя их истиной. Печальный опыт истории учит: истина есть только то, что доказано и проверено практикой.

Представляется, что рассматриваемая точка зрения ошибочна. Гипотеза, предположение, догадка, любой не вполне доказанный вывод имеют определенную эвристическую ценность. Но до полного обоснования этого вывода нельзя говорить о нем как об истинном, поскольку не исключены другие выводы, гипотезы, предположения. Либо мы имеем гипотезу (любой не вполне обоснованный вывод), но тогда она не истина, либо истину, но тогда она уже не гипотеза, а достоверное знание. Третьего не дано. Верно, конечно, что истина характеризует адекватное отношение мысли к объекту. Но это отношение на логической ступени познания устанавливается не иначе, как доказательствами, и лишь при полной доказанности этого тождества знание становится достоверным. Истина всегда достоверна²⁰.

Ретроспективный взгляд на (гипотезу, которая уже в момент своего появления (была истиной, ничего не может дать науке, кроме тривиальных рассуждений о пользе эвристики и интуиции, в чем никто не сомневается, и признания гения тех великих ученых, которые привели человечество к истине через догадку¹. Мы преклоняемся перед силой их предвидения, но утверждаем, что самые гениальные догадки и предположения — только путь к истине, а не сама истина, которая существует лишь постольку, поскольку она доказана.

Завершая рассмотрение судебных ошибок, выражающихся в необоснованном осуждении, укажем различные варианты их исправления: 1) прекращение дела по реабилитирующим основаниям в вышестоящем суде; 2) прекращение вышестоящим судом одного или нескольких из обвинений; 3) отмена обвинительного приговора и возвращение дела на доследование — прекращение дела следователем (прокурором) по реабилитирующим основаниям; 4) отмена обвинительного приговора и возвращение дела на доследование — прекращение дела в суде по реабилитирующим основаниям; 5) отмена обвинительного приговора и возвращение дела на доследование или новое судебное рассмотрение — оправдательный приговор; 6) отмена обвинительного приговора и возвращение дела на доследование или новое судебное рассмотрение — обвинительный приговор²².

Я. С. Алексеев, В. З. Лукашевич. Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве. Л., 1970, стр. 118; М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. 1, стр. 326; А. Л. Ривлин. Законность, обоснованность, истинность в уголовном судопроизводстве и их взаимосвязь. — «Прашшгдопне», 1969, № 2, стр. 100; И. Л. Петрухин. Некоторые вопросы методологии экспертного и судебного познания. — «Труды ЦНИИСЭ». Вып. 2. М., 1970, стр. 253.

По мнению философа И. Д. Андреева, «ни одна гипотеза не может считаться... истиной» (И. Д. Андреев. О методах научного познания. М., 1964, стр. 138).

Вынесение второго вошедшего в законную силу обвинительного приговора не указывает на ошибку, если он постановлен на основе тех же доказательств, что и первый; при этом все обстоятельства дела доказаны.

Перейдем теперь *ко второй группе* ошибок в установлении *главного факта* — необоснованному оправданию обвиняемого. Речь идет о случаях, когда доказательства, имевшиеся в распоряжении суда, давали основание для вынесения обвинительного приговора или передачи дела со стадии предания суду в судебное разбирательство, однако суд этого не сделал и оправдал обвиняемого либо прекратил дело в распорядительном заседании по одному из реабилитирующих оснований. Судебных ошибок этого вида гораздо меньше, чем 'Предыдущего'²³.

Рассмотрим отдельные варианты этих ошибок и способы их исправления.

Оправдательный приговор — отмена приговора вышестоящим судом с возвращением дела на доследование — обвинительный приговор. В этих случаях суд выносит оправдательный приговор вопреки тому, что не исчерпаны все возможности для обнаружения доказательств, подтверждающих обвинение, поэтому вышестоящий суд, отменяя приговор, возвращает дело на доследование.

Дополнительно обнаруженные доказательства дают затем основание для вынесения обвинительного приговора.

Оправдательный приговор — отмена приговора вышестоящим судом с возвращением дела на новое судебное рассмотрение — обвинительный приговор. Как правило, в этих сравнительно редких случаях уже к моменту вынесения первого приговора были собраны доказательства, достаточные для обвинительных выводов, но суд, ошибочно оценив доказательства, оправдал подсудимого. Однако возможны и такие ситуации, когда при новом рассмотрении дела после отмены приговора были собраны самим судом дополнительные доказательства виновности, в связи с чем второй приговор оказался обвинительным. Ошибка суда, вынесшего первый (оправдательный) приговор состояла в том, что он не использовал предоставленные ему законом возможности для собирания дополнительных доказательств.

Оправдательный приговор — отмена приговора вышестоящим судом с направлением дела на доследование или новое судебное рассмотрение — оправдательный приговор, основанный на иной совокупности доказательств. Речь идет о случаях, когда доказательства, собранные при первом рассмотрении дела, давали основание для вынесения обвинительного приговора, однако обвиняемый ошибочно был оправдан. В дальнейшем, пока готовились и рассматривались в вышестоящем суде протест или жалоба на оправдательный приговор, доказательства виновности претерпели существенные изменения или были утрачены, в связи с чем второй приговор оказался также оправдательным.

Количественные характеристики даны в гл. III.

Следует учитывать, что, в соответствии с законом суд, вынося оправдательный приговор, обязан немедленно в зале суда освободить подсудимого из-под стражи (ст. 319 УПК РСФСР). Эта мера имеет важное воспитательное значение; она поднимает авторитет суда и служит защите нрав граждан, признанных судом невиновными.

Но если оправдательный приговор оказался ошибочным, то при освобождении обвиняемого из-под стражи ошибочно оправданный получает возможность воздействовать на свидетелей и потерпевших, принимать меры к сокрытию не обнаруженных на предварительном следствии вещественных доказательств и документов, наконец, скрыться от следствия и суда. Вот почему ошибочный оправдательный приговор довольно часто ведет к невосполнимой утрате доказательств, в связи с чем новый приговор нередко тоже бывает оправдательным.

Из этого, конечно, не следует, что необходимо отменить ст. 319 УПК РСФСР, о важном значении которой говорилось выше. Это не оправдывает и ошибочную практику возвращения дел и; судон па доследование, когда имеются все основания для иышеенпя оправдательного приговора (подробно об этом см. в гл. III). Указанное обстоятельство важно для нас пока в том отношении, что оно подчеркивает отрицательные последствия необоснованного оправдания, весьма осложняющего дальнейшие поиски истины по делу.

Оправдательный приговор — отмена приговора вышестоящим судом — прекращение дела на предварительном следствии или в суде по нереабилитирующим основаниям. Рассматриваемая группа судебных ошибок характерна следующим: оправданный по сути дела виновен в совершении преступления, что подтверждено доказательствами, собранными при доследовании или новом рассмотрении дела в суде, однако появились основания для прекращения дела без реабилитации, которых не было при вынесении оправдательного приговора. По сути дела второй приговор должен был быть обвинительным, если бы не появление этих оснований (истечение срока давности уголовного преследования, амнистия, смерть обвиняемого, примирение обвиняемого с потерпевшим по делам «частного» обвинения). Обвиняемый за совершенное им преступление не несет уголовной ответственности, которая имела бы место, если бы не был ш.шееен ошибочный оправдательный приговор, — в этом опасность рассматриваемого вида судебных ошибок.

Однако иногда наблюдаются попытки «доказать» ошибочность отмененного оправдательного приговора при доследовании дела путем прекращения его по нереабилитирующим основаниям при той же совокупности доказательств, которая послужила основанием оправдания. Но таким способом «доказать» ошибочность оправдательного приговора невозможно, ибо он отменен не потому, что суду надлежало вынести обвинительный

приговор, а потому, что суд должен был потребовать от органов расследования собирания дополнительных доказательств. Если при доследовании дополнительные доказательства не были собраны, то постановление о прекращении дела по одному из нереабилитирующих оснований является ошибочным, ибо вина обвиняемого осталась недоказанной.

Прекращение дела в стадии предания суду ~ отмена определения о прекращении дела вышестоящим судом — приговор (обвинительный или оправдательный). Существо данной судебной ошибки — в преждевременном прекращении дела судом, хотя имелись основания для вынесения дела в судебное заседание. Эта ошибка возможна и в случаях последующего оправдания подсудимого, так как вопрос о виновности (точнее невиновности) трудно решить в стадии предания суду по одним лишь письменным материалам дела без исследования доказательств в условиях гласного, состязательного судебного разбирательства.

Но гораздо более серьезная ошибка допускается в тех случаях, когда в стадии предания суду дело прекращается по реабилитирующему основанию, а затем, после отмены определения распорядительного заседания, выносятся обвинительный приговор или дело возвращается на доследование.

§ 3. Ошибки суда при установлении отдельных элементов предмета доказывания, доказательственных фактов и оценке средств доказывания

Рассмотренные (выше две основные разновидности ошибок суда в решении вопроса о виновности, как правило, возникают в результате допущения им более мелких, более частных ошибок при установлении отдельных элементов предмета доказывания, отдельных обстоятельств дела, доказательственных фактов, на основе которых делается вывод о главном факте, а также ошибок в оценке отдельных средств доказывания.

Если ошибка в установлении главного факта есть недостоверный, неистинный результат судебного исследования, то частные судебные ошибки допускаются в ходе самого исследования; Именно из частных ошибок суда вырастает общий ошибочный вывод о виновности (невиновности) подсудимого в совершении инкриминированного ему преступления.

В этой связи уместно напомнить известное высказывание К. Маркса: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинным, истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге»²⁴.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 7—8.

Если в системе фактических данных, лежащих в основе вывода о виновности (невиновности), имеются данные сомнительные или ложные, если остались без надлежащей проверки обстоятельства, противоречащие выводам суда, изложенным в приговоре, либо в процессе доказывания были допущены существенные нарушения процессуального закона, то эти дефекты доказывания частного характера нередко определяют и общий ошибочный вывод суда. Ошибка суда в установлении отдельного доказательства факта, в оценке достоверности отдельного средства доказывания лишь в сравнительно редких случаях «избыточности доказательств»²⁵ может не повлиять на истинность приговора.

Например, если опознание обвиняемого потерпевшим оказалось ошибочным и последний после вынесения приговора от него отказался, то это может и не повлечь отмену приговора, если обвиняемый был достоверно опознан другими потерпевшими и свидетелями (в данном случае искомый доказательственный факт установлен меньшим числом средств доказывания). «Явление избыточности доказательств может еще в большой мере наблюдаться и при оправдании подсудимого (э)]: этот аспект обычно выпадал из поля зрения исследователей». Опровержение отдельного оправдательного доказательства довольно часто не приводит к выводу о виновности. Так, известны случаи, когда по просьбе обвиняемого и его родственника свидетели давали ложные показания об отдельных обстоятельствах дела, т. е. «придумывали» оправдательные доказательства в связи с тем, что следствие велось необъективно и защитить себя законными методами обвиняемый не мог. Незаконные методы следствия и судебного разбирательства нередко порождают и незаконные методы защиты у человека, который преступления не совершал, но доказать этого не может из-за предвзятости следователя и суда»²⁶.

Уличив такого человека во лжи и опровергнув искусственные созданные им доказательства, иногда полагают, что вина его теперь доказана. Напрасно. Для такого вывода необходимо не только опровергнуть все оправдательные доказательства, но и найти достаточные доказательства виновности.

Из этого следует, что если некоторые доводы кассационного протеста прокурора на оправдательный приговор подтвердились, то это не всегда определяет отмену приговора.

Рассмотрев сравнительно редкие случаи, связанные с «избыточностью доказательств», мы должны снова обратиться к сформулированному выше основному положению о том, что ошибки в исследовании, как правило, порождают ошибки в ко-

²⁵ А. Л. Эйман. Заключение эксперта (структура и научное обоснование), стр. 39.

²⁶ См. подробнее гл. V, § 8.

нечных выводах суда. Рассмотрим основные виды таких ошибок.

Ошибки в установлении отдельных элементов предмета доказывания. Предмет доказывания состоит из следующих элементов: 1) образующих состав преступления (главный факт); 2) находящихся за пределами состава преступления, без установления которых главный факт нельзя, однако, считать доказанным (время, место, способ совершения преступления—когда они не входят в состав преступления); 3) не связанных с составом преступления и его доказыванием (причины и условия преступления, характеристика личности обвиняемого, смягчающие и отягчающие обстоятельства, характер и размер ущерба, причиненного преступлением» если он не входит в состав преступления), Ошибки в установлении элементов, указанных в п. 1, есть ошибки в самом главном факте. Это могут (быть ошибки в установлении объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон преступления. Недоказанность любого из этих элементов состава преступления свидетельствует о недоказанности самого преступления. Такие ошибки в установлении фактов, вытекающие из ошибочной оценки доказательств, нередко порождают и ошибочную уголовно-правовую квалификацию деяния²⁷.

Так, отсутствие достаточных доказательств затрудняет дифференциацию форм вины, делает сомнительным вывод о наличии причинной связи между действиями обвиняемого и их последствиями и т. д.

Ошибки в установлении элементов, указанных в п. 2, порождают неустранимое сомнение в доказанности главного факта.

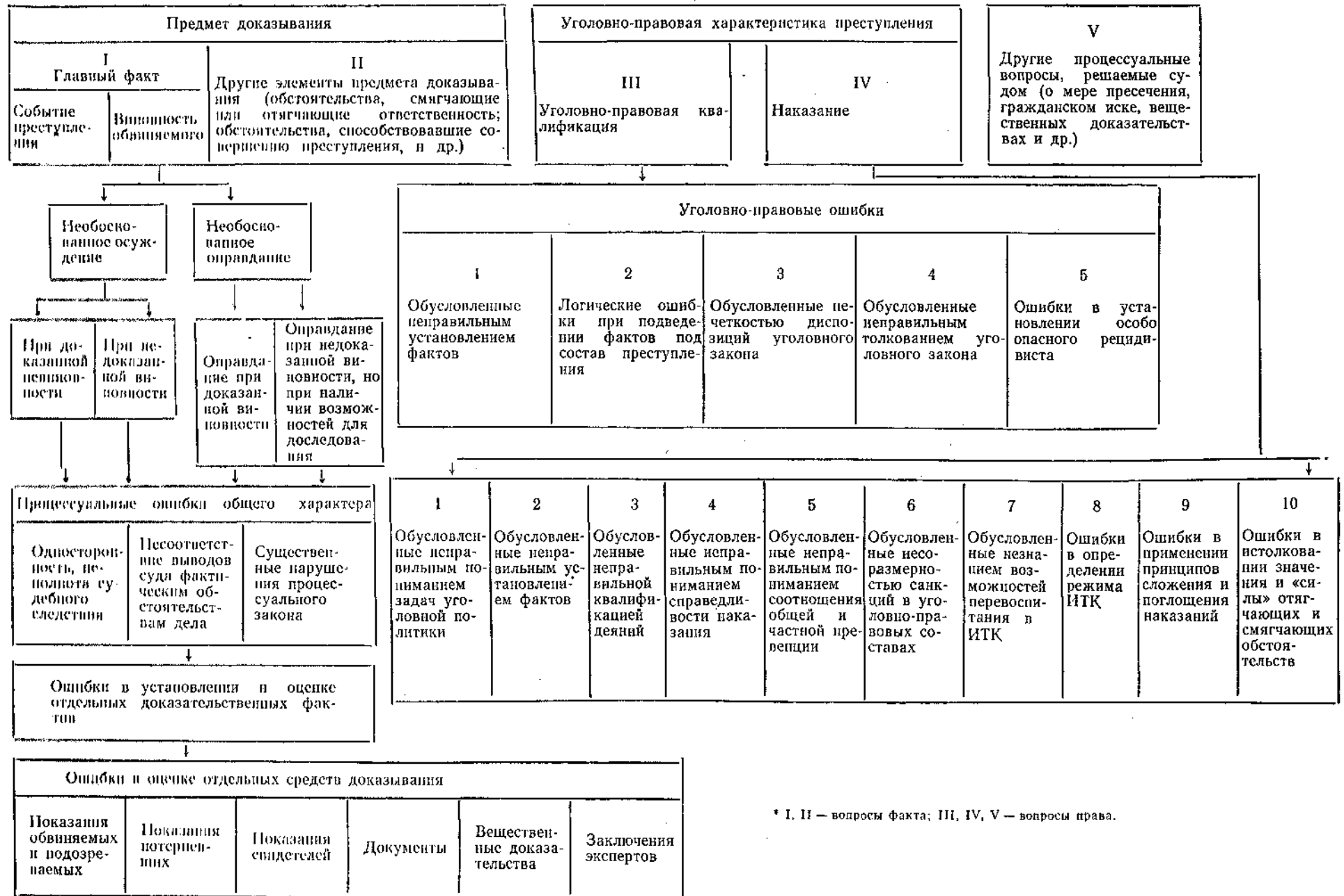
Известно, что время, место и способ совершения преступления лишь в самом обобщенном виде входят в общий состав преступления (например, действие уголовного закона в пространстве и времени). Отдельные составы содержат более конкретные формулировки этих элементов (преступления, совершенные в военное время, совершенные способом, опасным для жизни многих людей, и т. д.).

Однако многие конкретные составы преступлений не связывают уголовную ответственность с определенным временем, местом и способом их совершения, т. е. эти элементы находятся за пределами состава (например, для состава получения взятки не имеет значения время, место и способ ее получения).

Между тем без достоверного установления этих элементов вывод о наличии состава преступления (главного факта) нельзя считать доказанным. Нельзя утверждать, что преступление

От этого вида ошибок надо отличать уголовно-правовые ошибки в «чистом виде», когда все элементы состава преступления доказаны, однако сама норма уголовного права истолкована и применена неправильно.

Виды судебных ошибок *

азано, если даже неизвестно, где, когда и как оно совершено.

Эти характеристики предмета доказывания, собственно говоря, довольно растяжимы. Трудности и ошибки в доказывании возникают в связи с неодинаковым пониманием на практике допустимых пределов их точности (например, достаточно ли установить время убийства с точностью до часа, дня, месяца, года или место убийства с точностью до указания определенного дома, улицы, района, города и т. д.). Понятно, что установление указанных элементов предмета доказывания с меньшей точностью» чем это допустимо, «влечет судебную ошибку и отмену приговора»²⁸.

С другой стороны, недопустимо и доказывание излишних подробностей, мелких деталей, сопутствующих совершению преступления, поскольку это не необходимо для установления истины в пределах, очерченных предметом доказывания и составом преступления, при условии, что эти детали не являются косвенными доказательствами. Неправильное понимание всеобщности может принести к «дурной бесконечности»²⁹.

Ошибки в установлении доказательств фактов (фактических обстоятельств дела) и оценке средств доказывания. Суд делает вывод о главном факте (совершении или несвершении преступления определенным лицом), опираясь на совокупность установленных им с помощью средств доказывания доказательственных фактов (при косвенном доказывании), либо средства доказывания непосредственно и однозначно указы-

²⁸ Критерии, определяющие максимально допустимые пределы точности установления указанных элементов предмета доказывания, характеризуют полноту судебного исследования. Эти критерии не формулируются законом, их вырабатывает судебно-следственная практика с помощью криминалистики.

В. Д. Арсеньев правильно обратил внимание на то, что точность установления элементов предмета доказывания может быть различной, однако не счел возможным исследовать этот вопрос более подробно (В. Д. Арсеньев. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, стр. 30). Ф. Ю. Бердичевский пришел к выводу, что степень детализации при установлении времени, места и некоторых других элементов предмета доказывания зависит от индивидуальных особенностей дела, характера собранных доказательств. При этом меньшая, чем это необходимо, степень детализации указанных обстоятельств, как правило, указывает на недоказанность преступления в целом (Ф. Ю. Бердичевский. Некоторые вопросы доказывания по делам об убийстве.— «Вопросы криминалистики, криминологии и судебной экспертизы». Баку, 1972, стр. 75—76).

²⁹ См. *11 Из Ленин*. Поли. собр. соч., т. 42, стр. 290.

В философской литературе отмечают: «Защитник всесторонности в духе «дурной бесконечности» желает преодолеть односторонность путем перечисления всех свойств, элементов, отношений конкретного целого. Но поскольку предмет бесконечен, то вместо всесторонности подхода он попадает на путь бесконечного блуждания от одной стороны предмета к другой» («Ленин об элементах диалектики». Под ред. Б. М. Кедрова. М., 1965, стр. 125; см. также: *И. Д. Андреев*. О методах научного познания, стр. 133—134).

вают на сам главный-факт (при прямом доказывании), либо косвенные и прямые доказательства в совокупности служат основанием вывода («смешанный» способ доказывания).

(Какой бы из указанных способов доказывания не применялся, всегда можно выделить факты (доказательственные или непосредственно входящие в предмет доказывания, как он указан в законе) как результат исследования, непосредственно предшествующий формулированию вывода суда о главном факте, и выявляемые из процессуальных средств доказывания многочисленные фактические данные (сведения), истинность или ложность которых проверяется в ходе исследования).

Из огромного количества сведений, которыми располагает суд, кристаллизуются факты³⁰ как достаточное основание окончательного вывода суда о виновности (невиновности). Каждый такой факт может устанавливаться несколькими процессуальными источниками. Кроме того, доказательством существования факта служит наличие других фактов, связанных с первым общей причиной их возникновения.

Таким образом, путь движения к истине в уголовном процессе идет от многочисленных сведений, поступающих из процессуальных средств доказывания (нередко противоречивых и ложных) к совокупности фактов, достоверно установленных и как бы «очищенных» от процессуальных источников⁸¹, и, наконец, к логическому выводу из этих фактов о преступлении и лице, его совершившем. И на любом из этих этапов исследования возможна ошибка, которая может предопределить общий ошибочный вывод суда.

Ошибочные или заведомо ложные показания свидетелей, потерпевших, обвиняемых, ошибочные заключения экспертов и документы, ошибки при проведении и фиксации результатов следственных действий, основанных на непосредственном восприятии (осмотр, опознание, освидетельствование, следственный эксперимент, проверка показаний на месте), — все эти ошибки и заведомо ложные сведения, если они остались невыявленными судом, превращаются в судебные ошибки при установлении отдельных фактов, а затем из них следует общий ошибочный вывод суда о главном факте. Рассматриваемые здесь ошибки суда в установлении отдельных доказательств^{TM}

В основу различия между фактами и сведениями положен признак достоверности. Факты достоверны, сведения же требуют проверки. Судебными доказательствами являются, на наш взгляд, как сведения, содержащиеся в процессуальных средствах доказывания, истинность которых еще предстоит проверить, так и достоверно установленные факты как основание окончательного вывода суда. Такое двойственное понимание доказательства отражает реально происходящий в суде процесс рождения истины и указывает на существование двух этапов и судебного познания: исследования, где занимаются поиском достоверных фактов, и логического обоснования этими фактами приговора суд п.

ных фактов, в исследовании отдельных процессуальных средств доказывания являются по существу ошибками в оценке доказательств как на этапе их исследования, так и на следующем за ним этапе логического обоснования приговора. Рассмотрению этих ошибок посвящены соответствующие главы нашей работы³².

Перейдем к рассмотрению следующего вида судебных ошибок, связанных с неправильным установлением фактов. Речь идет о *существенных нарушениях уголовно-процессуального закона*, допущенных на «предварительном следствии и в суде, и обоснованном предположении (презумпции), что они отрицательно влияют на выяснение существа дела, порождая неустраняемое сомнение в доказанности фактов, установленных приговором суда, в силу чего приговор подлежит отмене как незаконный и необоснованный.

Доказательства признаются допустимыми, если они получены, проверены и оценены при строгом соблюдении уголовно-процессуальной формы. Существенное нарушение этой формы (на уровне процессуальных принципов или более конкретных норм) влечет аннулирование доказательственного значения установленных при этом фактов. Устранение же отдельных доказательств из общей их системы, как правило, лишает приговор достаточных оснований и делает необходимым его отмену для проведения соответствующих процессуальных действий при строгом соблюдении требований закона³³.

Некоторые существенные нарушения процессуального закона распространяются в целом на стадию уголовного процесса, делая дефектными не только отдельные доказательства, но и весь процесс доказывания на этой стадии, в связи с чем выводы суда, содержащиеся в приговоре, становятся юридически ничтожными и приговор подлежит отмене.

Так, слушание дела в суде не на том языке, который установлен Конституцией союзной республики, или в отсутствие переводчика, когда он согласно закону необходим, — это такое нарушение закона, которое ставит под сомнение объективность и полноту всего судебного разбирательства. То же следует сказать о нарушении права обвиняемого на защиту, нарушении принципа гласности судопроизводства, рассмотрении дела незаконным составом суда и т. д.

Таким образом, в советском уголовном процессе действует

³² См. гл. VIII, IX.

³³ «Теория доказательств в советском уголовном процессе», стр. 228—245, 358.

Не будет преувеличением считать, что «борьба с процессуальными нарушениями в судебной деятельности — это в конечном счете борьба с судебными ошибками» («Строго соблюдать требования процессуального закона при осуществлении правосудия». — «Советская юстиция», Д973, № 15, стр. 2).

следующая «неопровержимая презумпция: фактические обстоятельства, установленные в существенном нарушении форм судопроизводства, считаются сомнительными и потому юридически несуществующими, пока соответствующее нарушение не устранено. Из этого следует, что приговор, постановленный при существенном нарушении процессуального закона на стадии судебного разбирательства, считается незаконным и необоснованным, презюмируется не устанавливающим истину, иными словами, — ошибочным и подлежит отмене. Не обнаруженные в суде существенных нарушений процессуального закона, допущенных следователем, есть существенное нарушение закона, допущенное самим судом, в связи с чем приговор подлежит отмене, а дело — возвращению на ту стадию процесса, где впервые было допущено нарушение.

В отдельных случаях существенное нарушение процессуального закона могло и не оказать влияния на выяснение существа дела (например, вынесен по существу правильный приговор при нарушении тайны совещания судей), однако доказывание этого обстоятельства законом запрещено (ст. 345 УПК РСФСР), в чем проявляется *неопровержимый* характер данной презумпции. В интересах законности и правопорядка она пренебрегает единичными случаями, когда, вопреки существенным нарушениям закона, истина по уголовному делу оказалась установленной, требуя, чтобы во всех случаях допущения такого рода нарушений приговор считался неистинным, ошибочным и подлежал отмене.

Практика не без основания расширяет число указанных в законе существенных нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих отмену приговора, поскольку дать исчерпывающий их перечень не представляется возможным. Отсюда трудности в определении критериев, позволяющих отделить существенные нарушения процессуального закона от менее существенных, преодолеваемые благодаря изучению и обобщению судебной практики.

Существенные нарушения уголовно-процессуального закона могут сделать ошибочным не только обвинительный, но и оправдательный приговор, поскольку они ставят под сомнение его обоснованность.

Отмена оправдательного приговора возможна, например, при стеснении в правах потерпевшего, гражданского истца. С другой стороны, нарушение права обвиняемого на защиту не должно повлечь отмену оправдательного приговора, поскольку обвиняемому удалось отстоять свои законные интересы, несмотря на нарушение этого права. Однако, не отменяя приговор, вышестоящий суд обязан в этих случаях реагировать на нарушение закона путем вынесения частного определения.

При допущении судом менее существенных процессуальных нарушений (как уже отмечалось, их отличие от существенных

нарушений определяется лишь отчасти законом, а отчасти — практикой), вообще говоря, тоже возникает предположение, что соответствующие факты установлены судом неверно или неполно. Однако это предположение может быть рассеяно при ознакомлении с другими доказательствами, собранными и исследованными при строгом соблюдении всех правил судопроизводства, так: что общий вывод суда остается вне сомнений.

Складывающееся на практике соотношение между признаваемыми существенными и менее существенными нарушениями форм судопроизводства характеризует достигнутый уровень судебной работы во всех инстанциях. Чем выше этот уровень, тем большее число процессуальных нарушений признается существенными и влечет отмену (приговоров). Однако и здесь имеется разумный предел, ибо признание — существенным любого процессуального нарушения, самого незначительного, и отмена в связи с этим приговора с последующим доследованием или новым рассмотрением дела в суде означало бы господство юридического формализма, пренебрежение здравым смыслом. Поэтому презумпция отсутствия факта, если при его установлении были допущены судом менее существенные процессуальные нарушения, является опровержимой: она может быть опровергнута другими собранными по делу доказательствами, а иногда и новыми материалами, представленными в вышестоящий суд³⁴.

Выделяя процессуальные нарушения как разновидность судебных ошибок, следует иметь в виду, что они могут рассматриваться в двух планах, о которых упоминалось выше, а именно: как ошибочное *действие (бездействие)* суда, выражающееся в нарушении (несоблюдении) им норм процессуального права,³⁵ и как ошибочный акт познания (результат процессуальных нарушений), вследствие чего истиной объявляется то, что не доказано, поскольку соблюдение процессуальных форм входит в понятие доказывания в уголовном судопроизводстве.

С учетом изложенного под понятие судебной ошибки в смысле неправильного действия подпадают любые нарушения процессуального закона, допущенные судом (как существенные, так и несущественные). Судебная ошибка в смысле необоснованного, недоказанного (а потому и презюмируемого неистинным) вывода суда о виновности может происходить лишь из таких нарушений форм судопроизводства, которые признаны существенными.

Конечно, соблюдение форм судопроизводства еще не всегда гарантирует достижение истины, а отступление от этих форм не

Способом реагирования на допущенные судом менее существенные нарушения являются частные (особые) определения вышестоящего суда. Под это определение подпадают и такие случаи, когда нарушение закона допущено кем-либо из других участников процесса, а суд не потребовал его устранения — тем самым и суд нарушил закон.

-всегда влечет искажение существа дела. Разумеется, **процессуальное** право не может претендовать на роль («определителя») истинного знания «по-конкретному делу. Но изучая (большую совокупность однородных случаев, право прибегает к презюмированию, т. е. выведению закономерностей, характеризующих в целом статистический коллектив. Презумпции, **указанные** в нормах **права**, приобретают силу закона. Конечно, с этим нельзя не считаться, определяя истину и ошибку в уголовном процессе. Приговор, основанный на недопустимых, с точки зрения закона, доказательствах считается (презюмируется) неистинным, ошибочным. В данном случае мы имеем дело с недоказанным утверждением суда, поскольку отдельные (или даже все) обосновывающие его аргументы являются порочными в силу прямого указания закона. Это указание — не произвольно, оно исходит из того, что упомянутые аргументы в подавляющем большинстве случаев порочны и по существу, т. е. неистинны, ложны, ибо получены без соблюдения установленной законом процедуры, гарантирующей достоверность вывода и охрану прав граждан, участвующих в процессе. Если же для отдельных случаев допустить отступление от этого правила, то в конечном счете это отрицательно скажется на судебной практике — количество незаконных приговоров возрастет.

Нередко после устранения процессуальных нарушений суд при **новом-рассмотрении** уголовного дела выносит «такой же» приговор. Это не означает, однако, что первый приговор ее был ошибочным и что такие случаи не следует учитывать как судебные ошибки. Дело в том, что вновь вынесенный приговор — не совсем «такой же», как и первый, поскольку содержащийся в нем вывод логически обоснован доказательствами, безупречными в юридическом отношении. В первом же приговоре логическое основание вывода как будто то же, однако истинность посылок (всех или некоторых) берется под сомнение самим законодателем (более того, они вообще презюмируются отсутствующими), поэтому и общий вывод суда считается недоказанным. После устранения процессуальных нарушений, если это не вызвало изменения содержания сведений о фактах (доказательствах), новый приговор по характеру вывода и его оснований не отличается от первого. При изменениях в доказательственном материале, вызванных устранением процессуальных нарушений, новый приговор может существенно отличаться от первого и выводом о главном факте (вместо «виновен» — «невиновен» и наоборот), и юридической квалификацией деяния, и мерой наказания.

Некоторые процессуальные нарушения при рассмотрении дела в суде восполнить уже невозможно (например, осмотр места происшествия и изъятие вещественных доказательств производились без понятых). Полученные таким способом доказательства, ошибочно использованные для обоснования пригово-

ра, при новом рассмотрении дела в суде должны быть признаны недопустимыми. Понятно, что отказ от их использования для обоснования приговора может существенно повлиять на характер вывода суда.

§ 4. Уголовно-правовые ошибки

Нам осталось коротко охарактеризовать еще два вида судебных ошибок: ошибки в уголовно-правовой квалификации деяния и ошибки при определении наказания.

Уголовное право **устанавливает** существенные признаки деяний, признаваемых в такой степени общественно опасными, что их совершение должно, по общему правилу, повлечь применение *мер* уголовного наказания. Состав преступления есть совокупность признаков, характеризующих определенный вид деяний как общественно опасных и караемых уголовно-правовым наказанием. Вообще говоря, состав преступления есть абстракция, выведенная путем длительного изучения социальных явлений (поведения людей в обществе, их отношений между собой). Законодатель, формулируя составы преступлений, осуществляет «восхождение» от конкретного к абстрактному, находит в явлениях их социальную сущность с тем, чтобы затем судья, применяющий уголовный закон, мог связать ранее познанное абстрактное с изучаемым в суде конкретным и, зная ранее познанную и выраженную в законе сущность, обнаружил бы ее в конкретном противоправном поведении. Состав преступления состоит из более абстрактных сущностей, выраженных в нормах, общей части Уголовного кодекса (субъект, вина и т. д.), и менее абстрактных сущностей, выраженных в нормах особенной части Уголовного кодекса и характеризующих преступления определенного рода и вида, отвлекаясь от их индивидуальных особенностей.

В уголовном судопроизводстве состав преступления выполняет двоякую — поисковую и логическую — функцию.

Поисковая функция состава преступления состоит в том, что суд и следователь из всей массы фактов, составляющих конкретное деяние, отыскивают только существенные в юридическом (и социальном) отношении. При этом отбираемые факты «сортируются» в мышлении применительно к имеющимся составам, образуя как бы «ячейки», постепенно заполняемые фактами. Процессу собирания и использования фактических данных сопутствует процесс их «примеривания» к различным составам преступления в первом, втором и т. д. приближении, пока фактическая сторона конкретного преступления не совпадет в юридически существенных чертах с очерченным в законе составом преступления. Смежные составы имеют много общих элементов и отличаются иногда лишь некоторыми признаками, что создает опасность допустить ошибку в квалификации дея-

ния при неправильном истолковании и -применении дифференцирующего признака.

Логическая функция состава преступления состоит в том, что он составляет большую посылку в силлогистическом умозаключении, где меньшей посылкой является суждение о наличии юридически значимых фактов, составляющих данное конкретное деяние³⁶.

Анализ юстава (преступления с точки зрения выполняемых им функций в процессе познания истины в суде понадобился нам для выявления типичных ошибок, допускаемых в процессе уголовно-правовой оценки деяний.

Ошибка может быть допущена не судом, а законодателем при формулировании состава преступления. При этом возможны два варианта: 1) деяние, не являющееся для данного общества опасным (в частности, потерявшее общественную опасность), либо не требующее уголовно-правового воздействия, ошибочно расценивается законодателем как общественно опасное, требующее применения уголовного наказания; 2) деяние, являющееся общественно опасным и требующее применения уголовного наказания, законом в качестве преступления не предусмотрено.

Применяя уголовный закон, дефектный в одном из этих отношений, судья формально-юридически и формально-логически ошибку не допускает.

Однако он воспроизводит применительно к конкретным случаям общую социальную ошибку законодателя, допускающего существование таких дозволений и запретов, которые не соответствуют потребностям данной социальной системы. Поэтому некоторые авторы полагают, что приговор, основанный на применении ошибочной нормы права, в широком социальном плане тоже следует считать ошибочным³⁷.

1. Судебная ошибка может выразиться в неправильном истолковании судом правовых понятий, характеризующих состав преступления, особенно в случаях, когда эти понятия носят общий характер и не раскрываются в законе.

2. Ошибка в квалификации преступления может быть следствием ошибки в установлении фактов, образующих состав преступления. В результате ошибок в установлении фактов неправомерное деяние может быть квалифицировано как преступление

В. Г. Заблочкий. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе. Автореф. канд. дисс. Иркутск, 1971, стр. 6—7; *В. Н. Кудрявцев,* Общая теория квалификации преступлений, стр. 64, 76 и ел. *Г. М. Резник,* Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе, стр. 96; *И. Л. Петрухин.* Некоторые вопросы методологии экспертного и судебного познания, стр. 251—252; *В. Я. Дорохов.* Установление истины — цель доказывания в советском уголовном процессе.— «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Изд. 2-е, доп. М., 1973, стр. *120—130,

или, наоборот, преступное деяние — как правомерное; возможно также ошибочное применение не той статьи Уголовного кодекса, под которую подпадает данный случай.

3. При правильном истолковании правовых понятий, характеризующих состав преступления, достоверном и полном установлении юридически существенных фактов все же (возможны и допускаются ошибки логического характера, состоящие в неправильном подведении фактов под признаки состава преступления. Иными словами, преступное деяние квалифицируется не по той статье Уголовного кодекса, которую надлежало применить³⁸,

Ошибки суда в *определении характера и меры наказания* состоят в определении наказания, не соответствующего степени общественной опасности деяния и личности преступника.

Закон в большинстве случаев устанавливает относительно определенные санкции за совершение преступлений. При этом пределы, в которых суду предоставлена возможность варьировать характер и меру наказания, достаточно широки и могут еще более раздвигаться в сторону смягчения наказания (назначение наказания «ниже низшего предела», условное наказание, освобождение от наказания).

Изложенное не означает, однако, что решение суда о характере и мере наказания произвольно. В принципе для каждого преступного деяния объективно существует оптимальный вариант наказания, учитывающий как задачи общей превенции, так и наиболее благоприятные условия и сроки перевоспитания преступника³⁹.

Задача суда состоит в нахождении этого наилучшего варианта, что и составляет существо проблемы индивидуализации наказания. Конечно, в решении этой задачи еще не достигнута максимальная точность. И направление преступника зависит от конкретных условий в той или иной исправительно-трудовой колонии, от квалификации, умения, энтузиазма тех, кому поручено перевоспитание преступников. Суду эти условия известны в самом общем виде. Суд не знает, в какую именно колонию попадет преступник, кто и как именно будет его перевоспитывать. Поэтому пока нельзя требовать от суда, чтобы уголовное наказание определялось с абсолютной точностью (допустим, до дня, недели и т. п.). Однако, безусловно, тенденцией является приближение индивидуально определяемого судом наказания к оптимальному варианту. Это приближение достигается за счет

А. И. Уемов в популярном изложении показал, как нарушение элементарных законов логики порождает такого рода ошибки (*А. И. Уемов.* Логические ошибки, Как они мешают правильно мыслить. М., 1958, стр. 44—45).

К. Маркс писал: «Если понятие преступления предполагает наказание, то действительное преступление предполагает определенную меру наказания» (*К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 1, стр. 1(214).

все более точного учета степени общественной опасности преступлений различных видов при установлении в законе соответствующих, им мер наказания и устранения из закона противоречий; за счет более глубокого изучения личности подсудимого, причин и условий, способствовавших совершению им преступления, обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность; за счет изучения эффективности наказаний с учетом практики исправительно-трудовых учреждений и доведения ее до сведения судей.

Таким образом, объективно существуют отчасти выраженные в законе, в большей мере выработанные практикой судов и исправительно-трудовых учреждений критерии, применение которых судьями обеспечивает достаточную точность в выборе наказаний⁴⁰.

Незнание этих критериев или пренебрежение ими приводит к судебным ошибкам в определении наказания, исправляемым путем отмены приговоров (если избрана чрезмерно мягкая мера наказания) или изменения приговоров (если необходимо смягчить наказание).

При этом следует отделить от чисто судебных ошибок ошибки законодателя, установившего излишне строгие или излишне мягкие меры наказания за те или иные виды преступлений, в связи с чем мероприятия государства, направленные на предупреждение преступлений, становятся (менее эффективными. Воплощаясь в приговорах судов, эти ошибки конкретизируются применительно к отдельным личностям. Но, строго говоря, здесь нет судебной ошибки в «чистом виде», поскольку ошибся законодатель, а суд точно выполнил его волю.

К судебным ошибкам в определении наказания относятся:

1) Ошибки в определении основных направлений уголовной политики вышестоящими судами, когда дается не отвечающая задачам борьбы с преступностью рекомендация на большую или меньшую строгость уголовной репрессии в целом или применительно к отдельным видам преступлений в рамках действующего закона. В данном случае ошибаются вышестоящие суды в понимании задач уголовной политики.

Реализуя их ошибочные установки при определении задач уголовной политики, нижестоящие суды допускают ошибки социально-криминологического (но не формально-правового) характера.

2) Неполное или неправильное установление судом фактов, характеризующих степень общественной опасности преступления и преступника (характеристика личности подсудимого, выявление причин и условий, способствовавших преступ-

лению, установление обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность) и отсюда — нарушение принципа индивидуализации наказания.

3) Ошибки в определении наказания, проистекающие из ошибок в уголовно-правовой квалификации преступлений.

4) При правильном и полном установлении всех фактов и правильной квалификации преступления ошибки суда в понимании *справедливости* наказания, его целей и задач: а) преувеличение в наказании элемента кары, общепреventивного значения наказания, в связи с тяжестью последствий преступления и недооценкой принципа индивидуализации наказаний; б) недооценка силы и значения наказания.

б) Ошибки при определении наказания, обусловленные недостаточным знанием возможностей для перевоспитания преступников в исправительно-трудовых учреждениях.

б) Ошибки судов в определении вида исправительно-трудовой колонии для осужденного.

7) Ошибки в применении принципа поглощения и сложения наказаний.

8) Ошибки в признании или непризнании лица особо опасным рецидивистом и вытекающие из этого ошибки в определении меры наказания и некоторые другие.

В связи с приведенным выше перечнем уголовно-правовых ошибок необходимо отметить два момента.

Во-первых, это лишь перечень (притом не исчерпывающий), а не раскрытие существа уголовно-правовых ошибок, которые, как указывалось во введении к настоящей работе, хотя и включены в общее понятие судебных ошибок, однако не служат объектом специального изучения (внимание авторов было сосредоточено на изучении процессуальных ошибок). При «более детальном изучении уголовно-правовых ошибок потребовалась бы и более дробная их классификация (ошибки в установлении субъекта, объекта преступления, его субъективной и объективной стороны).

Во-вторых, существует тесная взаимосвязь между ошибками процессуальными и уголовно-правовыми (первые часто вызывают вторые) и между двумя основными видами уголовно-правовых ошибок (неправильная квалификация часто влечет ошибку и в определении вида и меры наказания). Поэтому при количественных оценках структуры судебных ошибок (гл. III) во избежание «наслоений» одних ошибок на другие выдерживался принцип: уголовно-правовыми ошибками считались только те, которые не охватывались понятием процессуальных, а внутри уголовно-правовых ошибок выделялись труппы, куда входили ошибки только в квалификации деяния или только в определении наказания (разумеется, рассматривались и «смешанные» ошибки).

Описанная классификация ошибок приведена на схеме 2.

В пределах допустимой в настоящее время точности определения наказаний возможны отклонения, которые «выравниваются» с помощью условно-досрочного и досрочного освобождения от наказания.

§ 5. Латентные судебные ошибки

Нам осталось рассмотреть еще одну разновидность судебных ошибок — так называемые *латентные*, т. е. скрытые, не выявленные судебной системой ошибки⁴¹. Они могут быть любого вида — осуждение невиновного, незаконное оправдание преступника, неправильная уголовно-правовая квалификация деяния, назначение излишне сурового или мягкого наказания и др.

Совершенно очевидно, что уровень латентных ошибок — один из важных показателей эффективности правосудия, особенно деятельности судов, призванных обнаруживать и исправлять судебные ошибки (кассационные и надзорные инстанции). Ведь более трети приговоров обжалуются и опротестовываются в кассационном порядке. Интуитивно можно полагать, что ошибочные обвинительные приговоры (их 95% от всех ошибочных приговоров) в подавляющем большинстве обжалуются необоснованно осужденными (их адвокатами). И все-таки далеко не все ошибки выявляются в кассационном порядке. Исключительный, надзорный порядок пересмотра приговоров позволяет обнаружить и исправить дополнительно почти столько же судебных ошибок, сколько было выявлено кассационными инстанциями (причем 30—40% уголовных дел, пересмотренных в порядке надзора, ранее были предметом рассмотрения кассационных инстанций, которые по этим делам ошибок не выявили).

Но (возможности надзорных инстанций ограничены. Несмотря на большое количество надзорных жалоб (их в два раза больше, чем кассационных), уголовные дела при поступлении жалоб истребуются сравнительно редко (в 18—20% случаев поступления жалоб), а протесты в порядке надзора приносятся лишь по 50% истребованных дел.

Таким образом, есть основания полагать, что какое-то количество судебных ошибок остается неисправленным. В это

Понятие «латентный» широко распространено в науке. В частности, им пользуются криминологи для характеристики скрытых, неизвестных государственным органам преступлений. При этом предлагаются некоторые методы выявления латентной преступности, которые ассоциативно могут представлять интерес и для наших целей (*Я. М. Яковлев*. Причины неполной раскрываемости половых преступлений.— «Вопросы уголовного права, прокурорского надзора, криминалистики и криминологии». Сб. 2. Душанбе» 1968, стр. 163; *А. С. Шляпников, Г. И. Забрянский*. Выявление латентной преступности.— «Советское государство и право», 1971, № 5> стр. 98—102).

В социологии изучаются латентные процессы, происходящие в обществе и проявляющие себя в определенных исторических условиях,

В медицине принято говорить о латентном течении болезни (например, в инкубационный период).

В широком философском смысле превращение латентного в явное есть переход количественных изменений в качественные.

число входят также ошибки, содержащиеся © необжалованных приговорах (обжалуются и опротестовываются в кассационном порядке примерно третья часть всех приговоров). Особенно это относится к случаям, когда суд идет на «компромисс» и недоказанная виновность иногда заменяется мягким наказанием, при этом отдельные граждане не знают положение закона о недопустимости «поворота к худшему» при кассационном обжаловании приговоров и потому не всегда обжалуют приговоры. Некоторые ошибки, наоборот, не вскрываются и не фиксируются в статистике именно благодаря правилу о недопустимости «поворота к худшему» для обвиняемого, подавшего кассационную жалобу⁴².

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 27 июня 1973 г. по делу К.⁴³ и Военная Коллегия Верховного Суда СССР в определении по делу А.⁴⁴ указали на недопустимость вынесения частного (особого) определения с указанием на допущенную судом ошибку в квалификации преступления или мере наказания, если приговор не был опротестован прокурором и, следовательно, действовало правило о недопустимости «поворота к худшему» для осужденного, обжаловавшего приговор в кассационном порядке. Вынесение частного (особого) определения в таких случаях, по мнению Верховного Суда СССР, «опорочивает» законность и обоснованность оставленного без изменения приговора⁴⁵.

Но суду предоставлено право, которое на практике рассматривается и как обязанность, вынести частное определение, если суд первой инстанции нарушил закон (ст. 321 УПК РСФСР), например, неправильно квалифицировал действия подсудимого как менее опасные, но вследствие запрета «поворота к худшему» отмена незаконного приговора невозможна. Этот вопрос продолжает оставаться спорным. Необходимо найти такое его решение, при котором судебная ошибка, не исправленная в связи с «запретом поворота к худшему», все же как-то фиксировалась⁴⁶.

⁴² Строго говоря, такие ошибки не являются скрытыми. Однако следовало бы учитывать их в статистической отчетности, поскольку и они характеризуют качество работы судов первой инстанции.

⁴³ «Бюллетень Верховного Суда», 1973, № 5, стр. 25.

⁴⁴ Там же, стр. 38.

⁴⁵ Такая формулировка использована в руководящем разъяснении Пленума Верховного Суда СССР от 14 октября 1964 г. «О практике вынесения судами частных (особых) определений по уголовным делам» (см. «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР». М., 1973, стр. 191).

⁴⁶ Недопустимо, однако, чтобы судья, оставив приговор в силе благодаря запрету «поворота к худшему», тут же приносил представление или сообщил устно о необходимости отмены приговора лицу, имеющему право на принесение протеста в порядке надзора. Представление судей об отмене приговора для усиления наказания или изменения квалификации преступления в неблагоприятную для осужденного сторону вообще не

Появлению латентных ошибок способствуют и некоторые недостатки 'прокурорского надзора. По кассационным (протестам прокуроров исправляется лишь 8—10% судебных ошибок, хотя ст. 44 «Основ уголовного судопроизводства» требует, чтобы прокурор опротестовал *каждый* незаконный и необоснованный приговор (см. гл. X).

Запрет «поворота к худшему» не действует при обжаловании 'приговора осужденным или защитником в порядке надзора (новый приговор может быть строже отмененного), что, на наш взгляд, имеет одним из отрицательных последствий оставление невыявленными еще некоторого числа судебных ошибок⁴⁷.

Сами надзорные инстанции иногда тоже ошибаются, о чем свидетельствует отмена и изменение надзорных постановлений вышестоящими судебными инстанциями (4% от всех отмененных и измененных надзорными инстанциями приговоров и 2 /о от всех ошибочных приговоров судов первой инстанции).

О наличии латентных ошибок иногда становится известно благодаря вмешательству прессы, ученых, видных общественных и государственных деятелей.

Несомненно, что уровень латентных ошибок не остается стабильным—он снижается по мере совершенствования гарантий правосудия (рост профессионального мастерства судебных кадров, демократизация судопроизводства и т. д.), что ведет к повышению уровня «стандартов доказанности», формируемых практикой.

Что же такое латентные ошибки? Чем они отличаются от выявленных? Мнение исследующих данную проблему научных работников о том, что -вступивший в законную силу приговор содержит латентную ошибку, недостаточно для констатации наличия этой ошибки. Необходимы отмена или изменение приговора в установленном законом порядке.

Но если ошибка выявлена и исправлена самими судебными органами, хотя бы и по инициативе научных сотрудников или других лиц, то эта ошибка после ее обнаружения и устранения уже не является латентной. Какие же ошибки в таком случае считать латентными? Возможны несколько вариантов решения этого вопроса. В частности, латентными можно считать: 1) ошибки, не выявленные самой судебной системой до получения сигнала о них от не имеющих отношения к делу лиц и

соответствует характеру судейской деятельности и должно быть изжито из практики (В. Алексеев, Б. Шишкин. Роль процессуальных гарантий в стадиях кассационного и надзорного производства.—«Советская юстиция», 1971, №22, стр. 19).

⁴⁷ См подробнее: И. Л. Петрухин. Гражданский иск и демократические принципы советского правосудия.—«Советское государство и право», 1973, № 1, стр. 69.

органов — научных работников, должностных лиц, проверяющих работу судов, и т. д. (ошибки, выявленные в результате подачи надзорных жалоб осужденными или их адвокатами, в число латентных ошибок при таком их понимании не входят); 2) ошибки, выявленные и исправленные судебными органами (в том числе надзорными инстанциями) по прошествии условно определенного достаточно длительного времени после вступления в законную силу ошибочного приговора, например, спустя один год (имеется в виду, что ошибки, не обнаруженные в первый год после их допущения, в ряде случаев остаются неисправленными).

Какой из этих двух вариантов более правилен —покажет дальнейшее исследование данной проблемы⁴⁸.

Однако можно сразу сказать, что первый вариант предпочтительнее, так как-обнаруживаются действительно латентные, не -выявленные судами ошибки. Недостаток его — сложность методики исследования.

Во «втором варианте понятие латентной ошибки не вполне «чисто». Речь идет все-таки о выявленных судебной системой ошибках, однако выявление произошло не сразу, а через длительное время. Преимущество же данного варианта состоит в том, что имеются уже готовые данные судебной статистики (форма № 8) о пересмотре в порядке надзора дел спустя один год после вынесения приговора. По данным за 1971—1:972 гг. таких дел 63% от всех дел, по которым были принесены надзорные протесты. Если учесть, что по подавляющему большинству указанных дел (92%) протесты удовлетворяются и, следовательно, ошибки исправляются, то примерно 45—50% от всех обнаруженных в порядке надзора ошибок являются латентными в указанном смысле слова. По отношению же ко всем выявленным в кассационных и надзорных инстанциях ошибкам латентные ошибки при данном способе их исчисления составляют 20%. Кстати, такую же долю латентных ошибок мы определили, изучив в опытным порядке уголовные дела в народном суде Ленинского района Кишинева.

Можно, конечно, пойти и дальше, признав латентными все ошибки, исправляемые в порядке надзора, независимо от срока, прошедшего от вынесения приговора до обнаружения ошибки надзорной инстанцией. Для такой постановки вопроса есть некоторые основания, потому что надзорный порядок исправления судебных ошибок, по замыслу законодателя,—исключительный, экстраординарный: его применение во многом

Г. З. Анашкин, И. Л. Петрухин. Эффективность правосудия и судебные ошибки.—«Советское государство и право», 1968, № 8, стр. 66; А. Д. Бойков. Изучение причин судебных ошибок.™ «Социалистическая законность», 1968, № 8, стр. 25.

зависит от усмотрения соответствующих должностных лиц; при этом осужденный и защитник в заседании надзорной инстанции, как правило, не участвуют. Если подходить к определению латентных ошибок с таким критерием, то, как видно из статистики, надзорные инстанции исправляют около 40% всех судебных ошибок (в ряде союзных республик это число достигает 60—70%), что и составит долю латентных ошибок в указанном смысле. Однако «а практике надзорный порядок исправления судебных ошибок перестал быть исключительным (в смысле объема работы по обнаружению ошибок). Поэтому вряд ли приемлем метод, основанный на (выявлении латентных ошибок лишь на основе официальных данных судебной статистики).

Сложен и не исследован вопрос о научной «методике выявления распространенности и динамики латентных судебных ошибок.

Можно предложить метод выявления латентных судебных ошибок путем выборочного изучения уголовных дел различных категорий научными работниками, изучающими эту проблему (лучше, если исследователи имеют опыт судебной, прокурорской или следственной работы). Целесообразно изучать не сразу ошибки всех видов, а отдельно ошибки в доказанности преступления, в квалификации, мере наказания и т. д. Было бы неверно изучать уровень латентных ошибок без учета характера преступлений. Этот уровень будет различен применительно к разным составам преступлений. Можно предположить, например, что латентных ошибок, выражающихся в недостаточной доказанности обвинения, будет больше по делам о преступлениях, совершаемых чаще всего без свидетелей (изнасилование, дача взятки, преступный аборт и т. п.) и меньше — по делам о преступлениях, совершаемых чаще всего публично (хулиганство, грабеж и т. п.). Понятно, что трудности доказывания преступления, сочетаемые с изменениями практики судов по борьбе с отдельными видами преступлений, имеют значение для обоснованных предположений об уровне латентных ошибок того или иного вида.

Перед исследователем неизбежно возникает проблема выборки, которая должна быть достаточной для характеристики всего массива уголовных дел данной категории (этот вопрос разработан в социологии)⁴⁹.

Если изучаются латентные ошибки в динамике, то примерно равные массивы дел должны быть изучены с интервалами

«Количественные методы в социологии». Под ред. В. Н. Шубина. М., 1966; А. Г. Здравомыслов. Методология и процедура социологических исследований. М., 1969; Р. Пэнто, М. Гравитц. Методы социальных наук. Под ред. В. А. Туманова, В. П. Казимируча (перевод с франц.). М., 1972.

в несколько лет. Интервалы выбираются не произвольно и, на наш взгляд, не всегда должны быть равными. Выбор интервалов определяется появлением существенных факторов, влияющих на изменения уголовной политики и отражающихся на организации и (качестве судебной работы (например, период достаточно сильной уголовной репрессии, связанной с изданием Указов об ответственности за хищения государственного, общественного и личного имущества от 4 июня 1947 г.; (период амнистии 1953 г. и заметного ослабления репрессии; период усиленного привлечения общественности к деятельности государственных органов по борьбе с преступностью 1959—1960 гг.; период усиления борьбы с преступностью начиная с 1966 г. и т. д.)⁵⁰. Необходимо также учитывать, что к концу 6-летнего срока полномочий судьи работают успешнее, чем в начале этого срока. В этом отношении данные исследования тоже должны быть сопоставимы.

Изучая уголовные дела, исследователи отбирают из них те, которые, по их мнению, разрешены неправильно. (По каждому изученному делу гогтгт/шетти первичный документ, содержащий (предусмотренные программой исследования данные. Затем эти данные обобщаются.

Верификация (подтверждение) мнения исследователя о наличии латентной ошибки возможна несколькими способами, которые могут быть применены параллельно или последовательно.

1) Обсуждение каждого сомнительного дела группой исследователей с тем, чтобы мнение о наличии латентной ошибки родилось в дискуссии и было коллегиальным.

2) Сообщение об ошибочном приговоре лицу, имеющему право на принесение протеста в порядке надзора с приведением необходимых доводов и последующей фиксацией того, было ли истребовано дело, был ли принесен протест, был ли отменен (изменен) приговор.

3) Применение метода экспертных оценок. Представляется, что в качестве «экспертов» лучше всего пригласить видных ученых, не связанных привычками и мнениями, выработанными практикой, но хорошо знающих не только теорию, но и практику. Эксперты должны быть выдающимися специалистами в данной узкой области знания. Каждому эксперту необходимо предоставить точные характеристики дел, предварительно признанных сомнительными, и попросить его высказаться: по изучаемому вопросу: считает ли он обвинение доказанным, считает ли он квалификацию правильной и т. д. ;Во избежание тенденциозности экспертам необходимо предоставить первичные документы не только на сомнительные, но и на бес-

⁵⁰«-См. гл. IV.

спорные дела. При этом эксперт не должен знать, как предварительно оценили эти дела исследователи.

Суммарные мнения экспертов позволят выявить в научных целях дела, по которым судебные ошибки остались невыявленными. Опираясь на мнение экспертов, можно вновь поставить вопрос об отмене или изменении приговора в порядке надзора перед компетентными должностными лицами.

4) Опрос осужденных по заранее изученным сомнительным делам после полного отбытия наказания с разъяснением им процедуры, гарантирующей невозможность «поворота к худшему».

Этот метод может быть применен и как самостоятельный (без предварительного изучения дел) с обеспечением достаточной (выборки и полной анонимности ответов (с точки зрения техники исследования это довольно сложно, но в принципе возможно).

Опрос осужденных до отбытия ими наказания не годен для целей исследования, так как многие из них добиваются пересмотра приговора даже при полной доказанности преступления или полагают несправедливым даже вполне гуманное наказание. К столь пессимистическому выводу относительно этого метода исследования автор пришел после апробирования его в одной из ИТК в Тувинской АССР.

Около 70% опрошенных заключенных заявили, что они осуждены необоснованно или назначенная им мера наказания слишком сурова. При изучении же приговоров, хранящихся в личных делах заключенных, автор этих строк пришел к выводу, что претензии осужденных явно завышены: сомнения вызвали лишь 20%. При этом, конечно, надо учитывать, с одной стороны, неverifiedируемость личного мнения исследователя, а с другой стороны, — невозможность судить о деле на основании одного лишь приговора.

Итак, метод был «забракован». Тогда решено было ограничиться методом изучения дел.

Первый опыт изучения уголовных дел на предмет выявления латентных ошибок тоже оказался неудачным. В одном из народных судов г. Кишинева было проведено сплошное изучение уголовных дел о кражах личной собственности граждан (изучено 120 уголовных дел, по которым приговоры вступили в законную силу, рассмотренных в народном суде в течение двух лет). Дела изучались по специальной программе, имеющей целью выявить уровень доказанности обвинения. Изучение дел было поручено предварительно проинструктированным студентам старших курсов юридического факультета Кишиневского государственного университета. Задача студентов состояла в оценке доказательств по каждому делу и отборе дел, сколько-нибудь сомнительных с точки зрения доказанности преступления. Сомнительных в этом отношении дел, отобра-

пых студентами, оказалось 5% от их общего количества, причем (мнение студентов о недостаточной доказанности было проверено исследователями — научными работниками — и, с их точки зрения, оказалось правильным. Однако последующая перепроверка тех же дел исследователями показала, что студентам не удалось обнаружить много недостатков и нарушений, влияющих на оценку законности и обоснованности приговоров. < -туденты оказались неподготовленными к столь сложной работе\ Тогда было принято решение об изучении уголовных дел ангорским коллективом.

В 1970 г. автор этих строк с помощью младшего научного сотрудника М. М. Кузовой изучил в одном из областных судов по уголовных дел об изнасилованиях (ч. 2, 3 ст. 117 УК РСФСР), по которым было осуждено 82 лица (приговоры вступили в силу). Это составляло 62% дел этой категории, Рассмотренных облсудом (по первой инстанции) в течение года. Выборка была случайной (дела брали с полок в архиве подряд По изучении каждого дела .исполнялся стандартный первичный документ, где подробно отражались обстоятельства дела и система доказательств, послужившая основанием для вынесения обвинительного приговора. Исследователи отобрали те дела по которым приговор, с их точки зрения, не основывался на достаточной совокупности доказательств, т. е. являлся, как они полагают, необоснованным. Далее предполагается научиться по той же системе в том же деле дела этой же категории с интервалом 5 лет, чтобы проследить динамику латентных ошибок. Полученные данные будут верифицированы методом экспертных оценок. Исследование показало, что этот метод даст возможность установить наличие латентных ошибок.

И качестве «экспертов» для оценки степени доказанности преступления, правильности (квалификации и справедливости примененного наказания можно привлекать и практических работников, не имеющих отношения к вынесению сомнительного приговора; судей (в частности, повышающих квалификацию на курсах или в Институте усовершенствования МЮ СССР), прокуроров, адвокатов. Сопоставление мнений этих профессиональных групп дает полезные результаты.

Предпринята попытка применить и такой метод. На собраниях руководящих, судебных работников роздана анонимная анкета, содержащая всего два пункта: «1. Укажите процент отмены и изменения приговоров в Вашей республике (в области, крае) за истекший год. 2. Укажите, каким был бы этот процент — если кассационные и надзорные инстанции предъявляли максимально строгие требования». Разница между п. 1 и 2 характеризует уровень латентных судебных ошибок. Количество латентных ошибок составило 30% от всех рассмотренных вышестоящими судами приговоров.

Следующий метод выявления латентных судебных ошибок —

это проверки качества судебной работы путем сплошного или выборочного изучения уголовных дел, проводившиеся вышестоящими судами до создания МЮ СССР и союзных республик и их местных органов, и проверки организации судебной работы, которые 'проводятся ныне работниками органов судебного управления, как правило, с привлечением опытных судей. Правда, проверка качества и проверка организации работы — не одно и то же. Но поскольку об уровне организации работы судят и по ее качеству, следует согласиться с теми авторами, которые считают возможным для работников Министерства юстиции- и (привлекаемых им в помощь судей изучать уголовные дела при проведении проверок организации работы судов,⁵¹. При этом дела изучаются для выявления показателей организации (сроки, целесообразность слушания дела в выездной сессии и т. д.), но в* то же время нельзя не обращать внимания, на законность и обоснованность приговора,

Если при этом будут выявлены ошибочные, с точки зрения проверяющих, приговоры и решения, то следует сообщить об этом должностным лицам, имеющим право на принесение протеста в порядке надзора. Так, по инициативе работников отдела юстиции Восточно-Казахстанского облисполкома в 1972 г. было выявлено и исправлено «пять судебных ошибок»⁵².

Латентные судебные ошибки могут выявляться и при введении обобщений судебной практики в судах и органах Министерства юстиции, а также при ознакомлении прокуроров с приговорами, не обжалованными в кассационном порядке

Можно предложить для выявления латентных судебных ошибок метод сравнительно-исторического эксперимента. Существо его в применении к нашей проблеме таково: -необходимо выделить путем теоретического анализа такие периоды в развитии органов (правосудия, когда качество его под влиянием определенных социальных факторов должно было с несомненностью резко улучшиться или ухудшиться, а затем посмотреть, какие изменения динамики ошибок зафиксированы в официальной статистике. Этот метод применен в гл. III—IV. Для того чтобы уяснить его смысл, приведем такой пример. После окончания Великой Отечественной войны был полностью восстановлен институт кассационного обжалования приговоров (в период войны его применение было ограничено), появились условия для более объективного и полного исследования уголовных дел. Несомненно, качество правосудия по сравнению с военным временем улучшилось, тогда как количество зафиксированных в статистике судебных ошибок возросло. Значит, то, что отразилось в статистике как увеличение судебных ошибок,

есть, характеристика более высокого уровня латентных ошибок -предшествующий период.

Об уровне латентных ошибок можно судить ретроспективно. Мы только теперь знаем, как много их было в эпоху формальных доказательств. И когда-нибудь узнаем, какой уровень латентных ошибок сопутствовал введению принципа свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судей, Мы уже теперь наблюдаем признаки неполного совершенства того метода: прокурор думает о деле одно, адвокат — другое, а суд иногда не соглашается ни с тем, ни с другим.

Сложен вопрос о латентных ошибках в применении мер уголовного наказания: то, что рассматривалось как ошибка в одних исторических условиях, (признается верным в других условиях). Например, в 1959—1960 гг. изменялось особенно много приговоров в сторону смягчения наказания. Теперь же выясняется, что в то время преждевременным было столь сильное послабление наказаний и других мер борьбы с преступностью (гл. III. IV).

Проблема латентных ошибок только поставлена. Она нуждается в дальнейшей углубленной разработке.

§ 6. Субъективная сторона судебных ошибок

Рассмотрим теперь вопрос о понятии судебной ошибки в связи с субъективным отношением судьи к неправильному результату познания по уголовному делу или к своим неправомерным действиям.

Судебная ошибка как результат незнания фактов или искажения их правовой оценки представляет собой добросовестное заблуждение судей. В отношении мер наказания судьи, допуская ошибку, тоже действуют непреднамеренно. Вынесение же заведомо неправосудного приговора — это не ошибка, а преднамеренная ложь, преследуемая в уголовном порядке. В настоящее время такие преступления почти не встречаются. И все-таки следует иметь в виду, что при их совершении возможны ситуации, когда к неправосудному приговору судья и народные заседатели относятся по-разному: одни из них добиваются вынесения заведомо неправильного приговора, совершив тем самым преступление, другие же добросовестно заблуждаются, полагая, что они участвуют в вынесении правильного приговора, т. е. совершают ошибку.

В ряде случаев судебные ошибки с субъективной стороны не вполне охватываются понятием добросовестного заблуждения. Речь идет о тех (тоже сравнительно редких теперь) случаях, когда судья понимает, что вывод, который он сделал в приговоре, не вытекает в полной мере из имеющихся в деле доказательств. Этот вывод самому судье представляется не вполне доказанным, спорным, сомнительным. Однако судья

⁵¹ Л. Лесницкая. О функциях Министерства юстиции по руководству судами.—«Советская юстиция», 1971, № 1, стр. 17—18.

⁵² В. Черкасов. Организационное руководство отдела юстиции народными судами,—«Социалистическая законность», 1973, № 10, стр. 63—64.

все-таки делает его, надеясь, что, быть может, он не ошибся, и в то же время сознавая, что риск ошибки существует. В основе столь сложного отношения судьи к своим выводам могут лежать различные соображения и психологические состояния (см. гл. VII). Нередко это связано с опасением отмены приговора вышестоящим судом по протесту прокуратуры, полагающей, что собранных доказательств достаточно для вынесения приговора. Речь идет иногда и о противоречии между признанным в судебной практике допустимым уровнем доказанности преступления и внутренним убеждением данного судьи, считающего этот уровень невысоким, не исключающим возможности судебных ошибок. Указанное противоречие нередко решается в пользу «допустимых стандартов» судебной практики, к которым прибегает судья⁵³. Постепенно субъективное ощущение недоказанности преступления может уступать место знанию «допустимых стандартов». Если общепризнано, что при данной совокупности доказательств можно вынести обвинительный приговор, то судья иногда так и поступает, хотя где-то в глубине души у него остается сомнение и неудовлетворенность. Здесь нет заведомого осуждения невиновного, так как велика надежда, что осуждение правильно, но нет и добросовестного заблуждения, поскольку совесть говорит судье, что не полностью исключена вероятность ошибки. Но судья поступает «как все», в соответствии с «допустимыми стандартами», и при этом возможно полагать, что в противном случае приговор будет отменен и другой судья все равно вынесет приговор, соответствующий устоявшейся практике по сходным делам. Частным случаем рассматриваемой ситуации бывает снижение «стандарта доказанности», если совершено тяжкое преступление, вызывающее у судей и публики чувство гнева и возмущения. Судья понимает, что при данной совокупности доказательств осуждение невиновного не в полной мере исключается, а эмоционально он не может устоять перед вынесением обвинительного приговора, тем более, что надеется на поддержку общественности и «снисходительность» вышестоящих инстанций.

Рассматриваемый вид судебных ошибок, когда нет заведомого осуждения невиновного, но нет и внутреннего сознания собственной добросовестности, чрезвычайно опасен, так как свидетельствует о (неспособности отдельных судей противостоять сложившейся неправильной, с их точки зрения, прак-

Вообще говоря, «стандарты доказанности преступления», выработанные судебной практикой, ориентируют судей на установление истины по уголовным делам. Это особенно важно для начинающих судей. Однако для некоторых категорий уголовных дел указанные стандарты в отдельные периоды недостаточно высоки, что создает опасность осуждения на основе высокой степени вероятности.

ТИКЕ', об их постепенном приспособлении к стандартам этой практики.

Мы пришли, таким образом, к проблеме личной ответственности судьи перед обществом.

Право и указания вышестоящих судов, разумеется, связывают судью; они подчиняют волю судьи требованиям государственной уголовной политики. Однако судья при этом вовсе не рассматривается как послушный автомат — он руководствуется своим собственным внутренним убеждением, социалистическим правосознанием, своей совестью, своим пониманием права и задач уголовной политики. Поэтому судья имеет возможность своей принципиальной позицией по уголовным делам вносить личный вклад в формирование судебной практики, наилучшим образом соответствующей задачам борьбы с преступностью (разумеется, в допускаемых законом и этикой формах).

Судья должен стремиться к тому, чтобы его решения соответствовали потребностям прогрессивного общественного раз-

Советские законы в основном отражают эти потребности общества, поэтому, последовательно применяя их, судья не ошибается в социальном плане. Судьи современных буржуазных государств несут социальную ответственность за вынесение формально правильных (соответствующих законам), но в социальном плане ошибочных приговоров, служащих орудием классового подавления прогрессивных сил общества. Ссылка на право, которое они применяют, на подзаконный характер их деятельности не может оправдать этих судей. Ставя себя на службу праву, судья, таким образом, должен отдавать себе отчет в том, какое это право, чему оно служит — прогрессу или реакции⁵⁴. Этим и определяется ответственность судьи перед обществом.

Судья несет моральную ответственность перед обществом и аа формально 'правильное применение законов и «стандартов» судебной практики, если эти законы и «стандарты» выражают ошибочные тенденции в уголовной политике. Тем самым судья рассматривается не только как государственный, но и как набранный народом общественный деятель, обязанный понимать социальную функцию государства и права, которой он сознательно себя подчиняет. Ошибки в законах, которые етритеняет судья, должны рассматриваться им как свои собственные (ошибки, ибо они не могут быть допущены иначе, как через судебную практику, через приговоры и иные решения судов⁵⁵.

⁵³ Подпись «млч» , м- // л. Петрухин. Понятие и гарантии социалистической заоптит с. Инициал судебной экспертизы». Вып. 2. Баку, 1968, стр. 3—7.

⁵⁴ В. М. Коган ун'р/МКуТ, что «судья смотрит на действительность глазами уголовного ;ККОУ... иначе он не может судить и тем самым направлять поведение людпЪ (П. М. Коган. Логико-юридическая структура со-

Если говорить о судьях -буржуазных государств, то, применяя реакционное законодательство, судья сам становится реакционным и несет за это ответственность перед обществом. Советский судья, применяя прогрессивное законодательство, является прогрессивным общественным и государственным деятелем.

До сих пор мы говорили о «субъективном отношении судьи к результату судебного познания. Но неправильные действия судьи могут быть допущены и в самом процессе познания, и именно они нередко служат причиной судебной ошибки, заключенной в приговоре. Эти действия с субъективной стороны могут быть как умышленными, преднамеренными, так и неосторожными, тогда как их последствия—судебная ошибка, заключенная в приговоре, по общему правилу (об отклонениях от него говорилось) есть добросовестное заблуждение.

Судья может преднамеренно нарушить требования процессуального закона, надеясь, что это не повлечет ошибки в выводах и останется незамеченным в вышестоящих инстанциях (самонадеянность в отношении последствий нарушения). Например, в целях ускорения судопроизводства судья преднамеренно не вызывает в суд всех необходимых свидетелей, экспертов; переводчиков или допускает существенную неполноту судебного следствия. Налицо явная недобросовестность судьи, за которую он может быть привлечен к уголовной или дисциплинарной ответственности, даже если выводы, изложенные в приговоре, в конечном счете подтвердятся⁵⁶.

ветского уголовного закона. Алма-Ата, 1966, стр. 76). К этому мнению полностью присоединяется Г. М. Резник (*Г. М. Резник. Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе*, стр. 100). Представляется, что указанные авторы несколько принижают социальную роль судьи и как бы снимают с него ответственность за социально несправедливые приговоры.

Судья смотрит на действительность не только через призму уголовного закона. Он имеет право и на свой собственный взгляд, не всегда соответствующий позиции, выраженной в отдельных нормах права. Это не значит, что судья может игнорировать или «поправлять» уголовные законы. Но из этого, однако, не следует, что судья должен применять законы слепо, не замечая, что некоторые из них предлагают не самый лучший вариант решения правовой задачи. Кому, как не судьям, видны недостатки применяемых ими законов. Следовало бы поэтому поощрять инициативу тех судей, которые обращаются в законодательные органы с предложениями об усовершенствовании законодательства. Без «своей» точки зрения по поводу решения проблемы, которая выражена в законе, им не обойтись. В отношении применения предусмотренных законом мер наказания сам закон предоставляет судье большую самостоятельность (например, санкции «ниже низшего предела»).

Вынесение заведомо неправосудного приговора образует состав преступления, предусмотренный ст. 177 УК РСФСР,

Под заведомой неправосудностью приговора, на наш взгляд, следует понимать не только умышленное искажение в приговоре фактических обстоятельств дела, юридической квалификации деяния и меры наказания, но и умышленное допущение таких процессуальных нарушений, которые

Судья может (нарушить требования закона также по незнанию или неосторожности, и это может помешать ему в установлении истины. Например, не зная научных (возможностей) жспертизы, суд может отклонить обоснованное ходатайство участника процесса о ее проведении, а это, в свою очередь, может привести к судебной ошибке в выводе. Небрежность судей и несоблюдении строгого соблюдения процедуры судебного разбирательства может привести к появлению процессуальных оснований для отмены приговора.

* * *

В широком смысле слова -понятием судебной ошибки охватывается любое неправильное решение суда по любому из вопросов, подлежащих разрешению в приговоре (см. ст. 303 УПК РСФСР). В частности, суд может ошибиться, (Неосновательно отклонив или удовлетворив гражданский иск или неправильно исчислив его сумму, неправильно разрешив вопросы о том, как поступить с вещественными доказательствами, на кого возложить судебные издержки, оставить или отменить меру пресечения. Возвожны ошибки в установлении причин и условий способствовавших преступлению.

Такого рода ошибки в разрешении «частных» вопросов уголовного судопроизводства нуждаются в самостоятельном изучении в связи с проблемой повышения эффективности соответствующих процессуальных институтов. В данной работе они не рассматриваются. Предметом изучения в данном исследовании являются ошибки в решении основного вопроса судопроизводства *вопроса о виновности или невиновности обвиняемого*— и в какой-то мере вопроса о юридической квалификации преступного деяния и определения меры наказания.

Результаты предпринятого выше теоретического расчленения судебных ошибок в дальнейшем используются для их количественных характеристик.

делают приговор незаконным и влекут его отмену, хотя бы во всех других отношениях приговор оставался безупречным.

Дисциплинарную ответственность судьи несут перед дисциплинарными коллегиями вышестоящих судов.

Возможен досрочный отзыв судей избирателями.

Нарушения законности и грубые судебные ошибки дают основание для привлечения судей—членов КПСС к партийной ответственности.

Наконец, в литературе поставлен вопрос о возможности привлечения судей к материальной ответственности по регрессным искам государства в случаях заведомо невиновных.

СТРУКТУРА СУДЕБНЫХ ОШИБОК
(КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ)

§ 1. Помятие структуры судебных ошибок
и способы ее изучения

Судебные ошибки представляют собой социальное явление отрицательного характера, которое можно измерить.

Изучение природы этого явления требует расчленения его на ряд структурных групп, каждая из которых объединяет совокупность судебных ошибок определенного вида.

Количественные соотношения между видами судебных ошибок, прослеживаемые за ряд лет, условно можно назвать динамикой структуры судебных ошибок, а количественные характеристики эволюции судебных ошибок в целом и каждого из их видов — динамикой судебных ошибок. В этой главе будет рассмотрена структура судебных ошибок, в следующей — динамика.

Некоторые данные о структуре судебных ошибок по Центрально-Черноземному району РСФСР были получены В. Е. Чугуновым и Г. Ф. Горским*. Эти данные не вполне представительны для выявления структуры судебных ошибок по СССР в целом и по РСФСР, поскольку они получены на основе анкетного обобщения лишь 785 уголовных дел с отмененными и измененными, а также с оставленными в силе приговорами в пяти областях РСФСР из ее 82 административно-территориальных единиц. Данные государственной судебной статистики не привлекались, не отражена динамика структуры судебных ошибок. Несмотря на это, данные В. Е. Чугунова и Г. Ф. Горского представляют определенную научную ценность и поэтому они будут приводиться для сравнения в соответствующих главах нашей работы.

Основные трудности, которые возникли перед нами при изучении структуры судебных ошибок, состояли в следующем.

1. Статистические показатели отмены и изменения пригово-

* В. Е. Чугунов, Г. Ф. Горский. Применение кибернетических устройств для анализа ошибок в судебной и следственной практике, — «Советское государство и право», 1966, № 11, стр. 39—44.

ров слишком общи и потому не вполне пригодны для выявления структуры судебных ошибок.

Если изменение приговоров есть способ исправления, как правило, только уголовно-правовых ошибок, притом разных видов, то этого нельзя сказать об отмене приговоров. Последняя возможна в случаях как ошибочного установления фактов, так и допущения ошибок уголовно-правового характера (отмена приговоров за мягкостью наказания и для исправления ошибок в квалификации деяния). Для дифференциации этих двух видов ошибок пришлось использовать данные проведенного нами социологического исследования.

2. Государственная судебная статистика не содержит сведений об отмене приговоров применительно к перечню оснований отмены, указанному в ст. 342 УПК РСФСР, что существенно затрудняет выявление структуры судебных ошибок. Этот недостаток статистики был также преодолен с помощью социологических исследований.

В настоящее время формы № 6, 8 (кассация, надзор по уголовным делам) статистической отчетности содержат сведения об отмене приговоров за мягкостью назначенного судом наказания. Но нет сведений об отмене приговоров из-за неправильной квалификации деяния, а также существенных нарушений судами уголовно-процессуального закона.

Весьма приблизительно представление об отмене приговоров из-за неполноты, необъективности и односторонности предварительного и судебного следствия дают сведения о возвращении вышестоящими судами дел на доследование.

Основание отмены приговоров, связанное с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела, в законе не четко отделено от предыдущего основания (см. п. 1, 2 ст. 342 УПК РСФСР), о чем далее будет сказано подробно.

Учитывая эти соображения, следовало бы внести в закон соответствующие уточнения и дополнения. Основания отмены и изменения приговоров не вполне совпадают, поэтому их совместное указание в законе (ст. 342 УПК РСФСР) вряд ли удачно. Приговоры не могут быть изменены по причине существенных процессуальных нарушений (это основание предназначено исключительно для отмены приговоров). Несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела не распространяется на вывод о квалификации, поскольку ошибки в квалификации охватываются п. 4 ст. 342 УПК РСФСР (неправильное применение уголовного закона).

Односторонность или неполнота дознания, предварительного или судебного следствия служит основанием изменения приговора лишь в случае их неустранимости и притом если это повлекло недоказанность некоторых из обвинений. По сути дела речь идет об отмене приговора с прекращением дела в части некоторых обвинений.

С учетом изложенного, основания для отмены приговоров следовало бы оставить прежними (с некоторыми уточнениями, о которых было сказано), а основания для изменения приговоров изложить в законе иначе. Формулировки этих оснований могли бы быть следующими: а) неправильное применение диспозиции уголовного закона, если необходимо квалифицировать деяние по менее строгой статье Уголовного кодекса; б) назначение наказания, не соответствующего тяжести преступления и личности преступника, если необходимо смягчить наказание; в) иные ошибки, допущенные в приговоре, если их исправление не требует его отмены и не ухудшает положение осужденного или оправданного.

3. Социологические исследования, проведенные в 1968—1969 гг. в дополнение к государственной статистике, отражают положение дел за два года. Полученные сведения можно экстраполировать на ряд последующих лет без существенного снижения точности количественных характеристик, поскольку судебная практика все эти годы оставалась в основном стабильной. Очевидно, необходимы систематические социологические исследования по выявлению структуры, динамики, причин судебных ошибок.

4. Процессуальные ошибки мы связываем с отменой приговоров по основаниям, указанным в п. 1—2 ст. 342 УПК РСФСР, а именно: а) односторонность или неполнота дознания, предварительного или судебного следствия; б) несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам делам; в) существенные нарушения уголовно-процессуального закона.

В более редких случаях процессуальные ошибки выявляются и путем изменения приговоров, когда изменение состояло в исключении из приговора отдельных фактических обстоятельств—эпизодов, признанных недоказанными, без изменения квалификации преступления.

Уголовно-правовые ошибки были указаны на схеме 2.

При необходимости квалифицировать деяние по более строгой статье Уголовного кодекса или определить более строгую меру наказания (усилить режим) уголовно-правовые ошибки судов исправляются путем отмены приговоров, а при необходимости квалифицировать деяние по менее строгой статье Уголовного кодекса или смягчить наказание (режим) — путем изменения приговоров².

Строго говоря, всякая ошибка суда в установлении факти-

² Основания отмены и изменения приговоров, предусмотренные п. 4—5 ст. 342 УПК РСФСР, сформулированы в законе неточно, так как неправильное применение уголовного закона (п. 4) может иметь место как в виде ошибочной квалификации деяния (применение диспозиции уголовно-правовой нормы), так и в виде неправильно назначенного судом наказания (применение санкции уголовно-правовой нормы) — п. 5.

ческих обстоятельств дела (главного факта) сопровождается ошибкой в применении норм материального права. При неустановлении (недоказанности) главного факта уголовно-правовая квалификация деяния по той или иной статье Уголовного кодекса; и применение наказания были бы неосновательны, ошибочны, и, наоборот, при доказанности главного факта оправдание подсудимого означало бы одновременно и ошибочный отказ от применения нормы материального права. Ошибка в установлении обстоятельств, отягчающих или смягчающих ответственность, часто влечет ошибку в применении вида или меры наказания.:

Но, с другой стороны, далеко не всякая уголовно-правовая ошибка есть следствие неправильного установления главного факта или иных фактических обстоятельств дела.

Уголовно-правовыми ошибками *in* чистом виде» являются ошибки в квалификации и (или) наказании, допущенные при достаточно полном установлении фактов, которые, однако, давали основание для иных уголовно-правовых выводов. Их выделение в самостоятельную группу совершенно необходимо для дифференцированного рассмотрения судебных ошибок принципиально разных видов. В дальнейшем под уголовно-правовыми ошибками мы будем понимать только такие ошибки, которые не обусловлены неполным или неправильным установлением фактов.

Дальнейший ход изложения будет таким: 1) определим соотношение двух основных компонентов: процессуальных и уголовно-правовых — судебных ошибок без расчленения их на виды (эти данные будут в основном характеризовать структуру ошибок, допущенных народными судами); 2) выявим соотношение процессуальных и уголовно-правовых судебных ошибок, допущенных высшестоящими судами (по первой инстанции); 3) расчленим процессуальные и уголовно-правовые ошибки на ряд разновидностей и определим долю каждой из них в общей массе: судебных ошибок³.

§ 2. Соотношение процессуальных и уголовно-правовых судебных ошибок

Сначала определим соотношение процессуальных и уголовно-правовых ошибок за 1967 г., а затем используем ту же методику для того, чтобы проследить изменения в структуре судебных ошибок.

³ Длина того или иного статистического ряда зачастую будет зависеть от наличия статистики по интересующим нас показателям и возможности сопоставления различных данных. Из-за отсутствия точных сведений о латентных ошибках и их динамике последние при выявлении структуры судебных ошибок не учитывались.

Если общее количество отмененных и измененных в кассационном порядке приговоров принять за 100%, то в 1967 г. на долю отмены приходилось 30%, изменения — 70%⁴.

Из статистики известно, что в 1967 г. 17% отмены приговоров в кассационном порядке было обусловлено мягкостью назначенного судом наказания, а из анализа проведенного социологического исследования видно, что в том же году 13% приговоров было отменено исключительно из-за ошибок суда в уголовно-правовой квалификации деяний⁵. Значит, 30% (17+13) отмены приговоров приходится на исправление уголовно-правовых ошибок. Таким образом, от 30% (общая доля отмены) необходимо исчислить 30%, что равняется 9%. На долю процессуальных ошибок остается лишь 21% (30—9), а доля уголовно-правовых ошибок возрастает до 79% (70+9).

Перейдем теперь к структуре судебных ошибок, выявляемых в порядке надзора. Из государственной судебной статистики видно, что в 1967 г. по СССР в порядке надзора было отменено 53% и изменено 47% приговоров.

Все изменения приговоров в порядке надзора, как и в кассационном порядке, есть способ устранения уголовно-правовых ошибок; к ним следует отнести и какую-то часть отмены приговоров. По данным статистики, в 1967 г. 17,5% приговоров отменялось в порядке надзора из-за мягкости назначенного судом наказания; по данным социологического исследования, 13% отмены приходится на неправильную уголовно-правовую квалификацию деяний. Значит, 30,5% (17,5+13) отмены приговоров в порядке надзора приходится на исправление уголовно-правовых ошибок.

Таким образом, от 53% (общая доля отмены) необходимо найти 30,5%, что равняется 16,2%. Значит, доля уголовно-правовых ошибок, исправляемых в порядке надзора, возрастает до 63,2% (47+16,2), а доля процессуальных ошибок убывает до 36,8% (53—16,2).

Аналогично определялась структура ошибок, допущенных всеми судами за последующие годы (в основу были положены абсолютные цифры статистики), а также структура ошибок, допущенных только вышестоящими судами (областными, крайевыми и приравненными к ним по своей компетенции) при рассмотрении ими уголовных дел в качестве судов первой ин-

Исчисление везде, где особо не оговорено, ведется в лицах на основе абсолютных цифр по СССР, указанных в судебной статистике.

⁵ Для исчисления этого показателя была использована анкета № 2, упомянутая во введении. Из 2070 лиц, в отношении которых, согласно анкете № 2, были отменены приговоры у 2400 народных судей, деяния 275 лиц (13%) квалифицированы судом по более мягкой, чем это необходимо, статье УК, что и послужило основанием отмены приговора.

станции⁶. В результате были получены следующие данные по СССР (рис. 1)⁷.

Определение структуры какого-либо социального явления служит обычно начальным пунктом исследования. Но уже теперь можно сделать ряд констатации и выводов.

1. По всем судам первой инстанции в целом по СССР примерно 1/4 судебных ошибок приходится на неустановление или неправильное установление самого факта преступления и совершивших его лиц (процессуальные ошибки) и до 3/4 — на неверную уголовно-правовую квалификацию деяния и наказание, не соответствующее тяжести преступления и личности подсудимого, при правильном установлении фактов (уголовно-правовые ошибки).

Следует, однако, иметь в виду, что эти два компонента структуры судебных ошибок неравноценны, ибо ошибки в установлении факта преступления и совершивших его лиц по общему правилу более опасны, более вредны для государства и граждан. Они влекут осуждение лиц, вина которых не установлена, не доказана, а их исправление путем доследования и нового судебного разбирательства требует дополнительных затрат времени, средств и сил. Исправление же большинства уголовно-правовых ошибок осуществляется самим вышестоящим судом путем внесения изменений в приговоры. Хотя доля процессуальных ошибок невелика, их совокупная опасность, по-видимому, ничуть не меньше, чем опасность уголовно-правовых судебных ошибок.

Поэтому при оценке эффективности процессуальной деятельности судов первой инстанции следует рассматривать как положительный фактор изменение структуры судебных ошибок в сторону сокращения доли ошибок в установлении факта преступления и лиц, его совершивших⁸. В то же время увеличение

⁶ Характеристики структуры ошибок, допускаемых всеми судами при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции, почти совпадают с соответствующими характеристиками работы народных судов, так как дела, рассматриваемые народными судами, в последние годы составляют 96—97% от всех уголовных дел. По этой причине структура ошибок, допускаемых отдельно народными судами, не определялась.

⁷ Исчисление структуры судебных ошибок в целом (выявляемых в кассационном и надзорном порядке) нельзя производить путем простого суммирования и деления на 2 ошибок, выявленных в кассационном и надзорном порядке, так как абсолютное количество тех и других ошибок далеко не одинаково. Поэтому для исчисления структуры судебных ошибок в целом использовались абсолютные цифры судебных ошибок (отмена плюс изменение приговоров), из них исчислялся процент процессуальных и уголовно-правовых ошибок, выведенный выше отдельно для кассации и надзора, и определялась общее количество ошибок обоих видов и их соотношение.

⁸ В принципе возможно выведение среднестатистического коэффициента соотношения одной процессуальной и одной уголовно-правовой ошибки. Иными словами, можно подсчитать, сколько уголовно-правовых ошибок равноценно (по степени причинения вреда) одной процессуальной ошиб-

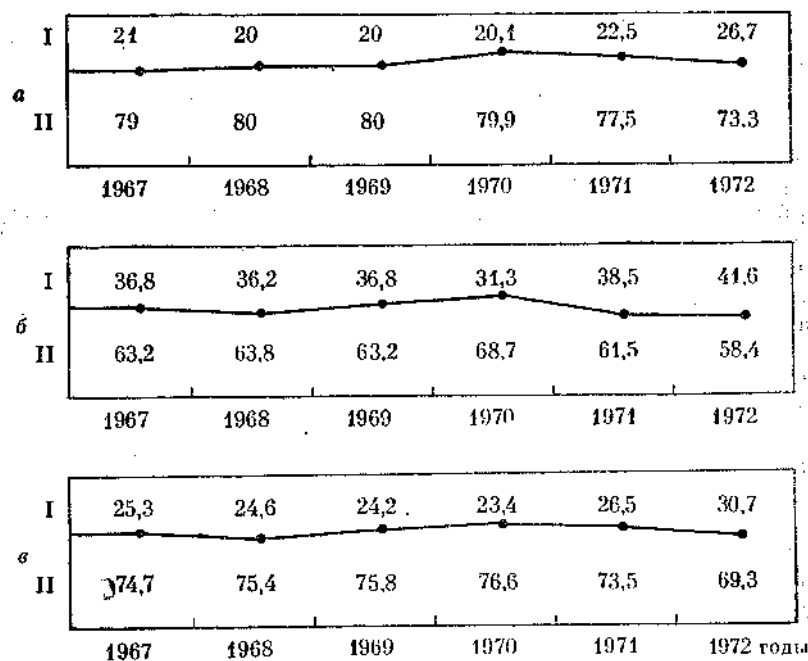

Рис. 1. Структура судебных ошибок

A — ошибки, допускаемые всеми судами первой инстанции (народными и вышестоящими при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции); / — процессуальные ошибки; *б* — ошибки, выявляемые в надзорном порядке; *в* — ошибки, выявляемые в целом и уголовно-правовые (ниже линии); цифрами обозначена «доля» ошибок обоих видов.

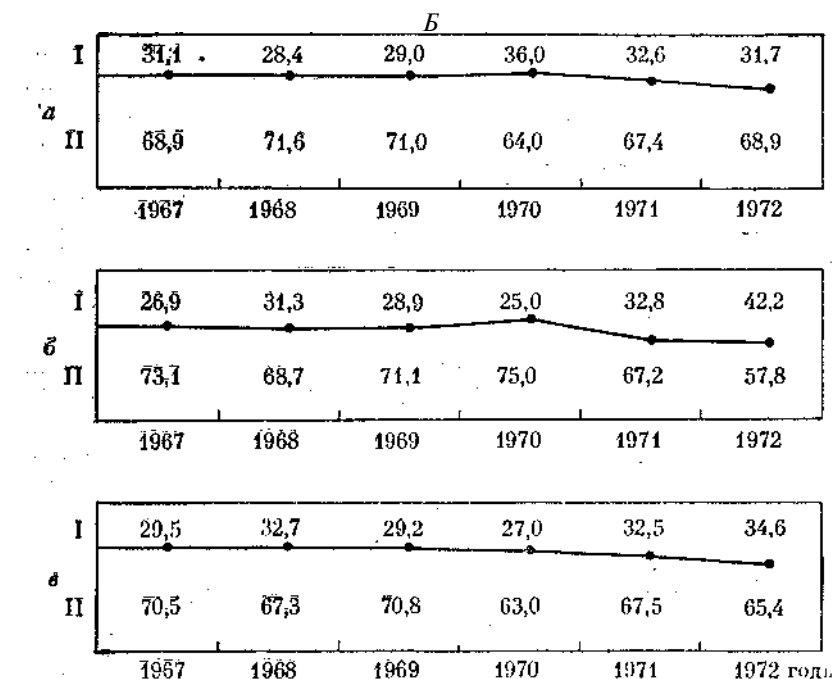
доли процессуальных ошибок в отдельные периоды может быть объяснено повышением эффективности кассационного и надзорного пересмотра приговоров.

В целом по обеим инстанциям (кассация и надзор) за

ке (в среднем). Но для этого необходимо было бы разработать систему критериев «ценности» судебных ошибок и выразить их количественно. Если материальный ущерб, причиняемый одной среднестатистической процессуальной и уголовно-правовой ошибкой, поддается исчислению (хотя для этого понадобились бы обширные исследования), то вопрос о количественных оценках морального вреда представляется более трудным, хотя в принципе, по-видимому, и он разрешим.

Известно, что в одних союзных республиках велик процент отмены, но мал процент изменения приговоров, в других — наоборот. Коэффициент их соотношения позволил бы сравнивать качество отправления правосудия в разных союзных республиках исходя из процентов отмены и изменения приговоров.

Разумеется, применение указанного коэффициента для оценки качества работы судов было бы возможно в совокупности с другими критериями оценки и лишь в отношении больших чисел, т. е. при анализе работы большого количества судов, судебной системы в целом.

по СССР (в динамике)

щими); *B* — ошибки, допускаемые областными, краевыми и к ним приравненными судами; / — уголовно-правовые ошибки; *а* — ошибки, выявляемые в кассационном порядке (кассация и надзор). Линия с точками делит ошибки на процессуальные (выше линии) и процентом

последние годы нет тенденции к сокращению доли процессуальных ошибок — она (доля) остается более или менее стабильной, а в 1971—1972 гг. даже несколько возросла.

Ию если обратиться к исследованию данных за более продолжительный период, то можно прийти к выводу, что доля процессуальных ошибок в общей их массе постепенно убывала, и это является, как отмечалось выше, положительным фактором. Сделаем обоснованное, на наш взгляд, допущение, что путем отмены исправляются в основном процессуальные, а путем изменения — уголовно-правовые ошибки. В период с 1937 по 1953 г. количество отмененных приговоров в 2—3 раза превышает количество измененных приговоров, а в отдельные годы это соотношение было еще большим⁹.

Ипчиная с 1954 г. и по настоящее время, наоборот, количе-

⁹ Здесь и далее приводятся показатели «общей юстиции», характеризующие работу народных судов.

ство измененных приговоров превышает в отдельные годы в 2—3 раза количество отмененных приговоров.

Примерно такое же соотношение между количеством отмененных и измененных приговоров в двух указанных периодах сохраняется при оперировании процентом отмены и изменения приговоров, исчисляемым от (количества обжалованных и опротестованных приговоров).

Что же касается процента изменения приговоров в кассационном порядке (от всех вынесенных), то в последние пять лет он лишь в 1,7 раза меньше соответствующего процента за пять лет, предшествовавших войне, и примерно такой же, каким он был за пять послевоенных лет (в среднем).

Таким образом, изменение соотношения между процентом отмены и изменения приговоров (от всех вынесенных) за последние 35 лет определялось значительным и неуклонным снижением количества наиболее опасных судебных ошибок, исправляемых путем отмены приговоров (по нашей терминологии — процессуальных ошибок) при отсутствии постоянной тенденции к увеличению или сокращению процента уголовно-правовых ошибок¹⁰.

2. Примечательно, что структура судебных ошибок, исправляемых в кассационном и надзорном порядке, далеко не одинакова¹¹.

Доля процессуальных ошибок, исправляемых в порядке надзора, значительно выше (в 1972 г. — 41,6%), чем исправляемых в кассационном порядке (в 1972 г. — 126,7%).

Это явление, на наш взгляд, может быть объяснено двумя основными причинами.

Во-первых, можно сделать обоснованное предположение, что кассационные инстанции в целом менее строго подходят к оценке доказанности обвинения, чем надзорные инстанции, и потому в процентах к рассмотренным делам отменяют гораздо меньшее количество приговоров. В 1969 г. кассационные инстанции отменили приговоры в отношении 46,6% лиц, а надзорные — в отношении 53,4% лиц; в 1972 г. соответственно — в отношении 55 и 45% лиц (если за 100% принять общее количество лиц, в отношении которых в этом году были отменены приговоры). Но общее количество надзорных дел в последние годы составляет лишь 8—10% от количества дел, рассмотренных в кассационном порядке за год.

Следует также учитывать, что в среднем по СССР 73 уголовных дел, пересмотренных в порядке надзора, ранее рассмат-

О динамике судебных ошибок более подробно говорится в гл. IV, Процедура исправления судебных ошибок путем пересмотра дел по вновь открывшимся обстоятельствам применяется в единичных случаях, В статистике эти случаи включаются в показатели пересмотра дел в порядке надзора, что вряд ли правильно.

ривалась в кассационном порядке, и тогда судебные ошибки не были выявлены.

Более высокая результативность процессуальной деятельности надзорных судебных инстанций, обусловленная системой отбора дел, менее спорных с точки зрения необходимости отмены приговоров, чем кассационные дела, а также более высоким качеством и большей объективностью надзорных протестов по сравнению с кассационными жалобами и протестами, в определенной мере объясняет, почему в надзорном порядке выявляется больше наиболее опасных (процессуальных) ошибок (в процентах ко всем ошибкам), чем в кассационном.

Менее строгий подход кассационных инстанций к доказанности обвинения и отсюда — меньшее, чем в надзоре, количество отмененных приговоров (в процентах к пересматриваемым делам), в свою очередь, объясняются рядом причин:

а) слияние кассационной работы с судебным управлением до образования в 1970 г. МЮ СССР и союзных республик влекло ответственность «зональных» членов кассационных инстанций за качество работы народных судей «зоны» и порождало нежелание ухудшать показатели этой работы (это явление в меньшей мере было присуще надзорной работе судов);

б) не вполне продуманная система оценки работы народных судей, когда «браком» считается в основном отмена приговоров, а не их изменение; при этом о качестве работы судят по проценту приговоров, отмененных в кассационном порядке, а отмену и изменение приговоров в порядке надзора, как правило, не учитывают, что порождает тенденцию отменять приговоры, минуя кассационные инстанции;

в) большая близость кассационных инстанций к работе народных судов и отсюда — значение личных взаимоотношений судей первой и второй инстанций;

г) менее высокое качество кассационных протестов и жалоб по сравнению с надзорными;

д) большая служебная нагрузка судей кассационных инстанций и, возможно, некоторые другие причины. Здесь эти причины только названы (причем на уровне гипотез) в связи с необходимостью объяснить разную структуру судебных ошибок, выявляемых в кассационном и надзорном порядке.

Во-вторых, кассационные инстанции по сравнению с надзорными, по-видимому, проявляют большую четкость при решении вопросов квалификации преступлений и определения мер наказания. Поэтому они исправляют больше уголовно-правовых ошибок. При изменениях в уголовной политике, влияющих на строгость применяемых судами наказаний, кассационные инстанции гораздо раньше, чем надзорные, становятся проводниками установки на смягчение или большую строгость наказа-

ний. Следовательно, именно они исправляют подавляющую массу ошибок в применении наказаний.

При введении нового уголовного законодательства и наличии неясностей в прежнем законодательстве на долю кассационных инстанций приходится основная нагрузка по исправлению судебных ошибок, вызванных трудностями в толковании закона и формировании судебной практики в нужном направлении. Поэтому большая часть ошибок в уголовно-правовой квалификации деяний исправляется именно кассационными, а не надзорными инстанциями. В 1967—1970 гг. кассационные инстанции исправили $\frac{3}{4}$, а надзорные — $\frac{1}{4}$ ошибок в квалификации деяний.

С другой стороны, необходимо иметь в виду, что надзорные инстанции рассмотрели лишь 10,8% (в 1971 г.) и 11,7% (в 1972 г.) дел, по которым были поданы в судебные органы надзорные жалобы. Жалобы, направленные в другие органы, в этот процент не входят. В некоторых союзных республиках указанный процент значительно меньше.

При значительном наплыве надзорных жалоб представляется возможным отбирать для опротестования лишь дела «бесспорные» в смысле очевидности и несомненности допущенной ошибки. В частности, поэтому надзорные протесты (в отличие от кассационных) в подавляющем большинстве удовлетворяются (так, протесты председателей судов удовлетворяются на 96—97%). При этом менее серьезные ошибки, например, некоторое завышение наказания, нередко остаются вне поля зрения надзорных инстанций, поскольку при полной доказанности обвинения и отсутствии грубой ошибки в определенной судом мере наказания дела далеко не всегда истребуются и пересматриваются в порядке надзора.

По этим причинам количество уголовно-правовых ошибок, исправляемых в надзорном порядке, сравнительно невелико.

Правда, в последние годы остается значительным процент отмены приговоров в порядке надзора за мягкостью назначенного наказания: в 1967 г. — 17,5%, в 1968 г. — 21, в 1969 г. — 22,5, в 1970 г. — 32, в 1971 г. — 21, в 1972 г. — 21,5% от числа всех отмененных в порядке надзора приговоров. Это сохраняет высокой долей уголовно-правовых ошибок в их общей структуре. Но все же доля процессуальных ошибок, выявляемых в надзорном порядке, не сокращается. Таким образом, надзорные инстанции делают упор на выявление наиболее опасных ошибок, связанных с неправильным выводом суда о виновности подсудимого и влекущих отмену приговора.

3. Из рис. 1 видно, что до 1970 г. структура судебных ошибок по СССР была в основном стабильной. Изменения в структуре судебных ошибок, начавшиеся в 1970 г., усилились в 1971 и 1972 гг., что можно связать с освобождением вышестоящих судов от функции судебного управления и притоком в суды

новых кадров, некоторыми изменениями в уголовной политике в сторону усиления ответственности за хищения социалистической собственности и другие тяжкие преступления.

Уменьшение доли процессуальных ошибок имело место в 1970 г. при исправлении ошибок народных судов в порядке надзора. Это объясняется увеличением количества и доли приговоров, отмененных надзорными инстанциями «за мягкостью» назначенного народными судами наказания: в 1969 г. по этому/основанию было отменено в порядке надзора 22,5% приговоров (за 100% принято общее количество приговоров, отмененных в порядке надзора), а в 1970 г. — 32,0% приговоров. Следует иметь в виду, что этот сдвиг был временным явлением, так как в последующие годы процент отмены приговоров народных судов в порядке надзора «за мягкостью» стал снижаться и достиг прежнего уровня.

В 1971—1972 гг. шел процесс возрастания доли процессуальных и убывания доли уголовно-правовых ошибок народных судов (см. рис. 1).

В 1971 г. резко возросло абсолютное и относительное количество отменяемых и изменяемых приговоров/Общее количество выявленных судебных ошибок всего лишь за один год увеличилось на 24%. Это можно объяснить освобождением вышестоящих судов от непосредственной ответственности за показатели отмены и изменения приговоров. Однако в 1971 г. количество отменяемых приговоров возросло гораздо больше (на 37% по сравнению с 1970 г.), чем количество изменяемых приговоров (на 20%). Следовательно, вышестоящие суды стали уделять еще больше внимания исправлению наиболее опасных процессуальных ошибок.

В 1972—1973 гг. значительно уменьшилось количество отменяемых и изменяемых приговоров народных судов, и уровень судебных ошибок в основном вернулся к показателям 1970 г. Однако процессуальные и уголовно-правовые ошибки сократились не в одинаковой пропорции: в основном сократилось количество изменяемых приговоров народных судов (на 30% за год), тогда как количество отменяемых приговоров уменьшилось не в такой мере (на 12% за год). Результатом этих тенденций явилось дальнейшее возрастание доли процессуальных ошибок народных судов в их структуре.

Количество изменяемых приговоров сократилось в 1972 г. главным образом за счет уменьшения на 36% за год доли уголовно-правовых ошибок, связанных со смягчением наказания, что указывает на тенденцию к усилению уголовной репрессии в отношении ряда преступлений (см. ниже).

4. Структура судебных ошибок, допускаемых вышестоящими судами в качестве судов первой инстанции (Судебные коллегии Верховных судов союзных и автономных республик, областных, краевых, городских — в крупных городах — судов,

судов национальных округов), характеризуется большей долей процессуальных и меньшей долей уголовно-правовых ошибок: в 1972 г. первых было на 3,9% больше, а вторых — на столько же меньше, чем в структуре ошибок, допускаемых всеми судами СССР. Увеличение доли процессуальных ошибок вышестоящих судов произошло за счет как кассационного, так и надзорного производства.

Поскольку процессуальные ошибки, как уже отмечалось, представляют по общему правилу большую опасность, чем уголовно-правовые, то такое соотношение указывает на меньшую эффективность работы вышестоящих судов (по первой инстанции) в сравнении с народными судами. И действительно, количественные показатели работы вышестоящих судов (по первой инстанции) были хуже соответствующих показателей народных судов: в 1969—1970 гг. процент отмены приговоров вышестоящих судов в (кассационном порядке в 2,5 раза больше и процент изменения — в 2 раза больше, а в надзорном порядке соответственно в 1,8 раза больше (отмена) и в 4 раза больше (изменение), чем по народным судам. Эти показатели, надо полагать, были бы еще хуже, если бы существовала возможность кассационного обжалования приговоров Верховных судов союзных республик, не имеющих областного деления и потому рассматривающих по первой инстанции все дела, отнесенные к подсудности областных (краевых) судов.

Для объяснения структуры ошибок вышестоящих судов необходимо также учесть характер рассматриваемых ими дел.

Вышестоящие суды рассматривают по первой инстанции наиболее сложные, большие по объему дела, по которым применяются суровые меры наказания. Чаще всего это дела с несколькими подсудимыми. По таким делам труднее собрать и исследовать доказательства, дифференцировать вину соучастников, обосновать обвинительный приговор, но легче поддаться влиянию тяжких последствий преступления при решении вопроса о его доказанности или определении меры наказания. По этим делам выступают в суде наиболее квалифицированные адвокаты, умеющие использовать все возможности, чтобы добиться отмены или изменения приговоров. Все это объясняло необходимость в большей мере, чем в отношении народных судов, отменять и изменять приговоры вышестоящих судов, исправляя тем самым их ошибки. Следует также учитывать, что для областных (краевых) судов контрольными инстанциями являются Верховные суды союзных республик, предъявляющие высокие требования к приговору. Но, с другой стороны, действует тенденция — не отменять, насколько это возможно, приговоры по сложным многоэпизодным делам с большим количеством обвиняемых, свидетелей, потерпевших, экспертов, поскольку их доследование и новое разбирательство в суде

первой инстанции сопряжено с большими трудностями, требует значительного расхода времени, средств и нередко приводит к непредвиденным изменениям в доказательственном материале (отказ от признания вины, изменение показаний свидетелями, потерпевшими и т. д.). Поэтому наблюдаются случаи, когда при наличии оснований к отмене приговора вышестоящий суд вносит в него изменения, идущие по линии смягчения наказания, исключения отдельных эпизодов обвинения или изменения квалификации. Особенно сильно эти тенденции действуют при пересмотре дел в порядке надзора.

5. Колебания в структуре судебных ошибок, имевшие место в 1970—1972 гг., заметны и при анализе деятельности областных, краевых и приравненных к ним по компетенции судов в качестве судов первой инстанции.

В 1971 г. наблюдалось возрастание абсолютного и относительного количества ошибок, допущенных областными, краевыми судами и выявленных Верховными судами союзных республик.

Общее количество выявленных ошибок областных, краевых судов (первая инстанция) увеличилось только за один год на 13%.

Такие перепады количественных показателей не могут быть истолкованы как действительный рост судебных ошибок. Общий прирост выявленных судебных ошибок следует прежде всего объяснить повышением требовательности Верховных судов союзных республик к приговору областного суда. Это стало возможным в результате освобождения Верховных судов от функции судебного управления и непосредственной ответственности за состояние работы областных судов.

В 1972 г. имел место новый «статистический эффект» — возвращение показателей отмены и изменения приговоров вышестоящих судов (в кассационном порядке) к уровню 1969—1970 гг.

Общее количество исправленных в 1972 г. ошибок вышестоящих судов (первая инстанция) сократилось по сравнению с 1971 г. на 13%. Конечно, усилия, предпринятые в 1971 г., направленные на возможно большее выявление ошибок вышестоящих судов, не пропали даром.

Разумеется, возросла и квалификация судей. Однако было бы наивно думать, что резкое сокращение ошибок по сравнению с предыдущим годом вызвано только этими причинами. Надо полагать, к ним примешиваются и причины, связанные с изменением (повышением или понижением) уровня требований кассационных и надзорных инстанций. Действительное количество судебных ошибок, обусловленное действием ряда глубинных причин, не может претерпевать резкие изменения на протяжении короткого промежутка времени.

1971 год показал, что суды допускают некоторое количество

латентных ошибок, выявление которых во многом зависит от степени требования кассационных и надзорных инстанций к приговору суда. Рост количества выявляемых и потому зафиксированных в статистике судебных ошибок может сопровождаться сокращением действительного их количества и наоборот: улучшение количественных показателей судебных ошибок может сопровождаться ростом латентных ошибок.

Хотя в 1972 г. произошел возврат к показателям ошибок 1970 года, общая доля процессуальных ошибок вышестоящих судов (первая инстанция) возросла, особенно при отмене приговоров этих судов в порядке надзора (см. рис. 1). При общем значительном сокращении показателей отмены и изменения приговоров количество приговоров вышестоящих судов (первая инстанция), отмененных в порядке надзора, в 1972 г. по сравнению с 1971 г. не изменилось, а количество измененных приговоров уменьшилось на 30%. Отсюда — перераспределение в структуре ошибок указанных судов (процессуальных ошибок стало больше, чем уголовно-правовых). Таким образом, судебный надзор все в большей мере становится способом исправления наиболее опасных, процессуальных ошибок, тогда как подавляющее большинство уголовно-правовых ошибок исправляется в кассационном порядке. Эта тенденция действует (в меньшей мере) и при исправлении ошибок народных судов.

До сих пор структура судебных ошибок рассматривалась в крупном плане без дифференциации процессуальных и уголовно-правовых ошибок на отдельные структурные группы. Теперь мы переходим к более детальному их изучению.

§ 3. Структура процессуальных судебных ошибок

В течение двух лет, предшествовавших началу нашего исследования, структура судебных ошибок была определена по пяти областям Центрально-Черноземного района РСФСР авторским коллективом Воронежского государственного университета (В. Е. Чугунов, Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев). С этой целью было проанализировано 842 дела, из которых по 785 делам приговоры были отменены или изменены, а по 57 делам — оставлены в силе.

Одной из задач нашего исследования была проверка достоверности данных В. Е. Чугунова, Г. Ф. Горского и Л. Д. Кокорева.

Ниже приводятся эти данные¹², а в скобках указаны результаты нашего исследования (первая цифра в скобках — данные за 1968 г., вторая — за 1969 г.):

1. Односторонность или неполнота предварительного или судебного следствия	14%	(ШЗ,3; 1<1,3)
2. Несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела	42%	(9,2; 9,2)
3. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона	2%	(3,8; 4,3)
4. Неправильное применение уголовного закона	10%	(36,5; 37,3)
5. Несоответствие наказания тяжести преступления и личности преступника	32%	(37,2; 37,9)
Итого	100%	(100,0; 100,0)

Наши данные немногим отличаются от данных В. Е. Чугунова, Г. Ф. Горского и Л. Д. Кокорева в п. 1, 3, 5. Это совпадение подтверждает достоверность информации, добытой различными исследователями различными методами¹³.

Однако и п. 2, 4 обнаруживается существенное различие.

Представляется, что в п. 4 (ошибки в применении уголовного закона) данные В. Е. Чугунова, Г. Ф. Горского и Л. Д. Кокорева не могут считаться представительными для всего Советского Союза, поскольку они находятся в резком противоречии с государственной судебной статистикой, наличие которой вообще делает излишним проведение социологических исследований по этому показателю. Истоки ошибки указанных авторов следует, по-видимому, искать в недостатках выборки социологического материала¹⁴. Поэтому неприемлем и общий вывод этих авторов о преобладании в структуре судебных ошибок процессуальных ошибок (58%) над уголовно-правовыми (42%). Наши данные о структуре судебных ошибок (75% уголовно-правовых и 25% процессуальных) опираются на государственную статистику, а статистика в этой части не вызывает сомнений.

Что касается п. 2 («несоответствие выводов»), то резкое расхождение сопоставляемых данных, по-видимому, объясняется неоднозначным толкованием в науке и на практике указанного основания отмены и изменения приговоров.

..Несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела возможно в двух основных вариантах, а именно: 1) когда оно — результат неполноты или односторонности предварительного или судебного следствия: а) восполнимой, б) невоспол-

¹² В. Е. Чугунов, Г. Ф. Горский. Применение кибернетических устройств для анализа ошибок в судебной и следственной практике. — «Советское государство и право», 1966, № 11, стр. 43; Л. Д. Кокорев. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971, стр. 96.

¹³ В отличие от табл. 1 (см. стр. 155), где за 100% принято количество только процессуальных ошибок, здесь за 100% принято общее количество судебных ошибок (включая уголовно-правовые). В частности, в изучаемую совокупность были включены и дела, по которым ошибки не были допущены.

нимой; 2) когда предварительное и судебное следствие проведены объективно и полно, однако вывод суда не вытекает из фактических обстоятельств дела: а) вывод о наличии факта сделан при отсутствии достаточных к тому оснований, б) вывод об отсутствии факта сделан при наличии достаточных оснований для его признания.

В первом варианте по существу присутствуют оба основания отмены приговоров. Однако основания отмены приговоров должны истолковываться так, чтобы они не сосуществовали, т. е. чтобы одно исключало другое. Иначе они окажутся слитыми в одном основании, их дифференциация и учет станут невозможными или практически затруднительными. По нашему мнению, основание, указанное в п. 1а, следовало бы отнести к неполноте и односторонности предварительного и(или) судебного следствия, а основание, указанное в п. 1б, — к несоответствию выводов суда фактическим обстоятельствам дела. В основе такого разграничения лежит представление не только о характере судебной ошибки, но и о способе ее исправления; если можно заново провести исследование, чтобы собрать недостающие доказательства, то при отмене приговора акцент должен быть сделан на неполноте или необъективности уже проведенного исследования, а о характере вывода говорить пока рано; если же новое исследование уже не в состоянии добыть дополнительные факты для вывода, то при отмене приговора необходимо подчеркнуть недостаточность оснований вывода. Практические последствия такого разграничения очевидны: в первом случае дело должно быть (возвращено на доследование или новое судебное разбирательство для восполнения приведенного исследования, во втором случае — прекращено вышестоящим судом или возвращено в суд первой инстанции для иной оценки доказательства (отмена оправдательного приговора).

Второй из указанных выше вариантов (2 а, 2б) полностью охватывается п. 2 ст. 342 УПК РСФСР («несоответствие выводов»), а п. 1 этой статьи («неполнота и необъективность») к нему отношения не имеет.

Если же факты судом установлены правильно, а несоответствие выводов относится лишь к тому, что квалификация деяния или мера наказания не вытекают из достоверно установленных и достаточных фактов, то подлежат применению уголовно-правовые основания отмены приговоров — соответственно п. 4 или п. 5 ст. 342 УПК РСФСР.

В настоящее время, когда ни закон, ни практика еще не выработали четких и общеобязательных критериев для ограничения п. 2 ст. 342 УПК РСФСР («несоответствие выводов суда») от других оснований отмены приговоров, неизбежны некоторые расхождения в количественных оценках этого вида судебных ошибок.

Во избежание неточностей в определении характера судеб-

ных ошибок и их причин было бы желательно, чтобы Пленум Верховного Суда СССР разъяснил судам, как необходимо понимать каждое из оснований отмены приговоров, чем они отличаются друг от друга, и потребовал, чтобы в кассационных и надзорных определениях (постановлениях) судов указывались бы основания, по которым отменяются приговоры¹⁵.

Соотношение между отдельными видами процессуальных ошибок применительно к основаниям отмены приговоров см. в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

№ п/п	Основания отмены приговоров	Зафиксированные ошибки и нарушения процессуального закона			
		1968 г.	%	1969 г.	%
1	Односторонность или неполнота дознания, предварительного или судебного следствия	968	52,7	956	48,0
2	Несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела	586	32,5	784	38,8
3	Существенные нарушения процессуального закона	265	14,8	265	113,2
	Итого	1819	100,0	2005	100,0

Примечание. Приводятся данные социологического исследования. За 100% принято общее количество процессуальных ошибок. Выведенные соотношения могут быть экстраполированы на всю совокупность процессуальных ошибок. По анкете № 1 (см. введение) были учтены отмененные приговоры: в 1968 г. — в отношении 1141 лица, в 1969 г. — в отношении 950 лиц. Следует учесть, однако, что в 1969 г. допущенных судом нарушений было зафиксировано больше, чем в 1968 г.

При рассмотрении структуры процессуальных ошибок следует иметь в виду, что первая, самая многочисленная группа, — неполнота и односторонность предварительного и судебного следствия — представляет собой своеобразный «дубль» одних и тех же ошибок, допущенных сначала следователем и прокурором, а затем судом первой инстанции. В основе этих ошибок лежит некорректное отношение суда к материалам и выводам предварительного следствия.

Процессуальные ошибки второй по величине группы (несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела)

¹⁵ В настоящее время вышестоящие суды в крайне редких случаях указывают в определениях (постановлениях) юридические основания отмены приговоров, указанные в ст. 342 УПК РСФСР, что весьма затрудняет учет и анализ судебных ошибок и их причин.

наиболее опасны. При их допущении суд берет на себя смет лость сделать окончательный вывод по существу дела, но этот вывод не соответствует фактическим обстоятельствам дела: и потому является ошибочным, в связи с чем невиновный признается виновным или виновный оправдывается¹⁶. Г.

Третья группа процессуальных ошибок включает прямее нарушения процессуального закона следователем, не устраненные судом, а также нарушения, допущенные самим судом, повлекшие отмену приговора. Величина этой группы в значительной степени характеризует соблюдение принципа законности, в уголовном судопроизводстве. В нашем исследовании зафиксировано 530 существенных нарушений процессуального закона, подавляющее большинство которых приходится на прекращение дел при наличии к тому оснований, а именно: при отсутствии события преступления (2,6%); при отсутствии в деянии состава преступления (20%); при недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления (7%), а также случаи нарушения права обвиняемого на защиту (25%)*

Изучение трех основных типов в структуре процессуальных судебных ошибок имеет не только теоретико-познавательное, но и практически-прикладное значение. Первый вид ошибок — это недостатки самого судебного (и предварительного) следствия, второй — ошибки, связанные с нарушением логического закона достаточного основания, третий — прямые нарушения процессуального закона. Зная распространенность и динамику каждого из этих основных видов процессуальных судебных ошибок, можно иметь представление о главной опасности, которую в каждый данный момент представляет для судопроизводства та или иная причина, вызывающая эти ошибки. Это позволяет планировать мероприятия по устранению причин судебных ошибок и, в частности, правильно строить работу по повышению профессионального мастерства судей.

Перейдем теперь к более детальному рассмотрению структуры судебных ошибок (см. табл. 2).

Предпринято и более дифференцированное изучение структуры судебных ошибок применительно к отдельным элементам предмета доказывания (см. табл. 3).

Более чем по каждому второму делу с отмененным приговором (53,8%) не был установлен или был неправильно установлен какой-либо из элементов предмета доказывания.

¹⁶ Не соответствующий фактическим обстоятельствам дела вывод может относиться также к гражданскому иску, характеристике личности подсудимого и т. д. Эти вопросы частного характера здесь не рассматриваются.

¹⁷ За 100% приняты все случаи существенного нарушения процессуального закона.

1967	1968	1969
1 13,3	1 11,3	1-3 24,2
2 8,2	2 9,5	
3 3,8	3 3,8	
4 6,4	4 8,1	4 8,1
5 30,8	5 29,8	5 30,9
6 20,5	6 20,6	6 19,9
7 11,0	7 11,3	7 10,6
8 5,0	8 5,4	8 6,3

Таблица 2*
Примечание. 1 — односторонность или неполнота предварительного или судебного следствия; 2 — несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела* 3 — существенные нарушения процессуального закона; 4 — излишняя мягкость наказания; 5 — излишняя строгость наказания; 6 — излишняя строгость наказания, вызванная ошибкой в квалификации; 7 — неверная (строгая) квалификация (изменение квалификации); 8 — неверная (мягкая) квалификация (отмена приговоров).

* Количество уголовно-правовых ошибок за исключением п. 8, определено на основании государственной судебной статистики. Количество ошибок, указанных в п. 8, исчислено на основании проведенных нами социологических исследований, определивших их долю в общей массе судебных ошибок.

Количество процессуальных ошибок определено путем вычитания известного по статистике количества уголовно-правовых ошибок из общей суммы отмененных и измененных приговоров.

Процентное распределение процессуальных ошибок между тремя основаниями отмены приговоров произведено на основе проведенных нами социологических исследований.

Абсолютные цифры в этой и последующих таблицах опущены.

Более половины ошибок (68,6%) приходится на субъективную сторону преступления¹⁸, почти 7в относится к способу совершения преступления.

Элементы предмета доказывания оказываются неустановленными по различным причинам, в частности, в результате непроведения судом необходимых процессуальных действий. Чаще всего не допрашиваются в суде свидетели, чьи показания

¹⁸ Наши данные подтверждают гипотезу о больших трудностях в доказывании субъективной стороны преступления (Г. А. Злобин. Описание субъективной стороны преступления в законе. — «Советское государство и право», 1971, № 1, стр. 91—96).

имеют существенное значение для дела (41,3% от всех случаев непроведения необходимых процессуальных действий), и не проводится экспертиза (13%)¹⁹.

Таблица 3

Элементы предмета доказывания	Случаи неустановления	
	число	%
Событие преступления		
время	58	7,5
место	45	5,7
способ	145	19,0
мотив	105	13,6
цель	39	6,0
Вина	310	40,0
Данные о личности подсудимого	66	9,2
Итого	768	1100,0

Примечание. За 100% принято общее количество неустановленных элементов предмета доказывания.

Представляется необходимым выделить в структуре судебных ошибок соотношение между незаконными и необоснованными (а потому отмененными) обвинительными и оправдательными приговорами.

Общее соотношение между обвинительными и оправдательными приговорами в последние годы составляет 99 и 1%. Если же за 100% принять совокупность всех отменяемых в кассационном и надзорном порядке приговоров за год, то удельный вес отменяемых обвинительных приговоров снижается до 95%. Соответственно увеличивается до 5% удельный вес отменяемых оправдательных приговоров. Это соотношение с небольшими отклонениями прослеживается по крайней мере начиная с 1964 г. Данные проведенного социологического исследования свидетельствуют о том, что удельный вес оправдательных приговоров, отменяемых лишь по трем процессуальным основаниям, еще более возрастает и составляет 10—12%, а удельный вес обвинительных приговоров, отменяемых по указанным основаниям, снижается до 88—90%.

Данные социологического исследования приговоров, отмененных только по трем процессуальным основаниям, таковы: в 1968 г. из 809 уголовных дел с отмененными приговорами 743 дела были с обвинительным и 66 — с оправдательным приговорами (соотношение 11 : 3); в 1969 г. из 950 подсудимых, в от-

ношении которых вынесены отмененные впоследствии приговоры, 860 подсудимых были этими приговорами необоснованно осуждены и 90 — необоснованно оправданы (соотношение 9:1).

Следует при этом иметь в виду, что, по данным социологического исследования, после отмены оправдательного приговора в 80% случаев выносятся при новом рассмотрении дела в суде обвинительный приговор. После отмены обвинительного приговора в 90% случаев обвиняемые после доследования и нового рассмотрения дела в суде снова признаются судом виновными и лишь в 10% уголовные дела в отношении этих лиц прекращаются либо суд выносит оправдательный приговор²⁰.

По данным исследования за 1968 г. из 809 дел с отмененными приговорами, по которым известен окончательный результат их рассмотрения в суде, 66 приходится на дела с оправдательными приговорами. Лишь по 14 из этих дел (23%) при новом их рассмотрении в суде снова был вынесен оправдательный приговор, а по 52 делам (77%) после отмены оправдательного приговора был вынесен обвинительный приговор.

По данным исследования за 1969 г. из 950 лиц, в отношении которых были вынесены отмененные приговоры, 90 приходится на первоначально оправданных. Но из них лишь 19 лиц (21%) были снова оправданы при вторичном рассмотрении дела в суде, а в отношении 61 оправданного (79%) был вынесен в дальнейшем обвинительный приговор.

Таким образом, если подавляющее большинство осужденных после отмены обвинительного приговора снова осуждается (до 90%), то лишь 21—23% оправданных после отмены оправдательного приговора снова оправдывается; подавляющее же их большинство (около 80%) в конечном счете осуждается.

Вышестоящие инстанции во многих случаях не разделяют сомнения суда первой инстанции (и адвоката) в виновности обвиняемого; они вслед за прокуратурой, которая опротестовывает почти каждый оправдательный приговор, часто отвергают эти сомнения, давая понять, что налицо основания для вынесения обвинительного, а не оправдательного приговора.

Такая практика в какой-то мере объясняет (наряду с другими факторами) и уменьшение доли оправдательных приговоров.

Этих данных, к сожалению, нет в судебной статистике; они получены в результате представительного по СССР социологического исследования. В указанных 90% случаев вторичного осуждения обвиняемых после отмены обвинительных приговоров собираются, если дело возвращено для доследования, дополнительные доказательства виновности. Это значит, что возможность полного и всестороннего выявления обстоятельств дела не была использована при первоначальном расследовании.

В некоторых случаях суды при новом разбирательстве дела после отмены обвинительного приговора снова выносят обвинительный приговор, основанный на прежней совокупности доказательств, и этот приговор иногда остается в силе.

¹⁹ Подробнее об этом см. гл. VIII.

Высокая отменяемость оправдательных приговоров с целью иной оценки доказательств при новом рассмотрении дела, обеспечивающей постановление обвинительного приговора взамен оправдательного и как следствие этого — снижение общего количества оправдательных приговоров, указывает на преобладание обвинительной тенденции в деятельности по выявлению судебных ошибок.

С другой стороны, весьма существенным фактором положительного свойства, влияющим на уменьшение количества оправдательных приговоров, является: неуклонное улучшение качества предварительного расследования, вследствие чего невинов- ные стали реже предаваться суду; ;

Если между судом «первой инстанции, вынесшим оправда- тельный приговор, и прокурором, опротестовавшим его, имеет- ся коллизия мнений относительно достаточности оснований об- винения, то вышестоящий суд должен учитывать, что суд, при- шедший к выводу о невиновности подсудимого, — коллегиаль- ный орган социалистического правосудия, не связанный пози- цией ни прокурора, ни адвоката; что сомнение в виновности, возникшее у судей, может появиться, как правило, лишь при наличии веских оснований и, наконец, что советские судьи от- нудь не страдают либерализмом в отношении преступников и оправдывают подсудимых лишь в действительно необходимых случаях, когда нет или недостаточно обвинительных доказа- тельств²¹. Что касается прокурора, опротестовавшего оправда- тельный приговор, то его протест — продолжение обвинительной позиции, выраженной сначала в обвинительном заключении, а затем занятой государственным обвинителем в суде.

Практика принесения кассационных протестов (Прокуратурой до последнего времени имела известную обвинительную направ- ленность, что, конечно, не могло не оказывать определенного давления на всю судебную деятельность в смысле поддержания и развития односторонних обвинительных тенденций. Как вид- но из письма Генерального прокурора СССР № 4/2 от 4 янва- ря 1968 г., «каждый пятый из отклоненных кассационных про- тестов приносился на предмет отмены оправдательного приго- вора, 56% всех отклоненных кассационных протестов составля- ют протесты на мягкость наказания»²². Известно, что в 1967 г. до V2, а в 1972 г. — более 73 кассационных протестов снимал- ось с рассмотрения вышестоящими прокурорами ввиду их необоснованности (в подавляющем большинстве это протесты обвинительного характера).

²¹ Интересно отметить, что оправдательные вердикты в уголовном процессе некоторых стран, как правило, вообще не могут быть, отменены выше- стоящими судами, т. е. являются окончательными.

²² Цит. по: В. М. Савицкий. Государственное обвинение в суде. М, 1971, стр. 129.

Такая практика прокуратуры, как заметил Б. М. Савицкий, «особого восторга не вызывает»²³. Действительно, в соответствии с требованиями упомянутого приказа Генерального проку- рора СССР она заслуживает серьезного порицания, в частно- сти и потому, что затрудняет работу вышестоящих судебных ин- станций и создает опасность осуждения невиновных²⁴.

Сравнительно большой процент отмены оправдательных при- говоров нередко воспринимается народными судьями как опре- деленная позиция вышестоящего суда, влекущая осуждение при новом рассмотрении дела тех лиц, которые были по отменен- ному приговору оправданы. Отмена же обвинительного приго- вора, как правило, влечет необходимость дополнительного со- бираяния и исследования доказательств, после чего вновь выно- сится обвинительный приговор.

Рассмотренные тенденции судебной, прокурорской и следст- венной практики в их сложном взаимодействии оказывают влия- ние на распространенность оправдательных приговоров, их до- лю в общей массе выносимых судами приговоров.

По всем уголовным делам оправдывалось судом первой инстанции лиц (в % от всех, в отношении которых рассмат- ривались уголовные дела)²⁵:

Годы	% оправдан- ных	Годы	% оправдан- ных
1937—1940	10	1954—1956	5,5
1941—1945	10	1957—1966	2,5
1946—1953	9	1967—1970	1,0

Если исключить дела частного обвинения, на которые прихо- дится $\frac{2}{3}$ оправданных, то тенденция к сокращению количест- ва оправданных обнаруживает себя еще более отчетливо.

Многие суды стремятся к вынесению оправдательных приго- воров только в беспорных случаях, когда нет ни малейшего сомнения в девиновности подсудимого. Когда же такие сомне- ния имеются, суды нередко предпочитают направлять дела для доследования, где часть из них прекращается.

Видимо, это одна из причин значительного и неснижающе- гося в последние годы количества возвращения дел из судов для доследования.

Речь идет, конечно, не об отдельных судьях и даже не о су- дах отдельных районов, краев, областей, республик, а об опре- деленной статистической тенденции.

При этом необходимо совершенно четко констатировать, что в данном случае не имеются в виду обвинительный или оправ- дательный «уклоны» во всей судебной работе. Подавляющее

²³ Там же.

²⁴ Подробнее об этом см. гл. X.

²⁵ С делами частного обвинения.

большинство уголовных дел разрешается судами правильно, причем не обнаруживается ни обвинительного, ни оправдательного «уклонов». Здесь же исследуются не все, а лишь ошибочные приговоры, доля которых в общей массе приговоров невелика. Значительный процент отмены оправдательных приговоров теоретически позволяет, конечно, предположить, что имеет место и «оправдательный уклон» в деятельности судов первой инстанции. Однако, опираясь на количественные характеристики допускаемых и исправляемых судебной системой ошибок, мы все же склоняемся к гипотезе о преобладании обвинительных тенденций, влияющих на структуру судебных ошибок, хотя сила этих тенденций постепенно ослабевает. Конечно, не исключены и псевдолиберальные тенденции в деятельности отдельных судов, характеризующиеся вынесением некоторого количества необоснованных оправдательных приговоров.

Однако основную опасность все же представляют, хотя и немногочисленные, случаи необоснованного осуждения, излишне «жесткой» квалификации и определения судами несправедливо строгого наказания, о чем свидетельствуют уже приведенные данные об относительно большей «отменяемости» оправдательных и меньшей «отменяемости» обвинительных приговоров, а также и следующие данные. В структуре изученных судебных ошибок преобладает неполнота, односторонность и необъективность предварительного и судебного следствия (52,7%). По данным выборочного исследования, суды 40 раз необоснованно отклоняли ходатайства адвокатов и обвиняемых, но всего лишь один раз было необоснованно отклонено ходатайство прокурора (по делам с судебными ошибками процессуального характера). Количество излишне строгих наказаний превышает количество излишне мягких наказаний: в 1971 г. — в 5 раз, в 1972 г. — в 4 раза. На излишне «мягкую» квалификацию приходится в 1972 г. 11,9%, а на излишне «жесткую» — 35,3% уголовно-правовых судебных ошибок (см. табл. 5). По 96% уголовных дел, по которым были допущены судебные ошибки и приговоры отменены, прокуроры — государственные обвинители занимали ошибочную позицию, требуя вынесения обвинительного приговора при отсутствии к тому оснований, и тем самым оказывали отрицательное влияние на суд; протесты прокуратуры в подавляющем большинстве — обвинительные. Около половины судебных ошибок, исправляемых путем отмены приговоров, выявляется не кассационными, а надзорными инстанциями, причем 30—40% отмененных ими приговоров ранее являлись предметом рассмотрения кассационных инстанций, оставивших их в силе; подавляющее большинство этих приговоров — обвинительные.

В то же время следует отметить, что суды кассационных инстанций более объективны, чем суды первой инстанции, ошибки которых они исправляют, а суды надзорных инстанций, по

данным статистики и исследований, вообще ошибаются довольно редко, и их практика свидетельствует о стремлении в необходимых случаях реабилитировать всех невинно осужденных, изменить неоправданно «жесткую» квалификацию и смягчить излишне суровую меру наказания.

Всякий обоснованно отмененный приговор есть ошибочный приговор, хотя в дальнейшем, после собирания дополнительных доказательств или исправления судом уголовно-правовой ошибки, может быть вынесен такой же приговор (обвинительный — обвинительный или оправдательный — оправдательный). Существенно то, что к моменту вынесения обоснованно отмененного приговора у суда первой инстанции не было достаточных оснований для вывода о виновности или невиновности.

Однако для оценки степени тяжести допущенной судебной ошибки небезразлично знать, чем завершилось дело, в частности, вынесен ли после отмены обвинительного приговора снова обвинительный приговор или обвиняемый был полностью реабилитирован. И судебной статистике случаи реабилитации представлены только прекращением дел вышестоящим судом за отсутствием события, состава преступления и недоказанностью участия обвиняемого в совершенном преступлении. Однако виды реабилитации более разнообразны, они включают случаи вынесения оправдательного приговора после отмены обвинительного и случаи прекращения дел в процессе доследования после отмены приговора. Учесть эти два вида реабилитации удалось с помощью социологического исследования²⁶.

Итак, приведем три компонента, из которых складывается число незаконно осужденных, впоследствии полностью реабилитированных.

1. Обвинительный приговор — прекращение дела вышестоящими судебными инстанциями по реабилитирующим основаниям. Из судебной статистики видно, что вышестоящие инстанции прекратили по реабилитирующим основаниям дела в отношении следующего количества лиц: 1967 г. — 0,3%, 1968 г. — 0,22%, 1969 г. — 0,18% от всех осужденных.

2. Обвинительный приговор — отмена его с возвращением дела для доследования — прекращение дела в результате доследования (нет данных в судебной статистике).

При исчислении этого компонента были использованы данные С. Панченко, заимствованные из статистики Прокуратуры СГССР. Согласно этим данным, ежегодно прекращается следственным аппаратом Прокуратуры и МВД 16% уголовных дел, возвращенных судами для доследования²⁷.

²⁶ Представляется, что сведения о всех видах реабилитации должны содержаться в государственной статистике.

²⁷ С. Панченко. Показатели работы следователей. — «Социалистическая законность», 1968, № 3, стр. 36.

При этом было сделано обоснованное допущение: указанный процент не может быть меньшим применительно к делам, возвращенным для доследования из вышестоящих судов по сравнению с делами, возвращенными из судов первой инстанции. Начало доследования дела, возвращенного вышестоящим судом, значительно больше отстоит по времени от момента совершения преступления и периода первого расследования, а это ослабляет шансы на раскрытие преступления и повышает процент прекращенных при доследовании дел. Кроме того, дела, возвращенные вышестоящими судами, вообще более сложны.

Таким образом, если от всех уголовных дел с обвинительными приговорами, возвращенных для доследования из кассационных и надзорных инстанций, определить 16% прекращенных в процессе доследования, то мы получим еще определенное число реабилитированных²⁸. По отношению ко всем осужденным оно составляет: 1967 г.— 0,1%, 1968г.— 0,1%, 1969 г.— 0,1%.

3. Обвинительный приговор — его отмена — оправдательный приговор (этих данных также нет в статистике). По данным нашего исследования за два года число таких исходов по отношению ко всем отмененным приговорам в каждом году со-

Таблица 4

Сводные данные о полной реабилитации осужденных	Год		
	1967	1968	1969
Лиц, в отношении которых приговоры отменены (кассация и надзор)	2,4	2,7	2,2
Лиц, полностью реабилитированных после отмены обвинительного приговора:			
прекращение дела по реабилитирующим основаниям вышестоящими судами	0,3	0,22	0,18
прекращение дела при доследовании	0Д	0,1	0Д
вынесение приговора оправдательного после отмены приговора обвинительного	0,08	0,07	0,065
Итого	0,48	0,39	0,345

²⁸ Число незаконно осужденных будет еще большим, если мы учтем дела, приостановленные по причине неустановления лица, совершившего преступление, после возвращения их для доследования из кассационных и надзорных инстанций. Однако таких сведений в нашем распоряжении нет,

ставляло 3%. Учитывая этот процент, можно определить абсолютное число невинно осужденных, которые затем были оправданы. В процентах оно таково: 1967 г.— 0,08, 1968 г.— 0,07, 1969 г.— 0,065 от всех осужденных за год.

Теперь мы можем составить сводные данные о количестве лиц, сначала осужденных, а затем, после отмены обвинительного приговора, полностью реабилитированных²⁹ (табл. 4).

Таким образом, статистические данные о количестве незаконно осужденных, а затем полностью реабилитированных меньше действительного их количества, выявленного социологическим исследованием.

§ 4. Структура уголовно-правовых судебных ошибок

Перейдем теперь к анализу судебных ошибок уголовно-правового характера. Структура этих ошибок (в %) видна из табл. 5, где за 100% принято их общее количество.

Анализ приведенных данных о структуре уголовно-правовых судебных ошибок позволяет констатировать следующее.

1. Если сгруппировать уголовно-правовые ошибки в зависимости от того, допустил ли суд первой инстанции излишнюю строгость или излишнюю мягкость в процессе уголовно-правовой квалификации и при назначении наказания, то картина такова: излишняя строгость (п. II, III, IV — см. табл. 5): 1969 г.— 81,1%, 1970 г.— 80,7, 1971 г.— 83,3, 1972 г.— 79,6% ошибок; излишняя мягкость (п. I, V): 1969 г.— 18,9%, 1970 г.— 19,3, 1971 г.— 16,7, 1972 г.— 20,4% ошибок. Такое соотношение (4:1) в пользу необоснованной, не соответствующей задачам уголовной политики, жесткости наказаний и ошибочно строгой квалификации указывает на наличие обвинительных тенденций в структуре ошибок судов первой инстанции, выявленных кассационными и надзорными инстанциями.

Признавая наличие этих недостатков, следует указать и на такие обстоятельства, которые свидетельствуют не столько о субъективном желании судей «покарать преступника сверх меры», сколько о соображениях практического свойства, про-

²⁹ Из всех компонентов, сумма которых образует общее число сначала осужденных, а затем полностью реабилитированных, не представлялось возможным учесть случаи, когда после отмены обвинительного приговора и проведенного затем доследования дело снова поступило с обвинительным заключением в суд, но было прекращено по одному из реабилитирующих оснований в стадии предания суду. Таких случаев чрезвычайно мало, так как судьи в данной ситуации предпочитают передавать дело в судебное разбирательство и там разрешать его по существу.

Таблица 5

	1967 г.	1968 г.	1969 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.
I	9,0	10,8	10,7	11,0	9,9	11,9
II	41,2	39,5	40,8	45,5	50,2	44,3
III	27,4	27,3	26,3	23,2	21,3	22,0
IV	14,7	15,0	14,0	12,0	11,8	13,3
V	7,7	7,4	8,2	6,3	6,8	8,5

Примечание. I - излишняя мягкость наказания (отмена приговоров); II - излишняя строгость наказания без изменения квалификации; III - излишняя строгость наказания, вызванная ошибкой в квалификации (смягчение наказания с изменением квалификации); IV - неверная (строгая) квалификация (переквалификация без снижения наказания); V - неверная (мягкая) квалификация, повлекшая отмену приговора.

Таблица составлена на основании абсолютных цифр государственной судебной статистики по СССР и учитывает отмену и изменение приговоров по уголовно-правовым основаниям в кассационном и надзорном порядке (в сумме).

диктованных стремлением не снизить показатели качества работы. Нередко измененный приговор, особенно если изменению подверглась мера наказания, на практике не рассматривается как существенный «брак» в работе судьи (анкетирование показало, что некоторые судьи имеют до 15—20 измененных приговоров в год). За основу при определении качества работы довольно часто принимается лишь отмена приговоров.

При таком подходе к оценке качества работы судьи создается опасность, что отдельные судьи станут завышать наказание и квалифицировать деяния по более строгим статьям УК в случаях, когда судьи и народные заседатели не выработали принципиальной позиции по этим вопросам и опасаются отмены приговора «за мягкостью». По отдельным уголовным делам создается некоторая «перестраховка»: сначала следователь, опасаясь возвращения дела из суда для квалификации деяния по более строгой статье УК, а затем и суд первой инстанции, опа-

саясь отмены приговора «за мягкостью» и предпочитая как меньшее зло его изменение, проявляют большую строгость по отношению к виновному, чем он на самом деле заслуживает. Таким образом, работа некоторых народных судей строится с оглядкой на вышестоящую инстанцию и с учетом того, что изменение приговора в отличие от отмены не рассматривается как серьезный брак в работе. На меру наказания иногда смотрят как на «волевое» решение, лишённое строгих критериев и объективного обоснования, а потому и ошибки в определении этой меры не считают серьезными. Между тем для осужденного далеко не безразлично, пробудет он в местах заключения на год-два больше или меньше. Не только годы, но и месяцы, недели здесь имеют значение. Поэтому завышение меры наказания, в частности из-за боязни отмены приговора, следует рассматривать как очень серьезную судебную ошибку, нарушающую законные интересы граждан.

Обвинительный уклон нередко проистекает не из социально-правовой ориентации судьи, не из его убеждений, а из некоторых непродуманных критериев оценки труда судьи, его взаимоотношений с вышестоящими судебными инстанциями и некоторых процессуальных условий их деятельности. В результате влияния этих объективных факторов судья постепенно может менять свою (иногда правильную) ориентацию, уступать принципиальные позиции, скатываться в сторону приспособленчества.

2. По данным за 1967—1972 гг. 40—45% уголовно-правовых ошибок приходится на неправильную квалификацию преступных деяний, в том числе — повлекшую ошибки в наказании (см. п. III, IV, V табл. 5); остальные ошибки в определении меры наказания, включая неправильное определение режима содержания осужденных в ИТК, не связаны с ошибками в квалификации.

Такое соотношение опровергает весьма распространенное представление о том, что приговоры изменяются и отменяются главным образом за счет неправильного определения судами мер наказания. Почти таким же распространенным источником судебных ошибок служит неправильное применение судьями диспозиций уголовно-правовых норм, объясняемое как нечеткостью этих диспозиций (в основном это неоднозначность, расплывчатость некоторых правовых понятий, образующих диспозицию), так и недостаточным знанием отдельными судьями уголовного закона, судебной практики и научной литературы по уголовному праву³⁰.

Внутри этих двух групп судебных ошибок (в квалификации и наказании) наблюдается сдвиг в сторону более жесткого,

Вопрос о более конкретных причинах уголовно-правовых ошибок охватывает анализ отдельных институтов и норм уголовного права, а также практики применения этих норм, что требует специальных исследований.

чем это необходимо, подхода суда первой инстанции к подсудимому, степени его вины перед государством и обществом.

Особенно это характерно для ошибок в квалификации. Казалось бы, процесс квалификации в уголовном праве — это логическая операция, на ход которой не должны влиять соображения о том, какой должна быть мера наказания; сначала необходимо правильно квалифицировать деяние по соответствующей статье УК без каких бы то ни было «натяжек», а потом решать вопрос о наказании. На практике в этот логический процесс иногда вплетаются и на него влияют соображения утилитарно-практического характера. Только этим можно объяснить совершенно неодинаковое соотношение ошибок в квалификации, означающих более строгий или более мягкий, чем это необходимо, подход к определению дальнейшей судьбы подсудимого. На излишне мягкую квалификацию приходилось: 1969 г. — 8,2%; 1970 г. — 6,3; 1971 г. — 6,8; 1972 г. — 8,5%; на излишне жесткую: 1969 г. — 40,3%; 1970 г. — 35,2%; 1971 г. — 33,1; 1972 г. — 35,3% уголовно-правовых ошибок (п. III, IV табл. 5). Таким образом, логический процесс квалификации оказался подчас окрашенным в обвинительные тона. Это явление уже нельзя объяснить отсутствием точных критериев для принятия решения, как это было с ошибками в наказании. Процесс квалификации преступных деяний формализован нормами права. И если все же и здесь наблюдается сдвиг в сторону большей жесткости, то это служит доказательством существенных недостатков в деятельности судов первой инстанции.

Примерно такое же соотношение ошибок «в сторону жесткости» и ошибок «в сторону мягкости» наблюдается и при определении мер наказания: в последние годы лишь 9—11% уголовно-правовых ошибок приходилось на долю неосновательного занижения наказаний, а 66—71% — на долю необоснованного завышения наказаний (п. II, III табл. 5).

3. Рассматривая компоненты структуры уголовно-правовых ошибок в динамике за 1967—1972 гг., следует обратить внимание на увеличение доли ошибок, исправляемых путем отмены приговоров «за мягкостью» назначенного судом наказания (п. I — увеличение на 2,9%) и в связи с неправильной, излишне мягкой квалификацией деяния (п. V — увеличение на 0,8%).

Исправление такого рода ошибок оправдано даже с учетом того, что это сопряжено с новым рассмотрением дела в суде первой инстанции с вызовом свидетелей, потерпевших, экспертов, т. е. проведением судебного следствия в полном объеме. Это способствует усилению уголовной ответственности за наиболее опасные преступления.

Доля ошибок, исправляемых путем смягчения наказания без изменения или с изменением квалификации (п. II, III), сократилась за указанный период на 2,3%, что служит косвенным подтверждением тенденции к некоторому усилению мер нака-

зания. Однако можно отметить некоторое перераспределение между этими двумя структурными группами — несколько увеличился удельный вес по п. II и соответственно уменьшилась доля п. III (см. табл. 5).

«Статистический парадокс» 1971 г., о котором шла речь выше, отразился и на структуре уголовно-правовых ошибок. Если структура и абсолютные цифры этих ошибок в 1970 и 1972 гг. примерно одинаковы, то 1971 год характеризуется иным распределением отдельных видов уголовно-правовых ошибок, исправляемых отменой приговоров (п. I, V), и одновременным увеличением доли ошибок, исправляемых путем смягчения наказаний (п. II). Если обратиться к абсолютным цифрам, то становится ясно, что указанное перераспределение достигнуто исключительно благодаря резкому увеличению приговоров, по которым вышестоящие суды смягчили наказание (прирост на 50%) или изменили квалификацию со смягчением наказания (прирост на 22%), несмотря на некоторое (хотя и менее значительное) увеличение абсолютных цифр отмены приговоров «за мягкостью» как иашиш и неправильной квалификации.

Таким образом, «сдвиг» 1971 г., характеризующийся резким возрастанием количества выявленных судебных ошибок (об этом шла речь выше), был связан со смягчением уголовной репрессии, поскольку исправление ошибок выразалось преимущественно либо в отмене необоснованных обвинительных приговоров, либо в изменении приговоров в сторону смягчения наказания и квалификации.

Количественный анализ структуры судебных ошибок, принятый нами, позволил выявить некоторые тенденции судебной практики. Более полная содержательная интерпретация полученных данных — задача дальнейших исследований.

§ 1. Понятие динамики судебных ошибок,
общий подход к ее изучению и основные тенденции

Изучение динамики судебных ошибок дает представление о некоторых тенденциях развития социалистического правосудия, о роли социально-правовых, политических, организационных и других факторов, появление и развитие которых оказывало влияние на один из критериев эффективности правосудия — количество судебных ошибок различных видов.

Динамика судебных ошибок сама по себе не представляет значительной научной ценности, если характеризующие ее количественные показатели (параметры) причинно не объяснены. Выявление причин, объясняющих изменения в статистике судебных ошибок за многие годы, позволяет прогнозировать степень воздействия ранее изученных факторов на его эффективность. Однако сразу же заметим, что причинное объяснение динамики судебных ошибок во многих случаях возможно лишь на уровне обоснованных гипотез, поскольку строгие доказательства количественных изменений в этой области нередко отсутствуют. Но и гипотезы, если они опираются на достоверные фактические данные, в отличие от произвольных оценок, имеют немалое научное значение. Поскольку динамику судебных ошибок предопределяло совместное действие сложной совокупности весьма многочисленных факторов, многие из которых остались недостаточно изученными, мы имели возможность использовать для причинной интерпретации лишь основные, ведущие, факторы, характер и сила действия которых не могут вызывать сомнения.

При этом имелось в виду, что в свете современных представлений о системах, объединяющих большую совокупность элементов (факторов), решающее воздействие на достижение целей системы оказывают только некоторые, немногие, основные факторы.

При изучении динамики судебных ошибок мы пользовались сведениями о судебных ошибках, зафиксированных в актах отмены и изменения приговоров и отраженных затем в государственной судебной статистике.

К сожалению, мы не располагаем достаточными данными о судебных ошибках, которые вообще остались невыявленными судебной системой, поэтому они не учитывались при изучении динамики судебных ошибок.

Прежде чем приступить к анализу динамики судебных ошибок, необходимо обратить внимание на два источника изменений в их статистике.

Первый источник — это уровень требовательности кассационных и надзорных инстанций к законности и обоснованности приговора. Повышение требовательности вызывает подъем кривой динамики судебных ошибок, создает иллюзию их роста; понижение требовательности, наоборот, уменьшает статистические показатели, создает иллюзию сокращения ошибок¹.

Второй источник — это уровень работы по отправлению правосудия в судах первой инстанции: чем выше этот уровень, тем ниже кривая судебных ошибок, и наоборот.

Таким образом, оба источника изменений цифровых показателей должны приниматься во внимание при анализе кривой динамики судебных ошибок; обособление одного из них ведет к серьезным ошибкам. Оба источника или фактора находятся в сложном взаимодействии. Уровень законности и обоснованности приговоров, достигнутый в каждый данный момент судами первой инстанции, влияет и на уровень требовательности вышестоящих судов. Последний не может быть поднят произвольно без учета существующих затруднений в работе судов первой инстанции, например, без учета степени квалификации судебных кадров, организации труда, служебной нагрузки судей и т. д.

Процент отмены и изменения приговоров как показатель уровня судебной работы должен быть скорректирован с учетом ошибок, допускаемых вышестоящими судами, когда приговоры отменяются и изменяются неосновательно. В результате рассмотрения дел в надзорном порядке такие приговоры восстанавливаются, а ошибочные кассационные (надзорные) определения отменяются (изменяются). Однако в статистике не содержится полных сведений по этому показателю. Поэтому авторы специально исследовали этот вопрос с помощью анкетного опроса народных судей. Выяснилось, что приговоры в отношении 90% подсудимых, по мнению народных судей, были отменены и изменены правильно. Был применен и другой метод, а именно: изучен вопрос о том, как часто народные судьи, внутренне не соглашаясь с отменой или изменением приговоров, вносят представления об отмене (изменении) кассационных определений. Оказалось, что если за 100% принять все случаи отмены и изменения приговоров, то только в 5% случаев судьи против этого возражали. На основании данных статистики по СССР за последние годы можно судить, что лишь около 8% отмены и изменения приговоров кассационными и надзорными инстанциями были неправильными, в связи с чем кассационные (надзорные) определения были отменены. Поэтому коррективы, которые в связи с ошибками самих вышестоящих судов следует внести в процент отмены и изменения приговоров, не столь значительны, чтобы они могли существенно повлиять на динамику отмены и изменения приговоров.

Уровень требовательности вышестоящих судов² существенно влияет на уровень обоснования приговоров и вообще на качество работы судов первой инстанции. При повышении требовательности цифровые показатели работы народных судов сначала ухудшаются, чем создается видимость увеличения количества судебных ошибок, хотя на самом деле идет процесс улучшения судебной работы, сопровождаемый обнаружением все большего количества судебных ошибок. Перевод все большего числа невыявляемых (латентных) ошибок в разряд выявляемых приводит к тому, что статистика судебных ошибок полнее, адекватнее отражает их действительную распространенность. Если вышестоящие суды последовательно проводят линию на усиление требовательности к обоснованию приговоров и соблюдению всех норм процессуального и материального права, то вскоре падение цифровых показателей работы народных судов приостанавливается, и в статистике обнаруживается положительная тенденция, т. е. улучшение показателей качества работы народных судов. В дальнейшем стабильное продолжение линии на повышение требовательности вышестоящих судов, сопровождаемое усилением процессуальных и иных гарантий достижения истины в суде первой инстанции, создает стойкую тенденцию к неуклонному улучшению показателей статистики судебных ошибок.

Графически этот процесс может быть представлен в виде синусоиды, которая в максимуме соответствует наибольшему («а данном цикле») возрастанию процента отмены и изменения приговоров в результате усиления требований вышестоящих инстанций, а в минимуме — наибольшему падению данного показателя в результате улучшения качества работы судов первой инстанции. При этом каждый последующий цикл начинается с более низкой точки, чем предыдущий, и амплитуда колебаний снижается. При стабильном, непрекращающемся усилении требований вышестоящих судов «синусоида судебных ошибок» все более выпрямляется, приближаясь к прямой линии, обозначающей неуклонное снижение судебных ошибок. Резкие сдвиги в этом процессе, в частности вызванные волюнтаристическим повышением или занижением допустимых для данного этапа «мерок требовательности», вызывают «колебания» прямой динамики судебных ошибок, т. е. снова превращают ее в синусоиду. Высокая амплитуда синусоиды, как правило, свидетельствует о резких (не всегда обоснованных) скачках в уголовной политике и судебной практике, о так называемых «шараханиях», волюнтаристических попытках круто повернуть (ускорить или замедлить) закономерный процесс развития общественных явлений, однако все отрицательное, с чем борется волюнтаризм, не учитывающий объективных условий развития, бумерангом возвращается назад, увеличивается в масштабах и ведет к последующему росту ошибок.

Графическая модель нормального процесса сокращения судебных ошибок может быть изображена следующим образом².

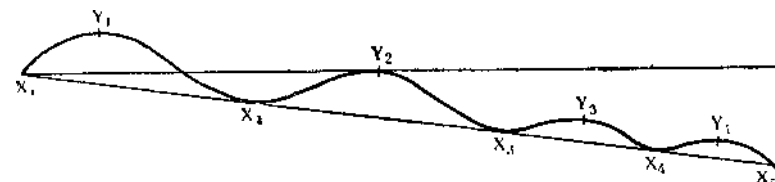

Рис. 2. Модель процесса сокращения судебных ошибок

Прямой $X_1 X_2 X_3 X_4 \dots X_i$ определяется постепенное снижение количества судебных ошибок. Кривая $X_1 Y_1 X_2 Y_2 X_3 Y_3 X_4 Y_4 \dots X_i$ и т. д., постепенно приближающаяся к прямой, показывает сложный циклический характер этого процесса.

Точки $Y_1 Y_2 Y_3 Y_4 \dots$ обозначают наихудшие (в пределах каждого цикла) показатели отмены и изменения приговоров — следствие повышения требовательности вышестоящих инстанций.

При хронической недостаточности требований вышестоящих инстанций, наоборот, возможен процесс нарастания судебных ошибок. Его примерную графическую модель см. на рис. 3.

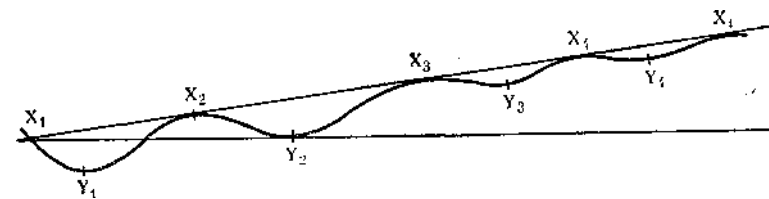

Рис. 3. Модель процесса нарастания судебных ошибок

Прямая $X_1 X_2 X_3 X_4 \dots X_i$ показывает тенденцию роста судебных ошибок, а синусоида $X_1 Y_1 X_2 Y_2 X_3 Y_3 X_4 Y_4 \dots X_i$ раскрывает сложный характер данного процесса.

На участке $X_1 Y_1$ идет процесс снижения требований вышестоящих инстанций, сопровождающийся внешним улучшением показателей выявленных судебных ошибок (количество зафиксированных ошибок убывает). На участке $Y_1 X_2$ идет обратный,

² Разумеется, эта, как и всякая другая, модель вносит известные упрощения в процесс, который она отображает. В данном случае графически изображено взаимодействие только двух тенденций в целях лучшего их познания. Эта модель относится к типу гносеологических двухфакторных; она не является информационной и не «работает» на управление.

негативный процесс ухудшения работы судов первой инстанции и т. д. Сначала это результат предшествующего снижения требований вышестоящих судов (количество ошибок растет). Нормальной реакцией на ухудшение показателей работы будет усиление требовательности вышестоящих инстанций, что вызовет формальное ухудшение показателей работы (вплоть до точки X_2) и т. д. Теоретически (а иногда и практически) возможна и другая реакция на ухудшение показателей работы на участке $Y_1 Y_2$ и на других аналогичных участках. Боязнь того, что усиление требовательности вышестоящих судов вызовет еще большее ухудшение показателей работы судов первой инстанции, может породить стремление «улучшать» количественные показатели работы за счет неясно различимых погрешностей в статистических выкладках или ошибочного объяснения сдвигов в статистике. Такие заблуждения иногда наблюдались в прошлом.

При определении распространенности судебных ошибок не всегда учитывался процент отмены и изменения приговоров в порядке надзора; при определении качества судебной работы иногда не принимались **В** внимание дела частного обвинения; вплоть до 1968 г. в статистике не учитывались как прекращение дел по реабилитирующим основаниям случаи, когда вышестоящий суд исключал ввиду необоснованности одно или несколько из обвинений, ошибочно признанных доказанными в приговоре; до сих пор такие случаи не учитываются по форме № 8 статистической отчетности (производство в порядке надзора).

Вопрос, которого мы коснулись, имеет исключительно важное практическое значение. Если в республике, области, крае процент отмены и изменения приговоров начинает расти, то нередко такие изменения цифровых показателей расцениваются как признак ухудшения качества судопроизводства. При этом вышестоящие судебные органы и партийные организации иногда начинают бить тревогу, призывать к принятию неотложных мер по улучшению качества судебной работы. На самом же деле ухудшение цифровых показателей судебной работы в данном случае может быть связано с активизацией работы кассационных и надзорных инстанций, повышением предъявляемых ими требований, усилением прокурорского и судебного надзора.

Последовательное и принципиальное проведение этой линии без оглядки на формально-количественные показатели должно в конечном счете привести к улучшению существа работы и вызвать резкое улучшение и цифровых показателей. Не может быть так, чтобы неуклонное повышение требовательности не привело к улучшению работы судов первой инстанции и не вызвало снижения процента отмены и изменения приговоров. Если кривая судебных ошибок долго не снижается, то

это уже нельзя объяснить повышением требовательности: причина этого явления, видимо, в плохой работе судов первой инстанции.

Не исключено также, что уменьшение процента отмены и изменения приговоров в республике, области, крае расценивается как положительное явление, а на самом деле оно может быть признаком снижающихся требований кассационных и надзорных инстанций, их стремления к лучшим цифровым показателям судебной работы. Опасность появления таких тенденций возрастает в связи с тем, что руководителям судов иногда указывают на «отставание» в цифровых показателях и желательность «подтянуться» до уровня «передовых» судов, в то время как отсутствует глубокое изучение причин «плохих» показателей. Создается угроза, что хорошее может быть принято за плохое, передовое — за отстающее, и наоборот.

Значит, для того чтобы разобраться в причинах изменения количественных показателей судебных ошибок, необходимо, во-первых, проследить их динамику за многие годы; во-вторых, ознакомиться с самим содержанием судебной работы во всех инстанциях непосредственно по уголовным делам и решить, растет или снижается общий уровень законности и обоснованности всех судебных решений (для этого потребуется выборочное изучение уголовных дел, рассмотренных судами в разные периоды). Между тем ознакомление со статистическими формами отчетности в некоторых союзных республиках показывает, что статистические показатели анализируются слабо, не вскрываются и не объясняются многие тенденции, обнаруживаемые при изучении статистики за ряд лет, и тем более не прогнозируются изменения в судебной работе, неизбежные в будущем.

В некоторых союзных республиках авторы этой работы вынуждены были сами сводить квартальные статистические отчеты в годовые и прослеживать количественные тенденции за ряд лет. В этих республиках не было годовых сведений о количестве судебных ошибок и о других показателях работы судов. Это значит, что статистические данные в динамике не анализировались. Понятно, что такое состояние анализа статистики не позволяет осознанно и планомерно добиваться повышения качества судебной работы, усиливать действие положительных факторов, нейтрализовать отрицательные. Образование союзно-республиканского Министерства юстиции и его органов на местах создает предпосылки для существенного улучшения работы по анализу динамики, структуры, причин судебных ошибок.

Анализируя динамику судебных ошибок, следует также иметь в виду, что в союзных республиках, где были приняты меры к укреплению кассационных инстанций и сокращению до-

ли ошибок, исправляемых в порядке надзора³, значительно возрос процент отмены и изменения приговоров, т. е. ухудшились показатели работы судов первой инстанции. Ведь качество работы судов первой инстанции, к сожалению, определяется в основном лишь кассационной практикой, а надзорная, как якобы относящаяся к делам прошлых лет, иногда не учитывается. Вот и получилось так, что разумный и правильный сдвиг в сторону расширения сферы кассационного и сужения сферы надзорного пересмотра дел привел к ухудшению цифровых показателей работы судов первой инстанции в ряде республик. В других же республиках, где большинство судебных ошибок выявлялось в порядке надзора, количественные показатели работы судов намного улучшились.

Сравним для примера показатели работы народных судов за 5 лет по двум республикам: Литовской ССР, где в эти годы шел процесс расширения сферы кассационного производства, и Грузинской ССР, где наблюдался противоположный процесс — расширение надзорного производства за счет кассации.

В Литовской ССР до 70—80% судебных ошибок (процессуальных и уголовно-правовых) исправляется в кассационном порядке и лишь 20—30% — в порядке надзора; за период с 1964 по 1972 г. процент отмены и изменения приговоров народных судов в кассационном порядке (в процентах от обжалованных и опротестованных) менялся следующим образом:

Год	Отмена, %	Год	Измененк
1964	5,7	1964	15,0
1965	8,4	1965	18,4
1966	6,9	1966	15,9
1967	7,9	1967	20,0
1968	8,2	1968	15,7
1969	8,3	1969	11,8
1970	6,9	1970	13,0
1971	9,2	1971	12,4
1972	6,1*	1972	11,2**

* Увеличение на 0,4.
** Уменьшение на 3,8.

В Грузинской ССР, где до 70% приговоров отменяется в порядке надзора и лишь до 30% — в кассационном порядке, за 1964—1972 гг. процент отмены и изменения приговоров народных судов в кассационном порядке (исчисленный от обжалованных и опротестованных приговоров) изменялся следующим образом:

³ Эту тенденцию следует признать безусловно правильной, соответствующей подходу законодателя к надзорному производству как стадии исключительной, где нет разветвленной системы процессуальных гарантий, присутствующих кассации.

Год	Отмена, %	1970	5,4	Год	Изменение, %
1964	11,4	$\frac{f}{y}$	£9	1967	12,3
1965	11,1	$\frac{y}{z}$	> ^σ	1968	13,6
1966	8,5	Год	Изменение, %	1969	11,9
1967	6,2	1964	26,2	1970	11,7
1968	5,0	1965	24,1	1971	14,1
1969	5,3	1966	14,8	1972	16,0**

* Уменьшение на 5,1. ** Уменьшение на 10,2.

Сравнивая данные по Литовской и Грузинской ССР за 9 лет, при формально-количественном подходе к оценке работы судов, казалось бы, можно прийти к выводу, что в Литовской ССР качество отправления правосудия по процентам отмены приговоров ухудшилось, тогда как по процентам изменения хотя и улучшилось, но не намного, а в Грузинской ССР по обоим этим показателям отмечается значительное снижение судебных ошибок, исправляемых в кассационном порядке.

Однако следует иметь в виду, что в Литовской ССР подавляющее большинство ошибок исправлялось и исправляется в кассационном порядке, к мпо соответственно увеличивает процент отлучы и пшнкчшя приговоров, принимаемый в расчет при оценке р-июпы судов. В Грузинской ССР уменьшение процента отмены и изменения приговоров в кассационном порядке в какой-то мере достигалось за счет расширения сферы надзорного производства, превратившегося из исключительного в обычный порядок исправления судебных ошибок: если в 1964 г. соотношение процента отмены (приговоров (от всех вынесенных) в кассационном и надзорном порядке было 3,7:5,5 (40,2 и 59,8%), то к 1968 г. оно стало 1,5:4,2 (26,3 и 73,7%). Правда, к 1971—1972 гг. указанное соотношение несколько уменьшилось (примерно 3:4,5).

Налицо опасность вытеснения кассационного производства надзорным, приводящая к улучшению количественных показателей кассации, поскольку в этом порядке отменяется меньшее (в %) количество приговоров. Но в ряде случаев это лишь видимость улучшения судебной работы, потому что подавляющее большинство ошибок исправляется в отдельных республиках и областях (краях) в порядке надзора и не учитывается при оценке качества судопроизводства.

Здесь было рассмотрено влияние на показатели судебной работы только одной тенденции. Понятно, что пришлось пока абстрагироваться от большого количества других факторов и тенденций, предопределяющих изменения указанных "показателей".

После лих вводных соображений перейдем к изучению основных тенденций в динамике судебных ошибок по СССР.

Сначала рассмотрим развитие самых общих показателей судебных ошибок — процентов отмены и изменения приговоров. При этом будем иметь в виду соображения, высказанные в гл. II, о том, что ошибки в установлении фактов (процессуаль-

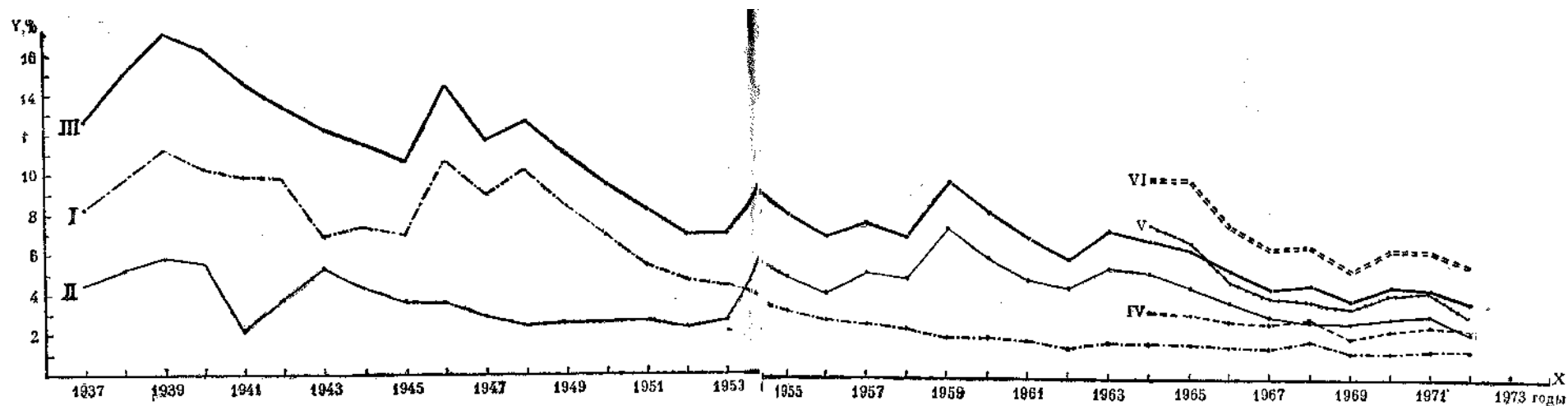

Рис. 4. Динамика судебных ошибок (процент от количества вынесенных / — отмена приговоров в кассационном порядке; // — изменение приговоров в кассационном порядке; III — отмена и изменение приговоров в надзорном порядке; V — изменение приговоров в надзорном порядке;

ошибочных приговоров) VI — отмена и изменение приговоров в надзорном порядке; IV — отмена и изменение приговоров в надзорном порядке; V — изменение приговоров в надзорном порядке; VI — отмена и изменение приговоров в надзорном порядке

ные ошибки) исправляются исключительно путем отмены приговоров, а ошибки уголовно-правового характера — путем изменения и в какой-то мере и посредством отмены приговоров «за мягкостью» наказания и ввиду неправильной квалификации действий подсудимого (по данным за 1967—1972 гг. на исправление этих уголовно-правовых ошибок приходилось до 73 всей отмены приговоров).

На рис. 4 приводится график динамики судебных ошибок (1937—1972 гг.), основанный на государственной судебной статистике⁴.

Приведенный график позволяет сделать несколько констатации и выводов.

1. Общее количество зафиксированных в статистике судебных ошибок (отмена и изменение приговоров в кассационном порядке) достигало в предвоенный период 12—17% от всех приговоров народных судов. Если же процент отмены и изменения исчислять от обжалованных и опротестованных в кассационном порядке приговоров, то за четыре предвоенных года отменялось и изменялось в среднем 40% приговоров и только

⁴ За начальную точку графика принят 1937 год как первый год действия Конституции СССР, которая ввела и закрепила, новую государственно-правовую систему, послужившую основой для дальнейшего правотворчества в области советского судостроительства и судопроизводства.

Включение в статистический ряд показателей за предвоенные и военные годы позволяет установить, как влияют на динамику судебных ошибок некоторые факторы (условия войны, послевоенной реконструкции и т. д.). Следует также иметь в виду, что чем длиннее статистический ряд, тем лучше отражает он изучаемое явление.

60% оставлялось без изменения (обжалованию и опротестованию подлежал в среднем каждый третий приговор).

По существу этими цифрами охвачены все выявленные судебные ошибки. Закон о судостроительстве от 16 августа 1938 г. резко сократил (возможности надзорного опротестования приговоров, предоставив это право лишь Прокурору СССР, Председателю Верховного Суда СССР, прокурорам и председателям Верховных судов союзных республик, поэтому исправление судебных ошибок в то время, вплоть до 1954 г. (когда были созданы Президиумы судов), производилось в основном в кассационном порядке.

В 1972 г., т. е. через 35 лет, количество зафиксированных в статистике судебных ошибок, исправленных в кассационном порядке (отмена и изменение приговоров), снизилось с 12—17 до 3,7% от всех вынесенных приговоров⁵.

⁵ Для сравнения (которое при сопоставлении различных правовых систем по необходимости не может быть вполне адекватным) приведем некоторые данные об американской юстиции. В 1955—1957 гг. федеральные апелляционные инстанции ежегодно оправдывали до 33% лиц, осужденных по вердиктам присяжных, и до 31% лиц, осужденных по приговорам судей. Подобная картина — и в судах штатов. Так, в течение четырех лет (1952—1955 гг.) в Калифорнии ежегодно оправдывались апелляционным судом 23—29% лиц, осужденных по вердиктам присяжных, и 25—29% лиц, осужденных по приговорам судов (Л. Старченко. Философия права и принципы правосудия в США. М., 1970, стр. 47). Таким образом, каждый третий (четвертый) осужден неправильно и оправдан апелляционным судом.

Количество ошибок, допускаемых судами первой инстанции в США, фактически еще более велико, поскольку в подавляющем большинстве штатов апелляционные инстанции не обладают правом исправлять ошибки в

Как отмечалось выше, уменьшение количественных показателей судебных ошибок теоретически объяснимо или улучшением качества работы судов первой инстанции, или ухудшением качества работы вышестоящих судов. Даже если допустить, что уровень требований вышестоящих судов оставался неизменным, то достигнутый прогресс в уменьшении количества выявленных судебных ошибок прямо вытекает из улучшения качества работы судов первой инстанции. Но в действительности уровень работы вышестоящих судов не оставался неизменным — он поднимался по мере укрепления режима социалистической законности в нашей стране⁶.

И если, несмотря «а повышение уровня требований к приговору, предъявляемых вышестоящими судами, количество зафиксированных судебных ошибок столь резко снизилось, то достигнутый прогресс в области отправления правосудия следует считать еще более значительным. Снижение кривой судебных ошибок не есть случайное явление; это закономерный процесс повышения эффективности социалистического правосудия, объясняемый действием ряда факторов. В самом общем виде эти факторы состоят в следующем: 1) прогресс социалистической общественно-экономической системы, развитие демократии; 2) укрепление законности и правопорядка, снижение преступности; 3) расширение процессуальных гарантий в связи с неуклонным совершенствованием демократических форм судопроизводства и отменой упрощенного законодательства предвоенного и военного периодов; 4) изменение облика советского судьи, прокурора, следователя (значительное увеличение, например, процента судей, имеющих высшее юридическое образование; рост общей культуры и правосознания судей и т. д.)⁷; 5) изменение облика советского народного заседателя (рост культуры и правосознания, большой объем юридических знаний и т. д.); 6) усиление партийного и общественного контроля за работой судебных органов; 7) усиление прокурорского надзора, оперативно-следственного аппарата, улучшение качества предварительного следствия.

Социалистическое правосудие вместе со всем советским государством проделало большой и сложный путь развития. Были «а этом пути и трудности, были и отдельные неудачи, зигзаги, отклонения от оптимальной линии, но в целом социалистическое правосудие стало значительно более эффективным, что, в частности, выразилось в серьезном сокращении количества судебных ошибок.

применении вида и меры наказания. Не подлежат также исправлению ошибочные оправдательные вердикты и приговоры. Не учтены и латентные ошибки.

³ Это положение обосновывается в гл. XII.

⁷ См. гл. VI.

2. Анализ графика динамики судебных ошибок показывает (рис. 4), что с 1937 по 1953 г. кривая, обозначающая все судебные ошибки, определялась главным образом количеством отмененных приговоров (между линией отмены и линией всех ошибок имеется соответствие, корреляция), а с 1954 г. по настоящее время общее количество судебных ошибок определяется главным образом линией изменения приговоров.

Такая зависимость не является случайной. В общем виде она может быть объяснена следующим образом. Высокая доля отмены приговоров по сравнению с долей их изменения, во-первых, — признак большей распространенности наиболее серьезных судебных ошибок — процессуальных, связанных с ошибочным выводом о виновности. В 1937—1953 гг. таких ошибок было намного больше, чем в 1954—1972 гг.

Во-вторых, небольшая доля измененных приговоров, характерная в целом для 1937—1953 гг., — свидетельство более жесткой уголовной политики, для которой стабильность «приговоров важнее, чем искривление ошибок в мерах наказания.

Кроме того, и тот период наблюдались случаи, когда отдельные суды уделяли (недостаточно внимания «чистоте» уголовно-правовой квалификации, что также снижало количество приговоров, измененных в 1937—1953 гг. Вплоть до начала 60-х годов изменение квалификации вышестоящим судом, влекущее снижение наказания, учитывалось в судебной статистике как изменение наказания, а не влекущее снижения наказания — вообще не учитывалось, поскольку, по-видимому, не расценивалось как серьезная судебная ошибка.

В 1954—1972 гг. вышестоящие суды добились большей точности в применении диспозиций уголовно-правовых норм и в осуществлении принципа индивидуализации уголовного наказания, поэтому и доля изменения приговоров была большей. Следует также учитывать, что в начале этого периода проводились мероприятия (не всегда обоснованные) по смягчению уголовной политики (широкие амнистии, замена уголовных наказаний мерами общественного воздействия и др.), что приводило* ле временами к резкому увеличению процента изменения приговоров, несмотря на продолжающийся процесс улучшения качества работы судов первой инстанции.

В-третьих, начиная с 1954 г. сфера надзорного пересмотра уголовных дел резко расширилась в связи с образованием в Верховных судах союзных и автономных республик, областных и краевых судах Президиумов и наделением правом принесения надзорных протестов председателей этих судов, соответствующих прокуроров (а в союзных республиках — и их заместителей). После этого примерно половина, а с 1968 г. — более 7/10 всей отмены приговоров и в среднем около 1/10 изменения приговоров (по СССР) приходится на надзорное производство.

Если это обстоятельство учесть при изучении динамики судебных ошибок, то кривая отмены приговоров не будет так резко идти вниз; она станет пологой с общей небольшой тенденцией к сокращению отмены. Поскольку надзорные инстанции отменяют приговоров гораздо больше, чем изменяют, кривая отмены в большей степени приблизится к общей линии судебных ошибок, чем кривая изменения. Но и после этого, как мы видим на рис. 4, общая линия судебных ошибок будет определяться изменением приговоров, а не их отменой.

3. Количество изменяемых приговоров в значительной мере подвержено влияниям уголовной политики, отражая в себе все ее колебания и повороты. Поэтому линия изменения приговоров на нашем графике не имеет стабильной тенденции к росту или снижению судебных ошибок — она представляет, собой ломаную линию с подъемами и спусками.

Линия отмены приговоров, наоборот, начиная с послевоенного периода сохраняет устойчивую тенденцию к сокращению судебных ошибок. Именно эта тенденция является решающей при анализе динамики судебных ошибок.

Если исключить отмену приговоров «за мягкостью» и необходимостью изменить квалификацию (не более 7% всей отмены), то в основном отменой приговоров исправляются ошибки в решении основного вопроса судопроизводства — о виновности подсудимого. И если количество таких случаев из года в год становится все меньше и меньше (в процентах), то это свидетельствует о повышении качества отправления правосудия.

При этом необходимо иметь в виду, что ошибки суда в фактах, как и их исправление, гораздо в меньшей степени зависят от колебаний уголовной политики. Именно этим объясняется стабильность тенденции к сокращению этих наиболее опасных судебных ошибок.

Следует далее отметить, что чем эффективнее становится правосудие, тем труднее дальше повышать его эффективность, поэтому вполне закономерно, что линия отмены приговоров становится все более пологой. Это явление достаточно хорошо изучено теорией систем. Слабо организованные системы имеют колоссальный резерв для повышения своей оптимальности. Поэтому при особо благоприятных условиях возможны резкие скачки, обеспечивающие значительный прирост эффективности таких систем. Однако те же системы по мере совершенствования их организации на стадии эволюционного развития неизбежно замедляют темпы роста, и кривая их развития становится более пологой. Эти тенденции изучены политэкономией, социологией, кибернетикой и рядом других наук. Они присущи и государственно-правовым системам и подсистемам, в частности уголовному судопроизводству, эффективность которого определяется согласованным действием многих изменяющихся факторов (см. § 1 гл. I). По мере совершенствования этих

факторов (гарантий) правосудие становится все более эффективным, но обеспечение дальнейшего прироста эффективности становится все более трудным. Вот почему кривая отмены приговоров в первые послевоенные годы, когда существовали огромные неиспользованные («ресурсы» для улучшения качества судебной работы, резко шла на убыль, а затем, когда правосудие стало значительно совершеннее, эта тенденция, продолжая действовать, развивается более спокойно — без «скачков» и «рывков», «взлетов» и «падений».

Непонимание закономерности сокращения темпов развития при высоком уровне организации систем — источник ошибок волюнтаристского характера, когда из правовой системы пытаются «выжать» невозможное, а если это не удастся, то желаемое иногда выдается за достигнутое. Неуклонное и плавное снижение количества отменяемых приговоров — доказательство того, что в этой области судопроизводства такого рода ошибок в последние годы не было,

§ 2, Социальная и историкочправовая интерпретация динамики судебных ошибок

Рассмотрим теперь динамику судебных ошибок и попытаемся дать ей краткую правовую интерпретацию.

Довоенные годы (1937 г.— первая половина 1941 г.) характерны высоким уровнем судебных ошибок, особенно исправляемых путем отмены приговоров. С одной стороны, это признак недостаточно высокой эффективности судопроизводства в судах первой инстанции того времени, допускаящих большое количество судебных ошибок. Такое положение вполне объяснимо с учетом характеристик социально-правовых, организационных и других факторов в тот период (судебные кадры, процессуальные гарантии и т. д.), о которых в общем виде говорилось в гл. I. Не следует также забывать, что случаи нарушений социалистической законности, свертывания гарантий прав личности, «обвинительного уклона», характерные для деятельности особых совещаний и специальных судов (трибуналов МВД, военных трибуналов) в рассматриваемое время, не могли не оказывать косвенного влияния на работу судов общеуголовной юстиции, в частности народных судов. То же можно сказать и об ошибках в правовой теории, которые так или иначе усваивались работниками общей юстиции, а также народными заседателями и всеми гражданами. Это не могло не формировать в их правосознании некоторые искаженные представления о целях и допустимых средствах процессуальной деятельности, не могло не снизить ее эффективность.

Однако, с другой стороны, отрицательное влияние на дея-

тельность органов общей юстиции нарушений законности и ошибочных концепций, возникавших в иной сфере, не следует переоценивать. Сам факт отмены и изменения чрезвычайно большого количества приговоров народных судов (в основном обвинительных) свидетельствовал о довольно строгом подходе вышестоящих судебных инстанций к приговору 'народного суда, его законности, обоснованности, мотивированности. Да, судебных ошибок в то время было много, и естественно было бы предположить, что вышестоящие судебные инстанции под влиянием органов внесудебной репрессии и специальной юстиции смотрели на судебные ошибки сквозь пальцы, не вскрывали и не исправляли их. Однако этого не произошло. В течение четырех предвоенных лет обжаловалось в кассационном порядке 35% приговоров (к концу 50-х годов процент кассационного обжалования снизился до 27—28%), тогда как по делам о контрреволюционных преступлениях кассационное обжалование почти полностью было запрещено. До половины кассационных жалоб и протестов удовлетворялось, полностью или частично, путем отмены или изменения приговоров. И это в условиях, когда приговоры специальных судов и решения органов внесудебной уголовной репрессии практически не отменялись и редко изменялись.

Приведенные данные, таким образом, свидетельствуют не только об обилии следственных и судебных ошибок в органах общей юстиции того времени, но и о достаточно строгом подходе судебных инстанций к их выявлению и исправлению. Кривая отмены приговоров народных судов поднимается вверх и к 1939 г. достигает наивысшей точки— 11,1% от всех вынесенных и 46,4% от всех обжалованных и опротестованных приговоров. Эту тенденцию, на наш взгляд, следовало бы расценить как тот цикл в развитии упоминавшейся «синусоиды судебных ошибок», который связан с нарастанием требований вышестоящих судов, вскрывающих все большее количество судебных ошибок. Этот процесс был связан с укреплением системы общих судов на основе Конституции СССР 1936 г. и Закона о судостроительстве от 16 августа 1938 г. Важное значение в смысле обнаружения все большего количества судебных ошибок, допускаемых органами общей юстиции, и укрепления судебной системы имело «Положение о народном комиссариате юстиции РСФСР» (Постановление СНК РСФСР от 11 ноября 1939 г.), а также «Положение об управлениях народного комиссариата юстиции РСФСР при краевых и областных Советах депутатов трудящихся» (Постановление СНК РСФСР от 1 июня 1939 г.).

Органы судебного управления, реализуя предоставленное им право проверки путем ревизий правильности применения судами законов при рассмотрении уголовных и гражданских дел и направления дел в Верховный Суд РСФСР «для разрешения вопроса об опротестовании приговоров и решений», стали спо-

собствовать выявлению и исправлению ошибок, которые при ином положении оставались бы невыявленными⁸.

Улучшению качества судопроизводства в рассматриваемый период способствовали мероприятия по подготовке первых выборов судей на основе Конституции СССР 1936 г. и Закона о судостроительстве 1938 г., а также принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1940 г. «О дисциплинарной ответственности судей».

Под влиянием этих мер качество работы судов первой инстанции стало улучшаться, в связи с чем «синусоида судебных ошибок» в 1940 г. перешла на цикл снижения. Другая причина этого изменения, по-видимому, связана с довольно напряженной обстановкой, предшествовавшей началу Великой Отечественной войны. Интересы укрепления дисциплины и организованности в стране, стоявшей на пороге войны и уже отчасти втянутой в нее, требовали более жестких мер уголовной репрессии, большой стабильности судебных решений, преобладания задач общей превенции над детальной индивидуализацией уголовных наказаний. Попятно, что уголовная полигика, подчиненная задачам мобилизации духовных и материальных ресурсов страны на борьбу с 'внешним врагом, не допускала «каких-либо послаблений преступникам и при рассмотрении их дел в 'вышестоящих судебных инстанциях. Линия на большую жесткость уголовной политики, выразившаяся, в частности, во введении уголовной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с работы и прогул (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г.), уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г.) и других мероприятий, не могла не вызвать резкого сокращения доли изменения приговоров путем смягчения наказания (количество измененных приговоров в 1940 г. было меньше, чем в 1939 г., а в 1941 г.— почти в два раза меньше, чем в 1940 г.). Резко снизилось и количество отмененных приговоров в связи с общей

⁸ Вопрос о праве органов судебного управления контролировать суды путем проведения ревизий в теоретическом плане был и остается дискуссионным. Ради выявления при ревизиях некоторого (как показала практика, не очень большого) количества судебных ошибок, возможно, и не следует ставить судебную работу под контроль органов судебного управления. Поэтому законодательство (1971 г. не предоставило органам судебного управления права проведения в судах ревизий. Существуют и другие средства сокращения латентных ошибок, связанные с повышением эффективности кассационной и судебно-надзорной работы. Этой же цели могут способствовать проводимые органами Министерства юстиции обобщения судебной практики, в ходе которых могут быть выявлены неправильно разрешенные дела. Ошибки могут быть выявлены и в ходе проверок организации судебной работы органами Министерства юстиции.

линией на укрепление стабильности приговоров, трудностями проведения расследования и нового судебного разбирательства в условиях высокой миграции населения, обусловленной мобилизацией и эвакуацией населения из районов военных действий, а также переходом к предвоенным и военным условиям рассмотрения уголовных дел.

^Следует также учитывать, что в 1939—1941 гг. все более расширялась подсудность органов военной юстиции и увеличивалось количество лиц, осужденных этими органами (см. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1940 г. «Об изменении подсудности военных трибуналов»). Из общей в военную юстицию перешло много квалифицированных работников, что не могло не отразиться на качестве работы народных судов. Показатели работы Общей юстиции в этот период не вполне представительны для всего судопроизводства, которое в значительной мере осуществлялось тогда через систему военных трибуналов.

Условия военного времени, особенно в районах военных действий и в боевой обстановке, не позволяли всегда достаточно тщательно исследовать обстоятельства дела. Это приходилось учитывать вышестоящим судебным инстанциям, которые должны были соотносить свои требования с условиями, в которых работают суды первой инстанции,— суровыми условиями Великой Отечественной войны.

В первый же день Великой Отечественной войны были приняты Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» и «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий». На основании этих актов еще более расширилась подсудность военным трибуналам. В местностях, объявленных на военном (положении, они стали рассматривать дела о государственных и некоторых общеуголовных преступлениях (умышленные убийства, разбой, хищения социалистической собственности и др.), а по усмотрению военного командования в связи с обстоятельствами военного времени— дела и об иных общеуголовных преступлениях.

В дальнейшем круг дел, подсудных военным трибуналам, еще более расширился на основании Указов Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. «О введении военного положения на всех железных дорогах» и от 9 мая 1943 г. «О введении военного положения на морском и речном транспорте», а также некоторых других законодательных актов. В самые трудные годы войны (1941—1942 гг.) в боевой обстановке при наличии исключительных обстоятельств и в строго регламентированных случаях допускался расстрел на месте как внесудебная мера военного командования, направленная против паникеров, трусов, изменников, дезертиров и других лиц» действовавших на пользу противнику.

Допускалась упрощенная процедура уголовного судопроизводства в органах военной юстиции в местностях, объявленных на военном положении. В частности, была полностью устранена стадия кассационного пересмотра уголовных дел. Приговоры вступали в силу с момента их провозглашения и немедленно приводились в исполнение (за исключением приговоров к смертной казни, которые приводились в исполнение по истечении 72 часов, если Председатель Военной Коллегии Верховного Суда или Главный военный прокурор в ответ на сообщение о вынесении приговора не уведомляли о его приостановлении). В указанных местностях существовала возможность пересмотра дел только в порядке надзора, реализация которой была затруднена (особенно в первые два года войны) условиями военного времени. В надзорном порядке рассматривалось сравнительно небольшое количество дел.

Таким образом, приведенный на рис. 4 график ошибок народных судов, выявляемых в кассационном порядке, не дает представления о действительной распространенности судебных ошибок по стране в тоды Великой Отечественной войны.

Одно несомненно: снижение количества отмененных и особенно измененных приговоров народных судов отражает уголовную политику военного времени, направленную на усиление уголовной репрессии и учитывающую особые условия войны, затруднявшие кассационный пересмотр приговоров и особенно их отмену. В этом сказались влияние на общую юстицию некоторых ограничений процессуальных гарантий в органах военной юстиции.

Судебные ошибки того времени составляют один из аспектов проблемы, которая юристами, насколько нам известно, не разрабатывалась. В рамках настоящего исследования это сделать тоже не представляется возможным. И вообще это невозможно без изучения самих уголовных дел того времени, опроса сведущих лиц и выявления уровня тех минимально необходимых оснований, которые позволяли считать приговор суда законным и обоснованным. Сопоставление «стандартов обоснованности» приговоров⁹ и иных актов применения уголовного права разных исторических периодов позволит выявить, каковы они были в трудных условиях войны.

Г. М. Резник правильно подметил, что уровень требований, предъявляемых к приговору, в частности уровень обоснованности приговора и доказанности обвинения в различные исторические эпохи, в разные периоды, в пределах одной эпохи, не оставался стабильным: он изменялся в зависимости от перемен в политической, идеологической и в иных областях общественной жизни. На «уровень доказанности», как справедливо заметил Г. М. Резник, влияют, например, «актуальность» состава преступления в данный текущий момент, различные местные факторы, например уровень преступности в области, районе и др. (Г. М. Резник. Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе. Канд. дисс. 1969, стр. 137).

Некоторый рост 'процента отмены и изменения приговоров к концу войны может свидетельствовать о том, что по мере приближения победы шел процесс укрепления законности и правопорядка в стране, выражением которого и было постепенное повышение требовательности вышестоящих судов к законности и обоснованности приговоров.

Первые два-три года послевоенного периода характерны «взлетом» по экспоненте кривой отмены приговоров и значительным уровнем изменения приговоров. Это объясняется не действительным ростом судебных ошибок по сравнению с военным периодом, а, пожалуй, усилением внимания вышестоящих судебных инстанций к законности и обоснованности приговоров. Шел сложный и небезболезненный процесс перевода на мирные рельсы всего, что сложилось и действовало во время войны, включая и систему органов уголовной юстиции. Ощущалась нехватка юридических кадров. Многие судьи, прокуроры, следователи не имели юридического образования; демобилизованные офицеры военной юстиции не могли сразу приспособиться к новым условиям работы. С другой стороны, массовая демобилизация армии, движение населения, которого еще не знала страна, рост городов и трудности восстановительного периода, ущерб в 679 млрд. рублей, причиненный войной, и связанный с этим невысокий уровень жизни, отставание сельского хозяйства, засухи и привнесенный войной своеобразный правовой нигилизм — все это, вместе взятое, привело к значительному росту преступности и поставило перед органами уголовной юстиции очень трудную задачу.

Понятно, что борьба с преступностью, достигавшей после войны высокого уровня, не могла обойтись без ошибок, в частности судебных ошибок. Поэтому статистика судебных ошибок «поползла» вверх, подгоняемая в том же направлении ростом взыскательности вышестоящих судебных инстанций.

Широкая послевоенная амнистия (1945 г.), отмена смертной казни (1947 г.) и другие мероприятия того периода не замедлили сказаться на числе изменяемых приговоров, которое в первые два послевоенных года было значительным.

^Для 1947—1952 гг. было характерно значительное укрепление советской судебной системы. На основании Постановления ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране» были подготовлены квалифицированные кадры для судов и других органов советской юстиции. Среди судей значительно возрос процент лиц с высшим юридическим образованием.

Большое значение для повышения эффективности правосудия имели руководящие постановления Пленума Верховного Суда СССР: от 28 июня 1950 г. «О судебном приговоре» и от 1 декабря 1950 г. «Об устранении недостатков в работе судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке».

Пленум Верховного Суда СССР потребовал, чтобы суды основывали приговоры на всесторонне и полно исследованных обстоятельствах дела, чтобы при проверке доказательств в суде строго соблюдались все требования закона, чтобы каждый приговор содержал фактическое обоснование и мотивировку выводов суда, был свободен от противоречий и предположительных суждений.

В постановлении о кассационном производстве Пленум указал на необходимость тщательного изучения уголовных дел (в том числе в ревизионном порядке), поступающих в кассационные инстанции, объективного и всестороннего анализа доводов, приведенных в кассационных жалобах и протестах. Пленум подтвердил право и обязанность кассационных инстанций производить оценку всех собранных по делу доказательств, не ограничиваясь выявлением одних лишь формально-правовых поводов к отмене приговора, и в то же время обратил их внимание на недопустимость установления новых фактов и ухудшения положения лица, подавшего жалобу. Пленум предложил резко поднять уровень требований к законности и обоснованности приговора, повысить эффективность советской кассации.

Начиная с 1948 г. стали регулярно (до принятия в декабре 1958 г. нового общесоюзного законодательства — через каждые 3 года, а после принятия — через каждые 5 лет) проводиться всеобщие и прямые выборы народных судей, позволившие поднимать общественный престиж правосудия и отбирать на должности судей лучших кандидатов¹⁰.

Указанные мероприятия (позволили добиться значительного и неуклонного улучшения качества судебной работы, в частности сокращения судебных ошибок. Поэтому вполне закономерно, что на рис. 4, начиная с 1948 г., кривая судебных ошибок, исправляемых отменой приговоров, идет круто вниз. Начиная с 1951—1952 гг., когда требования вышестоящих инстанций значительно выросли, крутизна этой кривой становится меньше, однако сама тенденция продолжает действовать.

Совсем иное развитие получила в указанный период кривая изменения приговоров, чутко реагирующая на все перемены в уголовной политике. В 1947 г. произошло снижение изменения приговоров и затем, вплоть до 1953—1954 гг., количество измененных приговоров было стабильно низким («кривая изменения» идет почти горизонтально). Объяснение этому следует искать в особенностях уголовной политики конца 40-х — начала 50-х годов;

Положение о выборах народных судов РСФСР от 25 сентября 1948 г. — «Ведомости Верховного Совета СССР», 1948, № 39; Положение о выборах народных судов РСФСР от 29 октября 1951 г. — «Ведомости Верховного Совета СССР», 1951, № 44 (с изменениями, внесенными Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 октября 1954 г.),

Несмотря на принятие в начале этого периода исторического Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни», (был взят курс на жесткую, суровую уголовную репрессию. 4 июня 1947 г. были приняты широко известные Указы Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»¹¹ и «Об усилении охраны личной собственности граждан»¹², установившие весьма высокие санкции за совершение этих преступлений (максимум соответственно 26 и 20 лет лишения свободы).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об уголовной ответственности за изнасилование» были резко подняты санкции за совершение этого преступления (максимум 20 лет лишения свободы),

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» усилил уголовную ответственность за совершение этих преступлений (максимум 15 лет лишения свободы).

Менее трех лет просуществовал запрет применения смертной казни. Последняя снова была допущена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 г. «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам», а затем Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1954 г. распространил применение смертной казни и на лиц, совершивших умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах. В дальнейшем сфера уголовно-правовых составов, допускающих смертную казнь, еще более расширилась.

В условиях, когда принимались законы, вводившие высокие уголовно-правовые санкции, судебная практика придерживалась линии на общее усиление уголовной репрессии: росло количество приговоров, отменявшихся «за мягкостью» наказания, и уменьшалось число измененных приговоров в связи со смягчением наказания. Этим и объясняется низкая и стабильная доля изменения приговоров в тот период в отличие от высокой, медленно снижающейся доли отмены приговоров.

В 1953—1960 гг. динамика судебных ошибок начинает определяться изменением приговоров. Количество измененных приговоров резко возросло и в отличие от предыдущих лет не было устойчивым. В 1954 г. измененных приговоров (в процентах) было в 2 с лишним раза больше, а в 1959 г. в 3 раза больше, чем в 1953 г.

Кривая отмены приговоров, напротив, продолжала и в этот период неуклонно и спокойно снижаться (снижение с 4,2 до 1,8% от всех вынесенных приговоров).

¹¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1947, № 19.

¹² Там же.

В эти годы осуществлялось решительное укрепление законности и правопорядка, возросла роль общественности в управлении государством, правотворчестве и применении права, расширилась компетенция союзных республик, местных органов власти, государственного управления, суда, наблюдались общее сокращение уголовно-правовых составов, снижение мер уголовного наказания, широкая практика замены их мерами общественного воздействия.

Тогда же была проведена одна из самых широких амнистий в истории Советского государства.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» освобождению из мест заключения и от уголовной ответственности подлежали все, осужденные на срок до 5 лет лишения свободы включительно, а беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до 10 лет, несовершеннолетние, старики (мужчины — старше 55 лет, женщины — старше 50 лет) и лица, страдающие тяжелым неизлечимым недугом, — независимо от срока лишения свободы.

Этим же Указом определялась программа уголовной политики на будущее: «...Пересмотреть уголовное законодательство СССР и союзных республик, имея в виду заменить уголовную ответственность за некоторые должностные, хозяйственные, бытовые и другие менее опасные преступления мерами административного и дисциплинарного порядка, а также смягчить уголовную ответственность за отдельные преступления».

Были проведены еще две значительные амнистии (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 ноября 1957 г.).

В этот же период были восстановлены условное и условно-досрочное освобождение от уголовного наказания (Указы Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1954 г. «О введении условно-досрочного освобождения из мест заключения и от 24 апреля 1954 г. «О порядке досрочного освобождения от наказания осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет»). Устранена уголовная ответственность за ряд деяний, которые до этого признавались преступными, — за производство аборт, самовольный проезд в товарных поездах, самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и из учреждений, прогул и др.

Основы уголовного законодательства (декабрь 1958 г.) и принятые в союзных республиках уголовные кодексы (1959—1961 гг.) пошли по пути дальнейшего смягчения уголовной политики (устранение уголовной ответственности за ряд деяний, в связи с чем в кодексы не были включены многие прежние составы преступлений; отмена аналогии уголовного закона; снижение предельного срока лишения свободы; резкое ограничение ответственности за недоносительство и заранее необе-

щанное укрывательство; исчерпывающий перечень обстоятельств, отягчающих ответственность, и широкий перечень обстоятельств, смягчающих ответственность; возможность замены мер уголовного наказания мерами общественного воздействия, снижение сроков судимости и др.).

19 октября 1959 г. было принято известное постановление ЦК КПСС об усилении роли общественности. XXI съезд КПСС указал, что функции по обеспечению общественного порядка должны постепенно переходить к общественным организациям. Во исполнение этих решений и в результате обобщения уже складывавшейся практики были восстановлены товарищеские суды на предприятиях, в учреждениях, в колхозах и по месту жительства граждан; в их подсудность были переданы не только дела об аморальных поступках, но и о преступлениях, предусмотренных уголовным кодексом. Другие общественные органы — Комиссии по делам несовершеннолетних при местных Советах — стали рассматривать дела о менее опасных преступлениях несовершеннолетних. Был введен и получил распространение институт передачи на поруки коллективам трудящихся • я общественным организациям граждан, виновных © совершенных преступлений. Широко применялись условное осуждение, условное и условно-досрочное освобождение от наказания.

Судьи не сразу усвоили новую ориентацию на значительное усиление роли общественности в борьбе с преступностью и ослабление мер уголовно-правового воздействия. В связи с этим Пленум Верховного Суда СССР трижды в течение девяти месяцев 1959—1960 г. обращал внимание судов на необходимость более широкого применения мер общественного воздействия. Так, в постановлении Пленума от 19 июня 1959 г. «О практике применения судами мер уголовного наказания» указано, что «в настоящее время в борьбе с преступлениями и другими правонарушениями должны шире применяться меры предупредительного и воспитательного характера»¹³, что необходимо «шире применять наказания, не связанные с лишением свободы»¹⁴, и «шире практиковать передачу на рассмотрение общественности дел о преступлениях, не представляющих значительной общественной опасности»¹⁵.

В постановлении Пленума от 19 декабря 1959 г. «О деятельности судебных органов в связи с повышением роли общественности в борьбе с преступлениями» отмечено, что некоторые суды все еще «продолжают неправильную практику строгого осуждения лиц, впервые совершивших незначительные преступления», и констатировано, что «в новых условиях развития

советской демократии... нетерпимыми являются имеющиеся среди некоторых судебных работников настроения ориентироваться в борьбе с преступностью не на общественное воздействие, а на применение главным образом мер уголовного наказания, связанных с лишением свободы»¹⁶.

Наконец, Пленум в постановлении от 26 марта 1960 г. «О выполнении судебными органами постановлений Пленума Верховного Суда СССР от 19 июня 1959 г. № 3 „О практике применения судами мер уголовного наказания" и от 19 декабря 1959 г. № 5 „О деятельности судебных органов в связи с повышением роли общественности в борьбе с преступлениями"» констатировал, что многие суды «перестроили свою работу в направлении более широкого привлечения общественности к борьбе с преступлениями»¹⁷, стали шире применять условное осуждение (в первом квартале 1959 г. условно осужденных было 7,6% от всех осужденных, а в четвертом квартале того же года — 22,5%), Вместе с тем Пленум отметил;

«Несмотря на известное усиление связи с общественностью, многие суды еще недостаточно используют силу общественного воздействия для предупреждения правонарушений и борьбы с преступностью. Суды все еще продолжают принимать к рассмотрению в уголовном порядке дела и назначать меры уголовного наказания в отношении лиц, совершивших деяния, не представляющие большой общественной опасности, вместо передачи таких дел на рассмотрение общественности»¹⁸. Пленум предложил судам в значительно большей мере, чем прежде, передавать на суд общественности дела частного обвинения, дела о мелком хулиганстве и мелкой спекуляции, еще шире применять условное осуждение и меры наказания, не связанные с лишением свободы.

Таким образом, в правосознании народных судей долго и упорно формировалась идея о необходимости заменять меры уголовного наказания воспитательным воздействием общественности на правонарушителей, смягчать наказания. И это не могло не отразиться на кассационной и надзорной практике изменения приговоров с целью смягчения наказаний и перекалфикации деяний.

"Идея о привлечении общественности к мероприятиям государства по борьбе с преступностью и о постепенном смягчении уголовных наказаний, безусловно, правильна. Однако в практическом приложении она была гипертрофирована до таких пределов и так поспешно проводилась в жизнь, что создавалась обстановка безнаказанности или малой наказуемости преступников, послужившая «питательной средой» для оживления

¹³ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1956 гг.», М., 1964, стр. 135.

¹⁴ Там же, стр. 138.

¹⁵ Там же.

¹⁶ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1956 гг.», стр. 141.

¹⁷ Там же, стр. 144.

¹⁸ Там же, стр. 145.

преступности, хотя в то время существовали иллюзии о значительном снижении преступности под влиянием общественности¹⁹.

В то же время (следует отметить, что и в условиях значительного смягчения уголовной политики продолжался процесс укрепления судебной системы. В самом начале рассматриваемого периода были ликвидированы трибуналы МВД, «особые совещания», «тройки» (1953 г.) и был восстановлен принцип, согласно которому признание лица виновным в совершении преступления и назначение уголовного наказания составляет прерогативу суда²⁰.

Важное значение для укрепления судебной системы, усиления охраны прав граждан в судопроизводстве имел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 г. «Об образовании Президиумов в составе Верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей», которые по мере сокращения работы по пересмотру старых дел переключались на рассмотрение в порядке надзора текущих общеуголовных дел. Они стали исправлять путем отмены приговоров до половины всех судебных ошибок, подавляющее большинство которых возникло в текущем году или за год-два до пересмотра соответствующих дел в порядке надзора. Значительно расширился круг лиц, обладающих нравом принесения протестов в порядке надзора (прокуроры и председатели Верховных судов АССР, краевых, областных судов). Увеличился штат лиц, изучающих надзорные жалобы, истребованные уголовные дела и подготавливающих протесты в порядке надзора. Надзорное производство перестало быть исключительным, оно превратилось во «вторую кассацию», а надзорная инстанция судов — в обычную третью инстанцию.

Это мероприятие, несомненно, принесло и в настоящее время приносит большую пользу, так как стали выявляться и исправляться судебные ошибки, которые оставались невыявленными кассационными инстанциями (из дел, по которым надзорные протесты удовлетворены, более 73 рассматривались кассационными инстанциями, не нашедшими оснований для отмены и изменения приговоров).

Если учитывать судебные ошибки, исправляемые в порядке надзора, то кривая судебных ошибок, особенно кривая отмены приговоров, в ближайшее время после 1954 г. стала подниматься вверх и достигла уровня 1950—1951 гг. Это объясняется не ростом действительного числа судебных ошибок, исправленных путем отмены приговоров (для такой интерпретации

нет никаких оснований), а усилением «раскрываемости» судебных ошибок (сокращением латентных ошибок) благодаря превращению судебно-надзорного производства в третье звено судебной системы. В дальнейшем усиление «механизма» (выявления и исправления судебных ошибок дало эффект их реального снижения, что и нашло отражение на рис. 4 (снижение кривой отмены приговоров).

Такому повышению эффективности правосудия способствовали и другие меры по укреплению законности в судопроизводстве. В частности, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 мая 1955 г. было принято Положение о прокурорском надзоре в СССР, подчеркивавшее важное значение прокурорского надзора за законностью процессуальной деятельности и процессуальных актов, включая приговоры, решения, определения и постановления судов. По протестам прокуроров исправляется 8—10% судебных ошибок в кассационном порядке и 40—45% судебных ошибок — в надзорном порядке. Усиление прокурорского надзора способствовало, таким образом, обнаружению и предупреждению большего количества судебных ошибок п тем самым снижению их количества.

Верховный Совет СССР 12 февраля 1957 г. принял закон об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятии Гражданского, Уголовного и Процессуальных кодексов (п. X ст. 14 Конституции СССР), а также закон об утверждении Положения о Верховном Суде СССР. Положение значительно сократило возможности для пересмотра в порядке надзора приговоров, определений и постановлений, вынесенных судами союзных республик. Центр тяжести по выявлению судебных ошибок еще более сместился в республики, края, области. Эта мера, расширяя компетенцию судов республик, краев, областей, имела, как теперь стало ясно, и некоторые отрицательные стороны. В частности, были несколько ограничены возможности выявления и устранения ошибок, допущенных судами республик, путем компетентного вмешательства высшего органа правосудия СССР. Это особенно заметно применительно к ошибкам, допускаемым Верховными судами союзных республик, не имеющих областного деления, поскольку они рассматривают по первой инстанции дела, отнесенные к компетенции областных судов. Как показывает статистика, областные суды, рассматривая дела по первой инстанции, допускают большее (в %) количество судебных ошибок, чем народные суды (это объясняется прежде всего сложностью рассматриваемых ими дел). Но если ошибки областных судов исправляются в кассационном порядке, то ошибки Верховных судов союзных республик в этом порядке не исправляются, поскольку их приговоры окончательны и кассационному обжалованию не подлежат. Таким образом, представляется необходимым наряду с некоторым расширением

¹⁹ О последствиях этой уголовной политики уже говорилось в связи с рассмотрением вопроса об эффективности правосудия (гл. 1, § 4).

Меры, применяемые товарищескими судами, — это не уголовные наказания, а одно из средств общественного воздействия на правонарушителей,

компетенции Верховного Суда СССР как органа «судебного надзора ввести кассационное обжалование в Верховный Суд СССР приговоров Верховных судов союзных республик, не имеющих областного деления.

В это время развернулась большая теоретическая работа по подготовке нового законодательства, завершившаяся, в частности, принятием Верховным Советом СССР Основ законодательства о судостроительстве Союза ССР и союзных республик и Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (Закон от 15 декабря 1958 г.), а затем — законов о судостроительстве и УПК союзных республик (1959—1961 гг.).

На основе нового законодательства советская судебная система укрепила организационно, значительно возрос объем процессуальных гарантий достижения истины и охраны прав граждан по уголовным делам. Таким образом, само новое законодательство и его творческая научная разработка стали мощными факторами повышения эффективности правосудия, что нашло выражение в дальнейшем сокращении судебных ошибок.

Правда, в этот период проводились и такие мероприятия, которые, как показала практика, не способствовали выявлению и устранению возможно большего числа судебных ошибок. Прежде всего это относится к ликвидации союзного и республиканских министерств юстиции, их местных органов (1956—1959 гг.) и возложению на суды функций судебного управления. Совмещение управленческих и судебных функций вредно отражалось на качестве судопроизводства²¹. Однако это отрицательное влияние не было решающим и не могло, конечно, помешать росту эффективности правосудия, сокращению судебных ошибок.

Время с 1961 г. по первое полугодие 1966 г. характерно для уголовного судопроизводства двумя основными особенностями.

Первая относится к области уголовной политики и состоит в стремлении проводить линию применения самых строгих мер уголовного наказания в отношении рецидивистов и лиц, совершивших тяжкие преступления, продолжая в то же время применять мягкие меры наказания в отношении лиц, совершивших менее опасные преступления, по возможности заменяя их мерами общественного воздействия.

Был издан ряд законодательных актов, усиливших уголовную ответственность. В частности, были увеличены меры наказания вплоть до смертной казни (при отягчающих и квалифицирующих обстоятельствах) за такие преступления, как хищение социалистической собственности, изнасилование, получение взяток, нарушение правил о валютных операциях, фаль-

²¹ См. гл. V.

шивомонетничество, посягательство на жизнь работников милиции и дружинников²².

Тогда же в только что принятые уголовные кодексы союзных республик было введено много новых составов, многие статьи были изменены и дополнены²³. Некоторые составы были введены общесоюзными законами.

Общую тенденцию в сторону большей жесткости уголовной политики отразил и Указ Президиума (Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный, паразитический образ жизни», а также соответствующие Указы, принятые в других союзных республиках.

Несколько изменился в это время характер постановлений Пленума Верховного Суда СССР. На передний план в них выдвигается забота об усилении уголовного наказания лицам, совершившим тяжкие преступления, и рецидивистам. В частности, в постановлении Пленума от 14 мая 1962 г. «О задачах по устранению недостатков и дальнейшему улучшению деятельности судов по борьбе с преступностью» говорится: «Несмотря на то, что в последнее время приняты законы об усилении борьбы с хищениями государственного и общественного имущества, взяточничеством, изнасилованием и другими особо опасными преступлениями, некоторые суды до сих пор допускают еще назначение необоснованно мягких мер наказания лицам, совершившим такие преступления»²⁴.

Пленум предложил применять к этим лицам более строгие наказания. Правда, Пленум неоднократно предупреждал, что судебная практика не должна отказываться от ранее намеченной линии на широкое применение мер общественного воздействия в отношении лиц, совершивших менее серьезные преступления. В постановлении от 3 декабря 1962 г. «О выполнении постановления Пленума Верховного Суда СССР от 14 мая 1962 г. № 7 „О задачах по устранению недостатков и дальней-

Указы Президиума Верховного Совета СССР: от 5 мая 1961 г. «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями»; от 18 мая 1961 г. «О внесении дополнений и изменений в Закон об уголовной ответственности за государственные преступления и в Основы уголовного законодательства»; от 1 июля 1961 г. «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях». Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 июля 1962 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» и др.

³ «Курс советского уголовного права», т. 4. Под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. М., 1970, стр. 40—42; «Курс советского уголовного права». Часть общая, т. 2. Л., 1970, стр. 598; А. С. Шляпочников. Некоторые актуальные проблемы советского уголовного права и криминологии. М., 1966, стр. 20.

«Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1956 гг.», стр. 153.

шему улучшению деятельности судов по борьбе с преступностью» Пленум отметил, что «в основном устранены подвергавшиеся справедливой критике факты послабления преступникам, более правильно осуществляется сочетание предусмотренных законом строгих мер наказания к опасным преступникам с мерами общественного воздействия в отношении лиц, которые впервые совершили менее опасные преступления, осознали свою вину и способны исправиться без изоляции их от общества.»²⁵

Указанные сдвиги и тенденции в уголовной политике этих лет имели серьезное влияние на изменение приговоров судами вышестоящих инстанций: кривая изменения приговоров пошла на убыль и в 1961—1962 гг. достигла довольно низкого уровня (см. рис. 4). Затем, когда судам было разъяснено, что линия на усиление наказаний касается лишь наиболее серьезных преступлений, а в отношении менее серьезных действует предыдущая установка на замену уголовных наказаний мерами общественного воздействия, на применение условных и не связанных с лишением свободы наказаний, кривая изменения приговоров снова поднялась на довольно высокий уровень, хотя и не достигла уровня 1959 г.

К концу рассматриваемого периода (1965 г. — первая половина 1966 г.) кривая изменения приговоров снова пошла вниз, поскольку предыдущие колебания уголовной политики не могли оказать серьезного влияния на снижение преступности, и стало очевидным, что без последовательного и планомерного наступления на преступность не обойтись.

«Линия отмены приговоров» (см. рис. 4) в 1965—1966 гг. определялась характером тех организационных и процессуальных изменений, которые предпринимались в целях повышения эффективности правосудия.

В сторону сокращения судебных ошибок действовали широкие процессуальные гарантии, введенные недавно принятыми Основами уголовного судопроизводства и УПК союзных республик. В том же направлении действовало и сокращение служебной нагрузки судей в связи с передачей ряда уголовных дел на рассмотрение общественности до возбуждения дела, в стадиях предварительного расследования и предания суду. Если в 1959 г. принять за 100%, то в 1960 г. в связи с освобождением судов от рассмотрения «мелких» дел на одного народного судью приходилось в среднем лишь 33% служебной нагрузки по рассмотрению уголовных дел (сокращение нагрузки в три раза всего лишь за один год); далее, в связи с введением новых уголовно-правовых составов и некоторым усилением государственного начала в борьбе с преступностью, нагрузка су-

дов несколько увеличилась. Если опять же 1959 г. принять за 100%, то нагрузка по рассмотрению уголовных дел в среднем на одного судью составила: 1961 г.— 50%, 1962 г.— 45%. Но когда снова возобладали тенденции, связанные с общественным воздействием на преступность, нагрузка опять стала падать: 1963 г.— 35%, 1964 г.— 33%, 1965 г.— 33%²⁶. Снижение нагрузки судов в тот период в значительной мере, определялось передачей общественности дел частного обвинения. Если количество таких дел в 1958 г. принять за 100%, то весь последующий период характеризуется неуклонным сокращением количества таких дел:

1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1966
85,2	38,4	34,3	28,2	22,0	13,9	13,6	13,7

При этом надо учитывать, что суды в 1960 г. рассмотрели в два раза меньше уголовных дел, чем в 1958 г., а затем количество дел стало возрастать, колеблясь вплоть до 1966 г. от 66 до 75%, если уровень 1958 г. принять за 100%.

Конечно, такая разгрузка судебной системы позволила судам с большей тщательностью рассматривать дела, находившиеся у них (в производстве, и допускать меньше судебных ошибок. Однако определенное число ошибок допустили при рассмотрении этих дел товарищеские суды и другие общественные организации, куда были переданы на рассмотрение дела частного обвинения и другие менее значительные дела. Можно лишь предположить, что народные суды, где существует гораздо более совершенная система гарантий достижения истины и охраны прав граждан, допустили бы меньше ошибок, чем общественные органы²⁷.

Происходила и некоторая разгрузка не только судов первой, но и кассационной, а также надзорной инстанций, поскольку процент обжалования остался примерно одинаковым, а число дел уменьшилось (также в связи с тем, что постепенно уменьшалось число «старых» дел, пересматриваемых в надзорном порядке). Это позволяло вышестоящим судам поднимать требования к приговору. В связи с этим серьезное значение для повышения качества правосудия имело постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел». Повышалось также качество предварительного следствия и становился более эффективным прокурорский надзор.

Все эти факторы действовали в сторону сокращения судебных ошибок, исправлявшихся в 1960—1962 гг. путем отмены

²⁵ Там же, стр. 160—161,

²⁶ В союзных республиках наблюдались существенные отклонения от этого среднего уровня (см. гл. III).

²⁷ И. Михайловская, Я. Перлов. Именем коллектива.— «Известия», 2 августа 1971 г.

приговоров. Некоторое, весьма незначительное, увеличение количества отмененных приговоров в 1963—1964 гг. объясняется, по-видимому, повышением требований вышестоящих судебных инстанций в связи с осуществлением указаний, содержащихся в упомянутом постановлении Пленума о строгом соблюдении судами законов.

"Начало 'последнего периода в развитии социалистического правосудия связано с решительными мерами, предпринятыми партией и Советским государством в середине 1966 г., для искоренения преступности и дальнейшего укрепления законности в нашей стране.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 г. «О мерах по усилению борьбы с преступностью» и изданные в этой связи законодательные акты определили генеральную линию уголовной политики на ряд последующих лет.

Отличительная черта этой 'политики — стабильность и достаточная строгость уголовных наказаний, возложение основного бремени борьбы с преступностью на органы государства при сохранении достаточно активной роли общественности в обеспечении законности, предупреждении и перевоспитании правонарушителей, организационное и материально-техническое укрепление органов расследования, прокуратуры и суда.

В осуществление этой политики были усилены санкции за хулиганство, уточнены некоторые элементы состава квалифицированного хулиганства; упрощен порядок и уменьшены сроки рассмотрения уголовных дел о хулиганстве без квалифицирующих признаков в судах; значительно усилена административная ответственность за мелкое хулиганство.

В результате количество осужденных за хулиганство уже в 1966 г. более чем удвоилось по сравнению с 1965 г. и в течение последующих лет продолжало оставаться высоким. Количество лиц, привлеченных к административной ответственности за мелкое хулиганство через суд, в 1966 г. было в 2,3 раза больше, чем в 1960 г., и в дальнейшем тоже оставалось высоким.

Если удельный вес уголовных дел о хулиганстве в общей массе уголовных дел, рассмотренных судами, в 1958 г. составлял 16,7%, то в 1966 г. он поднялся до 34,5%. Значительно сократился процент вынесенных судами приговоров по делам о хулиганстве, измененных в кассационном и надзорном порядке, что указывает на большую жесткость мер борьбы с хулиганством.

Произошел поворот в сторону усиления мер (включая уголовно-правовые) борьбы не только с хулиганством, но и с другими видами преступлений, уменьшилось количество (в %) изменяемых приговоров по многим категориям уголовных дел и, следовательно, «линия изменения» приговоров, как это

изображено на рис. 4, стала постепенно снижаться, приблизившись по уровню и стабильности к линии 1947—1952 гг.

«Линия отмены приговоров» также продолжала неуклонно, хотя и не столь интенсивно, снижаться, указывая на относительное уменьшение количества наиболее опасных судебных ошибок при достаточно высоких и все более повышающихся требованиях вышестоящих инстанций. Эта положительная тенденция объясняется усилением органов, ведущих борьбу с преступностью.

После организации союзно-республиканского Министерства внутренних дел (1966 г.) были приняты меры, направленные на усиление органов внутренних дел хорошо подготовленными кадрами, на обеспечение их достаточными техническими средствами (транспортом, криминалистическим оборудованием и др.), Это не могло не способствовать повышению качества оперативной работы и предварительного следствия, что, в свою очередь, создавало более благоприятные условия для вынесения судами обоснованных приговоров, уменьшения числа судебных ошибок. В данный период еще более окрепла и повысила свою эффективность советская судебная система. В этом отношении имели важное значение постановления Пленума Верховного Суда СССР: от 25 февраля 1967 г. «Об улучшении организации судебных процессов, повышении культуры их проведения и усилении воспитательного воздействия судебной деятельности»; от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре»; от 30 июня 1969 г. «Об улучшении деятельности судебных коллегий по уголовным делам Верховных судов союзных республик»; от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» и некоторые другие. Пленум потребовал от судов строгого соблюдения всех норм процессуального и материального права, высокой культуры судебного разбирательства, вынесения законных, обоснованных и мотивированных приговоров, заботы о правах человека, недопущения судебных ошибок, а от вышестоящих судебных инстанций, кроме того, — глубокого и тщательного изучения поступающих к ним уголовных дел, внимательного отношения к доводам жалоб и протестов, решительного исправления судебных ошибок.

Эти указания Пленума исходили из реально растущих возможностей судебной системы в канун и во время одного из самых значительных преобразований органов советской юстиции: ЦК КПСС и Совет Министров СССР 30 июля 1970 г. приняли совместное постановление «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов», имеющее чрезвычайно важное значение для дальнейшего повышения эффективности правосудия и сокращения судебных ошибок. В развитие этого постановления Совет Министров СССР 11 августа 1970 г. принял постановление «О мерах по улучшению условий работы и материально-техническому обеспечении судов, органов проку-

ратуры и нотариальных контор», а Президиум Верховного Совета СССР—Указы: от 31 августа 1970 г. «Об образовании союзно-республиканского Министерства юстиции СССР» и «О внесении изменений в ст. 22 и 86 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик»; от 12 августа 1971 г. «О внесении изменений и дополнений в законодательство СССР в связи с образованием союзно-республиканского Министерства юстиции СССР». Внесены соответствующие изменения в законодательство союзных республик.

В соответствии с этими решениями:

1. Организовано союзно-республиканское Министерство юстиции СССР, министерства юстиции союзных республик и их местные органы с возложением на них, в частности, функций судебного управления (подбор судебных кадров и повышение их квалификации, разработка предложений по вопросам организации судебных органов, изучение и обобщение судебной практики, ведение судебной статистики и др.). Несомненно, что создание специального органа для решения задач судебного управления и освобождение от этих функций судов как органов правосудия при строгом соблюдении принципа независимости судей и подчинения их только закону будет способствовать и уже способствует повышению эффективности правосудия, сокращению судебных ошибок. Однако вначале «статистика судебных ошибок» несколько возросла, так как судьи высших судов освободились от непосредственной ответственности за состояние показателей работы народных судов. Органы Министерства юстиции при проведении обобщений судебной практики и проверок организации судебной работы обращают внимание судов на допускаемые ими по ряду дел ошибки, а это способствует большей, чем прежде, возможности выявлять судебные ошибки и, следовательно, сокращать число латентных ошибок.

2. Значительно поднят уровень материальной обеспеченности судей, сокращен разрыв между заработной платой высших и народных судей, что позволило уже на выборах 1970 г. и еще в большей мере позволит в будущем отбирать на должности судей, в том числе народных, самых способных и квалифицированных юристов, сократить текучесть судебных кадров, весьма значительную в прошлом²⁸. Разумеется, это не может не сказаться на дальнейшем сокращении судебных ошибок и общем повышении эффективности правосудия.

Усиление материального стимулирования работников прокуратуры и МВД вызывает благоприятные изменения в кадровом составе этих органов, деятельность которых становится все бо-

лее эффективной и, следовательно, способствующей сокращению числа необоснованных судебных приговоров.

3. Усилена материально-техническая база судебных органов (типовые здания судов, оборудование, транспортные средства и др.), что также должно способствовать повышению эффективности правосудия.

4. Внесены существенные изменения в уголовно-процессуальное законодательство в направлении дальнейшего усиления гарантий достижения истины и охраны прав граждан; например, расширены гарантии в стадии предания суду и тем самым созданы условия для рассмотрения судами достаточно полно расследованных дел и др.

Указанные изменения, происшедшие на фоне общего прогресса социалистической экономики, социальных отношений, науки, культуры, обусловили дальнейшее сокращение судебных ошибок и дают основание для благоприятного прогноза относительно качества отправления правосудия в будущем.

Завершая рассмотрение динамики общих статистических показателей судебных ошибок на фоне изменений в уголовной политике, организации и отправления социалистического правосудия, необходимо отметить следующее:

1. Наивысшие точки кривой показателей изменения приговоров соответствуют моментам наибольшего «смягчения» уголовной политики, (амнистия 1953 г., усиление общественного начала в борьбе с преступностью в 1959 г., возврат к некоторому смягчению уголовной политики в 1963 г.).

2. Резкое падение показателей изменения приговоров характерно для начального периода Великой Отечественной войны, когда условия военного времени (в частности, отсутствие кассационного обжалования по многим делам) не позволяли уделять достаточного внимания соблюдению принципа индивидуализации наказаний. Это также свойственно периодам усиления жесткости уголовной политики.

3. Наивысшие точки показателей отмены приговоров, как правило, соответствуют периодам усиления требовательности высших инстанций к законности и обоснованности приговоров (например, сразу после войны) как своеобразной реакции на недостаточность этих требований в предшествовавшие периоды.

4. Показатели отмены приговоров в основном правильно характеризуют тенденции в динамике судебных ошибок процессуального характера (хотя они не учитывают распространенность латентных ошибок, разную для различных периодов развития советского судопроизводства).

5. Показатели изменения приговоров отражают динамику уголовно-правовых ошибок (в основном связанных с назначением наказаний) при условии, что уголовная политика, осуществляемая, в частности, через кассационные и надзорные

²⁸ И. Петрухин. Народный судья.—«Советская юстиция», 1969, III 1, стр.

инстанции, является правильной, соответствует задачам наиболее эффективной борьбы с преступностью.

«Кривая изменения приговоров» может характеризовать ошибочность самой уголовной политики. Конечно, это можно объективно оценить на основе исторического анализа. Теперь, когда нам ясны недостатки уголовной политики, связанные с переоценкой общественных мер воздействия на преступность и излишней мягкостью наказаний (например, по делам о хулиганстве), приходится признать в широком социальном плане правоту многих из судей, чьи строгие приговоры были тогда изменены вышестоящими судебными инстанциями путем смягчения наказаний. Неправы же были сами эти инстанции.

В других случаях вышестоящие инстанции, проводя политику, направленную на усиление наказаний, признанную впоследствии не вполне эффективной, допускали ошибки противоположного свойства: они отменяли «за мягкостью» приговоры, которые на самом деле (как мы теперь знаем) содержали вполне справедливые и достаточные меры наказания, или не снижали излишне строгие (как теперь представляется) меры наказания. Иными словами, они считали ошибками то, что ими не являлось, либо не устраняли действительные ошибки. Следовательно, статистические данные об изменении приговоров сами по себе не всегда указывают на распространенность уголовно-правовых ошибок.

Но по общему правилу, когда уголовная политика правильно определяет наиболее эффективные меры борьбы с преступностью, цифровые показатели изменения и в еще большей степени — отмены приговоров в основном верно отражают действительную, реальную динамику судебных ошибок.

Динамика судебных ошибок по отдельным союзным республикам весьма различна, но в среднем она дает ту картину, которая была рассмотрена выше. Ближе всего к средним данным по СССР — наиболее крупные и развитые союзные республики: РСФСР, УССР, БССР. Многие другие союзные республики дают весьма пеструю картину цифровых показателей динамики судебных ошибок. Для примера сравним динамику судебных ошибок, выявляемых в кассационном порядке, в **трех союзных республиках**, наиболее отличающихся друг от друга по этим показателям (см. табл. 6).

Объяснение причин столь резких отклонений показателей распространенности судебных ошибок возможно лишь на основе глубокого и всестороннего изучения специфики основных факторов, влияющих на эффективность правосудия в различных союзных республиках (состояние работы с судебными кадрами; уровень общей и правовой культуры, правосознание; состояние работы по систематизации законодательства, подза-

Т а б л и ц а 6

Год	СССР		РСФСР		Грузинская ССР		Таджикская ССР	
	Отмена	Изменение	на	Изменение	Отмена	Изменение	Отмена	Изменение
1964	4,2(1,5)	13,9(4,8)	3,5(1,2)	12(4,0)	11,4(3,7)	26,2(8,6)	12,7(3,8)	21,1(6,4)
1965	4,4(1,5)	11,9(4,2)	3,7(1,3)	9,8(3,4)	11,1(3,4)	24,1(7,3)	15,4(4,7)	15,6(4,7)
1966	4,3(1,5)	9,1(3,9)	4,1(1,3)	7,3(2,4)	8,5(2,8)	14,8(4,8)	10,9(3,3)	15,1(4,5)
1967	4,6(1,2)	9,9(3,6)	3,8(1,1)	8,0(2,3)	6,2(1,9)	12,3(3,7)	10,3(2,7)	15,2(4,6)
1968	3,9(1,8)	9,3(2,9)	3,7(1,1)	7,1(2,1)	5,6(1,5)	13,6(4,1)	9,8(2,6)	14,3(3,8)
1969	3,7(1,3)	8,9(2,8)	3,4(1,2)	6,5(1,7)	5,3(1,5)	11,9(3,2)	10,8(2,8)	12,2(3,3)
1970	3,7(1,3)	9,0(3,0)	3,4(1,2)	6,7(1,6)	5,1(1,6)	11,9(3,8)	10,5(2,8)	13,9(3,5)
1971	4,9(1,4)	10,5(3,1)	4,9(1,4)	10,5(3,1)	8,8(2,2)	14,3(4,3)	9,5(2,9)	19,9(5,5)
1972	4,9(1,4)	8,8(2,3)	4,5(1,1)	6,5(1,7)	6,2(1,8)	16,3(4,5)	10,6(3,4)	13,2(4,0)

Примечание. Цифры без скобок — количество отмененных или измененных приговоров (в процентах от обжалованных и опро-
тестованных в кассационном порядке). Цифры в скобках — количество отмененных или измененных приговоров (в процентах от всех выне-
сенных приговоров).

конных актов, обобщению судебной практики, анализу статистики и другие факторы).

Изучением особенностей структуры, динамики судебных ошибок и их причин в каждой союзной республике «нам, естественно, (не представилось возможным заняться достаточно глубоко—для этого необходима серия специальных исследований. Однако некоторые сопоставления «положения дел в разных союзных республиках мы все-таки по мере возможности делали в соответствующих главах работы.

Несомненно одно: средние показатели судебных ошибок по СССР характерны для большинства крупных союзных республик; отклонения же от этих показателей в отдельных республиках указывают на наличие особенностей, которые не могут быть в полной мере объяснены в рамках нашей работы. В будущем, как представляется, наряду с развитием сравнительного правоведения, должно получить «право гражданства» и сравнительное изучение эффективности и оптимальности судопроизводства, которое позволит переносить положительный опыт судебной работы из одних союзных республик в другие. Наиболее благоприятные возможности по организации и проведению этой работы будет, по-видимому, иметь Институт усовершенствования юридических кадров, созданный при Министерстве юстиции СССР.

Проводя сравнительное исследование динамики судебных ошибок по союзным республикам, важно подчеркнуть основную тенденцию, общую для большинства республик, а именно: неуклонное снижение числа судебных ошибок (см. табл. 6).

Из табл. 6 видно, что по некоторым показателям союзные республики значительно различаются. Например, в 1965 г. было отменено приговоров: в РСФСР—3,7%, в Грузинской ССР—11,1%, в Таджикской ССР—15,4%; изменено приговоров: в РСФСР—9,8%, в Грузинской ССР—24,1%, в Таджикской ССР—15,6%. Как видно, разница в показателях очень большая.

Однако важно отметить как тенденцию постепенное сглаживание, выравнивание показателей судебной работы в союзных республиках. Так, уже через 4 года, в 1968 г., различие между сравниваемыми республиками хотя и сохранилось, но было гораздо меньшим, а именно: отмена приговоров составляла в РСФСР—3,7%, в Грузинской ССР—5,6%, в Таджикской ССР—9,8%; изменение приговоров: в РСФСР—7,1%, в Грузинской ССР—13,6%, в Таджикской ССР—14,3%. В 1972 г. подобная нивелировка тоже имела место.

Тенденция к нивелировке статистических показателей качества правосудия связана с более быстрыми темпами развития тех союзных республик, которые в интересующем нас отношении в прошлом значительно отставали от других республик. Так, с 1964 по 1972 г. в РСФСР процент отмены приговоров

увеличился на 0,7, а в Грузинской ССР, наоборот, снизился на 5,2, в Таджикской ССР—на 2,1. За те же годы процент изменения приговоров уменьшался по республикам тоже не пропорционально: в РСФСР—на 5,1, в Грузинской ССР—на 9,9, в Таджикской ССР—на 7,9.

Таким образом, как говорят, «отстающие» подтягивались до уровня «передовых».

Но, кроме положительной, в этой тенденции может присутствовать и отрицательная сторона, связанная со стремлением добиться больше успехов в цифрах, чем в действительности. Мы уже говорили, что в Литовской ССР не побоялись ухудшить цифровые показатели судебных ошибок, исправляемых в кассационном порядке, сократив сферу пересмотра дел в исключительном, надзорном порядке, который отличается от кассационного необязательностью истребования дел для проверки и вообще меньшим объемом процессуальных гарантий. В Грузинской ССР придерживались другого мнения и отчасти вследствие этого добились большого прогресса в цифрах. Но мы далеко не уверены, что качество судебной работы в Литовской ССР ухудшилось, а в Грузинской ССР улучшилось в такой же мере, в какой это нашло отражение в цифрах.

По-видимому, наибольшего успеха в сравнительном изучении эффективности судопроизводства можно добиться путем непосредственного изучения уголовных дел и сравнения уровня требований кассационных и надзорных инстанций республик к доказанности обвинения, к соблюдению процессуального закона, «чистоте» квалификации, индивидуализации наказания в разных союзных республиках. Изучение дел может быть не сплошным, а выборочным, однако выборка должна быть осуществлена по всем правилам статистики. Министерство юстиции СССР имеет возможность проводить такую работу, осуществляя обобщения судебной практики по единой для всех союзных республик программе.

Другой метод сравнительного изучения эффективности судопроизводства в союзных республиках—это метод экспертных оценок, даваемых теми работниками центрального аппарата прокуратуры и судебных органов, которые изучают в порядке надзора уголовные дела из разных союзных республик. Они могут оказать, в какой республике больше, а в какой меньше допускается нарушений процессуального закона (не обязательно связанных с отменой приговоров) и сравнить допускаемый практикой «уровень доказанности преступлений», несколько отличающийся, по-видимому, в различных союзных республиках, так как уровень правовой культуры в них неодинаков. Возможно также привлечение «к этому исследованию адвокатов и научных работников соответствующих союзных республик.

Сравнительное изучение эффективности правосудия может

выявить отдельные парадоксы, когда за «хорошими» цифрами данными скрывается низкий уровень кассационной и надзорной работы, обилие невыявленных (латентных) судебных ошибок, нарушения прав граждан, и наоборот — за «плохими» цифрами — высокий уровень работы вышестоящих инстанций, стремящихся выявить как можно больше судебных ошибок и надежно защитить права граждан.

До тех пор, пока такие исследования не проведены, можно лишь приблизительно сопоставлять уровни эффективности правосудия в разных союзных республиках на основе судебной статистики и других данных.

§ 3. Динамика судебных ошибок,

исправляемых различными процессуальными способами

Рассмотрев общие показатели динамики судебных ошибок (процент отмены и изменения приговоров), перейдем к изучению более конкретных данных об эволюции судебных ошибок отдельных видов. Ниже будет рассмотрена динамика судебных ошибок, исправляемых путем: а) прекращения уголовных дел; б) возвращения уголовных дел на доследование из кассационных и надзорных инстанций; в) возвращения уголовных дел на новое судебное разбирательство²⁹.

Начиная изложение с динамики судебных ошибок, исправляемых путем прекращения дел вышестоящими судами, напомним, что в процессуальной науке получили признание понятия реабилитирующих и нереабилитирующих оснований прекращения дел³⁰. К реабилитирующим основаниям относится прекращение дела: а) за отсутствием (недоказанностью) самого деяния, по поводу которого велось производство по делу; б) за отсутствием в деянии состава преступления; в) за недоказанностью (неустановлением) того, что преступные деяния совершил обвиняемый; г) ввиду недостижения обвиняемым возраста уголовной ответственности (строго говоря, это основание поглощается пунктом «б», но в законе оно сформулировано отдельно).

Остальные основания прекращения дел, указанные в ст. 5 УПК РСФСР (давность, амнистия, передача на поруки и т. д.), не являются реабилитирующими в том смысле, что их применение не исключает констатации того, что лицо совершило преступление, хотя уголовной ответственности в силу различных правовых соображений оно не подлежит³¹.

Из-за отсутствия статистических данных или их несопоставимости начальные моменты статистических рядов не будут совпадать. Понятие реабилитации здесь не всегда распространяется на гражданско-правовые последствия деяния.

Констатация следователем того, что лицо совершило преступление, не равнозначна признанию его виновным по приговору суда (*М. С. Строгович*. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, стр. 1712).

Судебные ошибки наиболее опасного характера допускаются при рассмотрении дела в суде первой инстанции тогда, когда вместо оправдательного суд выносит обвинительный приговор, а кассационная или надзорная инстанция исправляет эту ошибку путем прекращения дела (при этом лицо иногда освобождается из-под стражи).

В случаях прекращения дел вышестоящими инстанциями по нереабилитирующим основаниям, как правило, тоже исправляются ошибки суда первой инстанции, но уже иного характера (суд должен был прекратить дело, но не сделал этого, когда истекла давность уголовного преследования или совершенное преступление подпадало под амнистию, или были основания для передачи подсудимого на поруки и т. д.). Но в некоторых случаях вышестоящий суд, прекращая дело, не исправляет ошибку суда первой инстанции. Это происходит тогда, когда правовые и фактические основания прекращения дела (амнистия, смерть обвиняемого) появились уже после вынесения приговора.

После этих пояснений перейдем к анализу показателей динамики судебных ошибок народных судов, исправляемых прекращением дел (табл. 7)³². Из-за отсутствия в архивах данных за все годы статистический ряд не будет сплошным.

Необходимо также учитывать, что в статистике за 100% принимались уголовные дела, в одни периоды включающие дела частного обвинения, в другие же периоды, — исключая дела этого рода. Естественно, что сопоставимость данных допустима лишь в пределах каждого из этих периодов.

Необходимо сразу сделать оговорку, что в силу недостатков ведения и анализа статистики за прошлые годы приведенные данные за 1957—1966 гг. могут быть сопоставлены с остальными данными лишь приблизительно, поскольку именно при подсчете процента прекращенных дел за это время не учитывались дела частного обвинения. По этим делам процент прекращения дел выше, чем по остальным. Но не вполне сопоставимые данные относятся лишь к началу этого периода, поскольку тогда (в 1958 г.) удельный вес дел частного обвинения был значительным и составлял 30,7%. Но в течение всего этого периода шел быстрый процесс сокращения дел частного обвинения, и к 1966 г* их удельный вес составлял лишь 7,3%. Уже в середине рассматриваемого периода (в 1962 г.) число дел частного обвинения сократилось в 5 раз, а в конце его (в 1966 г.) — в 8 раз по сравнению с уровнем 1958 г. Поэтому начиная с 1962 г. дела частного обвинения практически не влияли на процент прекращения дел вышестоящими инстанциями.

Здесь и далее не учитываются дела о преступлениях, предусмотренных Указами от 26 июня 1941 г., 15 апреля 1942 г. и 14 июля 1951 г.

Еще одно предварительное замечание: в табл. 7 не включены данные о проценте прекращения уголовных дел в порядке надзора до 1956 г. включительно. Однако следует иметь в

Таблица 7

Год	Число осужденных, дела которых были прекращены, %				Год	Число осужденных, дела которых были прекращены, %			
	кассация: от обжалованных (опротестованных) приговоров	от всех вынесенных приговоров				кассация: от обжалованных (опротестованных) приговоров	от всех вынесенных приговоров		
		кассация	надзор	кассация и надзор			кассация	надзор	кассация и надзор
1937	6,6	—	—	—	1955	1,5	—	—	—
1938	8,8	—	—	—	1956	1,4	—	—	—
1939	8,4	—	—	—	1957	0,8	0,3	0,4	0,7
1940	5,3	—	—	—	1958	0,6	0,2	0,2	0,4
1941	4,9	—	—	—	1959	0,7	0,2	0,4	0,6
1942	5,8	—	—	—	1960	0,5	0,2	0,5	0,7
1943	5,7	—	—	—	1961	0,4	0,2	0,2	0,4
1944	4,6	—	—	—	1962	0,5	0,15	0,2	0,35
1945	4,7	—	—	—	1963	0,6	0,2	0,3	0,5
1946	3,5	—	—	—	1964	0,6	0,2	0,3	0,5
1947	3,3	—	—	—	1965	0,5	0,2	0,3	0,5
1948	3,7	—	—	—	1966	0,4	0,15	0,2	0,35
1949	2,6	—	—	—	1967	0,75	0,25	0,1	0,35
1950	2,2	—	—	—	1968	0,4	0,1	0,1	0,2
1951	1,9	—	—	—	1969	0,4	0,1	0,07	0,17
1952	1,5	—	—	—	1970	0,4	0,1	0,07	0,17
1953	1,8	—	—	—	1971	0,4	0,15	0,09	0,24
1954	2,2	—	—	—	1972	0,3	0,1	0,08	0,18

Примечание. Тире — нет данных. За 100% приняты: с 1937 по 1960 г. все уголовные дела; с 1957 по 1966 г. — уголовные дела без дел частного обвинения; с 1957 по 1972 г. — все уголовные дела.

виду, что до образования президиумов областных (краевых) судов (1954 г.), начиная с 1938 г., когда был принят Закон о судеустройстве, в порядке надзора прекращались лишь немногие дела. Поэтому данные о прекращении дел в кассационном порядке в 1938—1954 гг. по существу охватывают почти все дела, прекращенные вышестоящими инстанциями.

Последнее предварительное соображение: по достаточно стабильным данным за 1967—1970 г. удельный вес лиц, в отношении которых дела прекращены по реабилитирующим основаниям, в среднем составлял: кассация — 70%; надзор — 85%; в це-

лом же около 80% лиц, дела которых прекращены всеми вышестоящими инстанциями, полностью реабилитированы и только в отношении 20% лиц применены не реабилитирующие основания прекращения дел. Статистика показывает, что это соотношение мало изменялось при проведении амнистий, так как основную массу дел в связи с амнистией прекращали следственные органы и суды первой инстанции, а не вышестоящие суды. Видимо, эти соображения сохраняют силу и для предыдущих лет.

Теперь сделаем несколько констатации и выводов из табл. 7.

1. Количество лиц, в отношении которых народными судами были вынесены обвинительные (приговоры, а затем уголовные дела были прекращены кассационными инстанциями, снизилось с 1937 по 1972 г. с 6,6 до 0,3% от всех лиц, приговоры которых были обжалованы или опротестованы «в кассационном порядке (снижение в 22 раза). Общий же процент отмены приговоров (исчисляемый от обжалованных и опротестованных) снизился: *а то же время по народным судам с 22,7 до 4,9, т. е. в 4,5 раза. Значит, темпы сокращения самых опасных судебных ошибок, исправляемых путем прекращения дел вышестоящими инстанциями, в среднем почти в 5 раз опережали темпы сокращения всех ошибок, исправляемых путем отмены приговоров.

Из предыдущего изложения известно, что за эти же годы значительно (в 10 раз) сократился процент оправдательных приговоров³³, и естественно было бы предположить, что реабилитацией невинно осужденных стали в большей степени заниматься вышестоящие суды путем прекращения дел. Однако статистика показывает, что сокращение процента прекращения дел вышестоящими судами было еще большим (в 22 раза).

Некоторые вышестоящие суды вместо прекращения дел возвращают их на доследование, имея в виду, что прекращение дела по реабилитирующему основанию — акт ответственный и лучше еще раз попробовать собрать недостающие доказательства при доследовании, чем по письменным материалам дела реабилитировать осужденного.

Статистика показывает, что © 1939 г. из вышестоящих судов было возвращено на доследование 3,2%, а в 1972 г. — 0,8% дел (процент исчислен от всех рассмотренных дел, при этом приняты во внимание дела, возвращенные на доследование из надзорных инстанций). Таким образом, имеет место и сокращение возвращения дел на доследование из вышестоящих судов, хотя и менее значительное: в 4 раза.

Нельзя не учитывать, очевидно, и следующего обстоятельства. По мере повышения качества работы судов первой инстан-

³³ См. гл. III.

ции сокращалось число наиболее грубых судебных ошибок, устранение которых вышестоящим судом приводило к отмене или изменению приговора. Ошибки же не столь явные сокращались медленнее. Допущению таких ошибок нередко предшествует дискуссия среди судей и прокуроров относительно доказанности преступления, его квалификации и меры наказания, а следовательно, и их исправление чаще требует проведения более глубокой предварительной проверки материалов дела.

Вот почему вышестоящие суды за изученный период продолжали довольно часто направлять дела для доследования. При доследовании, по приведенным выше данным С. Панченко³⁴, 16% таких дел прекращается, а в остальных случаях дела снова поступают в суды, но многие из них опять возвращаются на доследование, а по многим выносятся оправдательные приговоры. В нашем распоряжении имеется немало таких примеров из судебной практики, но дело не в них, а в тенденциях, выведенных из анализа «больших цифр».

Итак, имел место процесс неуклонного сокращения судебных ошибок, в том числе исправляемых путем последующего прекращения дел вышестоящими инстанциями, но значительное сокращение этого последнего показателя было отчасти обусловлено и практикой направления дел на доследование из вышестоящих судов вместо принципиального решения о прекращении дела самим вышестоящим судом³⁵.

Таким образом, одновременно действовали две тенденции: во-первых, объективно уменьшилось число ошибок в судах первой инстанции и, во-вторых, стала более осторожной практика вышестоящих судов.

Вполне понятно, что в некоторых случаях без направления дела на доследование не могут быть получены такие доказательства, которые необходимы для разрешения его по существу. Однако существуют и другие примеры, когда такое направление на доследование было излишним, не вызывалось необходимостью, а лишь приводило к удлинению процессуальных сроков и к снижению авторитета суда.

С такими ошибками связано и недостаточное обоснование многими судами определений о возвращении дел на доследование, на что неоднократно обращал внимание Пленум Верховного Суда СССР.

К сожалению, у нас нет сведений о надзорном опротестовании определений о доследовании, вынесенных вышестоящими судами.

Вопрос о содержании определений судов о возвращении дел для доследования тесно связан с упоминавшейся выше пробле-

³⁴ См. гл. III.

³⁵ И. Л. Петрухин. Причины судебных ошибок.— «Советское государство и право», 1970, № 5, стр. 105—106; А. Д. Бойков. Оправдательный приговор.— «Литературная газета», 13 октября 1971 г.

мой «уровня доказанности». В научном исследовании и в практической работе было бы целесообразно проследить, как повышались требования вышестоящих судов к судам первой инстанции и к органам предварительного расследования, что находило отражение в определениях о направлении дел на доследование. Анализ этих определений дает характеристику изменений в содержании судебных ошибок в тот или иной период.

2. Данные о сокращении числа судебных ошибок, исправляемых путем прекращения дел, относящиеся к последнему десятилетию, подтверждают сделанный ранее общий вывод о сокращении темпов снижения судебных ошибок.

Если началом этого десятилетия считать 1962 г., за который имеются, как было отмечено, данные, вполне сопоставимые в нужном для нас отношении с данными за последующие годы, то процент дел, прекращенных кассационными инстанциями, снизился к 1972 г. всего лишь на 0,2%.

В указанный период до половины (а в отдельные годы и более) прекращенных уголовных дел приходилось на надзорные инстанции. Если иметь в виду это обстоятельство, то в 1962 г. было прекращено обеими вышестоящими инстанциями 0,35% дел, а в 1972 г.— 0,18% (снижение в два раза). Общий процент отмены приговоров увеличился за это время (при исчислении от обжалованных и опротестованных приговоров) с 4,4% в 1962 г. до 4,9% в 1972 г., т. е. на 0,5%. Количество оправдательных приговоров за то же время снизилось с 0,5% в 1962 г. до 0,3% в 1972 г. (без дел частного обвинения), т. е. на 0,2%.

И, наконец, количество дел, возвращенных вышестоящими судами на доследование, в процентном отношении не изменилось.

Таким образом, темпы уменьшения судебных ошибок данного вида замедлились, и количественные их показатели уже не отличались друг от друга так резко, как при анализе динамики ошибок за более широкий отрезок времени. Эти показатели не указывают на резкое повышение или резкое снижение уровня требований вышестоящих инстанций.

Следовательно, в последнее время можно констатировать известную стабилизацию судебной практики. Это очень важно для правильного отправления правосудия и, конечно, положительно влияет на повышение авторитета суда в глазах населения. Вместе с тем задача заключается в дальнейшем повышении уровня судебной работы, сокращении до минимума числа судебных ошибок.

3. Статистический ряд прекращения дел вышестоящими инстанциями характерен еще и тем, что в некоторые годы показатели этого вида временно увеличиваются. Так было в 1945, 1948, 1953, 1954, 1959 и 1967 гг. Нетрудно заметить, что именно в эти и непосредственно следующие за ними годы про-

водились широкие амнистии или прекращалось большое количество уголовных дел (в том числе вышестоящими судами) в связи с передачей их в товарищеские суды, комиссии по делам несовершеннолетних или в связи с передачей виновных на поруки.

4. Данные табл. 7 свидетельствуют и о том, что процент уголовных дел, прекращенных в надзорных инстанциях, вплоть до 1967 г. превышал процент уголовных дел, прекращенных в кассационных инстанциях. Соотношение этих процентов (исчисление от всей отмены приговоров) в 1957—1972 гг. в среднем составило 3:2, а в отдельные годы было еще большим. В последующие годы количество дел, прекращенных в кассационных инстанциях (в процентах), стало увеличиваться и в 1969 г. превысило количество дел, прекращенных в надзорных инстанциях.

Представляет интерес вопрос о соотношении прекращения уголовных дел вышестоящими судами по реабилитирующим и иным основаниям (табл. 8, 9, 10). В табл. 8, 9, 10 использованы данные по СССР, вычисленные с точностью до 1%. О чем они свидетельствуют?

Таблица 8

Год	Число лиц, в отношении которых прекращены дела кассационными инстанциями по основаниям, %		Итого
	реабилитирующим	иным	
1967	86	14	100
1968	88	12	100
1969	85	15	100
1970	89	11	100

Таблица 9

Год	Число лиц, в отношении которых прекращены дела надзорными инстанциями по основаниям, %		Итого
	реабилитирующим	иным	
1967	75	25	100
1968	66	34	100
1969	75	25	100
1970	67	33	100

Примечание. За 100% принято общее число таких лиц.

1. Больше число прекращенных дел в надзорном порядке по сравнению с кассационным (вплоть до 1969 г.) — явление, с одной стороны, отрицательное, так как кассационные инстанции исправляли меньшее число самых серьезных ошибок, чем надзорные. Последние вынуждены были «подстраховывать» кассационные инстанции. Но в рассматриваемом явлении есть и положительная сторона — достаточно высокая эффективность надзорных инстанций.

2. Относительное в сравнении с надзором увеличение количества дел, прекращенных кассационными инстанциями в последние годы, — тенденция положительная, поскольку она по-

Таблица 10

Год	Соотношение ЧИСЛА лиц, дела которых прекращены в кассационном и надзорном порядке, %					
	всего		по реабилитирующим основаниям		по нереабилитирующим основаниям	
	кассация	надзор	кассация	надзор	кассация	надзор
1967	50	50	54	46	34	66
1968	48	52	56	44	19	81
1969	53	47	52	48	40	60
1970	55	45	62	38	31	69

Примечание. За 100% принято общее число лиц, в отношении которых дела прекращены соответственно в кассационном и надзорном порядке.

называет, что эффективность кассационных инстанций при исправлении судебных ошибок этого рода постепенно возрастает.

3. Тенденция повышения эффективности кассационных инстанций проявляет себя и в том, что удельный вес дел, прекращенных ими по реабилитирующим основаниям, за последние годы вырос (с 86% в 1967 г. до 89% в 1970 г.), а по нереабилитирующим основаниям сократился (с 14% в 1967 г. до 11% в 1970 г.).

4. Относительное увеличение числа дел, прекращенных кассационными инстанциями по реабилитирующим основаниям, привело соответственно к уменьшению удельного веса дел, прекращенных по реабилитирующим основаниям надзорными инстанциями, с 75% в 1967 г. до 67% в 1970 г.

Если общее число лиц, реабилитированных вышестоящими инстанциями, принять за 100%, то соотношение между кассационным и надзорным порядком реабилитации менялось в пользу первого: 1967 г. — 54% (кассация) и 46% (надзор); 1970 г. — 62% (кассация) и 38% (надзор).

5. Общий процент дел, прекращенных по реабилитирующим основаниям в обеих инстанциях, однако, мало изменился: в 1967 г. он составлял 80,5%, в 1970 г. — 78%. Произошло лишь перемещение основного «бремени» исправления ошибок данного вида с надзорных на кассационные инстанции. Если процент прекращения дел по реабилитирующим основаниям кассацион-

ными инстанциями в 1967 г. был на 11% больше соответствующего процента по надзорным инстанциям, то к 1970 г. эта разница составила 22%. Этот сдвиг указывает на повышение эффективности кассационных инстанций в обнаружении и исправлении наиболее опасных судебных ошибок.

6. Сократилось и абсолютное число лиц, в отношении которых дела были прекращены вышестоящими инстанциями. Если в 1967 г. принять за 100%, то в 1970 г. их количество уменьшилось до 64%. Однако, как уже отмечалось, значение этой благоприятной тенденции снижается тем, что в ряде случаев прекращение дел необоснованно заменяется возвращением их на доследование.

7. Надзорные инстанции гораздо чаще, чем кассационные, прекращают дела по реабилитирующим основаниям. Особенно это относится к 1968 г. (прекращено по (нерабilitирующим основаниям в кассационном порядке дел в отношении 12% лиц, в надзорном порядке — в отношении 34% лиц)³⁶. Объяснить это можно следующим образом: амнистия в ознаменование 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября 1967 г.) распространилась на лиц, совершивших незначительные преступления. Многие из них не обжалуют приговоры в кассационном порядке. Поэтому применение к таким лицам амнистии «легло на плечи» надзорных инстанций в основном в следующем, 1968 году. Это обстоятельство необходимо учитывать при планировании нагрузки и распределении судебных кадров между кассационными и надзорными инстанциями © предвидении амнистий, которые могут быть проведены в будущем.

При объяснении причин большего процента прекращения дел по нерабilitирующим основаниям в надзорных инстанциях по сравнению с кассационными следует иметь в виду, что в порядке надзора пересматривается значительная часть «старых» дел, на которые распространяются и другие, имевшие место в прошлом, амнистии и по которым в большей мере, чем в кассации, применяются другие нерабilitирующие основания прекращения дел (давность уголовного преследования, смерть осужденного).

8. Действительная распространенность судебных ошибок, исправляемых путем прекращения дел, выше, чем в табл. 7, так как при их исчислении и анализе для получения сопоставимых показателей не были учтены случаи частичного прекращения дел по одному или нескольким обвинениям. Если же за 100% при-

за 100% принимается количество лиц, в отношении которых дела прекращены по обоим этим основаниям — в первом случае применительно к кассации, во втором — к надзору.

пятая все случаи полного и частичного прекращения дел по реабилитирующим основаниям в кассационных инстанциях, то на долю частичного прекращения приходится: в 1967 г. — 31%, в 1968 г. — 30, в 1969 г. — 29, в 1970 г. — 30%; на долю полного прекращения соответственно: в 1967 г. — 69%, в 1968 г. — 70, в 1969 г. — 71, в 1970 г. — 70%.

К сожалению, частичное прекращение уголовных дел «надзорными инстанциями по статистике не учитывалось.

Как отмечалось ранее, частичное прекращение дела может представлять собой способ выявления еще более серьезных ошибок, чем полное прекращение. Поэтому необходимо, на наш взгляд, учитывать в статистике не только частичное прекращение дел в порядке надзора (форма № 8), о чем уже говорилось, но и разделить этот показатель на два еще более конкретных: частичное прекращение с оставлением более тяжкого обвинения' или более легкого обвинения из тех, которые были инкриминированы приговором суда. К сожалению, мы не располагаем сведениями о соотношении этих показателей.

В научной литературе, в руководящих указаниях Пленумов Верховных судов Союза ССР и союзных республик, а также в приказах Генерального Прокурора СССР неоднократно подчеркивалось значение правильной квалификации всех эпизодов преступлений, совершенных обвиняемым. Иногда допускаются ошибки в решении этих вопросов, влекущие за собой частичное прекращение дела в судах первой или вышестоящих инстанций, либо возвращение его на доследование для предъявления всех эпизодов обвинения.

Во избежание излишне узких или широких пределов исследования и предварительного следствия и в суде необходимо в качестве одного из показателей эффективности предварительного следствия и судебного разбирательства использовать сведения о том, по какому из обвинений подсудимый оправдан или дело о нем частично прекращено в вышестоящем суде — по более тяжкому или более легкому обвинению.

Рассмотрим теперь динамику прекращения дел, прошедших по первой инстанции через областные, краевые суды, Верховные суды союзных и автономных республик (табл. 11).

Из табл. 11 вытекают несколько выводов.

1. Постепенно снижается число ошибок вышестоящих судов (по первой инстанции), исправляемых путем отмены вынесенных ими приговоров с одновременным прекращением дел. Если в 1957 г. было 1,8% таких дел (в лицах), то к 1970 г. этот процент снизился до 1,0 (кассация). В отдельные годы этот процент еще более снижался.

Количество дел (в лицах), прекращенных в порядке надзора, снижалось в меньшей мере (1957 г. — 0,5%, 1970 г. — 0,35%), при этом в последние три года снижения не наблюдалось.

Т а б л и ца 11

Год	Прекращение дел кассационными инстанциями, % от обжалованных и опротестованных приговоров	Прекращение дел надзорными инстанциями (только общеуголовные преступления), % от приговоров, в отношении которых надзорные протесты удовлетворены	Год	Прекращение дел кассационными инстанциями, % от обжалованных и опротестованных приговоров	Прекращение дел надзорными инстанциями (только общеуголовные преступления), % от приговоров, в отношении которых надзорные протесты удовлетворены
1957	1,8	0,5	1964	1,1	Нет данных
1958	1,0	0,8	1965	1,8	0,5
1959	1,7	Нет данных	1966	0,6	0,4
1960	0,8	То же	1967	1	0,35
1961	0,4	»	1968	0,8	0,35
1962	0,5	»	1969	0,6	0,35
1963	0,9	»	1970	1	0,35

Примечание. Пропуски отдельных показателей в статистических рядах обусловлены тем, что в нашем распоряжении не оказалось некоторых данных. Однако основной статистический ряд (прекращение дел кассационными инстанциями за 1957—1970 гг.) приведен полностью. Исчисление ведется в лицах, в отношении которых вынесены приговоры.

При сравнении этих данных с динамикой судебных ошибок данного вида, допущенных народными судами, видно, что по вышестоящим судам снижение шло более медленными темпами.

2. Обращают на себя внимание «неровность» статистического ряда, значительные колебания показателей. 1957—1959 гг. вообще характерны высокими цифрами прекращения дел, что вполне объяснимо широкой практикой передачи виновных на поруки, направления дел в товарищеские суды и т. д. Теперь мы видим, что этот процесс коснулся и вышестоящих судов, несмотря на то, что к их подсудности отнесены наиболее серьезные дела. Следует также иметь в виду, что период «смягчения» уголовной политики не может не способствовать и (некоторому «смягчению» (в пользу обвиняемого) в решении вопроса о достаточности доказательств для осуждения, а это усиливает тенденцию к увеличению оправданий и прекращений дел. И если такое увеличение не происходит, то это объясняется процессом постепенного снижения количества судебных ошибок, случаями замены оправдания и прекращения дел возвращением их на следствие и рядом других тенденций, из которых не все еще хорошо изучены.

*В 1961—1963 гг. приговоры вышестоящих судов отменяются с прекращением дел в гораздо меньшей степени, чем в пре-

дыдущие годы. И это вполне понятно: в уголовной политике возобладала установка на большую жесткость уголовной репрессии в отношении опасных преступников, а вышестоящие суды как раз и рассматривали по первой инстанции эту категорию уголовных дел. В 1964—1965 гг. сила этой установки несколько ослабла; в этот период были прекращены некоторые уголовные дела, рассмотренные в предыдущий период, по которым не было собрано достаточных доказательств виновности (в частности, по «групповым» делам вина некоторых осужденных была не вполне доказана). Эта тенденция привела к росту процента прекращенных дел.

В 1966—1970 гг. процент прекращения дел данной категории снова несколько снизился. С одной стороны, это признак улучшения качества предварительного следствия и судебного разбирательства по делам о наиболее опасных преступлениях, а с другой — результат усиления жесткости уголовной политики в этот период.

Выявляемая обратная зависимость между степенью жесткости уголовной политики и достаточным для каждого периода уровнем доказанности обвинения представляет особый интерес. В принципе не должно быть никакой зависимости между силой наказаний и достаточностью доказательств для обвинения. Однако некоторые судьи в периоды обострения силы уголовной репрессии поддаются соблазну «покарать преступление» при не вполне доказанной вине подсудимого; и при этом они в меньшей мере, чем прежде, рискуют, что приговор будет отменен, тем более по многоэпизодному «групповому» делу. Отменить такой приговор в период усиления жесткости уголовной политики, взяв на себя столь высокую ответственность, — рискнет не каждый судья. Зато при смягчении уголовной политики такие приговоры нередко и отменяются (в том числе с прекращением дела), и изменяются. Плохо только, что возможности для доследования таких дел со временем ухудшаются.

3. Соотношение отмены приговоров вышестоящих судов с прекращением дел в кассационном и надзорном порядке (1967 г.—43 и 57%; 1968 г.—46 и 54%; 1969 г.—45 и 55%) пока в пользу надзорного порядка (в отличие от приговоров народных судов, которые стали больше отменяться с прекращением дел в кассационном, чем в надзорном порядке).

Таким образом, большинство ошибок этого вида остается незамеченными при рассмотрении дел вышестоящих судов кассационными инстанциями. Объясняется это не только недостатками кассационной работы судебных коллегий по уголовным делам Верховных судов союзных республик, но и отсутствием кассационного обжалования приговоров Верховных судов республик, не имеющих областного деления, о чем уже говорилось.

Распределение оснований прекращения уголовных дел см. в табл. 12.

Таблица 12

Ошибки вышестоящих судов (первая инстанция), выявленные путем прекращения дел	Годы		
	1967	1968	1969
Кассация			
отсутствие события, состава преступления и недоказанность	67,0	63,0	67,3
оставление в силе другого обвинения	25,0	30,0	25,0
другие основания	8,0	7,0	7,7
Итого	100	100	100
Надзор			
отсутствие события, состава преступления и недоказанность	97,5	93,2	95,6
другие основания	2,5	6,8	4,4
Итого	100	100	100
Кассация и надзор			
отсутствие события, состава преступления и недоказанность	84,3	79,3	83,0
оставление в силе другого обвинения	10,9	13,7	11,5
другие основания	4,8 J	7,0 J	5,5
Итого !	100	100	100

Примечание. Нет данных о выявлении судебных ошибок в порядке надзора с оставлением в силе другого обвинения.

Очевидно, что дела, рассмотренные вышестоящими судами по первой инстанции и прекращенные после отмены приговора, в большинстве случаев прекращаются по реабилитирующим основаниям. Кассационные инстанции прекращают по этим основаниям почти в 2 раза меньше дел, чем надзорные инстанции (в абсолютных цифрах). Это лишний раз подтверждает необходимость введения кассационного обжалования приговоров Верховных судов союзных республик, не имеющих областного деления, и, быть может, вообще Верховных судов всех союзных республик, а также требует серьезного улучшения работы Су-220

дебных коллегий Верховных судов союзных республик в качестве кассационных инстанций.

Таблица 12 также показывает, что общее количество этих (самых опасных) судебных ошибок в последние годы несколько снизилось. Она подтверждает необходимость введения в форму №.8 статотчетности графы «частичное прекращение дел».

Становится также очевидным, что почти все прекращение дел в кассационном и надзорном порядке производится по реабилитирующим основаниям, а по другим основаниям прекращаются лишь единичные дела.

Перейдем теперь к анализу динамики судебных ошибок, исправляемых путем отмены приговоров с возвращением уголовных дел на следствие. Этот «вид ошибок, как правило, связан с неполнотой, односторонностью и необъективностью предварительного и судебного следствия, благодаря чему суд вынес необоснованный и незаконный приговор»³⁷.

Сначала приведем статистический ряд, характеризующий количество (в %) ошибок народных судов, обнаруживаемых кассационными инстанциями с возвращением дел в прокуратуру и органы расследования МВД для проведения дополнительного расследования (табл. 13).

Сопоставим количество уголовных дел, рассмотренных народными судами и возвращенных для следствия из судов первой, второй и надзорной инстанции в 1967—1972 гг.

Наиболее полный статистический ряд—отмена приговоров народных судов в кассационном порядке с направлением дел на следствие (табл. 13)—дает достаточное представление о динамике судебных ошибок этого вида. Их количество сократилось с 1939 по 1970 г. с 8,7 до 1,8% (от числа обжалованных и опротестованных приговоров), т. е. уменьшилось (в %) в 5 раз. Если же учесть возвращение на следствие уголовных дел из надзорных инстанций (до 1954 г. его практически было очень мало, а в настоящее время оно составляет 0,3% от всех приговоров), то общий процент возвращения на следствие уменьшился в 4 раза.

Общее снижение данного показателя свидетельствует о постепенном убывании судебных ошибок, связанных с необходимостью возвращения дел на следствие, улучшении качества предварительного и судебного следствия. С другой же стороны, повышение требований вышестоящих инстанций создавало тенденции к увеличению количества дел, возвращаемых на «следствие из этих инстанций. В том же направлении действовало стремление отдельных судей уклониться от оправдания и прекращения дел путем замены этих принципиальных реше-

³⁷ Здесь рассмотрена лишь динамика этих ошибок, а раскрытию их существа посвящена гл. VIII.

ний возвращением дел на доследование, о чем уже говорилось. И если, несмотря на эти тенденции, количество дел, возвращаемых на доследование, убывало, то значит *шел* процесс сокращения судебных (и следственных) ошибок. При этом в данном процессе не было существенных «скачков» и «зигзагов».

Следует, однако, заметить, что вот уже 5 лет процент дел, возвращенных на доследование вышестоящими судами, почти не изменяется.

В то же время абсолютные цифры о возвращении дел на

Таблица 13

Число уголовных дел, возвращенных для доследования из судов кассационной инстанции

Год	% от обжалованных и опротестованных приговоров	% от всех приговоров	Год	% от обжалованных и опротестованных приговоров	% от всех приговоров
1939	8,7	3,2	1956	2,2	0,6
1940	5,9	2,2	1957	1,9	0,6
1941	5,3	1,9	1958	1,6	0,6
1942	5,6	1,7	1959	1,4	0,5
1943	6,0	1,9	1960	1,3	0,5
1944	6,5	1,9	1961	1,3	0,5
1945	6,8	2,2	1962*	1,2	0,4
1946	7,4	2,6	1963	1,6	0,6
1947	7,9	2,8	1964	1,6	0,6
1948	7,6	2,7	1965	1,5	0,6
1949	6,6	2,3	1966	1,3	0,5
1950	6,0	2,1	1967	1,3	0,4
1951	4,6	1,6	1968	1,2	0,4
1952	3,9	1,4	1969	1,2	0,4
1953	3,3	0,9	1970	1,3	0,4
1954	3,1	0,9	1971	1,6	0,5
1955	2,5	0,7	1972	1,8	0,6

Примечание. Статистический ряд отражает в основном динамику судебных (и следственных) ошибок, выражающихся в неполноте, необъективности, односторонности исследования обстоятельств дела. При определении процента дел, возвращенных для доследования из кассационных инстанций (от всех дел), имеющиеся в нашем распоряжении показатели, исчисленные от количества дел, по которым приговоры были обжалованы (опротестованы), корректировались с учетом процента кассационного обжалования приговоров. Данные о доле обжалованных (опротестованных) приговоров усреднены по периодам (довоенный период, война и т. д.), а с 1957 г. использованы данные за каждый год.

Таблица 14

Год	Число уголовных дел, возвращенных для доследования, % ко всем делам, рассмотренным народными судами				
	из судов инстанции			2 + 3	1 + 2 + 3
	первой (1)	кассационной (2)	надзорной (3)		
1967	3,0	0,4	0,3	0,7	3,7
1968	3,1	0,4	0,2	0,6	3,7
1969	3,1	0,4	0,2	0,6	3,7
1970	3,3	0,4	0,2	0,6	3,9
1971	3,4	0,5	0,3	0,8	4,2
1972	3,7	0,6	0,3	0,9	4,6

доследование из судов в 1967—1972 гг. показывают, что число таких дел не только не убывает, а наоборот, растет. Первые инстанции в последние годы возвращают на доследование основную массу дел — 80—85%; на долю же вышестоящих инстанций приходится 15—20% (см. табл. 14).

Таким образом, суды первой инстанции в основном справляются с задачей выявления следственных ошибок и в необходимых случаях возвращают дела на доследование. Однако все же 15—20% таких ошибок суды первой инстанции оставляют неисправленными и тем самым ошибаются сами, в связи с чем исправлением этих ошибок занимаются вышестоящие суды. При этом кассационные инстанции исправляют несколько большее число ошибок данного вида, чем надзорные. Если за 100% принять возвращение дел на доследование из всех вышестоящих судов, то за 1967—1972 гг. кассационные инстанции возвратили 60%, а надзорные — 40% уголовных дел. Такое соотношение сохраняется в последние годы. Значит, в 40% случаев кассационные инстанции не справляются с возложенными на них задачами по возвращению дел на доследование, и их ошибки исправляют надзорные инстанции. Такое положение вряд ли можно признать нормальным. Необходимо значительно повысить эффективность кассационных инстанций.

Наконец, рассмотрим динамику судебных ошибок, исправляемых путем отмены приговоров с направлением дел на новое судебное рассмотрение. Этот вид судебных ошибок характерен тем, что в него входят только судебные, а не следственные ошибки. Распределение этих ошибок по видам и их динамику (в %) см. в табл. 15.

Таблица 15

Год	правильное оправдание и смягчение наказания	мягкость наказания	к мягкости, %	до этого дел возвращено на новое судебное рассмотрение	Год	правильное оправдание и смягчение наказания	мягкость наказания	к мягкости, %	до этого дел возвращено на новое судебное рассмотрение
1957	0,5	1,3	3,1	4,9	1965	0,1	0,9	1,2	2,2
1958	0,4	1,5	2,4	5,3	1966	0,1	1,0	1,3	2,4
1959	0,3	0,9	1,7	2,9	1967	0,13	0,74	1,36	2,13
1960	0,2	1,7	1,4	3,3	1968	0,12	0,85	1,37	2,34
1961	0,2	1,5	1,2	2,9	1969	0,1	0,8	1,2	2,1
1962	0,2	1,0	1,2	2,4	1970	0,1	0,8	1,3	2,1
1963	0,2	1,0	1,3	2,5	1971	0,15	0,8	1,9	2,85
1964	0,1	0,8	1,2	2,1	1972	0,12	0,8	1,9	2,82

Примечание. Проценты выведены от числа обжалованных и опротестованных в кассационном порядке приговоров народных судов. Исчисление ведется в лицах, относительно которых приговоры отменены.

Из табл. (15 следует несколько выводов.

1. При сопоставлении ее с предыдущими таблицами видно, что на новое судебное рассмотрение возвращается из вышестоящих судов примерно 60% уголовных дел, а на доследование — 40%. Из этого следует, что число судебных ошибок (не обусловленных ошибками предварительного следствия) гораздо больше, чем следственно-судебных (двойных) ошибок. Вся отмена приговоров — это судебные ошибки, но отмена с доследованием — это ошибка и следствиями суда, а отмена с направлением на новое судебное рассмотрение связана с ошибкой одного лишь суда.

В эту группу ошибок входят как уголовно-правовые (мягкость наказаний), так и процессуальные ошибки (неправильное оправдание). В статистических формах в графу «другие основания» входят смешанные ошибки и уголовно-правовые, связанные с неправильной квалификацией деяний или неправильным определением режима содержания в ИТК и др., и процессуальные, связанные с необоснованным осуждением, когда не требуется возвращать дело на доследование (существенные нарушения процессуального закона, допущенные судом; неполнота судебного следствия и неверная оценка доказательств судом, «неправильное разрешение гражданского иска и др.); .

Представляется необходимым выделить в статистических формах отчетности (формы № 6, 8) все указанные выше виды судебных ошибок, а не смешивать их под неопределенной рубрикой «другие основания». Не странно ли, что «других основа-

ний» отмены в количественном отношении гораздо больше, чем выделенных в особые разделы «неправильного оправдания» и «мягкости наказаний», и не пора ли перейти к дифференцированному изучению судебных ошибок, скрывающихся под рубрикой «другие основания»? Мы пытались восполнить эти пробелы с помощью социологических исследований (см. гл. III). Но наступило время дифференцированно учитывать указанные (виды судебных ошибок и в государственной статистике. Пока это не сделано, нет и возможности анализировать динамику судебных ошибок, исправленных путем возвращения дел на новое судебное рассмотрение по более дробным показателям.

2. Проследившая динамику этого рода ошибок, можно констатировать их общее снижение. Если 1957 г. принять за 100%, то в 1972 г. ошибок указанной категории стало 56%. Однако темпы снижения более конкретных показателей были неодинаковы. Случаи неправильного оправдания за **указанный период** сократились (в %) в А роза. Столь быстрые темпы устранения из судебной практики «неправильных оправданий» вполне согласуются с выводом о более строгих требованиях, предъявляемых вышестоящими инстанциями к оправдательным приговорам.

В отличие от неправильного оправдания ошибки, связанные с мягкостью наказаний, с 1957 по 1972 г. сократились всего лишь в 1,3 раза. Начиная с 1962 г. эти ошибки почти не сокращались. Низкие темпы сокращения ошибок данного вида свидетельствуют о применении судами достаточно строгих мер наказания.

Анализ табл. 15 необходимо дополнить некоторыми сведениями о динамике ошибок данного рода, исправляемых в порядке надзора.

В 1967—1972 гг. число отмененных в порядке надзора приговоров народных судов ввиду неправильного оправдания и прекращения дел было в 2—3 раза меньше по сравнению с кассационным порядком пересмотра приговоров. Имеет место тенденция к увеличению числа таких дел, наблюдаемая отчасти и в кассационном производстве.

Сопоставление отмены приговоров ввиду мягкости наказаний в кассационном и надзорном порядке свидетельствует о том, что в 1967—1968 гг. по этому основанию отменялось примерно равное число приговоров. Однако в 1969—1970 гг. это соотношение изменилось в пользу надзора.

Наконец число приговоров народных судов, отмененных в надзорном порядке по так называемым другим основаниям, превышает число приговоров (в лицах), отмененных по тем же основаниям кассационными инстанциями. Таковы некоторые выводы о динамике судебных ошибок.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА И ПОДГОТОВКИ СУДЕБНЫХ КАДРОВ В УСТРАНЕНИИ СУДЕБНЫХ ОШИБОК

Глава V

НАУЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА В СУДАХ КАК УСЛОВИЕ СОКРАЩЕНИЯ СУДЕБНЫХ ОШИБОК

§ 1. Уровень организации труда судей и судебные ошибки

«Научная организация труда есть применение научных принципов не только к хозяйственному труду человека или к производству, но и ко всякой организационной работе вообще... Принципы научной организации должны применяться и во всех других отраслях деятельности...»¹ В связи с данным исследованием особый интерес, естественно, представляет вопрос о том, насколько обосновано рассмотрение научной организации труда в системе мер, направленных на предупреждение и устранение судебных ошибок.

Необходимая связь повышения эффективности правосудия с проблемами научной организации труда в судопроизводстве вытекает прежде всего из того, что НОТ в сфере любой деятельности должна обеспечивать ее эффективность.

При этом нужно учитывать специфику конкретного понятия эффективности правосудия в совокупности всех его сторон: достоверного и полного установления фактических обстоятельств совершенного преступления и его правильной юридической оценки, охраны судом прав и законных интересов граждан, привлекаемых к участию в судопроизводстве, и его воспитательного воздействия. Если процессуальное законодательство обязывает к выполнению указанных задач, то в плане научной

организации труда необходимо определить, обеспечивают ли реальные условия деятельности органов правосудия достижение необходимого результата при наименьших затратах и напряжении в деятельности судов, а также в наиболее короткие сроки. Речь идет об организационном обеспечении уголовно-процессуального законодательства, об объективной выполнимости требований, предъявляемых к судебным работникам по всем направлениям, определяющим эффективность их деятельности.

Главным показателем эффективности правосудия является вынесение законных и обоснованных приговоров. Поэтому, даже если рассуждать чисто теоретически, то практическое решение вопросов научной, наиболее эффективной организации деятельности органов судопроизводства должно отражаться на качестве приговоров. Нельзя понимать эту связь упрощенно, так же как нельзя считать качество судебных решений в каждом конкретном случае производным от уровня научной организации труда. Обычно НОТ рассматривают в совокупности двух ее критериев² — достижения необходимого результата при минимуме затрат. При исследовании значения НОТ для предупреждения и исправления судебных ошибок в качестве необходимого результата подлежащей научной организации судебной деятельности выступает вынесение правосудного приговора.

А под «минимумом затрат» при осуществлении правосудия понимается, естественно, не сокращение времени на рассмотрение дел, не отказ от тщательного, кропотливого исследования, требующего максимума духовных сил и знаний от судей; имеется в виду также не уменьшение общих материальных затрат на судопроизводство; речь идет об ограждении судей от не связанных с рассмотрением дел нервных затрат, о сокращении затрат времени на весь процесс от момента совершения преступления до вынесения приговора, о рациональном использовании усилий всех участвующих в уголовном судопроизводстве граждан при максимальном обеспечении их прав. «Экономичность» в процессуальной деятельности, как и вообще в сфере применения права, относится не столько к материальным затратам, сколько к социальным средствам, к определению необходимых пределов социальной деятельности, социальных усилий участников судопроизводства в соответствии с их целями и ролью в общественной жизни и теми задачами, которые являются основными для каждого из субъектов деятельности.

С этих позиций надо определять значение НОТ для качества деятельности судебной системы в целом. Уголовно-процессуальное законодательство содержит процессуальные гарантии законности и обоснованности судебных приговоров. В то же время научная организация труда в судопроизводстве должна быть

¹ Г. М. Керженцев. НОТ — научная организация труда. — «Принципы организации». М., 1968, стр. 275—276; Г. Л. Туманов. Организация управления в сфере охраны общественного порядка. М., 1972, стр. 65.

² В. Любинский. Понятие и содержание НОТ в судебных органах. — «Советская юстиция», 1969, III 6, стр. 20.

направлена на то, чтобы вынесение правосудных приговоров было организационно максимально облегчено, не требовало бы чрезмерного, не вытекающего из характера уголовного процесса перенапряжения в судебной работе, не приводило бы к неоправданно большим социальным затратам и потерям времени судей и других участвующих в судопроизводстве лиц, строилось бы таким образом, чтобы могли быть полностью использованы знания и опыт высококвалифицированных работников, обеспечивалось бы их сохранение в судебных органах. Недостаточно последовательное осуществление принципов научной организации труда и, как его результат, необоснованные перегрузки в деятельности органов судопроизводства увеличивают потенциальную возможность принятия неправильных решений, вынесения неправосудных приговоров. Отсюда — превентивное значение НОТ в системе мер, способствующих преодолению судебных ошибок.

Проблема устранения ошибок в деятельности органов судопроизводства связана с научной организацией труда не только благодаря тому, что последняя создает общую организационную базу эффективного правосудия. НОТ и в других областях деятельности разрабатывает и обосновывает частные методы ограничения ошибок при принятии решений. Например, научная организация управленческого труда в качестве мер, нейтрализующих возможности принятия неправильных решений, называет: 1) точное определение круга вопросов, подлежащих решению данным органом; 2) установление персональной ответственности за неправильное решение; 3) четкое руководство со стороны вышестоящих органов, когда органы, выносящие решение, точно знают о предъявляемых к ним требованиях; 4) квалифицированное методическое руководство и обеспечение необходимой квалификации принимающего решения; 5) поощрение за эффективное решение; 6) исследование причин конкретных неудач и ошибок; 7) внедрение новых методов, повышающих научную обоснованность решений³.

Применительно к обеспечению качества приговоров эти меры в несколько видоизмененной форме составляют существо научной организации работы по судебному управлению. В плане борьбы с судебными ошибками научная организация труда в судебном управлении должна обеспечивать наиболее эффективное распределение обязанностей по руководству и контролю за судебными органами, выработку форм учета и показателей качества правосудия, решение в зависимости от этих показателей вопросов ответственности и поощрения, совершенствование методов анализа судебной практики и судебной статистики как источников информации о качестве судебных приговоров и эффективности правосудия.

³ В. Г. Вишняков. Право и научная организация управленческого труда. М., 1968, стр. 32.

Если условно выделить в деятельности органов правосудия специфические процессуальные способы организации⁴, то остальная часть судебной работы, несомненно, может и должна являться объектом научной организации труда в ее универсальном для всех областей деятельности значении. При этом необходимо отметить общую направленность и процессуальных, и внепроцессуальных методов организации, они имеют своей целью в соответствии с задачами правосудия обеспечение законности и обоснованности приговоров, предупреждение и устранение судебных ошибок.

Совершенствование организации труда в деятельности органов правосудия не может поэтому не оказывать определенное положительное воздействие на качество судебных приговоров. Это доказывает и анализ отдельных компонентов существующего уровня организации в деятельности по осуществлению правосудия в их связи с судебными ошибками.

Общепризнано в литературе по научной организации труда, что НОТ включает в себя в качестве основных направлений нормирование труда и расширение его сферы, организацию рабочего времени, совершенствование форм разделения и кооперации труда, подбор, расстановку, подготовку кадров и повышение их квалификации, широкое использование материальных и моральных стимулов, создание нормальных технических и санитарно-гигиенических условий труда с учетом его особенностей и психо-физиологических возможностей человека⁵.

Применительно к деятельности органов судопроизводства значение организации труда по наиболее важным из указанных направлений может выражаться и выражается в определенной связи качества судебных приговоров с такими показателями существующей организации труда, как служебная нагрузка судей по рассмотрению дел, наличие или отсутствие специализации как формы разделения труда, степень квалифицированности судебных кадров, определяемая уровнем образования и стажем судебной работы, мера материальной заинтересованности судей в своей работе, отражающаяся в размере заработной платы и жилой площади, которую имеют судьи в расчете на одного члена семьи⁶.

⁴ См. данную главу, § 2, 3.

⁵ В. К. Курочкин. Научная организация труда — НОТ. М., 1969, стр. 7—8; Г. Г. Зуиков. Предмет, задачи и система курса «Основы научной организации управления и труда в органах внутренних дел». М., 1971, стр. 46.

⁶ Эти факторы, конечно, влияют непосредственно только на судью — председательствующего в судебной коллегии, куда наряду с ним входят и народные заседатели. Однако поскольку анализируется такое явление, как неправильный судебный приговор, то следует признать, что судья, участвовавший в его вынесении, во всех случаях имеет достаточно средств для того, чтобы предотвратить ошибку народных заседателей, если он сам ее обнаруживает, или по крайней мере выразить в противном случае свое особое мнение. Судья несет особую ответственность за каче-

Связь названных показателей организации труда в судебных органах с судебными ошибками изучалась в ее количественном выражении с помощью методов корреляционного анализа на основе данных анкетирования, проведенного среди 3100 судей. Служебная нагрузка, специализация, стаж работы, доход и жилплощадь на одного члена семьи у судей рассматривались в качестве факторов, находящихся в известной связи с количеством отмененных приговоров у судей и с количеством судей, имевших за год работы отмененные приговоры. Задача корреляционного анализа — изучение связей между факторами и какой-то величиной, представляющей зависимой от них, переменной⁷.

В данном случае в качестве такой зависимой переменной выступало, во-первых, количество отмененных приговоров и, во-вторых, число судей, работавших в течение года без отмены приговоров. Необходимо дать предварительную характеристику факторам, которые избраны в качестве влияющих на выраженный количественно результат судебной работы. Признается, что выделение таких факторов строится на основе гипотез, правильность которых и определяется на основе корреляционного анализа. В данном случае теория научной организации труда достаточно обосновывает гипотезу о возможном влиянии указанных факторов на эффективность судебной деятельности, чтобы можно было подвергнуть ее дальнейшему математическому анализу. Однако рассматриваемые факторы, безусловно, не являются исчерпывающе влияющими на судебную деятельность.

Существует еще целый ряд важнейших компонентов, определяющих эффективность судебной деятельности (уровень правосознания, степень профессиональной пригодности и подготовленности судей и т. д.), которые не изучаются в плане исследования организации труда, а иногда и не могут быть измерены количественно. Поэтому возможное влияние изучаемых факторов всегда будет носить лишь статистический характер, может проявляться, как уже говорилось, не в каждом отдельном случае, а лишь в среднем. Это важно для правильной оценки результатов корреляционного анализа, проведенного в целях изучения роли научной организации судебной деятельности по указанным показателям.

Кроме того, надо иметь в виду, что корреляция, существующая между какими-то явлениями, не всегда выражает причинно-следственные связи. Она может характеризовать связь двух явлений, опосредуемую каким-то третьим, неизвестным, или не поддающимся измерению. Она может отражать существующее влияние не самих явлений друг на друга, а их связей между

ство решений состава суда. Кроме того, исследования показывают, что судебные ошибки — это, как правило, ошибочные решения, мнения, оценки судьи-профессионала (см. гл. VII, § 5).

«Количественные методы в социологии». М., 1966, стр. 94.

собой, например, связи между первым и вторым явлениями на связь между третьим и четвертым. Важно, что корреляционный анализ всегда указывает на то, существует или не существует какая-то изменчивость в объекте исследования в зависимости от изменчивости предположительно влияющих на него факторов, измеряет степень тесноты связи, хотя не определяет ее характер⁸.

С этих позиций представляются весьма показательными полученные данные корреляционного анализа.

Корреляционные отношения между, с одной стороны, средним количеством уголовных дел, рассматриваемых в месяц, стажем работы судей, специализацией, жилплощадью и заработком на одного члена семьи и, с другой стороны, количеством отмененных приговоров равны соответственно 0,2; 0,33; 0,75; 0,51; 0,06. Это значит, что увеличение количества уголовных дел, рассматриваемых в месяц, определяет на 20% изменчивость, а именно увеличение, количества отмененных приговоров за год работы у наблюдаемого контингента судей, на 33% эта изменчивость в сторону уменьшения количества отмененных приговоров зависит от роста стажа работы судей, на 75% — от наличия специализации и т. д. Разумеется, это отражает лишь статистическую тенденцию.

Изменения в общем количестве судей, работавших без отмены приговоров, в зависимости от указанных факторов характеризуются соответственно следующими корреляционными отношениями: 0,118 (11,8%) в зависимости от среднего количества уголовных дел, 0,114 (11,4%) — от стажа судебной работы, 0,05 (5%) — от специализации, 0,228 (22,8%) — от жилплощади и 0,046 (4,6%) — от заработка.

Меньшие корреляционные отношения во втором случае вполне объяснимы тем, что показатель «количество отмененных приговоров» более «чувствителен» к изменениям указанных факторов, чем показатель «количество судей, работающих без отмены приговоров». Последний изменяется не во всех тех случаях, когда растет количество отмены, а лишь тогда, когда отмененный приговор появляется у судьи, ранее не имевшего таких приговоров. Когда же у судьи, и ранее имевшего отмененные приговоры, увеличивается количество отмененных, то это никак не влияет на общее количество судей, работавших с отменой. Здесь же необходимо объяснить на первый взгляд парадоксальное положение: жилплощадь связана с результатами работы теснее, чем нагрузка, стаж, специализация и в большей степени даже, чем заработок, хотя последний представляется более значимым показателем материальной обеспеченности. Такое явление можно объяснить некоторыми математическими закономерностями и логическим истолкованием анализируемого положения.

«Количественные методы в социологии», стр. 120.

Как известно, сам по себе корреляционный анализ не раскрывает причин явлений, не указывает на то, какое из двух или нескольких явлений, находящихся в корреляционной зависимости, является причиной, а какое—следствием. Это в полной мере относится и к рассматриваемому вопросу.

Если такие факторы, как стаж судебной работы, служебная нагрузка судей и специализация, могут в совокупности служить **причинами** более хорошей или более плохой работы судей, то о жилплощади это с достоверностью сказать невозможно, так как она в большей степени, чем другие названные факторы, связана с такими обстоятельствами, которые труднее поддаются количественному измерению. Поскольку не существует каких-то определенных правил предоставления судьям жилплощади, то их уровень обеспеченности ею зависит больше от авторитета каждого судьи, от его личностных качеств, объясняющих его общественный вес, от взаимоотношений судьи с органами исполнительной власти. Иногда хорошая обеспеченность жилплощадью может быть не причиной, а следствием хорошей работы судьи. Его высокий авторитет, влияя на обеспеченность жилплощадью, является определенным последствием качества работы, поскольку последнее формирует и общественное мнение о судье. Кроме того, важно, что жилплощадь может быть связана с качеством работы через целый ряд других промежуточных факторов, например, здесь может влиять прежнее, до избрания на судебскую должность, должностное положение судьи или стаж его работы в этот период в других органах юстиции — прокуратуре, адвокатуре, что может обеспечивать его высокую квалификацию и связано в то же время с его возрастом. Все это усиливает многосторонность рассматриваемой взаимосвязи. Такая множественная опосредованная связь обеспеченности жилплощадью и качества работы отражается и на ее значительном количественном весе.

Поскольку рассматриваемые факторы, характеризующие уровень организации, в меньшей степени связаны друг с другом и в большей — с изучаемыми количественными результатами судебной деятельности⁹, то можно с некоторой степенью приближенности определить и изменчивость в количественной характеристике судебных ошибок в зависимости от совокупной изменчивости всех факторов.

Для количества отмененных приговоров эта связь с совокупной изменчивостью всех названных факторов может быть выражена (поскольку они действуют в одном направлении) как 0,976, или 97,6%, а для количества судей, работающих без отмены приговоров, как 0,083, или 8,3%. Здесь же надо указать, что выраженная в коэффициенте ковариации корреляционная за-

⁹ Действительно, очевидно, существенней связь служебной нагрузки или стажа работы с количеством отмененных приговоров, чем связь нагрузки и стажа, специализации и стажа, специализации и зарплата и т. д.

висимость (использовались именно эти коэффициенты) признается существенной, если коэффициент равен 0,5 и выше. Значит, во-всяком случае является несомненно значительной теснота взаимосвязи между рассматриваемыми показателями организации труда и количеством отмененных приговоров.

Эти данные позволяют обоснованно возражать против встречающейся еще в практике судебных органов точки зрения, согласно которой хороший судья независимо от большой служебной нагрузки и других условий не будет допускать ошибки в рассмотрении и решении дел. Если подобные утверждения могут оправдываться и оправдываются для отдельных случаев, то статистико-социологические данные доказывают их несостоятельность для массы судебных работников и судебных решений. В большом массиве судей (а надо говорить о работе всего контингента судей в целом) обнаруживается, что количество неправильных судебных приговоров производно для всех судей от определенных объективных условий, в которых они живут и работают¹⁰. Улучшение качества судебных приговоров вряд ли может быть стабильным и охватывающим работу судебной системы в целом без учета и изменения противодействующих этому объективных условий, если это улучшение строится на одном только энтузиазме, на личных стремлениях каждого судьи к тому, чтобы хорошо работать. В явлениях статистических всегда преобладают объективные факторы, выражающие действующие для этих явлений закономерности.

Проведенный анализ указывает на связь уровня организации в деятельности по правосудию с его эффективностью и в первую очередь с качеством приговоров¹¹.

Между тем недостаточно разработана и не всегда осуществляется практически система мероприятий по научной организации труда в судебной деятельности. Опыт работы по научной организации труда в других сферах деятельности — производственной, управленческой, научно-исследовательской — свидетельствует о том, что она должна проводиться одновременно по всем направлениям¹² не с помощью отдельных изолированных мероприятий, а путем комплекса научно обоснованных, взаимосвязанных действий как на существующем уровне в текущем плане, так и в перспективном¹³. Это тем более относится к деятельности органов правосудия, где систематическая работа по научной организации труда еще только начинается.

¹⁰ Важно отметить следующее. Поскольку количество отмененных приговоров, среднемесячную нагрузку по рассмотрению уголовных дел указывали в анкете сами судьи, то, очевидно, исключается возможность «завышения» процента отмены или изменения приговоров. Отмена и изменение приговоров по чисто статистическим данным в сравнении с данными статистико-социологическими могли бы быть только больше.

¹¹ См. также гл. V, § 3, 4 и гл. VI.

¹² В. К. Курочкин. Научная организация труда — НОТ, стр. 8, 68—72.

¹³ В. И. Ремнев. Проблемы НОТ в аппарате управления. М., 1973, стр. 25.

§ 2. Объект и методы НОТ в правосудии

Прежде чем перейти к отдельным предложениям в плане научной организации судебной деятельности, необходимо определить объект научной организации труда в правосудии, ее средства, возможную и необходимую базу, специфические для деятельности по осуществлению правосудия способы организации.

Определение объекта научной организации труда при осуществлении уголовного судопроизводства необходимо связано с процессуальной формой. Взаимоотношение уголовно-процессуального законодательства и организации труда в суде должно характеризоваться по крайней мере четырьмя моментами.

• Во-первых, определение эффективности правосудия по уголовным делам через достижение целей уголовного процесса, сформулированных законодательством, выражает и основные задачи НОТ в судопроизводстве, которая призвана способствовать реальному, точному и строгому соблюдению уголовно-процессуальных правил. Научная организация труда наряду с процессуальными гарантиями должна создавать возможности для их наиболее полного и эффективного осуществления. Если нормы уголовно-процессуального закона организационно не обеспечены или их применение вызывает в силу недостаточности высокого уровня организации большие трудности, то возникает стремление к «процессуальному упрощенчеству», «процессуальный нигилизм» в отношении их соблюдения как в судебной практике, так и в правосознании судей, применяющих закон. Реально и достаточно необеспеченные процессуальные Правила порождают не только их несоблюдение, но и отношение* к ним как к «излишеству», вызывают предложения практических работников об их устранении. Отвергнутая теорией и практикой советского правосудия тенденция к упрощенчеству имеет некоторую основу именно в отсутствии необходимой научно оправданной организации работы судебных органов.

Во-вторых, процессуальные правила сами должны гарантировать и гарантируют наибольшую эффективность правосудия, самую рациональную организацию судебной деятельности. Процессуальный закон пронизан стремлением закрепить именно такую организацию судопроизводства, ему в известной мере внутренне присущи нотовские требования. Самое явное выражение они получают в установлении процессуальных сроков и в правилах об относимости доказательств.

В-третьих, если научная организация труда стремится к наибольшей эффективности и экономичности, то уголовно-процессуальный закон определяет не только сущность необходимой эффективности, но и допустимые пределы «экономии». Эффективность и экономичность как главные критерии научной организации означают для уголовного судопроизводства не только

и не столько достижение необходимого результата с наименьшими затратами, сколько выполнение задач правосудия в соответствии с моральными, политическими и правовыми воззрениями, отраженными в демократических основах уголовно-процессуального законодательства. Материальная и социальная «экономичность» процессуальных предписаний и организации процессуальной деятельности необходима и допустима лишь в тех пределах, в каких она согласуется с демократическими основами правосудия*.

Наконец, в-четвертых, связь научной организации труда с уголовно-процессуальным законодательством выражается и в тенденциях развития последнего. Совершенствование законодательства должно одновременно выступать и как совершенствование его «нотовских» основ. Соображениями наиболее оправданной организации в уголовном судопроизводстве диктуется целый ряд предложений по изменению законодательства. Значит, в определенном смысле уголовный процесс, процессуальные формы и институты являются объектом научной организации труда. В то же время уголовный процесс предоставляет НОТ дополнительный арсенал средств, наряду с лежащими за пределами процесса организационно-правовыми и организационно-техническими, процессуальными методами, которые могут успешно использоваться для развития научной организации в правосудии по всем ее основным направлениям (что будет показано применительно к рассмотрению конкретных вопросов НОТ в судебной деятельности).

К аспектам регулирования научной организации труда в судебных органах, наряду с процессуальными вопросами и по аналогии с объектом НОТ в других сферах, относятся: определение задач и функций судебных органов в их взаимоотношениях с другими органами внутри и вне судебной системы; определение внутренней обоснованной структуры судов, структуры штатов, нормативов нагрузки, закрепляемых для суда через численность судебных кадров; установление и совершенствование форм статистической отчетности; разделение труда и

Н. Порубов. Научная организация труда следователя. Минск, 1970, стр. 101, 106; *В. Т. Томин.* Научная организация судопроизводства с позиций процессуалиста.— «Проблемы советского государства и права». Межвузовский тематический сборник. Вып. 3; «Вопросы борьбы с правонарушителями». Иркутск, 1972, стр. 144—150.

Учитывая эту специфику НОТ в судопроизводстве, следует возразить утверждению В. Е. Любинского о том, что моральные и правовые воззрения не связаны с научной организацией труда в этой области («Советская юстиция», 1969, № 6, стр. 20).

Надо иметь в виду особенность эффективности в правосудии, которая определяется именно моральными, политическими и правовыми воззрениями. НОТ в судопроизводстве, способствуя не только вынесению правосудного приговора, но и достижению воспитательного эффекта, и соблюдению прав всех участвующих в уголовном процессе лиц, не может не строиться и на таких воззрениях.

соответственно должностей судебных работников по степени необходимой квалификации; решение вопросов специализации при осуществлении правосудия; разработка системы мероприятий по подбору, расстановке и повышению квалификации судебных кадров; материальное и моральное стимулирование судебных работников и, наконец, материально-техническое оснащение судов. Это второй комплекс вопросов, решаемых в судебной деятельности с помощью НОТ. Уже один только их перечень указывает на то, что в качестве объекта научной организации труда в судебной деятельности выступают и судоустройственные проблемы, и почти полностью вопросы судебного управления.

Еще один профиль применения научной организации в деятельности судов требует рассмотрения и рационального решения вопросов планирования работы внутри каждого суда и проверки исполнения, распределения обязанностей среди отдельных работников суда, организации приема посетителей, организационной подготовки к судебному рассмотрению дел, организации работы по исполнению судебных решений и приговоров, работы с народными заседателями, организации информационной работы по законодательству и судебной практике, ведения делопроизводства, статистической отчетности и архива¹⁵.

В связи с таким широким диапазоном задач научной организации в судебной деятельности¹ следует, видимо, решить вопрос о том, что является в ней основным с точки зрения улучшения качества судебных приговоров.

Как ни важны рациональное планирование работы в народном суде, четко организованный прием граждан или распределение обязанностей среди работников суда, все же не они в наибольшей степени определяют уровень научной организации в судебной деятельности и эффективность правосудия. Превалирующее значение здесь имеет применение принципов научной организации к процессуальной деятельности, к решению задач судоустройства и судебного управления.

Исходя из этого следует решать вопрос и о методах научной организации труда в правосудии. Они в большинстве случаев имеют правовой характер, относится ли это к закреплению научной организации через процессуальное законодательство, получает ли НОТ нормативное оформление в правовых актах, регулирующих структуру, функции, штаты, материальное стимулирование в судебных органах.

¹⁵ Эти и многие другие вопросы тщательно рассмотрены в кн.: Ю. Л. Каленов, И. Д. Перлов. Организация работы народного суда. М., 1964. Решения, предлагаемые авторами, являются анализ лучших форм организационной работы в суде на существующей, «узкой» (согласно терминологии, употребляемой в литературе по НОТ) базе и распространяют существующий передовой опыт. Эта же задача решается и авторами книги «Народный суд» (под ред. Л. Д. Кокорева). Воронеж, 1970.

Как и в других областях, в правосудии необходима «постоянная систематическая работа по правовому закреплению в соответствующих правовых актах научно обоснованных связей, нормативов, форм и методов»¹⁶ работы. Для судебных органов это должно выражаться в разработке и принятии положения о народном суде, штатных расписаний и номенклатуры должностей в судах, должностных инструкций, инструкций по делопроизводству, в изменении форм государственной статистики с целью получения наиболее полной информации при минимуме затрат времени на заполнение и обработку.

Арсенал средств научной организации труда в правосудии включает в себя исключительно специфические для этой области, а именно процессуальные, методы, организационно-правовые, применяемые в научной организации и других видов деятельности, и организационно-технические, тоже общие для различных областей, обеспечивающие материальную базу в деятельности органов правосудия.

Существенным является вопрос о том, какова научная основа организации в области осуществления правосудия по уголовным делам. Если научность организации (в отличие от стихийной организации труда) во всех сферах деятельности выражается в строгом расчете и обосновании, исходя из полной, достоверной и постоянной информации, и если комплексный характер НОТ заключается прежде всего в том, что она использует достижения целого ряда наук — социологии, экономики, психологии, физиологии труда, этики, техники, то для организации деятельности в области правосудия эта научная основа расширяется. Она, как и в других областях, дополняется научными достижениями тех специфических отраслей науки, предметом которых является данная сфера деятельности. Научность организации в правосудии по уголовным делам должна определяться в первую очередь использованием достижений уголовно-процессуальной, криминологической науки, криминалистики и судебной психологии.

Особенности научной основы организации при осуществлении правосудия отражаются и в таком важном показателе научности организации, как ее устойчивость и объективная обусловленность реорганизации. Для уголовного судопроизводства устойчивость организации обеспечивается устойчивостью уголовной политики, стабильностью законодательства, устойчивостью и объективной обоснованностью изменений в компетенции судов, устойчивостью взаимосвязей судов с вышестоящими судебными и другими государственными и общественными органами в сфере уголовного судопроизводства — следственными органами, прокуратурой, адвокатурой, товарищескими судами, комиссия-

В. И. Ремнев. Разработка и внедрение научной организации управленческого труда.—«Советское государство и право», 1969, № 9, стр. 77, 82.

ми по делам несовершеннолетних и т. д. Эта специфика устойчивости организации также определяет необходимость использования научной организацией труда в области уголовного судопроизводства достижений целого комплекса юридических наук. Научная основа организации деятельности в правосудии должна развиваться благодаря усилению влияния юридической науки, уже имеющихся ее достижений на практику и через разработку юристами-учеными научных проблем, непосредственно влияющих на уровень организации. Так, прогнозирование преступности, стабильная уголовная политика должны являться объективной основой для определения необходимых кадров судебных работников; а разработка методики рассмотрения отдельных категорий уголовных дел в суде, аналогичная методике расследования преступлений, концентрируя в себе данные криминалистики и практического опыта, имела бы немаловажное значение для лучшей организации рабочего времени в судебном разбирательстве.

§ 3. НОТ и проблема функций органов правосудия

Законодательство о судостроительстве и уголовно-процессуальное законодательство возлагают на судебные органы осуществление правосудия путем рассмотрения и разрешения в судебных заседаниях уголовных и гражданских дел.

Суд, конечно, решает свои задачи в этой области путем применения установленных законом мер наказания к лицам, виновным в совершении преступления, либо оправдания невиновных, воспитывая граждан своей деятельностью по рассмотрению дел, а также путем проведения профилактической работы в духе социалистической морали. Однако суд должен решать только свои задачи, иначе он не оправдает себя как орган правосудия. Борьба с преступностью — цель не только судебной деятельности. Поэтому и статистические данные о преступности и судимости далеко не однозначно характеризуют работу суда, на основе только этих показателей не могут оцениваться достижения или упущения в деятельности судебных органов, не они одни определяют эффективность правосудия. То что вышестоящие суды и органы юстиции нередко требуют от нижестоящих, чтобы улучшение качества работы судов отражалось в снижении судимости и преступности в сфере их территориальной подсудности, не исчерпывает всех показателей и не характеризует действительное качество судебной работы, а иногда и недостаточно акцентирует внимание судов на качестве осуществления непосредственно правосудия как их основной функции. Иногда это приводит к планированию неоправданно большого объема профилактической работы суда в формах, мало связанных с осуществлением правосудия как таковым.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 июля 1970 г. «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» специально обращено внимание на то, что проводимая судебными органами работа по пропаганде советских законов и правовому воспитанию является недостаточной.

Устранение указанного недостатка требует максимального использования профилактической роли правосудия как важнейшей формы правового воспитания граждан, пропаганды советского права и профилактической работы судов, что не исключает, а, напротив, предполагает использование судами и других форм этой работы. Но в то же время надо иметь в виду, что профилактическая работа без правильной практики судов по рассмотрению дел не может кардинально повлиять на уменьшение преступности.

В качестве причин совершения преступных деяний выступают, как правило, не только правосознание отдельных граждан, которое является основным объектом профилактической работы. Рассмотрение количественных показателей, по которым определяется качество этой работы, показывает ее ограниченные пока возможности значительно снизить уровень преступности. Такими показателями считаются количество отчетных докладов судьи, проведенных им лекций и бесед, выездных сессий и частных определений¹⁷.

В связи с тем что недостаточно определены специфические показатели выполнения судом его функций в области борьбы с преступностью, судебные работники в ряде случаев необоснованно широко понимают и сами эти функции.

Иногда суды берут на себя несвойственные им обязанности и ответственность, принимая совместные постановления с органами МВД или прокуратуры. Это особенно относится к деятельности вышестоящих судебных инстанций.

Это, так же как и возложение на суды общей ответственности за состояние преступности, противоречит требованию НОТ наделять каждого субъекта в любой области деятельности только теми функциями, для выполнения которых у него имеются объективные условия. Указанная проблема в значительной степени связана с разработкой критериев и показателей эффективности судебной деятельности¹⁸. Однако пока такие научно обоснованные критерии не внедрены, НОТ в судебных

¹⁷ Причем в последних двух случаях речь идет о возможном учете профилактического значения судебного разбирательства, а не о профилактической работе за его пределами. Что же касается первых двух показателей, то очевидно, что нельзя выявить непосредственное влияние отчетных докладов судей, их лекций и публичных бесед на уровень преступности в территориальной сфере деятельности суда.

¹⁸ См. гл. I, § 2.

органах страдает неизбежным существенным недостатком — затруднен реальный учет выполнения судами возложенных на них функций.

Четкое разделение компетенции между различными государственными органами и между государственными органами и общественными организациями — одно из необходимых условий эффективной борьбы с преступностью.

Основная задача суда в этой области — осуществление правосудия. С этой точки зрения надо прежде всего определять компетенцию судебных и других государственных и общественных органов, чтобы она соответствовала целям наиболее эффективного осуществления правосудия.

Не имея в виду освещение всех вопросов, касающихся компетенции судов, назовем только некоторые из них, связанные, однако, с концентрацией сил на выполнении требований эффективного правосудия.

За последние годы значительно расширился круг административных правонарушений, преследуемых в судебном порядке¹⁹. Между тем это никак не отразилось на увеличении судебных кадров и, естественно, отрывает судей от рассмотрения и разрешения уголовных и гражданских дел.

Дальнейшее развитие судебного начала в административном производстве требует количественного увеличения судов в структуре судебных органов и кадров судей. Кроме того, на данном этапе должно соблюдаться требование конкретной целесообразности рассмотрения этих дел в суде. К компетенции товарищеских судов отнесено рассмотрение дел о мелкой спекуляции, мелком хулиганстве, мелком хищении государственного и общественного имущества, когда эти правонарушения совершены впервые. Если некоторые уголовные дела (а отдельные их категории, например, дела частного обвинения, почти полностью), в зависимости от их характера и личности правонарушителя, рассматриваются товарищескими судами, то в отношении административных дел должен тоже соблюдаться такой порядок. Между тем органы милиции и прокуратуры, направляя административные дела в народный суд, в ряде случаев не ставят перед собой вопрос о том, не является ли достаточным применением мер общественного воздействия товарищеским судом. Это могло бы послужить определенным источником дополнительной экономии сил судов для осуществления правосудия, на что указывают и предложения судей, об

¹⁹ Это — мелкое хулиганство, мелкая спекуляция, незаконное изготовление и использование радиопередающих устройств, уклонение от общественно полезного труда и антиобщественный паразитический образ жизни, злостное неповиновение работникам милиции или народным дружинникам, а в некоторых союзных республиках — еще и нарушение правил эксплуатации автотранспорта и повторное появление в нетрезвом виде в общественных местах («Административные правонарушения, рассматриваемые в судебном порядке». М., 1964, стр. 3—5).

ограничении рассмотрения в судах административных дел (по данным анкетного опроса).

В этом же плане заслуживает поддержки предложение ряда судей о некотором перераспределении компетенции между судами, с одной стороны, и нотариатом и органами загса, — с другой, чтобы бесспорные гражданские дела были переданы в ведение нотариальных органов, а также была расширена компетенция загсов по делам о разводах.

Изменение компетенции — только один, и не основной, из способов, позволяющих сосредоточить необходимый максимум усилий в работе судов на правосудии как таковом. Внутренняя структура рабочего времени народных судей определяется тем, что они кроме возложенных на них законом обязанностей по рассмотрению уголовных и гражданских дел, изучению судебной практики и организационному руководству работой суда, по профилактической работе должны выполнять и целый ряд других функций: оказывать помощь товарищеским судам, заниматься контролем за условно осужденными, за исполнением приговоров и т. д.

В целях изучения распределения реального времени, которое расходуют народные судьи на выполнение отдельных функций, было проведено «фотографирование» рабочего времени народных судей в Кишиневе, Душанбе, Киеве. Если выделить основные по значению компоненты рабочего времени судьи, составляющие основу деятельности по осуществлению правосудия, а именно изучение и судебное рассмотрение уголовных, гражданских и административных дел и прием граждан, то картина распределения рабочего времени будет выглядеть следующим образом. Из среднего количества рабочих часов за неделю: 51 час 36 мин. — в Кишиневе, 44 часа 05 мин. — в Душанбе, 51 час 05 мин. — в Киеве — народный судья затрачивал в среднем за неделю на выполнение указанных функций соответственно: в Кишиневе — 39 час. 39 мин., в Душанбе — 26 час. 49 мин. и, в Киеве — 26 час. 14 мин. В этих цифрах (хотя они подлежат проверке при дальнейшем анализе материалов по народным судам других городов и республик) обнаруживается один факт, подтверждаемый многочисленными высказываниями судей при анкетировании: значительная часть рабочего времени судьи поглощена выполнением функций, не относящихся непосредственно к осуществлению правосудия. На осуществление правосудия судья тратит в среднем за неделю в Душанбе 62%, а в Киеве — только 50% всего рабочего времени.

Признавая всю важность и необходимость дальнейшего улучшения в соответствии с указанным постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 30 июля 1970 г. деятельности судьи по оказанию помощи товарищеским судам, народным дружинам, пропаганде права, вряд ли можно признать правильным развитие этих функций за счет уменьшения того времени, ко-

торсе тратится на само правосудие. Такое положение не может быть **оправдано**,— поскольку деятельность судьи по осуществлению правосудия и теоретически, и практически требует не меньших, а больших затрат рабочего времени, чем его другие функции. Конечно, необходимо не только найти правильное соотношение между различными задачами судебных органов в соответствии с возложенными на них законом обязанностями, но и сочетать проявляющееся в последние годы, а также планируемое и в дальнейшем расширение роли судебных органов в социальном развитии с обоснованным увеличением судебных кадров. При существующем количестве судебных кадров нужно все-таки указать на следующее. Как ни важна работа по правовой пропаганде в любой форме, суды в целом и отдельные народные судьи более всего могут и должны вносить свой вклад в дело правового воспитания граждан своей ответственной деятельностью по осуществлению правосудия. Вряд ли можно настаивать на сохранении положения, при котором (по материалам анкетирования) из 2146 народных судей 1148, т. е. 53,4%, проводят в среднем в месяц 4 и более бесед, лекций или докладов, а у 15,8% судей количество этих мероприятий в месяц колеблется от 8 до 10 и более. По результатам повторного опроса 1833 народных судей в 1973 г. 24,29% судей имеют 6—10 и более бесед и докладов в месяц.

Устранение таких перегибов при планировании судебной работы, непосредственно не относящейся к осуществлению правосудия,—резерв, за счет которого может быть достигнуто более последовательное сосредоточение усилий судебных органов и, в частности, народных судей на улучшении качества рассмотрения и разрешения дел. Причем если изменение компетенции требует законодательного решения, выступает как правовое регулирование наиболее целесообразного определения функций судебных органов, то сокращение в народных судах слишком большого объема работы, непосредственно не связанной с осуществлением правосудия, может быть достигнуто путем организационных мероприятий и правильной ориентации судов со стороны вышестоящих органов. Это во всяком случае необходимо до тех пор, пока не решен в связи с возрастающими требованиями, предъявляемыми к судьям за пределами их уголовно-процессуальной деятельности, вопрос о соответственном увеличении контингента судебных работников²⁰.

Л. Симкин. Правильная организация работы — важное условие решения задач, стоящих перед народными судами.— «Советская юстиция», 1974, № 8, стр. 5.

Четкое определение функций, возложенных на судью, и установление реально осуществимого объема его задач связано также с должностным распределением труда в суде (см. данную главу, § 4).

Исходя из задач научной организации труда в правосудии: должен быть рассмотрен еще один аспект проблемы функций органов юстиции, связанный с организационным руководством судами. Образование в 1970 г. союзно-республиканского Министерства юстиции наряду с другими основаниями было продиктовано и следующими моментами: выполнению одними и теми же судебными органами различных по своему характеру функций (правосудия и судебного управления) не могло не влиять на качество их осуществления. Совмещение функций судебного управления и судебного рассмотрения дел отрицательно сказывалось на работе судебной системы. Освобождение вышестоящих судов от функций судебного управления является одной из предпосылок дальнейшего повышения качества правосудия. В то же время имевшее место совмещение функций давало отрицательный эффект и для судебного управления. Между тем вопросы, решаемые в процессе судебного управления,— это, как уже говорилось, существо одной из важных сфер научной организации труда в правосудии, если только при этом обеспечены точный расчет и научное обоснование. Действовавшая система судебного управления не могла обеспечить необходимый научный уровень организации в деятельности судебных органов. Это и понятно: судебное управление, сосредоточенное в судах, являлось для них, естественно, не основной, а второстепенной функцией. Кроме того, выполнение основных функций по судебному управлению Верховными судами союзных республик²¹ лишало его необходимой централизации. В результате не проводилась и не могла быть проведена работа по расчету и обоснованию необходимого количества судебных кадров, не было единой системы подготовки, распределения и повышения квалификации судебных работников, вопросы эти решались в отдельных союзных республиках не только различно, но и большей частью стихийно. В Верховных судах союзных республик не было ни достаточных исполнительно-распорядительных полномочий, ни реальных возможностей для организации судебного управления на научной основе. Их деятельность в этой области не могла быть поэтому всесторонней, носила лишь рекомендательный характер, и рамки этой деятельности в конечном счете определялись исполнительно-распорядительными органами союзных республик, не имеющими специальных подразделений, министерств, занимающихся судебным управлением.

Поэтому до образования Министерства юстиции разработка и применение отдельных элементов научной организации труда в правосудии оставались эпизодическими, а ее научная основа почти исчерпывалась положительным опытом отдельных судов

²¹ Верховный Суд СССР не располагал такими возможностями, чтобы обеспечить в масштабе СССР наряду с осуществлением правосудия еще и всю работу по судебному управлению.

или даже судей. Научная организация труда не может быть эпизодической (это признается во всех сферах деятельности), иначе она не достигает цели; она должна планироваться и охватывать все звенья системы²². Такая организация работы требует сосредоточения судебного управления в специально для этого предназначенном органе, который сможет заниматься разработкой и внедрением научных основ организации в правосудии.

Это в настоящее время непосредственные функции министерств юстиции СССР, союзных и автономных республик²³. Однако представляется, что задача научной организации труда в органах правосудия должна все больше определять функции не только управления судебных органов, но и других подразделений министерства, в том числе отделов, обеспечивающих работу с судебными кадрами и материально-техническое оснащение судов, осуществляющих работу по судебной статистике.

Было бы целесообразно постепенно вводить определенную специализацию подразделений управления судебных органов министерств юстиции по разработке и внедрению в практику органов судопроизводства принципов научной организации труда. С другой стороны, и само организационное руководство судами, осуществляемое министерством юстиции, должно отвечать принципам научной организации. Последнее невозможно без теоретического обоснования ряда вопросов организационного руководства, до последнего времени мало подвергавшихся рассмотрению. К таким вопросам относятся методика проверок организации деятельности судов, методика изучения и обобщения судебной практики, разработка показателей качества судебной работы, способы наиболее результативного анализа судебной статистики и модификации форм статистической отчетности с целью повышения ее информационной значимости и сокращения трудоемкости заполнения и обработки. В соответствии с названными задачами научного обоснования деятельности по организационному руководству судами, видимо, также на отдельные структурные подразделения министерства должна возлагаться ответственность за организацию и проведение необходимых теоретических и эмпирических исследований²⁴.

Такое организационное оформление функции по научной организации труда в правосудии было бы важнейшей гарантией постоянных, целеустремленных и реализуемых усилий в этом

направлении, безусловно, способствовало бы активизации научных исследований в данной области, обеспечивая научное обоснование практической деятельности по руководству судебными органами.

§ 4. Нормирование и разделение труда в судебных органах, организация рабочего времени судей

Объем судебной работы, обусловленный, с одной стороны, функциями судов, должен определяться, с другой стороны, для отдельных судей через нормирование их труда. Из существующих разновидностей нормирования (установление норм времени, норм выработки, норм обслуживания и нормативов численности) в сфере деятельности органов правосудия может и должно применяться нормирование путем установления норм численности работников той или иной категории, которое необходимо для выполнения данного объема работы. Необходимость нормирования труда в органах правосудия диктуется не только объективно существующими физиологическими и психологическими границами объема и интенсивности труда, обеспечивающими сохранение работоспособности, но в еще большей степени социально-правовыми целями: закреплением в судах опытных судебных кадров, сохранением их заинтересованности в судебной работе и, наконец, что особенно важно, созданием реальных условий для выполнения органами правосудия их ответственных задач, обеспечением высокого качества рассмотрения дел.

В дополнение к приведенным выше результатам корреляционного анализа связи загруженности судей работой по рассмотрению уголовных дел в судах первой инстанции и количества допускаемых ими ошибок можно привести еще некоторые результаты статистических группировок по материалам анкетирования. Показатели отмены и изменения приговоров более чем у двухтысячного контингента судей за год работы меняются в зависимости от увеличения или уменьшения их служебной нагрузки.

В группе судей, рассматривающих в среднем в месяц до 6 уголовных дел, работавшие в течение года без отмены приговоров составляют 61%. При большей среднемесячной нагрузке по рассмотрению уголовных дел процент судей, не имевших отмены за год, сокращается: при нагрузке от 7 до 10 дел в месяц он падает до 51, а при нагрузке от 11 до 19 дел — до 44,6. При этом среди судей, которые в течение года имели отмененные приговоры, с увеличением количества рассматриваемых в месяц дел увеличивается не только группа судей, имевших отмену по 1 делу, но растет и количество случаев

²² «Организации труда — научную основу». М., 1967, стр. 16.

²³ «Положение о Министерстве юстиции СССР», утвержденное постановлением Совета Министров СССР № 194 от 21 марта 1972 г.» — «Собрание постановлений Совета Министров СССР», 1972, № 6, стр. 32.

²⁴ См. «Положение о Министерстве юстиции СССР», которое закрепляет за Министерством юстиции обязанность проведения таких исследований.

отмены у одного судьи двух, трех, четырех и т. д. приговоров. Так, судьи, имевшие отмену приговора по 2 делам, при нагрузке до 6 дел в месяц составляют 8,7% от всего количества судей с такой нагрузкой; при нагрузке от 7 до 10 дел и от 11 и выше дел их количество соответственно возрастает до 12,7 и 14,5%. При таком же увеличении служебной нагрузки количество судей, имевших отмену приговоров в течение года по 3 делам, изменяется от 2,6 до 5,9 и 7,9%.

Если в качестве показателя допускаемых судом ошибок рассматривать и изменение приговоров, то и оно явно зависит от загруженности судей работой. Количество судей, не имевших изменения приговоров за год при среднемесячной нагрузке от 1 до 3 уголовных дел, составляет 52%, при нагрузке от 4 до 6 дел — 30,9%, при нагрузке от 7 до 10 — 27,7% и при нагрузке свыше 11 дел падает до 25,8%.

Анализ существующего положения свидетельствует о том, что необходимо научно обоснованное нормирование численности судебных работников.

В настоящее время численность кадров судей не соразмеряется в должной мере ни с ростом населения в стране, ни с изменениями количества рассматриваемых судами дел, ни с расширением обязанностей, возлагаемых на суды в целом и на каждого судью в отдельности. Недостаточная обоснованность численности судебных кадров и их распределения проявляется в целом ряде фактов.

1. Планирование определенных изменений в количестве судебных кадров должно предварять и обеспечивать реализацию нового законодательства, если оно ставит перед судебными органами более широкие задачи, требует повышения культурн-судебных процессов, укрепления гарантий законности в правосудии, отражает новые тенденции в уголовной политике. Между тем увеличение на основе общесоюзного законодательства и кодексов союзных республик круга участников в уголовном и гражданском процессе, расширение компетенции судебных органов по привлечению к административной ответственности, мероприятия по укреплению законности и усилению борьбы с хулиганством не нашли последовательного отражения в определении штатов судов. Если проведение таких мероприятий не обеспечивается обоснованными изменениями контингента судей, то это приводит к усилению напряженности судебной работы и отрицательно влияет на качество осуществления и прежних, и вновь поставленных перед судебными органами задач. В этом нередко заключается одна из причин того, что намеченные законодателем меры могут не давать максимального эффекта.

2. Даже реально существующие значительные колебания в количестве дел, разрешаемых судами, не рассматриваются как обязательное основание для обсуждения вопросов о количестве

и распределении судебных кадров, не влияют на его решение. Об этом свидетельствует ряд статистических данных по некоторым союзным республикам. Например, в Таджикской ССР один и тот же контингент судей рассмотрел в 1962 г. почти в 2 раза больше уголовных дел, чем в 1960 г.; в 1966 г. было рассмотрено уголовных дел на 12% больше, чем в 1965 г., а количество судей по республике за этот год увеличилось на 2 человека. В Молдавской ССР в 1961 г. было рассмотрено почти на 14% больше уголовных дел сравнительно с 1960 г., а в 1966 г. при увеличении количества судей в республике по сравнению с 1965 г. на 3 человека количество рассмотренных дел возросло более чем в полтора раза.

Принимая во внимание приведенные выше данные о связи увеличения служебной нагрузки судей с ухудшением качества рассмотрения уголовных дел по показателю увеличения количества судей, имевших отмененные приговоры за год работы, следует отметить, что такое колебание в количестве дел, рассматриваемых одним и тем же контингентом судей, очевидно, могло отрицательно сказаться на эффективности правосудия²⁵.

Важно, чтобы на основе данных статистики, характеризующих изменения нагрузки судов по рассмотрению дел, своевременно и обоснованно ставился перед высшими органами государственной власти вопрос об изменениях в численности судебных работников.

3. Об отсутствии обоснованного нормирования свидетельствует и очевидная неравномерность в распределении судебной

Представляется необходимым сделать следующую оговорку, обосновывающую возможность использования именно указанных данных анкетного обобщения для определения отрицательного влияния роста служебной нагрузки на качество приговоров. Казалось бы, что при сравнении показателей работы судов за два года в связи с изменением количества рассмотренных в эти годы дел, можно было бы просто сравнить процент отмены приговоров по указанным республикам за эти годы. Однако этот процент мог бы и не отражать картину негативного изменения в качестве рассмотрения дел, поскольку серьезное увеличение их количества отражается не только на работе судов первой инстанции, но и на кассационной практике: увеличивает нагрузку судов второй инстанции, может способствовать их меньшей требовательности при проверке законности и обоснованности приговоров, затрудняет для прокуроров эту проверку в кассационные сроки по делам, где не участвовал в суде государственный обвинитель, и т. д. Материалы анкетирования сравнительно с официальным процентом отмены приговоров дают в этом плане более надежную картину, не искажаемую возможным ростом латентных судебных ошибок. Это объясняется тем, что динамика количества судей, имевших отмененные приговоры, по сведениям анкетирования, во-первых, определялась в зависимости от изменения нагрузки для каждого судьи в пределах одного и того же количества дел для судебной системы в целом;¹ во-вторых, сравнивались данные о нагрузке и отмене в пределах одного года, внутри которого не было существенно влияющих на судопроизводство изменений в законодательстве и судебной практике; и, в-третьих, сопоставлялись результаты работы судей за год в связи с их нагрузкой, независимо от территориальной подчиненности судов.

работы. При установлении необходимой численности судей, безусловно, должны учитываться некоторые специфические условия, в которых им приходится работать, например климат, наличие путей сообщения и транспортных средств, уровень правовой культуры населения, протяженность и характер территории района и т. д. Но общие профессионально-психологические особенности труда народного судьи создают и общую основу его нормирования и не оправдывают резкие колебания в служебной нагрузке. Между тем существующее определение количества судебных кадров приводит к тому, что, например, народный судья в РСФСР в 1966 г. в среднем рассмотрел в 2 раза больше уголовных дел, чем народный судья в Туркменской ССР. По данным анкетирования около 2800 народных судей, среднемесячная служебная нагрузка судей по рассмотрению уголовных дел колеблется от 3 до 20 дел, по рассмотрению гражданских дел — от 11 до 60 и по количеству принятых процентов судей имеются еще большие отклонения в служебной нагрузке (свыше 20 уголовных дел, до 90 гражданских дел). Для характеристики неравномерности служебной нагрузки у значительной части судей показателен и следующий факт. В Эстонской ССР большая часть судей, а именно 89,6%, рассматривают до 6 уголовных дел в месяц и лишь 10,4% — 7—10 уголовных дел. В различных областях и краях РСФСР, напротив, значительная часть судей рассматривает более 11 уголовных дел в месяц, а именно в Красноярском крае — 32,9%, в Кемеровской обл. — 41,2%, в Свердловской обл. — 37,1% судей, а нагрузка до 6 уголовных дел в месяц встречается в этих краях и областях соответственно у 11,4; 6,2 и 7,1% судей.

В Армянской и Узбекской ССР часть судей с нагрузкой до 6 уголовных дел в месяц составляют соответственно 27,3 и 25,1%, зато группы судей с большей нагрузкой существенно возрастают. В Армянской ССР имеют нагрузку от 7 до 10 уголовных дел 43,2% судей, от 11 до 19 — 29,5%, а в Узбекской ССР соответственно 21,3 и 28,1% судей; в Узбекской ССР 15,6% судей рассматривают в месяц 20 и больше уголовных дел. Не представляется возможным объяснить и оправдать такую разницу в нагрузке для основной массы судей в Эстонии, с одной стороны, в Армении, Узбекистане и РСФСР, с другой стороны, специфическими условиями работы в этих республиках. Напротив, эти условия скорее диктуют изменение такого положения, поскольку, например, Эстонская ССР имеет меньшую территориальную протяженность, чем Узбекская ССР, значительно меньшее количество населения, чем Армения и Узбекистан, а показатели качества судебной работы в этих двух республиках более низкие. Так, в Эстонской ССР 56,3% судей, по данным анкетного опроса за 1967 г., не имели отмены приговоров, а в Армянской и Узбекской ССР этот процент был ра-

вен соответственно лишь 20,5 и 28,1. Низок этот процент и в тех областях РСФСР, данные о большой нагрузке судей в которых приводились выше: в Красноярском крае — 36,8, в Кемеровской обл. — 40,2 и Свердловской обл. — 48,7. Это в определенной степени (поскольку на качество судебной работы могут действовать и другие факторы) подтверждает тезис о том, что служебная нагрузка и обоснованное нормирование судебной работы влияют на результаты последней, связаны с допускаемыми при вынесении приговоров ошибками.

Такая неравномерность в распределении служебной нагрузки по рассмотрению уголовных дел, как правило, не компенсируется, а иногда и усугубляется почти аналогичным, реально существующим распределением нагрузки и по рассмотрению гражданских дел, и по приему населения. Например, в Армении 77,3% судей принимают в месяц от 100 до 200 граждан, 54,5% судей рассматривают в среднем в месяц от 30 до 70 гражданских дел, а в Эстонской ССР такое среднемесячное количество граждан бывает на приеме только у 10,5% судей, а такое количество гражданских дел рассматривают 29,2% судей. А по результатам анкетирования судей в восьми областях и краях РСФСР 66% из них принимают в месяц от 100 до 200 граждан, 15,3% — свыше 200 граждан, 51,6% рассматривают в месяц от 30 до 70 гражданских дел²⁶.

: 4. Общеизвестно, что судебная работа, умственный труд судьи ответственны и сложны по своему характеру, требуют большого напряжения интеллектуальных, моральных и физических сил. Однако это не учитывается и не может быть учтено при существующем стихийном нормировании труда судей. Напротив, вопреки этому складывается достаточно парадоксальное положение: продолжительность рабочего дня у большинства судей выше обычной, установленной трудовым законодательством нормы. По материалам анкетирования, проведенного среди большого количества судей (среди 40% всех судей по СССР), 81,1% народных судей работают 9 и более часов в день. А анкетный опрос почти 25% всех народных судей в 1973 г. выявил, что такой рабочий день среди них имеют 87,4%. Эти данные подтверждаются результатами фотографирования рабочего времени народного судьи за неделю, проведенного в Молдавской, Таджикской, Литовской и Украинской ССР. Средняя продолжительность рабочего дня судьи при шестидневной рабочей неделе составила в Кишиневе 8 час. 36 мин., а при пятидневной

²⁶ Конечно, приведенные данные характеризуют неравномерность в распределении служебной нагрузки по отдельным республикам и областям не по всем, а лишь по основным аспектам служебной деятельности; не учитывалась, например, нагрузка судей по рассмотрению административных дел. Безусловно, необходимо рекомендовать какие-то оптимальные пределы нагрузки по всему комплексу судебных функций. Однако это задача особого исследования. Возможная методика и принципы нормирования рассмотрены ниже.]

неделе в Душанбе — 8 час. 45 мин., в Вильнюсе. — 10 час. 30 мин., в Киеве — 10 час. 13 мин. Очевидно, что такие условия труда назвать нормальными нельзя, так же как нельзя считать их только результатом неумения судей правильно организовать свою работу. Это еще один и очень важный показатель отсутствия достаточно обоснованного нормирования труда в правосудии. Такое положение не только противоречит разумной кадровой политике, не только отрицательно отражается на эффективности правосудия, но и способствует выработке определенного поверхностного «стиля» работы в судах, отсутствию у судей должной требовательности к качеству рассмотрения и разрешения дел. Показательно, например, что при большом среднемесячном количестве уголовных дел и большой продолжительности рабочего дня часть судей расценивает эту свою явно чрезмерную нагрузку как нормальную.

53,5% судей, рассматривающих в среднем в месяц 15 уголовных дел, и 67,3% судей с нагрузкой в 20 и более уголовных дел в месяц не относятся к такой нагрузке как к чрезмерной, а считают ее нормальной²⁷. На основе анализа этого положения, не возвращаясь к данным о связи большой служебной нагрузки с количеством допускаемых судьями ошибок при рассмотрении уголовных дел, можно заключить следующее.

Во-первых, такая оценка судьями своей нагрузки внутренне неизбежно связана с тем, что судьи часто и перманентно допускают одни и те же процессуальные нарушения, обусловленные определенным стремлением к экономии времени, например несоблюдение процессуальных сроков, формальное проведение предания суду, немотивированное изложение решений суда в приговоре и т. д.

Во-вторых, видимо, оценка судьями их значительной служебной нагрузки как нормальной, опирается на определенный уровень правосознания, вызвавший и такие предложения, которые были выдвинуты рядом судей при анкетировании, а именно: предложения об ограничении принципов непрерывности и непосредственности в уголовном процессе, о сокращенном изложении фактических обстоятельств и мотивов, обосновывающих решение, в приговорах, определениях и протоколах судебных заседаний, об изготовлении и оглашении после судебного заседания и совещания судей только резолютивной части приговора и отложении написания мотивировочной части и т. д.

То что судьи высказываются в таком плане о необходимых, с их точки зрения, перспективах изменений в уголовном судо-

Конечно, требует определенного доказательства и признание того факта, что ежемесячная нагрузка в 15—20 уголовных дел слишком велика для судьи. Представляется, однако, что это вытекает уже из того, что, по приведенным выше данным, среди судей, рассматривающих более 7 уголовных дел в месяц, серьезно увеличивается процент имевших за год работы и отмененные, и измененные приговоры.

производстве, далеко не безразлично для характеристики их практической деятельности. Видоизменение личной практики судьи в указанном им направлении возможно в определенной степени и при действующем законодательстве.

В-третьих, факты оценки большой нагрузки по рассмотрению уголовных дел как нормальной согласуются и с тем, что судья, не допуская по форме процессуальные нарушения, по существу «экожит» время на таких необходимых в судебной работе компонентах, как ознакомление с материалами уголовных и гражданских дел или проверка протоколов судебных заседаний.

Думается, это тоже свидетельствует о том, что правильное нормирование служебной нагрузки судей необходимо связано с существом правосудия. Поэтому необходимы разработки внедрение принципиальных положений, обеспечивающих обоснованность нормирования.

Анализ данных о соотношении численности населения и территориальной протяженности, с одной стороны, и нагрузки судей по рассмотрению дел, с другой, показывает, что нет прямой зависимости объема нагрузки от названных двух факторов. При одинаковых показателях, характеризующих площадь и плотность населения, поступление дел в судебные органы различно. Три момента должны лежать в обосновании количества кадров судей.

1. Нормированию численности судей должно быть предположено выяснение усредненных затрат времени на рассмотрение дел отдельных категорий. Детализированный по отдельным, достаточно дробным категориям дел учет времени, затрачиваемого на их рассмотрение, проведенный экспериментально в пределах нескольких административно-территориальных единиц, позволит выяснить всю сумму времени на определенное количество таких дел и средние его затраты на каждое дело данной категории. Однотипность дел одной категории, лежащая, например, в основе разработки единой методики их исследования и обуславливающая необходимость проведения по этим делам в общем одного и того же комплекса следственных и судебных действий, обеспечит возможность выведения средних затрат времени, отклонения от которых не будут иметь значения для всей массы таких дел в соответствии со статистическим законом больших чисел²⁸.

2. Изучение поступления дел каждой категории, которое осуществляется постоянно судебными органами при обобщении судебной практики, должно отвечать цели выяснения динамики в количестве таких дел за ряд лет, что позволит вместе с учетом изменений в законодательстве иметь и прогноз поступления дел отдельных категорий на ближайшие годы.

²⁸ В. Любинский, Т. Морцакова. Рабочее время судьи.— «Советская юстиция», 1969, № 19, стр. 21; Т. Морцакова. Организация труда и рабочее время судьи.— «Социалистическая законность», 1970, № 9, стр. 26.

3. Другие формы деятельности судей, помимо рассмотрения дел, позволяют проще определить необходимые для них затраты времени: например, время, необходимое для приема граждан, можно установить исходя из количества принимаемых граждан при существующем положении, с корректировкой этих данных в зависимости от плотности населения и его правовой культуры, а время, требующееся на отчеты судьи перед избирателями, должно определяться на основе требований закона, обязывающего к систематическому проведению таких отчетов. Необходимое на эти формы деятельности судьи время составит в совокупности со средними затратами на рассмотрение дел тот массив времени, который при перерасчете на восьмичасовой рабочий день определит необходимую численность судебных кадров.

Одно только нормирование труда не может, однако, обеспечить организацию труда судей на научной основе. С одной стороны, оно является предпосылкой для такой организации, но, с другой, нельзя нормировать труд судьи, как и вообще любой труд, ориентируясь на имеющиеся организационно-технические условия.

Нормирование должно строиться на базе правильного решения других вопросов НОТ и, прежде всего, исходя из необходимого уровня разделения труда, рационального определения должностных обязанностей, структуры штатов, специализации. Между тем все эти вопросы не получили должного регулирования в практике органов судопроизводства.

Размеры служебной нагрузки судей могут и должны корректироваться не только через определение компетенции судов и нормирование их деятельности, непосредственно связанной с осуществлением правосудия, но и через освобождение судей от работы, не являющейся их исключительной прерогативой и не требующей их уровня квалификации. Речь идет о структуре штатов судов, о введении в них должностей, благодаря которым судья мог бы быть освобожден от значительной части чисто канцелярской или административно-хозяйственной работы, а также от некоторых организационно-оперативных функций. Многие народные судьи высказываются за то, чтобы в судах существовали должности помощника судьи или консультанта, распорядителя суда и судебного заседания, коменданта.

Правильное должностное определение обязанностей в судах позволило бы сосредоточить внимание судей на деятельности по правосудию, освободив их от ряда функций (начиная с ведения картотек законодательных актов до организации ремонта помещения суда), которые с успехом могут выполняться другими работниками судов. Опыт работы консультантов народных судов показывает, что они могут во многом помочь судье к его деятельности по контролю за исполнением судебных решений, по организации и проведению правовой пропаганды, по

руководству советами народных заседателей, по оказанию помощи товарищеским судам, контролю за условно осужденными, по профилактике преступлений, помочь с пользой для дела, поскольку будет проводить эту работу систематически и централизованно.

Нельзя, видимо, согласиться с мнением, что, например, только ведение личной картотеки законодательных материалов способствует пониманию судьей духа и буквы закона²⁹. Сам характер тех функций, которые должен осуществлять народный судья, если он непосредственно занимается справочно-информационной работой, доказывает обратное: необходимо вести алфавитно-предметные картотеки по законодательству и судебной практике, отмечать изменения законодательства в контрольных экземплярах кодексов и других официальных материалах, наконец, даже заниматься вопросами хранения всех справочных материалов. Это в основном организационно-технические операции. Содержание других видов сопутствующей правосудию деятельности тоже позволяет возложить их большей частью не на судью, а на других работников суда.

Если в суде есть должность заведующего канцелярией и старшего секретаря суда³⁰, то это может обеспечить решение ряда вопросов по организации первичного приема граждан в суде, наименее сложных вопросов досудебной подготовки дел к слушанию на первом этапе без участия в этом народного судьи³¹.

Кроме того, предварительное выяснение перед приемом граждан судьей причин их обращения в суд, которое могло бы проводиться работниками канцелярии суда при их достаточном количестве и квалификации, позволило бы исключить прием судьей тех посетителей, вопросы и дела которых подлежат рассмотрению не в суде, а в других государственных органах и организациях. Необходимость такой меры объясняется и значительным реальным объемом работы судьи, связанной с приемом населения. Из 3000 судей более 26% (по некоторым союзным республикам даже более 30 и 40% судей) принимают в среднем в месяц от 160 до 200 и более граждан, а исследование затрат рабочего времени судьи за неделю показало, что судья занимается приемом населения в среднем за день в Кишиневе 1 час 20 мин., а в Киеве—1 час 15 мин. Ясно, что является насущной задача освобождения судьи от такой работы, связанной с приемом населения, которая могла бы успешно выполняться другими работниками меньшей квалификации. Судья должен лишь руководить и работой по контролю за условно

²⁹ «Советская юстиция», 1968, № 3, стр. 21.

³⁰ Такие должности в большинстве судов отсутствуют.

³¹ И. Кудинов. Организация работы районных (городских) народных судов.— «Социалистическая законность», 1967, № 9, стр. 54; «Настольная книга судьи». М., 1972, стр. 22.

осужденными, и профилактикой, и связью с товарищескими судами и т. д. и знакомиться с результатами этой работы.⁴

Однако вопрос о таком должностном распределении обязанностей упирается в разработку типовой структуры штатов народных судов. Во многих судах не предусмотрены должности консультантов, заведующих канцелярией народного суда, секретарей суда отдельно от должности секретарей судебных заседаний, не говоря уже о делопроизводителях, машинистках, стенографистках. Без введения таких должностей в штатах судов нельзя избавить судей от большого объема чисто канцелярской работы.

Между тем если такое требование возникает в порядке организации труда следственно-прокурорских работников³² на основе того положения, что для них необходимо большее высвобождение времени для чисто мыслительной деятельности, то это не в меньшей степени имеет значение и для судей. Типовые штатные расписания должны, конечно, содержать не только перечень должностей в суде, но и количество работников по каждой должности в зависимости от количества судей и объема работ суда в целом. Типовая структура штатов во многом определила бы организационные принципы деятельности районных (городских) народных судов.

Выяснение того объема времени, которое необходимо на выполнение деятельности по правосудию, как один из моментов нормирования труда, связано с функциональным разделением труда в правосудии, т. е. со специализацией при рассмотрении дел. Вместе с тем значение специализации должно рассматриваться и более широко. Она выступает как средство, существенно влияющее на качество рассмотрения дел и качество выносимых приговоров.

В дополнение к приведенным данным корреляционного анализа связи специализации и уменьшения судебных ошибок надо указать следующее. В пределах контингента судей, условия и результаты работы которых изучались, средняя отмена приговоров за год по группе судей со специализацией (даже мало дифференцированной — лишь по основным категориям дел) меньше, чем средняя отмена по группе судей, работающих без специализации.

Для первой группы отмена составляет 0,7%, а для второй — 0,9% к количеству всех рассмотренных за год уголовных дел, установленному в зависимости от среднемесячной нагрузки, указанной судьями. Аналогично эволюционирует и качество при-

говоров по показателю их изменения: при наличии специализации измененные приговоры составляют 1,9%, а при ее отсутствии — 2,1%.

Наряду с тем что специализация не может не влиять на качество приговоров, специализация в судах должна рассматриваться как один из источников резерва времени и как средство регулирования нагрузки. Введение специализации способствует уменьшению продолжительности рабочего дня судьи. Средняя продолжительность рабочего дня у судей со специализацией по данным анкетирования меньше, чем у судей, работающих без специализации. Если в группах судей со специализацией и без нее выделить тех судей, которые имеют нормальную продолжительность рабочего дня, то в первой группе они составят 26,1% судей, а во второй группе, при отсутствии специализации, — 21,6%. Соответственно в группе со специализацией 73,9% судей работают от 9 до 12 часов, а при отсутствии специализации количество судей, у которых рабочий день так велик, возрастает до 77%.

При анализе соотношения специализации и продолжительности рабочего дня важно, что показатели распространения специализации повышаются параллельно уменьшению показателей продолжительности рабочего дня. Так, среди судей, рабочий день которых длится в среднем 12 час, специализация распространена почти в 2 раза меньше, чем среди судей, имеющих восьмичасовой рабочий день³³. Интересно, что судьи, распределение служебной нагрузки которых основывается на специализации при рассмотрении дел, чаще оценивают свою служебную нагрузку как нормальную по сравнению с судьями, у которых работа организована без функционального разделения труда, и, напротив, в этой последней группе среди судей чаще встречается мнение о чрезмерности служебной нагрузки по рассмотрению уголовных дел. Здесь, очевидно, обнаруживается связь профессиональной опытности и ее глубокого совершенствования при наличии специализации с возможностью избежать излишних затрат времени. Причем специализация может являться в дальнейшем достаточно реальным внутренним источником не только повышения качества приговоров, но и сокращения рабочего дня, потому что существующая ее распространенность достаточно ограничена. Из более чем 3000 судей у 77,3% специализация отсутствует. По данным 1973 г. —

Ю. Булатов, Л. Соя-Серко, Л. Кушниц. Организации труда следователя — научную основу. — «Социалистическая законность», 1968, № 6, стр. 38—41; С. Яна. Конференция по научной организации труда следователей. — «Социалистическая законность», 1969, № 3, стр. 42—43; А. Михайлов, Л. Соя-Серко, В. Григорьев. Эксперимент в г. Пушкино. — «Социалистическая законность», 1971, № 3, стр. 22.

³³ На фоне постепенного падения процента специализации в группах судей по мере возрастания продолжительности их рабочего дня представляется интересным сравнение групп именно с максимальными отклонениями по продолжительности рабочего дня и распространенности специализации, поэтому и рассматривается группа судей с 12-часовым рабочим днем как наиболее продолжительным.

последнего года проведения исследования, из 1833 народных судей имеет специализацию также очень незначительная группа судей — 21,4%.

Вопрос о значении специализации для организации работы судов достаточно широко обсуждался в официальной печати в связи с созданием (в соответствии с Основами законодательства* ства о судостроительстве Союза ССР и союзных республик 1958 г.) районных (городских) народных судов. Объединение судебных участков в пределах района в единый суд с несколькими судьями справедливо расценивалось и как создание условий для специализации народных судей³⁴.

Однако в процессе обсуждения принципов организации в деятельности районных народных судов было высказано и отрицательное отношение к специализации среди судей. Ее относительно малая распространенность свидетельствует о том, что отрицание специализации бытует и в практике судебных органов. Научная организация труда вообще и исследование значения специализации для деятельности судов в частности дают определенное обоснование необходимости специализации судей, связывают ее с улучшением качества приговоров, с устранением излишних затрат времени в работе судьи и т. д. Но важно проанализировать и характер доводов против специализации. Они представляются весьма показательными. Признается, что специализация повышает качество рассмотрения дел. Однако иногда пугают «узкие» пределы специализации.

Пока кажется, что ее же излишним останавливаться на выяснении пределов специализации судей, которые, будучи чрезмерно сужены, могли бы слишком ограничить профиль специальных знаний и практический опыт судьи. Во-первых, специализация с точки зрения теории научной организации труда всегда ограничивается объективными потребностями данного дела. Когда речь идет о специализации в суде, то должны прежде всего соблюдаться эти требования.

Во-вторых, существующая картина распространения и характер специализации в суде указывают на то, что угроза слишком узкой специализации в суде не реальна. Речь может идти при существующем количестве судей в народных судах, как правило, лишь о разделении и распределении дел между отдельными судьями по «укрупненным» категориям. В настоящее время далеко не во всех судах, где работают два и более судей, существует специализация даже по гражданским и уголовным делам. Во многих же судах в лучшем случае специализация осуществляется только для дел о преступлениях несовершеннолетних, что специально рекомендовано Пленумом Верховного

³⁴ Ю. Каленое, И. Д. Перлов. Организация работы народного суда, стр. 9; Г. Конушкин. Пора решить наболевший вопрос.— «Советская юстиция», 1964, № 10, стр. П.

Суда СССР как наилучшая форма организации работы по рассмотрению этих дел, обеспечивающая его высокое качество³⁵.

В-третьих, есть уже определенный положительный опыт проведения специализации, который доказывает возможность избежать отрицательных последствий «узкой» специализации судей.

В ряде московских районных народных судов имеется практика распределения дел между судьями таким образом, что один судья рассматривает, например, дела о преступлениях несовершеннолетних и бракоразводные и алиментные дела в гражданском производстве или дела о должностных преступлениях, хищениях социалистической собственности и иски, вытекающие из нарушений авторского права, и т. д.

Сама эта практика заслуживает всестороннего изучения и обобщения, с тем чтобы были разработаны наилучшие критерии специализации, которые можно было бы рекомендовать судам. Это, видимо, должно стать одной из задач Министерства юстиции в области руководства судебной деятельностью.

Иногда специализацию расценивают как принцип организации, не согласующийся с тем, что «народный судья должен поддерживать постоянную связь с общественными организациями и населением, выступать с лекциями и беседами на правовые темы, отчитываться перед избирателями»³⁶, что выборы судей по избирательным округам требуют, «чтобы судья и работал, и отчитывался в своем округе и что зональный принцип в отличие от специализации больше способствует выполнению основной задачи в деятельности народных судов — борьбе с преступностью и условиями, ее порождающими»³⁷.

Представляется, что эти доводы не могут быть расценены как достаточные, чтобы с их помощью можно было «отвергнуть» специализацию. Во-первых, очевидно, что в них речь не идет ни об отрицательном влиянии специализации на эффективность правосудия, ни о борьбе с преступностью с помощью качественного рассмотрения и разрешения дел. Эти доводы обращены пусть к важным, но не к первостепенным, а сопутствующим формам деятельности судов и судей: к правовой пропаганде, профилактике, организационным мероприятиям — они не связаны с существом деятельности по правосудию. Во-вторых, наличие специализации судей при (рассмотрении

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних». — «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1970 гг.». М., 1970, стр. 296. См. также: Я. Башкатов. Специализация судей — эффективное средство улучшения судебной деятельности. — «Советская юстиция», 1972, № 13, стр. 12—13.

Ф. Федоров. О формах работы районных (городских) народных судов. — «Советская юстиция», 1962, № 9, стр. 17. «Организация работы районных (городских) народных судов», — «Социалистическая законность», 1967, № 8, стр. 67.

уголовных дел не исключает использования и других форм организации. в судах работы по приему населения, правовой пропаганде, профилактике преступлений, рассмотрению административных материалов и т. д. Причем применение зонального принципа и для этих форм работы не бесспорно. Существует мнение, что и предупредительную работу целесообразнее распределять по ее видам, а не по зонам³⁸, а в практике рассмотрения административных материалов оправдалось, например, поочередное выделение одного судьи для рассмотрения всех материалов, поступающих в течение дня.

Уровень организации и распределение работы по рассмотрению уголовных дел характеризуются наряду с распространением специализации и данными о равномерности служебной нагрузки народных судей внутри каждого суда. Более 21% народных судей из 1650, высказавших свое мнение о распределении нагрузки по рассмотрению уголовных дел, считают его неравномерным в пределах своего суда, а в отдельных союзных республиках, например в Молдавской и Армянской ССР, такое мнение высказывают более 20% опрошенных судей. Важно, что среди судей, считающих свою служебную нагрузку по рассмотрению уголовных дел нормальной, только 12,6% отмечают неравномерность в ее распределении внутри суда, а судьи, оценивающие свою нагрузку как чрезмерную, утверждают неравномерность ее распределения в 34,4% случаев. Значит, равномерное распределение нагрузки по рассмотрению уголовных дел может определенным образом влиять и на снижение ее слишком большого объема.

Все указанные выше вопросы, относящиеся к компетенции судов, нормированию служебной нагрузки судей, разделению и распределению труда в судах затрагивают необходимые внешние условия, определяющие организацию рабочего времени судьи. В то же время внутренние аспекты организации рабочего времени судьи необходимо связаны, во-первых, с планированием работы и, во-вторых, с устранением потерь рабочего времени.

Планирование в судебной деятельности — вопрос сложный и специфичный. Здесь неприменимы, как правило, обычные виды планирования, предусматривающие определенные количественные результаты деятельности, неприменим и какой-либо план-шаблон³⁹. Это, однако, не может служить оправданием существующего положения, когда планирование в суде распространяется в основном на такие формы работы, как обобщение практики, профилактика, правовая пропаганда и т. д. Планирование должно охватывать как сопутствующую правосудию

деятельность суда и судьи, так и осуществление правосудия по конкретным делам.

Планирование работы вне осуществления правосудия должно обеспечивать ее равномерное распределение во времени и концентрацию сил и времени судьи на рассмотрении дел. Планирование деятельности по непосредственному осуществлению правосудия может и должно служить не только Организации и экономии времени, но и достижению истины. При урегулированности внешних факторов, влияющих на организацию рабочего времени судьи, планирование рассмотрения дела является существенным моментом организации рабочего времени, сокращает потери во времени как в одном процессе, так и у судьи вообще. Представляется, что в рамках действующего процессуального законодательства научную основу организации самого рассмотрения дела и его планирования обеспечивает применение достижений криминалистики, приемы и методы которой необходимы суду, чтобы наилучшим образом построить судебное следствие и тактически правильно провести каждое процессуальное действие⁴⁰. Планирование рассмотрения дела должно включать в себя ознакомление с материалами дела, определение неотложных организационно-подготовительных мероприятий, составление плана-схемы судебного следствия, включающего фиксацию исходной информации и достигнутого результата по версиям, по эпизодам или составам преступления либо по обвиняемым⁴¹, определение необходимых судебных действий, выделение среди них наиболее длительных или требующих подготовительных мероприятий, для того чтобы приступить к ним как можно раньше, и, наконец, определение тактики проведения каждого отдельного судебного действия.

Научная организация судебного разбирательства требует, чтобы судья использовал криминалистические методы, являющиеся обобщением практики расследования и разбирательства уголовных дел, при организации работы по каждому делу. Если нельзя руководствоваться каким-то единым планом проведения судебного следствия, то можно и нужно указать обстоятельства, исходя из которых суд может построить его наиболее эффективно, определить нецелесообразность проведения каких-то судебных действий и избрать наилучший вариант порядка проведения разбирательства. Правда, в существующей ситуации, когда криминалистика обращена почти исключительно к деятельности следователя, а не судьи, можно только рекомендовать судье планировать судебное разбирательство, используя некото-

В. Клепцов. Организация работы районных (городских) народных судов.— «Социалистическая законность», 1967, № 1, стр. 57.
Е. А. Прянишников. Анализ деятельности следователя и планирование расследования.— «Ученые записки ВИНУН». Вып. 17. М., 1963, стр. 155.

⁴⁰ Л. В. Ароцкер. Криминалистические методы в судебном разбирательстве уголовных дел, М., 1965, стр. 8—9.

⁴¹ А. М. Ларин, Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М., 1970, стр. 72—84; В. Черкасов, В. Коломеец. Организация судебного разбирательства многоэпизодного уголовного дела.— «Советская юстиция», 1974, № д, стр. 8.

рые общие положения криминалистической тактики и методики. Научная организация труда судьи и задачи правильной организации рабочего времени в судебном разбирательстве требуют разработки криминалистикой основных правил составления планов судебного следствия с учетом особенностей различных категорий уголовных дел⁴². Применительно к сложным многоэпизодным с несколькими обвиняемыми делам необходима разработка конкретного применения методов сетевого планирования и управления для организации судебного разбирательства⁴³. Криминалистические методы должны использоваться в суде не столько из-за необходимости иногда воспользоваться в судебном следствии пробелы предварительного следствия, сколько для наиболее логичного и экономного построения всего судебного процесса.

Если практическое назначение криминалистической тактики и методики расследования преступлений в том, чтобы обеспечить наиболее рациональное расследование, предотвратить возможные ошибки и непроизводительную затрату времени, облегчить полное исследование всех обстоятельств дела, а ценность их определяется обобщением в тактических и методических рекомендациях передового опыта следственной работы и достижений криминалистики, то аналогично выглядят и многие задачи научной организации труда. Поэтому внедрение этого обобщенного опыта в судебное рассмотрение — необходимое требование НОТ в судопроизводстве⁴⁴. Судья должен иметь максимум наглядной информации о возможных способах построения судебного следствия, типовые программы исследования отдельных обстоятельств дела и отдельных видов преступлений, схемы производства судебных действий, наконечники, формы и бланки для составления планов судебного следствия, которые облегчали бы ему составление плана, а также записи в судебном заседании по результатам запланированного судебного исследования и в дополнение к ранее составленному плану.

Планирование судебного следствия в процессе подготовки к рассмотрению дела в стадии предания суду помогает избежать неполноты исследования отдельных обстоятельств в судебном заседании и повторного возвращения к ним. План следствия поможет суду определить в ходе судебного рассмотрения,

выполнены ли «в полной мере задачи судебного исследования, избежать возобновления судебного следствия после начала совещания судей и, наконец, облегчит и ускорит для суда обоснование и мотивировку приговора в совещании судей.

Речь идет не о том, чтобы суд, стремясь к экономии времени, приходил к поспешным, недостаточно обоснованным выводам, принимал бы не тщательно проверенные доказательства. Объективные обстоятельства дела могут иногда потребовать неоднократного возвращения к ним. Но это не отвергает необходимости стремиться к планированию самого мыслительного, логического процесса в судебном исследовании, являющемся одним из важнейших аспектов научной организации в области умственного труда.

Кроме того, планирование рассмотрения каждого дела дает возможность составить обоснованный график назначения дел к слушанию, сочетать на основе требования непрерывности процесса при рассмотрении уголовного дела подготовительные мероприятия по нескольким уголовным делам, а также заполнить такими (мероприятиями неизбежные иногда не по вине суда перерывы в судебном рассмотрении.

Продуманные графики рассмотрения дел в судах, планирование судебного разбирательства по каждому делу и составление планов проведения отдельных судебных действий — только один из способов борьбы с потерями в рабочем времени судьи.

В зависимости от того, идет ли речь о потерях во времени при рассмотрении судом конкретного дела, в целом в работе судьи или вообще в процессе осуществления правосудия с момента передачи дела в суд вплоть до вступления приговора в законную силу, должны применяться все возможные методы борьбы с потерями в рабочем времени: организационно-технические, организационно-правовые и процессуальные.

Проблема максимального устранения потерь времени в суде важна потому, что это не только экономит время судей, но и освобождает от излишних затрат времени многих других лиц, привлекаемых к участию в уголовном судопроизводстве.

Если время, которое судья тратит непосредственно на судебное рассмотрение дела, больше всего определяется характером, объемом, сложностью дела и лишь во вторую очередь производно от организационных мер в самом судебном исследовании, то ряд моментов в судопроизводстве, от которых зависит сокращение потерь во времени судьи, определяется именно уровнем организации независимо от того, какие организационные методы могут и должны к ним применяться: специфические процессуальные или общеорганизационные. Такими во многом определяющими организацию судебного процесса моментами являются предание суду и подготовительные к рассмотрению дела мероприятия, нормативная и практическая организация

⁴² Л. В. Ароцкер. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве. М., 1964, стр. 24—25.

⁴³ А. М. Ларин. Расследование по уголовному делу, стр. 129 и ел.

⁴⁴ «Криминалистика». Под ред. Р. С. Белкина, Г. Г. Зуйкова. М., 1968, стр. 478; Р. Белкин. Криминалистика и научная организация труда.—«Социалистическая законность», 1973, № 5, стр. 55—56.

Конечно, необходимо было бы предостерегать от механического перенесения адресованных предварительному следствию криминалистических методов на суд. Однако реально пока представляется недостатком в судебной деятельности не излишнее увлечение криминалистической тактикой и методикой, а их забвение.

возвращения дел на дополнительное расследование, меры, способствующие сокращению случаев отложения и перенесения судебного разбирательства, обеспечение качества протокола судебного заседания и организационные способы, облегчающие составление и оформление приговора.

Важную организующую роль по отношению ко всему ходу судебного разбирательства играет акт предания суду. От него зависит, как будет подготовлено судебное рассмотрение, им определяется начало судебного рассмотрения во времени и сама возможность такого рассмотрения при наличии достаточных оснований для передачи дела в суд. С момента предания суду уголовное судопроизводство протекает в рамках организации деятельности суда. Предание суду должно обеспечивать рассмотрение в суде только тех дел, по которым суд может вынести окончательное решение, и тем самым определить объем работы суда, предотвращать неосновательное увеличение служебной нагрузки судей и устранять излишние потери во времени судей и других привлекаемых к участию в судебном разбирательстве лиц.

При действующем порядке предания суду большинство дел не вносится на рассмотрение распорядительного заседания суда; предание суду осуществляется судьей единолично. Распорядительное заседание проводится часто формально, поскольку уголовно-процессуальный закон не содержит достаточных гарантий тщательного изучения в этой стадии материалов дела. Нередко не выявляются очевидные недостатки следствия и грубые нарушения процессуального закона. Это ведет к существенным потерям во времени как в уголовном судопроизводстве, так и в процессе по конкретным делам, неосновательно вносимым на судебное рассмотрение.

Анализ статистических данных и обобщения практики Верховных судов союзных республик, с одной стороны, показывают, что принятие плохо расследованных дел к производству в суде — основная причина отмены приговоров⁴⁵, а с другой стороны, определяют обусловленный этим объем потерь времени в уголовном процессе. В течение ряда лет при сокращении количества дел, возвращаемых на дополнительное расследование из стадии предания суду и судебного заседания, возрастает процент отмены приговоров в кассационном порядке с направлением дел на дополнительное расследование. Так, по Молдавской ССР процент отмены приговоров в кассационном порядке с направлением дел на дополнительное расследование увеличился с 1961 по 1967 г. в 2,5 раза. В Таджикской ССР в 1966—1967 гг. 73 дел после отмены приговоров в кассационной инстанции была возвращена на дополнительное расследование.

⁴⁵ Именно так это характеризуется в обобщении кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда УССР по делам, рассмотренным по первой инстанции в областных судах за I-е полугодие 1968 г.

А по делам, рассмотренным по первой инстанции областными судами Украинской ССР в 1967 г., отмена приговоров с направлением дел на доследование по отношению ко всем отмененным составила 83,2%. Во всех случаях суды приняли к своему производству дела, требовавшие дополнительного расследования, что, как правило, могло быть выявлено уже в стадии предания суду. Приведенные цифры указывают на то, как часто суды тратят много сил и времени на рассмотрение дел, не подготовленных в достаточной степени для разрешения их в судебном заседании и потом должны вторично возвращаться к их рассмотрению. Еще более явны потери во времени на примерах отдельных судебных процессов. Одесский областной суд более полугодом рассматривал уголовное дело по обвинению С. и др. (10 обвиняемых) в хищении социалистического имущества в особо крупных размерах (146 томов; 10 томов составил только протокол судебного заседания). Пробелы предварительного расследования могли быть обнаружены при изучении материалов дела в стадии предания суду, поскольку даже согласно содержанию обвинительного заключения не были установлены ни обстоятельства хищения, ни размер похищенного. Приговор, вынесенный судом при невосполнимой в судебном заседании неполноте предварительного следствия, был отменен с направлением на дополнительное расследование. Полгода работы всего состава суда с участием сторон, свидетелей, экспертов — бессмысленно потраченное время, которое может быть пересчитано и на прямые затраты государственных средств, связанные с судебным разбирательством. Херсонский областной суд принял решение о предании суду по делу Л. и др. в течение 3 дней с момента поступления дела. Это свидетельствует о формальном отношении к проведению распорядительного заседания. Составленные из 37 томов материалы дела, по которому было допрошено около 100 свидетелей, проведено несколько экспертиз, конечно, не могли быть достаточно изучены, а значит и решение о предании суду заведомо не могло быть обоснованно. После 3 месяцев слушания в суде дело было возвращено на дополнительное расследование, так как не были установлены даже такие существенные обстоятельства преступления, как действительный размер похищенного, источник образования излишков и причины недостач и др.

Конечно, первоначальные исходные причины такого нерационального расходования времени в суде кроются в качестве предварительного расследования. Потери во времени в уголовном судопроизводстве не были бы устранены, даже если суды возвращали бы все недоброкачественно расследованные дела в органы следствия из стадии предания суду. Поэтому необходимо принятие ряда мер, обеспечивающих и высокий уровень расследования. На Пленуме Верховного Суда СССР в июне 1969 г., посвященном работе судебных коллегий по уголовным

делам Верховных судов союзных республик, справедливо отмечалось, что факт направления за последние годы на исследование 11% дел из числа поступивших на рассмотрение Верховных судов союзных республик по первой инстанции диктует принятие соответствующих организационных мер по улучшению качества расследования. Например, предлагалось установление такой организации расследования, при которой дела, поданные Верховным судам союзных, автономных республик, областным и краевым судам, расследовались бы старшими следователями или следователями по особо важным делам соответствующих прокуратур и следственных управлений МВД.

Однако это не снимает с суда ответственности за (качество проверки материалов расследования в стадии предания суду. Реорганизация стадии предания суду на основе общесоюзного и республиканского законодательства 1958—1961 гг., в результате которой была устранена обязательность распорядительных заседаний по всем уголовным делам, имела своей целью определенную экономию сил и времени судей.

Практика показала, что экономия времени путем такой организации предания суду не служит более тщательному изучению материалов дела до судебного заседания.

Факультативность распорядительного заседания в какой-то мере приводит к «факультативности» реального решения вопросов, связанных с преданием суду, к несерьезному изучению материалов дела. Встречаются единичные случаи, когда судьи подшивают в дело пустой бланк определения о предании суду, имея, наверное, в виду заполнить его лишь на основе «изучения» материалов дела в судебном разбирательстве.

Тщательно не анализируя основания для предания суду, суд не обеспечивает и должную организацию судебного процесса, например, как правило, не корректируются списки подлежащих вызову в суд лиц, имеющиеся в обвинительном заключении.

Между тем «экономия» времени на изучении материалов и подготовке дела судом до судебного разбирательства приводит к еще более значительным потерям, обременяющим после его начала не только судей, но и многих других лиц, не говоря уже о том, что существенно отодвигается во времени достижение непосредственного и окончательного результата судебного рассмотрения—вынесение обоснованного решения.

Заслуживает одобрения и распространения в других союзных республиках опыт Верховного Суда Украинской ССР, практикующего постоянные специальные проверки такого аспекта работы судов, как качество предания суду, подготовки и организации судебных процессов. Однако уголовно-процессуальный закон и объективные условия осуществления предания суду должны, видимо, в большей степени обеспечивать эффективность проверки достаточных оснований для передачи дела

на судебное рассмотрение⁴⁶. Процессуальное же законодательство должно выступать здесь как основа и средство необходимой организации и как таковое способствовать определенной процессуальной экономии.

Практика постоянно ставит перед уголовно-процессуальным законодательством целый ряд вопросов, разрешение которых диктуется именно этой целью. Можно предварительно назвать некоторые из них. Применительно к регулированию стадии предания суду и возвращению дел на дополнительное расследование существует, например, настоятельная потребность предусмотреть в законе положения, разрешающие возвращение материалов на исследование по большим групповым делам в отношении лишь отдельного лица или нескольких лиц, когда относительно большинства подсудимых дело расследовано полно и приговор может быть вынесен в данном судебном разбирательстве. При этом было бы важно урегулировать не только условия, при которых допустимо такое выделение обвинения в отношении кого-либо из сообвиняемых, но и возможные процессуальные моменты принятия такого решения: распорядительное заседание суда, судебное разбирательство или момент вынесения приговора, сообразуясь с требованиями принятия правильного решения и допустимой процессуальной экономии. Задачи обоснованной научной организации времени в уголовном судопроизводстве выдвигают и проблему дифференциации сроков предания суду по различным категориям дел. Сроки рассмотрения дел по первой инстанции в Верховных судах

⁴⁶ Этой целью продиктованы постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. и положение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 31 августа 1970 г. «О внесении изменений в ст. 22 и 36 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» («Советская юстиция», 1970, № 2, стр. 31), установившие коллегиальный порядок предания суду несовершеннолетних и лиц, обвиняемых в преступлениях, за которые в качестве меры наказания может быть применена смертная казнь. Однако, во-первых, этот порядок применяется только по узкому кругу дел и, во-вторых, одного только восстановления распорядительных заседаний недостаточно, как доказала уже существовавшая до 1958 г. практика. Должен быть решен вопрос об участии в распорядительном заседании не только прокурора, но и защитника обвиняемого, а в необходимых случаях — и самого обвиняемого. Должен быть установлен порядок заявления и разрешения в этой стадии ходатайств и приняты другие меры по усилению процессуальных и социально-организационных гарантий при предании суду.

В связи с этим сами судьи выдвигают ряд предложений по совершенствованию предания суду: указывают на необходимость распорядительных заседаний по всем делам, предлагают обязательное участие в них прокурора, следователя, защитника, предоставление прокурору права отзываться дело из распорядительного заседания до принятия решения о предании суду и т. д. Важно отметить, что вопрос о реальности таких дополнительных гарантий, даже если он решен законодательно, связан также с общей проблемой судебных кадров и нормирования труда в судах. Поэтому требуется их совокупная разработка.

союзных и автономных республик, в областных и краевых судах такие же, как и в народных судах, хотя рассмотрение ряда дел по первой инстанции отнесено законом к компетенции вышестоящих судов именно в силу их особой сложности. Если увеличение сроков рассмотрения по этим делам не выглядит внешне как акт наиболее экономной временной организации процесса, то по существу это — экономия социальных усилий, поскольку увеличение возможностей качественного изучения и подготовки дел в стадии предания суду позволяет избежать необоснованных затрат времени в судебном разбирательстве.

Вопрос о процессуальных сроках — вообще один из наиболее значимых в проблеме процессуальной организации времени в суде. Следовало бы признать, что он должен решаться в законе на основе одного неперемного принципа: процессуальные сроки в суде должны быть реально значимы, они должны определяться конкретно относительно определенных процессуальных действий как минимально необходимые.

Конечно, это требует тщательного обобщения практики соблюдения сроков и типичных отступлений от них. Здесь нельзя не прислушиваться и к предложениям судебных работников, которые, как правило, отражают состояние практики и необходимость учета существа производимых процессуальных действий. Наряду с предложениями об увеличении сроков подготовки и рассмотрения наиболее сложных категорий дел, судьи высказываются за ограничение сокращения сроков рассмотрения дел о хулиганстве, поскольку практика показывает, что они зачастую оказываются нереальными, не обеспечивают возможность подготовки к процессу, создают нервность в деятельности судьи, а их стабильные нарушения способствуют отношению к соблюдению процессуальных сроков как к пустой формальности. Кроме того, порядок исчисления сроков иногда изменяет их реальное значение, что тоже может отрицательно сказываться на организации времени в суде. Например, судьи предлагают не учитывать при исчислении сроков рассмотрения выходные дни (это обеспечивало бы судье возможность реально использовать предоставленное законом время).

Конечно, вопрос о сроках тоже должен решаться в комплексе с проблемами нормирования в суде, специализации, организации подготовки дел и т. д.

Связанная с организацией стадии предания суду подготовка уголовного дела к рассмотрению также существенно влияет на дальнейшую организацию времени в судебном разбирательстве. Явными потерями во времени, вызванными, как правило, плохой подготовкой судебных процессов, являются простои в судебном разбирательстве и перенесения судебных заседаний. В обобщениях судебной практики в качестве причин этих потерь называются: несвоевременное истребование доказательств, неявка подсудимых, свидетелей, потерпевших, несвоевременное

вручение подсудимому копии обвинительного заключения, недоставление конвоем подсудимых, заключенных под стражу, несвоевременный вызов народных заседателей, опоздание в судебное заседание адвокатов.

Не говоря уже о низком воспитательном эффекте, который дает плохо организованный судебный процесс, даже чисто количественное значение потерь в рабочем времени из-за простоев и перенесений судебных заседаний по вине участников процесса и самих судов достаточно велико. Так, по результатам фотографии рабочего дня судьи за неделю в Душанбе такие потери у каждого судьи составили 44 мин. в день, а в народном суде Куйбышевского района Ленинграда — 24 мин.⁴⁷.

По материалам проверки организации судебных процессов в судах Винницкой обл. УССР только в народном суде Казатинского района за 1967 г. было отложено слушание 223 уголовных и гражданских дел. Можно привести много примеров плохой подготовки судебных процессов, влекущей большие потери времени в судопроизводстве. Так, судебное заседание по делу Е. в народном суде г. Новая Каховка Херсонской обл. было начато на 3 дня раньше того срока, на который оно было назначено. В суд был под конвоем доставлен подсудимый, явился прокурор, была проведена часть судебного следствия, а затем из-за отсутствия свидетелей дело было отложено. В одном из народных судов Кировоградской обл. было сорвано заседание суда в выездной сессии из-за неполучения подсудимым копии обвинительного заключения; к судебному заседанию напрасно явились свидетели, потерпевшие, был доставлен подсудимый. Еще один пример плохой организации выездного заседания по делу Б., рассматривавшемуся Дорогобычским городским народным судом: потерпевшая не явилась в судебное заседание, потому что повестка не была ей вручена своевременно, подсудимый пришел к судебному разбирательству с опозданием в нетрезвом состоянии, в результате чего суд после открытия заседания изменил ему меру пресечения, подвергнув его содержанию под стражей; адвокат, впервые приглашенный для участия в деле лишь с момента судебного разбирательства, явился на заседание за 15 мин. до его начала и не имел возможности ни ознакомиться с делом, ни поговорить с подсудимым; не был достаточно знаком с делом и прокурор.

Конечно, такие недостатки в организации судебных процессов могут быть ликвидированы в значительной мере благодаря хорошей подготовке дела к рассмотрению на основе тщательного изучения его материалов в стадии предания суду. Однако необходимы и другие меры улучшения организации судопроизводства и борьбы с потерями в рабочем времени. Важна система мероприятий, направленных на дальнейшее повышение ав-

торитета народного суда в общественном мнении, чтобы вызов в суд не мог расцениваться как что-то необязательное. Необходимо в большей степени, чем это имеет место теперь, обеспечить обязательность явки свидетелей и потерпевших в судебное заседание. Возможность привлекать свидетелей к уголовной ответственности за уклонение от показаний является недостаточной, так как может быть использована только в другом, особом судебном процессе. Срывы судебных заседаний из-за неявки в суд свидетелей дезорганизуют работу суда и отнимают много времени у других участников судебного заседания, своевременно явившихся по вызову в суд. 178 народных судей по собственной инициативе при анкетировании назвали в качестве необходимой меры по улучшению организации судебных процессов предоставление суду права в том же судебном процессе выносить решение о наложении на свидетеля штрафа или применении иных принудительных мер, если свидетель без уважительных причин не явился в судебное заседание.

Наряду с определенными изменениями законодательства в этом направлении необходимы и некоторые чисто организационные мероприятия. Например, судебные повестки направляются свидетелям без обратного уведомления о вручении, а поэтому суды часто не могут принять надлежащие меры по обеспечению явки свидетелей и вынуждены ограничиваться неоднократным отложением заседаний.

Отсутствие в законе достаточных гарантий качественной проверки дела в стадии предания суду и недостаточность организационных мер, обеспечивающих своевременное, без потерь времени в судопроизводстве, рассмотрение уголовных дел, способствует иногда стремлению судей избежать нарушения сроков рассмотрения дел в судах, заменяя отложение дела его приостановлением по не предусмотренным законом основаниям. Например, судами Одесской обл. в 1967 г. был приостановлен 1% дел, находившихся в производстве; половина из них была приостановлена необоснованно в случаях, когда по закону необходимо было отложить судебное заседание. В этом отражается связь организационных начал в деятельности судов с соблюдением уголовно-процессуального законодательства, о чем говорилось выше. Если суды приостанавливают дела для выяснения места жительства свидетелей и вызова дополнительных свидетелей, в связи с назначением экспертизы и истребованием других видов доказательств, то это еще раз свидетельствует о малой эффективности стадии предания суду, о недостаточном уровне организационной работы по подготовке процессов, о слабых гарантиях выполнения свидетелями их обязанности являться по вызову в органы судопроизводства.

Рассматривая потери во времени, связанные с качеством досудебной подготовки дела, необходимо обращать внимание

на те случаи, когда «экономия» времени судьей за счет организационных мероприятий по подготовке процесса приводит к дополнительным, неоправданным затратам времени для других участников судебного разбирательства. В ряде народных судов граждане вызываются в суд по всем делам, назначенным к рассмотрению в течение дня, на одно и то же время и затрачивают целый день на пребывание в суде из-за дела, которое рассматривается иногда не более часа. Существует еще и практика несвоевременного открытия судебных заседаний. Из-за плохой подготовки выездные заседания нередко начинаются с опозданием на несколько часов.

Экономить время судей необходимо, но не за счет качества подготовки дел к рассмотрению, не за счет всякого рода «процессуального и внепроцессуального упрощенчества», а путем правильного решения вопросов разделения труда, планирования работы суда, расширения процессуальных возможностей организации судебной деятельности.

В плане экономии рабочего времени судьи важны мероприятия, обеспечивающие качество протоколов судебного заседания. Расширение использования технических средств для изготовления протоколов может способствовать правильному разрешению спорных вопросов и сомнений судей и участников процесса относительно хода и содержания судебного разбирательства, зафиксированного в протоколе судебного заседания⁴⁸. Применение технических средств для проверки протокола не может и не должно служить задаче экономии времени судей. Но проблема улучшения качества протоколов судебных заседаний, проверяемых, исправляемых и подписываемых судьей, связана, естественно, и с сокращением времени, которое судья тратит на их проверку и рассмотрение замечаний на протокол. Оно необходимо связано с уровнем квалификации секретарей судебных заседаний. При существующем положении их необходимая квалификация не обеспечивается из-за отсутствия системы специальной юридической подготовки и из-за большой текучести кадров секретарей. По материалам совещания председателей судебных коллегий по уголовным делам Верховных судов союзных республик, проведенного в мае 1969 г., в Туркменской ССР нередко случаи, когда секретари судебных заседаний у народного судьи меняются несколько раз за один год, а, например, в Душанбе в 1968 г. полностью сменились секретари судебных заседаний во всех народных судах города, которые рассматривают до 35% всех дел в Таджикской ССР.

При таком положении качество протоколов зависит больше от того времени, которое судья тратит на обучение секретарей судебных заседаний и проверку протоколов. Протокол изготов-

⁴⁸ Л. #. Палиашвили. Использование звукозаписи, кино съемки и стенографии в уголовном процессе.—«Советское государство и право», 1971, № 2, стр. 92.

ливается поэтому, как правило, после окончания судебного заседания, не всегда может помочь судьям при вынесении приговора в совещательной комнате. Из-за отсутствия достаточных возможностей для применения магнитофонной или стенографической записи в суде часто не могут быть разрешены сложные вопросы, связанные с принесением сторонами замечаний на протокол, а процесс рассмотрения замечаний затягивается, так как стороны могут после отклонения их замечаний представить и нередко представляют в кассационную инстанцию материалы,, подтверждающие неправильность протокола.

Но все это отнимает у судьи неоправданно много времени. Так, по Киеву в среднем за неделю судья тратит на проверку протоколов судебных заседаний более 5 час. Многие судьи занимаются проверкой протоколов дома, во внерабочее время. Можно было бы избежать таких затрат времени судьи, повысив начальное качество протоколов судебных заседаний и обеспечив необходимый уровень квалификации секретарей судебных заседаний, поскольку с этим прямо связано, сколько времени приходится тратить судье на проверку и исправление их работы.

В плане целесообразной организации времени судьи заслуживает рассмотрения и выдвигаемое рядом судей предложение о допуске технического секретаря в совещательную комнату для использования его при письменном оформлении приговора после обсуждения и принятия решения по всем вопросам. Конечно, одобрению такого предложения должна предшествовать разработка дополнительных процессуальных и чисто технических условий, обеспечивающих тайну совещания и независимость судей при принятии решения вплоть до особого оборудования помещения и использования диктофонов.

Указанные моменты организации рабочего времени судьи относятся непосредственно к рассмотрению и разрешению дел. Это элементы организации процессуальной деятельности. Конечно, возможности организации процессуальной деятельности ограничены, если она не опирается на общие мероприятия, обеспечивающие обоснованное нормирование и необходимую материально-техническую базу в судебной деятельности. Но при наличии такой основы проблема организации рабочего времени в судопроизводстве может и должна решаться способами, касающимися именно процессуальной деятельности судьи.

Вопросы процессуальной организации деятельности суда приобретают сейчас еще большее значение на фоне тех мероприятий, которые проводятся в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 11 августа 1970 г. «О мерах по улучшению условий работы и материально-технического обеспечения судов, органов прокуратуры и нотариальных контор». Согласно этому постановлению должны быть решены многие

«больные» вопросы, которые до последнего времени создавали организационно-трудную обстановку деятельности судов, концентрировали усилия по организации труда в суде на преодолении недостатков в их организационно-технической базе.

Предусмотрено обеспечение всех судов в течение 1970—1975 гг. помещениями, отвечающими требованиям отправления правосудия, типовой мебелью, транспортными средствами, пишущими машинками, магнитофонами, множительными аппаратами и счетными машинами. Это учитывает многочисленные предложения судей—более 200 предложений было выдвинуто судьями при анкетировании относительно технического оснащения судов как необходимой меры улучшения качества правосудия.

Эти меры позволят обеспечить правильную организацию в судах многих сторон судебной деятельности, будут способствовать усилению воспитательного воздействия судопроизводства, более широкому осуществлению принципа гласности, укреплению духа уважения к закону и суду, помогут обеспечить правовую и статистическую информационную работу в суде, сократят время, которое судьи затрачивают на техническую и канцелярскую работу.

Глава VI

СУДЕБНЫЕ КАДРЫ И ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

Необходимой составной частью научной организации труда в сфере любой деятельности является всестороннее изучение и решение проблемы кадров.

По отношению к деятельности, связанной с принятием тех или иных самостоятельных и ответственных решений, необходимые профессиональные и психологические характеристики осуществляющих эту деятельность работников выступают в качестве существенных гарантий против ошибочных решений и, в частности, для уголовно-процессуальной деятельности,—в качестве гарантии против вынесения необоснованных судебных приговоров.

«Нам нужно сейчас очень много внимания уделять подбору кадров, помощи в работе низовым звеньям органов юстиции, помощи народному суду, нам нужно помнить об огромном воспитывающем значении народного суда... Это требует особого подбора людей, которым мы доверяем такое важное, политически ответственное, большое дело, как дело народного суда в нашей стране»¹. Эти слова М. И. Калинина из речи на заседании судебно-прокурорских работников в день десятилетия Верховного Суда и теперь, спустя много лет, звучат по-прежнему актуально, так как процесс постоянного совершенствования судебной деятельности и возрастание роли судебных органов порождает новые, все более высокие требования к судебным кадрам.

На постоянную необходимость специальных мер в этом направлении указано в Постановлении ЦК КПСС и СМ СССР от 30 июля 1970 г. «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов», которое обязывает обеспечить более тщательный подбор кадров в эти органы, укрепив их людьми, способными по своим деловым и морально-политическим качествам решать ответственные задачи по отправлению правосудия.

Проблема судебных кадров относится к числу тех, которые по своей значимости должны решаться теоретически и практи-

чески не только на уровне современных задач, но и прогностически, на основе выявления тенденций, характерных для развития всего контингента судебных работников в данных условиях и в зависимости от их изменения. Это, так же как и прогнозирование преступности, необходимо для обоснованного планирования социального развития, что вытекает из ответственной социальной роли судьи. Целый ряд мероприятий, предусмотренных в постановлении ЦК КПСС и СМ СССР по отношению к кадровым вопросам в судебных органах, вносит существенные изменения в существующее положение в этой области. В то же время прогноз эффективности этих мероприятий, основанный на изучении предшествовавшего им положения, подтверждая их громадную значимость, может помочь перспективно оценить их роль в предупреждении и устранении судебных ошибок. Задачи определения перспектив и планомерного формирования будущих достижений в этой области непосредственно связаны с анализом состояния судебных кадров по их основным показателям.

§ 1. Комплектование судебных кадров и уровень образования судей

В настоящее время нет никаких общих, определенных требований к подбору судебных кадров, кроме установленного законом 25-летнего возраста, достижение которого необходимо для занятия судейской должности². Процесс подбора судебных кадров недостаточно упорядочен, а точные критерии подбора не разработаны.

Для характеристики процесса подбора судебных кадров небезынтересно рассмотреть вопрос о том, выступают ли источником для такого подбора кадры молодых специалистов-юристов, получающих вузовское образование. В пополнении следственного аппарата, например, большую роль играет распределение студентов, оканчивающих юридические вузы, по заявкам органов прокуратуры и МВД. В отличие от этого порядка в следственном аппарате молодые специалисты-юристы не являются в настоящее время реальным источником для комплектования судебных кадров. Это подтверждается статистическими данными как по всему Советскому Союзу, так и по отдельным республикам. Так, на выборах судей в 1965 г. молодые специалисты составили лишь 5,2% от всех избранных судей и 21%, т. е. Vs от тех судей, которые впервые выдвигались на судебную работу. Наивысший уровень молодых специалистов при комп-

¹ «Советская юстиция», 1934, № 13, стр. 2.

² Н. В. Радутная. Условия дальнейшего повышения качества деятельности судей.— «Советское государство и право», 1970, № 1, стр. 60; она же. Народный заседатель. М., 1973, стр. 26.

лектовании судебных кадров по результатам выборов 1965 г. был достигнут в УССР и составлял 26% от всех впервые избранных судей и около 7% от всех судей республики. В то же время в Таджикской ССР на должность судьи не был избран ни один молодой специалист.

Движение судебных кадров в промежуток между выборами 1965 и 1970 гг. тоже показательно в этом плане. По отношению к количеству судей, выбывших из народных судов между выборами, молодые специалисты, избранные на освободившиеся должности, составили лишь 10,8% (187 из 1723). Такой же уровень заполнения молодыми специалистами освободившихся судейских должностей сохранился и на выборах в декабре 1970 г. (последние выборы судей), а от количества всех впервые избранных судьями лиц молодые специалисты составили 13%.

Конечно, выдвижение кандидатами на судейские должности лиц, имеющих большой опыт работы в судебных органах, явление, заслуживающее безусловного одобрения. Однако увеличение процента молодых специалистов среди впервые выдвигаемых кандидатов в судьи, т. е. среди лиц, никогда ранее не работавших в суде, не препятствовало бы сохранению в судах наиболее опытных кадров.

Верховный Суд СССР, обобщая работу по подбору судебных кадров, указывал на то, что увеличение в органах суда количества специалистов-юристов в возрасте до 30 лет является положительным процессом наряду с сохранением наиболее опытных судебных кадров, поскольку отражает возможность выдвижения кандидатами в судьи лучшей части вузовской молодежи, стремящейся к судебной работе. Такие специалисты при избрании на судейские должности получают возможность и практически знакомятся с работой в судебной системе иногда даже в большей степени, чем другие лица, впервые выдвинутые кандидатами в судьи, потому что молодые специалисты проходят до их избрания стажировку в судах. Практика стажирования молодых специалистов в ряде республик (РСФСР, УССР, Каз. ССР) носит довольно стабильный характер, хотя, к сожалению, количество стажеров не может обеспечить достаточный резерв для пополнения кадров судей специалистами с высшим юридическим образованием.

Действующее законодательство не считает обязательным для судьи наличие высшего образования, в то время как Положение о прокурорском надзоре требует присутствия этого признака для лиц, занимающих должности прокуроров и следователей. В настоящее время 10,7% народных судей страны (по результатам выборов, проведенных в декабре 1970 г.) не имеют законченного высшего образования.

В отдельных республиках этот процент доходит до 15,0—20,0. Анализ практики судопроизводства за прошлые годы по-

казывает, что уровень образования судей может отражаться в определенной степени на качестве их работы. Эта зависимость очевиднее в тех союзных и автономных республиках, где влияние недостаточного образования в качестве одного из факторов на результаты судебной деятельности не нейтрализуется общим высоким уровнем правовой культуры и где существуют особенно резкие отклонения от среднего уровня образования судей по стране. Например, в Тувинской АССР по состоянию на 1968 г. из 16 народных судей высшее юридическое образование имели только 4, незаконченное высшее—1, среднее юридическое—3, среднее общее—7, неполное среднее—1. В сопоставлении с таким уровнем образования судей интересно привести показатели качества приговоров в Тувинской АССР: по данным за первое полугодие 1968 г. каждый третий из обжалованных в кассационном порядке приговоров был отменен или изменен. В связи с этим анализ уровня образования судей по отдельным республикам и происходящие в нем изменения могут иметь значение для определения объема вузовской подготовки юристов и комплектования судебных кадров, отвечающего задаче повышения качества правосудия.

Распределение судей в ряде союзных республик за 1965, 1968 и 1970 гг. по признаку наличия высшего образования (в процентах) см. в табл. 16.

Таблица 16

Год	Латвийская ССР	Литовская ССР	Эстонская ССР	РСФСР	Таджикская ССР	Азербайджанская ССР
1965	64,8	75,8	73,2	78,0	76,7	99,0
1968	76,1	88,5	74,1	82,7	88,5	100,0
1970	83,7	90,2	77,8	86,4	89,7	100,0

На основе приведенных данных можно сделать несколько выводов: а) колебания в существующем уровне образования по республикам подтверждают отсутствие единых требований и единого порядка подбора судебных кадров; б) недостаточно высокий процент судей с высшим образованием в отдельных республиках и небольшой процент молодых специалистов, избираемых судьями, может свидетельствовать в определенной степени о недостаточном качестве вузовской подготовки юристов для занятия судейских должностей и недостаточном количестве выпуска специалистов-юристов соответствующего профиля³;

³ В докладе первого заместителя министра юстиции СССР А. В. Сухарева на конференции, посвященной подготовке юридических кадров, указывалось на недостаточный масштаб этой подготовки. Особенно не удовлет-

в) определенная тенденция к повышению процента судей с высшим образованием при сравнении данных за 1965 и 1968 гг. свидетельствует о том, что это повышение происходит в основном путем заочного обучения судей в вузах, поскольку сравниваются два года, относящиеся к одному пятилетнему сроку работы в качестве судьи после выборов 1965 г.

Последнее положение определенным образом связано с общим соотношением очного и заочного обучения в системе юридического образования. В последние годы 38% выпускников юридических вузов получают очное образование, а 62% обучаются заочно, что характеризуется как «неоправданные перекосы в соотношении дневного и заочного обучения»⁴. Известно, что заочная подготовка специалистов не всегда дает устойчивые и систематические знания. Например, по данным наблюдений, проведенных в Ленинградском институте усовершенствования следственных работников Прокуратуры СССР, подготовка слушателей института по уголовному процессу (предмет, имеющий непосредственное отношение к ошибкам при вынесении приговоров), у лиц, получивших очное образование, по результатам успеваемости в институте усовершенствования, на балл выше, чем у бывших заочников. При этом надо иметь в виду, что речь идет о лицах, имевших до учебы в институте усовершенствования после очного или заочного окончания вуза уже определенный практический опыт работы, который мог существенно восполнить пробелы заочного обучения в вузе, и, кроме того, слушатели уже повысили свою квалификацию в институте по усовершенствованию. Здесь, безусловно, может сказываться и тот факт, что при приеме на очное отделение юридических вузов производится более строгий отбор среди абитуриентов. Но это только еще раз утверждает определенные преимущества системы очного обучения и подбора кандидатов в судьи среди лиц, получивших очное вузовское образование.

§ 2. Стаж судебной работы и его влияние на качество приговоров

По результатам выборов 1965 г. 27,3% народных судей имели стаж судебной работы до 5 лет, а 12,8% — даже до 1 года. В 1968 г. среди судей было 23,2% со стажем менее 5 лет. В качестве народных судей в 1970 г. избрано лиц со стажем судебной работы до 5 лет 16,8% и до 1 года — 8%. Эти данные определяют в основном контингент судебных работников, впервые избранных на судейские должности, работающих судьями к

ворены потребности в кадрах с высшим юридическим образованием в северных и восточных районах РСФСР, в северном Казахстане и др. (А. Сухарев. Насущные проблемы подготовки юридических кадров. — «Социалистическая законность», 1974, № 2, стр. 5).

⁴ Там же.

моменту указанных выборов менее одного полного пятилетнего срока. В отдельных союзных республиках лица, впервые избранные на должности судьи, составляли еще более значительный процент. Так, в УССР были впервые избраны 19,3% судей, в Латв. ССР — 20,4%, в Узб. ССР — 21,3%, в Лит. ССР — 21,3%, в Груз. ССР — 22,1%, в Арм. ССР — 24,7%, в Тадж. ССР — 26,9%, в Азерб. ССР — 28,3%, в Туркм. ССР — 29,4%.

Статистика, характеризующая состояние судебных кадров, не имеет специального отдельного учета по показателям стажа работы в должности судьи в сопоставлении с общим стажем работы в органах юстиции. Анкетирование как способ получения статистико-социологических данных позволяет сравнить и эти признаки и утверждать, что маленький стаж работы судей, как правило, не компенсируется общим большим стажем работы в других органах юстиции. Это важно иметь в виду при анализе зависимости качества работы судьи от стажа судебной работы. Общий большой стаж работы в органах юстиции (прокуратуре, следственных органах, адвокатуре и др.) мог бы обеспечивать достаточно высокий уровень профессионального опыта для работников, выдвигаемых на должность судей из этих органов. Однако, по данным анкетирования, количество судей, имеющих стаж непосредственно судебной работы менее пяти лет, достигает 34,7%, а процент судей, имеющих такой же стаж работы в других органах юстиции, ненамного меньше (22,6).

Значит, общий стаж работы в органах юстиции вряд ли может изменять влияние стажа непосредственно судебной работы на ее качество, какой бы ни была зависимость между ними.

Направление и степень зависимости между количеством ошибок, допускаемых судьями при вынесении приговора, и стажем их судебной работы — один из важных вопросов⁵, решение которого обуславливает принципы кадровой политики в судебной системе. Таблица 17 характеризует соотношение между стажем работы судей и наличием отмененных и измененных приговоров, вынесенных под их председательством за год.

Из данных в табл. 17 видно, что показатели качества отправления правосудия улучшаются по мере увеличения стажа судебной работы. Начиная с группы судей, имеющих четырехлетний стаж работы, стабильно растет количество судей, работавших без отмены приговоров, что особенно явно в группах со стажем судебной работы 15—19, а также 20 и более лет.

Ухудшение качества работы на втором году службы судей при относительно неплохих показателях качества на первом году объясняется, очевидно, тем, что начинающим судьям до-

⁵ См. также гл. IV, § 1.

Таблица 17

Стаж работы судей, количество лет	Число судей, %			
	имевших хотя бы один отмененный приговор	не имевших отмененных приговоров	имевших хотя бы один измененный приговор	не имевших измененных приговоров
1	48	52	63,3	36,7
2	56	44	73,5	26,5
3	50	50	70,2	29,8
4—5	45,8	54,2	69,9	30,1
6—9	45,3	54,7	67,0	33,0
10—14	44	56	68,8	31,2
15—19	40	60	69,1	30,9
20 и более	36	64	66,7	33,3
Все возрастные группы	44,8	55,2	68,9	31,1

вероятно, как правило, рассмотрение менее сложных дел, их меньше загружают работой и чаще контролируют. На втором же году службы судьи уже достаточно загружены рассмотрением дел (в том числе сложных), их не так «опекают», однако необходимый опыт работы они еще не приобрели и потому допускают сравнительно много ошибок. Это указывает и на обязательность работы по обмену опытом и повышению квалификации среди судей не только в первый, но и во второй год их работы. Аналогичные зависимости обнаружил и анкетирование почти 2000 судей в 1973 г. Рост стажа судебной работы отражается на среднем количестве отмененных и измененных приговоров у судей с различным стажем. Наибольшее среднее количество отмененных и измененных приговоров, приходящееся на одного судью, по итогам работы за год обнаруживается в группах судей со стажем 2 и 3 года.

Общее положение об улучшении качества выносимых приговоров и уменьшении отмены у судей с возрастанием стажа и, следовательно, практического опыта судебной работы представляется, с первого взгляда, достаточно тривиальным. Однако приведенные выше данные о качественном составе контингента судебных работников по признаку стажа придают этому положению значение реального и существенного резерва для сокращения судебных ошибок, поскольку, во-первых, достаточно велико количество судей с очень небольшим стажем судебной работы и, во-вторых, высока текучесть кадров судебных работников. По данным анкетного опроса почти 3000 народных судей к моменту последних выборов, 31% из них имел стаж судебной работы до трех лет. Почти такое же положение сохраняется и

теперь, хотя после выборов судей прошло несколько лет. По данным сплошного анкетирования судей, проведенного в 1973 г. в 12 областях РСФСР и 7 других союзных республиках и охватившего почти 2000 судебных работников, около 25% судей имеют стаж судебной работы до 3 лет⁶.

Это объясняется тем, что в отдельных республиках во время выборов в декабре 1970 г. на судебную работу выдвинуто до 10—15% судей, вообще не имеющих стажа судебной деятельности. Кроме того, существенное обновление контингента судей происходит постоянно и в результате значительного движения кадров между выборами. После выборов 1965 г., за 1966—1969 гг., т. е. до следующих выборов, выбыло по СССР 22,5% судей, в РСФСР выбыло за один 1968 г. около 10% судей.

Такое положение на фоне данных об определенной зависимости стажа судебной работы и качества правосудия объясняет к тому, чтобы в плане выработки путей и методов устранения судебных ошибок был не только поставлен, но и постоянно практически решался вопрос о сохранении в судах опытных судебных кадров. В* то же время повышение квалификации судей по мере роста их стажа, так же как и многолетний труд на поприще правосудия, связаны с целым рядом других факторов. Недостатки в системе подготовки, подбора и переподготовки судебных кадров могут приводить к привлечению на судебную работу лиц, не заинтересованных в ней, имеющих недостаточные знания и способности, могут обуславливать отсутствие реальных возможностей для совершенствования профессионального мастерства, для противодействия профессиональной деформации судей. Кстати, не столь интенсивное, как можно было бы предположить, влияние стажа судебной работы на качество приговоров и особенно малая зависимость между количеством судей, имеющих измененные приговоры за год работы, и ростом их стажа указывают и на возможное анти-влияние этих факторов по отношению к общей тенденции: «Чем дальше — тем лучше». Здесь сказывалось, вероятно, и то обстоятельство, что недостаточно стимулированная (до принятия решений партии и правительства в 1970 г.) моральная и материальная заинтересованность судей в своей работе с годами могла ослабевать. Все это подсказывает необходимость

⁶ Эта группа объединяет судей, которые учитываются в статистических формах и обобщениях результатов выборов в рубриках: а) фиксирующих стаж работы до 1 года, б) частично отражающих контингент со стажем до 3 лет при учете лиц, имеющих стаж до 5 лет, и, наконец, в) включающих всех, впервые избранных на судебские должности. Таким образом, единого статистического учета судей со стажем работы до 3 лет не существует. Обобщение анкетных данных по группе судей, имеющих стаж работы до 3 лет, представлялось необходимым, поскольку именно в пределах этой группы судей увеличение от года к году стажа работы не дает улучшения качества приговоров по показателю отмены, что обуславливает необходимость особого внимания в этом направлении.

рассмотрения в связи с задачей повышения качества правосудия и постоянного сокращения судебных ошибок ряда других указанных выше проблем кадровой политики в судебных органах.

§ 3. Подготовка и переподготовка судебных кадров

Анкетирование позволило выяснить субъективное отношение судей к качеству получаемой ими профессиональной подготовки, Мнение судей по этому вопросу представляется особенно существенным потому, что они на основе собственной практической деятельности могут делать выводы о том, в каких профессиональных знаниях и навыках судья ощущает недостаток, приступая к работе в судебных органах. Более 16% судей из 3100, подвергнутых анкетированию, признали профессиональную подготовку судей неудовлетворительной, а более 320 судей, говоря о необходимых для повышения качества судебной работы мерах, назвали по собственной инициативе⁷ различные мероприятия, направленные на улучшение вузовской подготовки судебных работников.

Недостатки в системе подготовки судебных кадров актуализируют некоторые предложения в плане их устранения, поскольку уровень профессиональной подготовки выступает как один из важнейших факторов, определяющих качество правосудия⁸,

Говоря о подготовке кадров судей, можно иметь в виду при существующем положении лишь вузовскую подготовку юристов. Между тем вопросы подготовки кадров в сфере любой деятельности связаны с целым комплексом проблем: определение критериев пригодности к определенной деятельности, профотбор как средство обучать людей, отвечающих требованиям будущей специальности, и, наконец, соответствие качества и объема профессиональной подготовки этим требованиям.

Определение и воспитание уже в процессе обучения профессионально значимых психических качеств — задача профессиональной психологии, которая является необходимой составной частью научной организации труда. Последняя немыслима в области судебной деятельности без теоретической разработки профессиограммы судьи как необходимой психологической характеристики личности, определяющей профессиональную пригодность⁹. Безусловно, любая деятельность стихийно формирует

⁷ Ответы давались на открытые вопросы анкеты.

⁸ С. А. Яни. Профотбор и подготовка следователей.— «Социалистическая законность», 1970, № 5, стр. 55.

⁹ Под профессиональной пригодностью понимается совокупность «психофизиологических особенностей, которые обеспечивают успешную подготовку к профессиональной деятельности и ее самое» (К. М. Гуревич. Профессиональные требования и их изменение.— «Типологические особенности высшей нервной деятельности человека», т. 5. М., 1967, стр. 214).

необходимые качества¹⁰. Но, во-первых, практика показывает, что не все лица, избравшие себе какую-либо профессию, могут впоследствии эффективно работать в данной области¹¹, во-вторых, формирование этих необходимых качеств в одной лишь практической деятельности «оказывается довольно длительным процессом и, в-третьих, цена такого обучения на практике — ошибки судьи, которые не могут быть оправданы и терпимы — даже если на них учатся.

Между тем до настоящего времени эти вопросы теоретически почти не разрабатывались. Поэтому и практика приема в юридические вузы, а также существующая в них специализация, естественно, никак не связаны с выявлением пригодности для занятия в будущем судебских должностей.

Появившиеся в последние годы работы по судебной психологии и особенно посвященные (психологической характеристике следственной деятельности и психологическим профессионально важным качествам следователя¹² создают определенную основу и для решения вопросов профессиональной пригодности и профессионального отбора при подготовке и подборе судебных кадров. В исследовании, посвященном такому критерию эффективности правосудия, как судебные ошибки, важно указать хотя бы на некоторые аспекты профессиональной пригодности судей, возможные пути ее изучения и формирования. При характеристике профессионально-необходимых качеств как предварительное условие их проверки выделяется направленность личности, которая определяет интерес к избираемой профессии, мотивы выбора, отвечающие ее сущности. Выявление направленности личности¹³, отвечающей общей профессии правоведа и судебской профессии в частности, — это та задача, которая должна решаться в качестве одной из первых при приеме в юридические вузы и при последующей специализации в них. Чтобы эта задача решалась на подлинно научной основе, должна систематически проводиться работа по профориентации при формировании контингента абитуриентов в юридические вузы. Профориентация включает в себя¹⁴: изучение

¹⁰ Г. Г. Шиханцов. Профессионально важные психические качества следователя. Автореф. канд. дисс. Минск, 1970, стр. 17.

¹¹ С. А. Яни. Психологический отбор и подготовка следователей.— «Советское государство и право», 1968, № 110, стр. ШЗІ.

¹² А. В. Дулов. Судебная психология. Учебное пособие для юридических вузов. Минск, 1970; «Вопросы судебной психологии». Сборник статей. Вып. 1. Отв. ред. А. В. Дулов. Минск, 1970, стр. 163; Г. Г. Шиханцов. Возможности использования тестов при психологическом отборе к следственной работе.— «Вопросы криминалистики и судебной экспертизы». Минск, 1970, стр. 78; Г. Г. Шиханцов. Профессионально важные психические качества следователя; В. Л. Васильев. Психологическая характеристика деятельности следователя. Автореф. канд. дисс. Л., 1970.

¹³ В. Л. Васильев. Проблемы профотбора следователей.— «Социалистическая законность», 1968, № 2, стр. 15—16.

¹⁴ Д. Каверина, Р. Попов. Совещание по проблемам профориентации.— «Вопросы психологии», 1968, № 6, стр. 181—184.

мотивов выбора профессии и методы влияния на него; профконсультации на основе анализа профессионально • необходимых качеств и профессиональных способностей; организацию через систему органов профориентации постоянного сбора данных о профустремлениях среди лиц, выбирающих или меняющих профессию. Конечно, профориентация юристов всех профилей, и в том числе судей, может существовать только в системе общего комплекса мер во всей сфере подготовки кадров и должна сочетаться с развернутым перспективным учетом и планированием потребностей в юридических кадрах. В области юстиции — это задача Министерства юстиции, Министерства высшего образования и приемных комиссий юридических вузов. Работа последних, если на них будут возложены функции по профориентации, должна быть, собственно, постоянной, а не охватывать лишь несколько месяцев перед началом учебного года, что, безусловно, потребует и их реорганизации. Во всяком случае эта проблема должна быть рассмотрена, по крайней мере перспективно.

Вторая задача, которая должна была бы решаться при приеме в юридические вузы и осуществлении специализации в них, — это проверка необходимых психических качеств, поскольку даже при наличии должных мотивов выбора профессии и общей направленности личности человек может не отвечать требованиям данной профессиональной деятельности¹⁵. Практика показывает, что ряд судей плохо справляются со своей работой, допускают много ошибок не потому, что не приобретены необходимые юридические знания, а из-за личностных качеств. Это, естественно, увеличивает и текучесть кадров в судебной системе. Поэтому необходима координированная разработка психологами, педагогами и юристами психологических критериев, общих для всех юридических специальностей и конкретизированных с учетом особенностей работы судьи, следователя, прокурора и т. д. В соответствии с этими критериями должны быть разработаны специальные способы их проверки, в том числе и тестовые системы, при приеме в юридические вузы.

При этом надо иметь в виду, что ряд психических качеств, профессионально необходимых будущему судье, поддается формированию на основе целеустремленной организации учебного процесса и настойчивого самовоспитания. Некоторые же, в основном психофизиологические, свойства в очень небольшой степени могут формироваться обучением. К ним относятся эмоциональная уравновешенность, самообладание, выдержка, способность к сосредоточению, психическая выносливость, объем и распределение внимания, скорость восприятия, переключаемость и т. д.¹⁶. Значит, и недостатки этой психической сферы, не

¹⁵ Г. Г. Шиханцов. Возможности использования тестов при психологическом отборе к следственной работе.

¹⁶ Там же.

выявленные заранее, могут серьезно вредить впоследствии деятельности судьи по осуществлению правосудия. При этом, безусловно, важно тщательное исследование тех негативных психических качеств, которые неизбежно отрицательно влияют на работу судьи. В этом плане определенным отправным пунктом для установления таких негативных качеств может послужить анализ причин судебных ошибок, связанных с психической деятельностью судьи при осуществлении правосудия¹⁷. В порядке предварительной проверки профессиональной пригодности должны выявляться, во всяком случае, характер психической установки, свойственные человеку психические состояния, степень конформности в связи со способностью критически оценивать собственные выводы и поступающую от других органов и лиц информацию и уровень общей активности личности.

Представляется, что именно от этих качеств зависит психологическая уязвимость при осуществлении судебной деятельности, приводящая к ошибкам. В качестве препятствующих занятию судейских должностей должны оцениваться следующие обстоятельства: негибкость, ригидность психической установки, побуждающая к повторению уже состоявшихся по делу предварительных или прежних решений и препятствующая формированию независимого внутреннего убеждения; психические состояния, связанные с эмоциональной неуравновешенностью, выражающиеся во время судебного разбирательства в необъективности, предвзятости, раздражении, нетерпении; высокая степень конформности, поскольку она обуславливает сильное влияние мнений других лиц или других органов, участвующих в судопроизводстве. Кроме того, процесс обучения должен всемерно способствовать формированию высокой активности личности, которая является необходимым условием преодоления ряда поддающихся изменению психических свойств как во время обучения, так и в последующей практической деятельности.

Наряду с мерами по профотбору и профориентации необходима и организация практической проверки лиц, готовящих себя к занятию должности судьи непосредственно перед их избранием. В этих целях Верховный Суд СССР еще в июне 1969 г. рекомендовал председателям Верховных судов союзных республик обратиться в Президиум Верховных Советов союзных республик с представлениями о введении в судах штатных единиц кандидатов на должность судей. Необходима и последующая система проверки пригодности кандидатов для избрания судей по результатам их практической деятельности.

Представляется, что Министерство юстиции СССР и министерства юстиции союзных республик должны организовать теоретическую разработку и практическое внедрение специальной

¹⁷ См. гл. VII, § 3.

методики подбора и подготовки кадров для занятия судейских должностей.

В плане подготовки судебных кадров должен быть решен не только вопрос о том, кого обучать в юридических вузах, но и чему и как надо учить будущих юристов вообще и судей в частности. Определенные коррективы в существующее решение этого вопроса должны вноситься, видимо, с учетом предложений, высказанных самими судьями. Заслуживают внимания мнения судей о необходимости специализации в вузах в соответствии с требованиями судебной работы, об увеличении производственной практики студентов и срока обучения в вузах, о широком изучении действующего законодательства, правил и практики составления процессуальных документов и т. д. и вместе с тем о необходимости повышения общеобразовательного и культурного уровня юристов.

При существующем положении вузовский диплом юриста можно получить в зависимости от характера учебного заведения за срок обучения от 3,5 до 5—6 лет. Возможно, такие различные сроки прохождения вузовской подготовки могли бы быть как-то обоснованы, если бы они отражали определенную специализацию факультетов. Но в настоящее время такой специализации нет или она является достаточно приблизительной и фактически иллюзорной.

Между тем условия практической работы юристов в различных органах правосудия и в других государственных органах требуют проведения с учетом будущей деятельности выпускников специализации внутри каждого факультета или специализации факультетов в совокупности с особой системой специального стажерства для выпускников.

Представляется важным и развитие системы переподготовки судебных кадров.

Действующие формы повышения квалификации судей весьма разнообразны, и судьи охвачены ими довольно широко. Среди таких форм могут быть названы следующие: обучение в заочных юридических вузах и аспирантуре; заочные курсы повышения квалификации; проведение в судебных органах семинаров и совещаний; производственная практика в судах; лекции и консультации; обмен опытом работы и распространение положительных его сторон; научно-практические конференции; помощь судьям со стороны вышестоящих судов; информации о текущем законодательстве и судебной практике. Эти формы переподготовки судей достаточно распространены. Например, по УССР в 1966—1968 г., т. е. перед последними выборами судей, 73 судей народных и областных судов повышала свою квалификацию на десятимесячных заочных курсах при Киевском государственном университете и проходила производственную практику в Верховном и областных судах республики.

Однако многие из названных методов повышения квалифи-

кации не являются достаточно эффективными. Например, опыт работы заочных курсов для судей в УССР показывал, что они не создавали необходимых для учебы условий: из-за большой загруженности судьи не выполняли курсовые работы в установленные сроки, процесс заочного обучения делает упор на самостоятельную работу судьи по повышению своих знаний, а продолжительность сессии, которой завершалось обучение на курсах (10 дней), являлась крайне недостаточной. Производственная практика судей в настоящее время не может дать много, так как ее организационная база весьма ограничена: судьи вызывают на практику в вышестоящие суды на очень коротких сроках, например, в Верховном Суде УССР установлен восьмидневный срок практики, увеличение этих сроков требует наличия достаточного количества командировочных средств, а ими ни судебные органы, ни органы Министерства юстиции не располагают.

Для изучения реального значения методов переподготовки судебных кадров было использовано и анкетирование судей. Данные анкетного опроса также подтвердили недостаточность такой системы повышения квалификации.

По материалам анкетирования, подавляющее большинство судей, а именно 61,3% из 3100 до последних выборов и 54,8% из почти 2000 по данным на 1973 г., указали в качестве предпочитаемой ими формы повышения квалификации самостоятельное чтение юридической литературы. Из других форм (по результатам первого анкетирования 48,2% и по результатам второго анкетирования 48,9% судей) указали на серьезное значение стажировки в вышестоящем суде. Однако целый ряд данных свидетельствует о том, что указанные формы пока еще не могут стать реальным средством повышения квалификации. Об ограниченных возможностях для стажировки уже говорилось. А большая служебная нагрузка приводит к тому, что у народного судьи не остается свободного времени, которое он мог бы использовать для повышения квалификации.

66,2% судей по результатам первого анкетирования, 64% — по результатам второго указали, что у них нет или явно недостаточно времени для повышения профессиональных знаний. При этом нужно иметь в виду, что субъективная оценка, которую судьи дают своим возможностям использовать вне рабочее время для совершенствования своих знаний, часто более оптимистична в сравнении с реальным положением вещей. Это обнаруживается, например, в том, что ряд судей, имеющих продолжительность рабочего дня в среднем 9 и более часов, указывают все-таки на то, что у них остается свободное время для повышения квалификации. Так, среди судей, работающих в среднем 9 часов в день, по результатам двух анкетных опросов соответственно 39,7 и 42,6% считали, что у них достаточно времени для профессионального совершенствования. При 10-ча-

совом рабочем дне такие судьи составляли 25,0 и 26,5%, при 11-часовом — 9,5 и 10,7%, при 12-часовом — 9,7 и 16,6%.

Если и можно рассчитывать на использование вне рабочего времени для повышения квалификации при нормальной продолжительности рабочего дня, то 89,3% судей, среди которых было проведено первое анкетирование, и 87,4%, по данным повторного анкетирования, заняты своими служебными делами более 8 часов в день и, следовательно, реально не имеют такой возможности. Такое положение, безусловно, диктовало проведение мероприятий по совершенствованию системы переподготовки судей.

Организация и деятельность специального института усовершенствования работников юстиции в рамках Министерства юстиции в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 июля 1970 г. «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» и курсов при министерствах союзных республик в значительной мере обеспечивают настоятельные потребности дальнейшего развития действенных форм повышения квалификации судей.

Функционирование таких стационарных учреждений создает для судей возможность на их базе привести в систему свои знания, осмыслить и правильно оценить собственный опыт, изучить положительный опыт работы других судей, знакомиться с новой юридической литературой.

Насущность задачи организации института и очных курсов усовершенствования для судей подтверждается тем, что, по материалам анкетного опроса, 345 судей из 3100 считали такое мероприятие непременным условием повышения качества правосудия. * ¹

Конечно, положительный эффект может обеспечивать не само по себе создание этих учреждений для повышения квалификации судебных работников, а организация их работы в соответствии с потребностями судебной практики. Поэтому при составлении их учебных программ необходимо учитывать мнения судей о наибольших трудностях в работе, связанных с недостатком знаний, распространять имеющийся положительный опыт работы.

Кроме того, представляется, что эти учебные заведения должны быть авангардными в обеспечении судей теми знаниями и методическими рекомендациями, которые становятся все более необходимыми в свете задач научно обоснованной организации судебной деятельности. В качестве одного из примеров можно было бы указать на необходимость обучения судей передовым методам планирования и научной организации труда в суде, использованию в судебной деятельности достижений криминалистики и технических средств и т. д. В общем же плане необходимо заметить, что выявляемые причины судебных ошибок, лежат ли они в плоскости проблем научной организации

труда, связаны ли с недостаточным уровнем правосознания, коренятся ли в каких-то психологических факторах, должны в первую очередь определять основные направления переподготовки судей ¹⁸.

Необходимо обратиться еще к одной проблеме в области подготовки судебных кадров. Требуют решения вопросы профессионального обучения не только судей, но и других судебных работников. Секретарям суда, секретарям судебных заседаний, судебным исполнителям, делопроизводителям не преподаются необходимые профессиональные знания, поскольку нет специальных с юридическим уклоном средних учебных заведений. Из 3100 судей 310 высказались за создание таких учебных заведений, расценивая это как необходимую меру улучшения судебной работы.

Из 2211 судей, указавших отрицательные факторы, влияющие на работу секретаря судебного заседания, около 70% назвали как таковые недостаточность общего образования и отсутствие или неудовлетворительность специальной юридической подготовки секретарей.

Отсутствие специальной подготовки кадров для ведения в суде работы, не требующей специалистов с высшим образованием, определенно затрудняет решение проблемы судебных кадров.

Во-первых, обучение работников, занимающих в суде такие должности, полностью ложится на судью. Во-вторых, судье при неквалифицированном составе секретарей, делопроизводителей, судебных исполнителей приходится тратить значительно больше времени на проверку их работы, а иногда и выполнять некоторые их функции, что увеличивает и без того большую загруженность судей работой и противоречит основным принципам разделения труда, поскольку судьям приходится заниматься делом, которое вполне может быть выполнено работником не столь высокой квалификации. В-третьих, это связано с определенным нерациональным использованием в судебной системе специалистов с высшим юридическим образованием на должностях, для которых достаточен средний специальный уровень образования, что приводит, кроме всего прочего, к завышению и без того неудовлетворяемых потребностей в специалистах с высшим образованием, например в связи с использованием их на должностях судебных исполнителей.

Конечно, в сфере судебной деятельности, которая в силу своего неэкономического, социально-правового характера в меньшей степени строится на определенных численных нормах в соотношении работников разной степени квалификации, не так резко и не сразу проявляются такие кадровые диспропорции. Однако все большее обращение к обоснованному регу-

¹⁸ См. гл. V, VI, VII, VIII, IX.

лированию социально-правового развития¹⁹ уже теперь требует ограничения элементов субъективизма и отказа от игнорирования научного разделения труда и при решении проблемы судебных кадров. Об остроте этого вопроса для **судебных органов** в настоящее время свидетельствуют статистические данные, согласно которым при увеличении контингента судей с 1965 по 1970 г. на 10% количество технического персонала (Народных судов оставалось в основном неизменным. Этому уделено определенное внимание и в постановлении Совета Министров СССР от 11 августа 1970 г. «О мерах по улучшению условий работы и материально-технического обеспечения судов, органов прокуратуры и нотариальных контор», предусмотревшем увеличение Советами Министров союзных республик фонда заработной платы на 1970 г. на 400 000 руб. для укомплектования судов недостающими работниками. Будущее развитие требует разработки научно обоснованных нормативов численности технических работников суда, что определит и количество кадров, подготовка которых должна осуществляться специально для замещения этих должностей.

§ 4. Материальное и моральное стимулирование работников суда

Несовершенство форм стимулирования труда рассматривается в теории и практике научной организации труда как один из наиболее серьезных и одновременно наиболее типичных недостатков организации, влияющих на эффективность любой деятельности. Действующие правовые акты, определяющие номенклатуру государственных служащих, как и номенклатуру всех других категорий работников, как правило, содержат оценку должностной деятельности по характеру труда, в соответствии с которой определяется общественно-правовое положение работника в плане материального и морального стимулирования. Использование признаков, определяющих характер работы представителей умственного труда, для материального и морального стимулирования их деятельности также необходимо. В теоретических исследованиях, посвященных этим вопросам, предлагаются даже развернутые критерии рода работы в области умственного труда, с целью их применения в качестве оснований, которыми должно определяться моральное и материальное вознаграждение за труд.

Выдвигаются в связи с этим, например, следующие факторы: 1) требуемая профессиональная квалификация; 2) степень самостоятельности и инициативы; 3) умение руководить

трудом коллектива; 4) степень интенсивности работы; 5) уровень ответственности; 6) сложность выполняемых функций²⁰. Предлагается этими признаками определять правовой статус работников в смысле развития их трудовых прав и улучшения условий жизни. Ясно, что если рассматривать указанные критерии применительно к работе судьи, то она должна быть оценена на одном из высших уровней по всем этим показателям: она требует не только знаний квалифицированного, разносторонне образованного юриста (что усугубляется нераспространенностью специализации среди судей), но и полной, закрепленной законом в требовании независимости судей, самостоятельности при принятии решения, умения руководить не только коллективом (постоянных работников суда, но и «коллективами» участников процесса, часто многочисленных и специфичных по каждому делу; уровень ответственности судей определяется тем, что это ответственность за судьбы людей; высокая степень интенсивности их работы характеризуется и большой служебной нагрузкой, и большой, как правило, выше нормальной, продолжительностью их рабочего дня.

Такая реальная значимость труда судьи до недавнего времени недостаточно отражалась в системе мер, определяющих его материальное положение. Должностные оклады народных судей до 1970 г. были ниже окладов соответствующих работников других государственных органов. Иногда складывались парадоксальные ситуации: народный судья, проработавший в этой должности 10—20 и более лет, по заработной плате находился в худшем положении, чем начинающий работник, не имеющий ни опыта, ни профессиональных навыков, перешедший с другой вышеоплачиваемой должности, так как за последним сохраняется прежний оклад. Должностные оклады тех категорий работников, которые, как правило, служили резервом пополнения судебных кадров, — оклады работников местных органов власти, ряда прокурорских работников и служебные доходы членов коллегии адвокатов — были существенно выше оклада судьи.

То что рост семьи, естественно, понижает ежемесячный доход на каждого члена семьи для судьи, остающегося на судебной работе, никак не компенсировалось ни достаточно высоким общим исходным уровнем зарплаты судьи, ни ее изменением в связи с увеличением стажа и, следовательно, профессиональной опытности. Общий уровень обеспеченности опытных судебных работников, много лет работавших именно в народном суде, зачастую даже снижался сравнительно с уровнем материальной обеспеченности судей, только начинающих работу на судеб-

¹⁹ Д. А. Керимов. Социальное планирование и право (из опыта социально-правового исследования).— «Советское государство и право», 1969, III 1, стр. 31.

Мария Матэй. Работники умственного труда. Правовые и общественные вопросы. Варшава, 1967 (цит. по: «Советское государство и право», 1969, № 5, стр. 141—143),

ском поприще (табл. 18; приводится процент судей, имеющих разный уровень доходов, от всех судей со стажем работы 1—2 года и 10—14 лет).

Таблица 18

Среднемесячный доход на одного члена семьи, руб.	Группа судей (%) со стажем		Среднемесячный доход на одного члена семьи, руб.	Группа судей (%) со стажем	
	1—2 года	10—14 лет		1—2 года	Ю—14 лет
60—69	20,7	16,8	110—119	0,8	0,2
70—79	12,8	12,2	120—129	6,9	2,7
80—89	9,1	4,9	130—4139	0,5	0,7
90—99	3,6	4,6	140—149	1,1	1,1
100—109	7,7	1,8			

Таким образом, начинающие судьи преобладали среди тех судей, которые были лучше обеспечены материально.

Это в значительной степени объясняло высокую текучесть кадров судей и культивировало такое положение, при котором на фоне отсутствия у судьи перспектив служебного роста (вакансий в вышестоящих судах обычно очень мало) у него не было каких-либо других стимулов к продолжению работы в суде, кроме профессионального призвания и глубокого понимания социальной значимости своей деятельности.

На основании указанного выше постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 июля 1970 г. были кардинально решены вопросы материального стимулирования труда судей путем значительного, более чем в 1,5 раза, общего повышения их должностных окладов. Принятые меры сократили разрыв в должностном положении и оплате труда народных судей и членов вышестоящих судов, что вполне обосновано, так как работа судьи первой инстанции в условиях гласного, состязательного процесса под контролем сторон и публики не менее сложна и ответственна, чем деятельность по проверке письменных материалов дела.

Анкетирование судей в 1973 г. отразило этот существенный положительный сдвиг в материальной обеспеченности судебных работников. На 40% уменьшилось количество судей с ежемесячным доходом в расчете на одного члена семьи до 60 руб.: такие судьи составили лишь 11% от всех опрошенных.

Проведенные мероприятия позволят привлекать к работе в народных судах весьма квалифицированных судей, будут служить укреплению их самостоятельности, независимости и способствовать улучшению качества судебной работы. Этот процесс реорганизации кадровой политики нашел реальное за-

крепление уже в выборах судей народных судов, проведенных в декабре 1970 г., что подтверждается приведенными выше данными о довольно значительных переменах в составе судей в отдельных союзных республиках.

Здесь нужно отметить, что те серьезные шаги, которые уже предприняты в плане материального стимулирования судебной работы, осуществлены пока, так сказать, на основе «принципов равенства», без какой-либо дифференциации для судей в зависимости от различных факторов, анализируемых ниже. Улучшение материального положения судей не устранило в общем резкие колебания в их обеспеченности в расчете на одного члена семьи и не предусмотрело дифференциацию в материальном стимулировании опытных и неопытных, хороших и плохих судебных работников. Так, по-прежнему, по данным 1973 г. сохраняется, очевидно, не вполне оправданное положение, при котором среди судей со стажем 15—19 лет на 6% больше таких, которые имеют среднемесячный доход в расчете на одного члена семьи до 60 руб., чем среди судей, имеющих всего лишь год стажа судебной работы, а колебания в ежемесячном доходе для основной массы судей очень велики — от 40 до 140 руб. Такие существующие еще пока некоторые диссонансы в решении вопросов материального обеспечения судебных работников не могут не обращать на себя внимания. В связи с этим и сами судебные работники, отвечая на вопросы о мерах, необходимых, по их мнению, для дальнейшего улучшения работы судебных органов и обеспечения их высококвалифицированными, опытными кадрами, указали в процессе опроса в 1973 г. на необходимость материального стимулирования судей и за многолетнюю работу в суде, и по показателям качества судебной работы. Такие факты, как и исследования условий деятельности прежнего контингента судей, не только показывают реальное и перспективное значение осуществляемых в этой области мероприятий, но и позволяют определить характер других необходимых дополнительных мер в указанном направлении. В связи с этим имеет значение следующее обстоятельство.

По данным 1967 г., уровень материальной обеспеченности судей в разных союзных республиках существенно колебался. Обращают на себя внимание наиболее резкие отклонения. Например, основная масса судей в Узбекской, Таджикской, Киргизской и Армянской ССР, по данным анкетирования, имела среднемесячный доход на одного члена семьи до 50 руб., а именно соответственно 78,1; 75,8; 62,9; 52,4% судей в этих республиках. А в других республиках число судей, имеющих такую низкую материальную обеспеченность, было значительно меньше: в РСФСР — 22,7%, в УССР — 25,4, в БССР — 35,7, в МССР — 18, в ЭССР — 14,6%.

Такое существенное нерегулируемое различие в материаль-

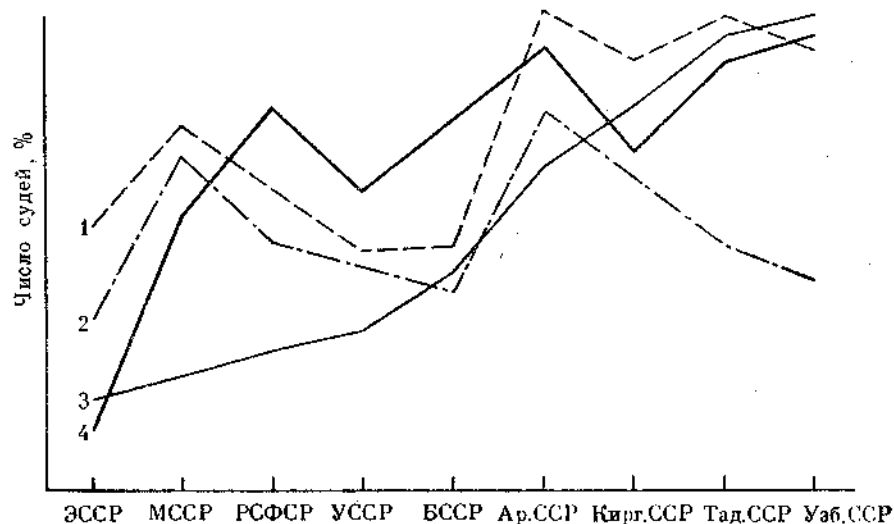

Рис. 5. Факторы, влияющие на качество работы судей (нумерация кривых графика соответствует порядковым номерам табл. 19)

Таблица 19

Группа судей		ЭССР	МССР	РСФСР	УССР	БССР	Арм. ССР	Кирг. ССР	Тадж. ССР	Узб. ССР
1	Работавших с отменой приговоров	43,7	60	49,3	39,6	39,8	79,5	70,4	75,9	71,9
2	Со стажем до 5 лет	27,1	56	38,9	35,6	32,7	61,3	40,7	38,9	34,4
3	С доходом до 50 руб.	14,6	18	22,7	25,4	35,7	52,4	62,9	75,8	78,1
4	С нагрузкой от 7 до 20 уголовных дел	10,4	46	62,7	49,7	61,2	72,7	70,4	75,9	76,0

ном положении судьи для отдельных республик вообще не может быть оправданным с точки зрения существа судебной работы. В то же время сопоставление этих различий с другими факторами, определяющими условия и результаты работы и характеризующими личность судьи, позволяет установить наличие некоторой координации показателей, отражающих уро-

вень материальной обеспеченности, с текучестью кадров судей, служебной нагрузкой и качеством судебной работы. Даже если сравнивать данные статистики об отмене приговоров по указанным республикам с приведенными показателями материальной обеспеченности судей, то явно выступает следующее обстоятельство: в первой группе названных республик, где большой процент судей был недостаточно хорошо обеспечен материально, процент отмены приговоров был выше, чем во второй группе республик.

Хотя являлось бы очевидным упрощением выведение качества работы судьи из уровня его материальной обеспеченности, можно, однако, утверждать связь этих факторов по крайней мере косвенно²¹: существовавший низкий уровень среднемесячного дохода на одного члена семьи судьи в ряде союзных республик являлся определенным препятствием для подбора и сохранения на судебной работе в этих республиках высококвалифицированных кадров юристов, которые, естественно, могли найти и искали более высокооплачиваемую работу.

Конечно, нужно принимать во внимание и целый ряд других факторов, влияющих на качество работы судьи, но они не опровергают наличие указанной связи. Иллюстрацию этого положения см. на рис. 5 (материалы анкетирования судей). Цифровые данные к рисунку (число судей, % от общего количества судей) приведены в табл. 19.

Из рис. 5 следует ряд немаловажных выводов. Ухудшение качества судебной работы, выражающееся в росте количества судей в отдельных республиках, имеющих за год работы отмененные приговоры, идет в основном параллельно тенденции сравнительного увеличения служебной нагрузки по рассмотрению уголовных дел, соответствует росту группы судей с низким уровнем материальной обеспеченности и совпадает для отдельных республик с увеличением контингента судей с йебольным (до 5 лет) стажем судебной работы. Отклонения от этой общей тенденции для отдельных республик могут быть объяснены значительным усилением действия какого-либо одного из названных факторов либо характерными для названных республик специфическими условиями, не нашедшими отражения в данном сопоставлении. В связи с этим необходимо сделать некоторые дополнительные замечания.

Указанная связь в наибольшей степени проявляется в тех союзных республиках, где имеются наиболее резкие отклонения от среднего значения сравниваемых показателей. Так, наименьшее количество судей с низким уровнем доходов, небольшим стажем работы и большой служебной нагрузкой в Эстонской ССР соответствует также небольшому проценту судей, имевших за год работы отмененные приговоры. Напротив, боль-

См. также гл. V, § 1.

шое количественное значение указанных показателей характерно для Армянской, Киргизской, Таджикской и Узбекской ССР. Такая зависимость выступает не столь явно в республиках, приближающихся по материальной обеспеченности судей, стажу работы /и количеству судей, имевших отмену приговоров, к средним показателям, например, в РСФСР, УССР, БССР.

Для отдельных республик наибольшее значение может приобретать какой-либо один из указанных факторов или, напротив, действие какого-либо из факторов существенно нейтрализуется. Например, в Молдавской ССР по приведенным данным довольно большое количество судей, имевших отмененные приговоры, коррелирует в основном с резким увеличением по сравнению со средним уровнем количества судей с небольшим стажем работы, в то время как уровень материальной обеспеченности судей сравнительно с другими республиками здесь достаточно высок, а большая служебная нагрузка судей встречается не чаще, чем в других союзных республиках. Следовательно, по отношению к этой республике можно было бы говорить о том, что недостатки в подборе судейских кадров здесь были связаны в большей степени не с объективными обстоятельствами, препятствующими наличию заинтересованности в судейской работе, а с «субъективным» фактором — отсутствием до последнего времени необходимого резерва кадров для выдвижения на судебную работу.

С другой стороны, то, что в Киргизской, Таджикской и Узбекской ССР увеличение группы судей с большим стажем судебной работы не отражалось на уменьшении в сравнении с другими республиками процента судей, имевших отмену приговоров, может быть объяснено действием других факторов, например, недостаточным уровнем правовой культуры, не вполне эффективной работой по повышению квалификации судей и, наконец, тем обстоятельством, что при не очень высоком уровне материальной обеспеченности оставались на судебной работе, не пытаясь уйти на другую и улучшить таким образом свое материальное положение, некоторые судьи, профессионально малопригодные для этой работы, с недостаточным уровнем юридической квалификации, и что таких судей в указанных республиках в прошлом было немало.

Это еще раз подтверждает действительное значение постоянных усилий и мероприятий партии и правительства по совершенствованию материально-технической базы судов и материального стимулирования судей и определяет их реальное будущее влияние на улучшение работы судов. Кроме того, в свете того значения, которое должно придаваться сохранению в судебных органах наиболее квалифицированных кадров, для судей могли бы быть созданы дополнительные стимулы путем введения классовых званий. Было бы целесообразным также, если бы на них распространялись и принципы дополнительной

оплаты при получении ученых степеней. Наряду с мероприятиями по упорядочению заработной платы в плане улучшения материального и морального стимулирования судебных работников должен быть решен и ряд других вопросов. Получающие в настоящее время все большее распространение планы социального развития отдельных предприятий и отраслей народного хозяйства специально предусматривают комплекс мер, направленных на повышение жизненного уровня трудящихся, включая наряду с повышением оплаты труда улучшение жилищно-бытовых условий, специальное ведомственное строительство жилых домов, санаториев, детских учреждений и учреждений медицинского обслуживания²². Для судебных работников система аналогичных мер почти отсутствует и не отражается в социальном планировании. В этом направлении необходимо развернуть работу Министерству юстиции, которое, координируя все вопросы, касающиеся судебных кадров, должно обращаться к задачам организации медицинских, детских, санаторно-курортных учреждений для судебных работников. Постановление Совета Министров СССР «О мерах по улучшению условий работы и материально-технического обеспечения судов, органов прокуратуры и нотариальных контор» от 1 августа 1970 г. положило начало осуществлению ряда мероприятий в этой области, обязав Советы Министров союзных республик, исполнительные комитеты краевых, областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся принять меры к улучшению жилищных условий судебных работников. О необходимости такого решения свидетельствует уже тот факт, что 43,6% судей, как показало анкетирование, не были обеспечены жилплощадью даже в пределах установленной санитарной нормы²³. Анкетирование 1973 г. также выявило довольно большой процент (36,3) судей, имеющих менее 9 кв. м жилой площади на человека. Учитывая напряженный и ответственный труд судьи, нередко занимающий и его вне рабочее время, требующий постоянной самостоятельной работы по повышению профессиональных знаний, а также нормальных условий для отдыха, представляется необходимым не только обеспечить судей жилплощадью, но и признать за ними в законодательном порядке право, наряду с некоторыми другими категориями работников, на пользование дополнительной жилплощадью.

Кроме повышения уровня материальной обеспеченности и улучшения жилищно-бытовых условий судей в плане стимулирования их работы представлялась бы целесообразной также разработка мер материального и морального поощрения для судей по показателям качества их работы. Возложенная на

«Проблемы разработки планов социального развития на промышленных предприятиях». Л., 1967, стр. 19.
См. также гл. V, § 1.

Министерство юстиции СССР функция обеспечить координированную разработку и внесение на рассмотрение законодательных органов необходимых законопроектов и предложений об изменении действующего законодательства во всех областях обязывает, безусловно, и к разработке, предложений по законодательству в области материального и морального стимулирования в судебной деятельности.

Конечно, для общего решения проблем, связанных с судебными кадрами, необходимо поднимать положение и авторитет народного судьи в обществе и государстве не только путем материального стимулирования судей²⁴. Это одна из важных задач и в то же время необходимый метод дальнейшего укрепления социалистической законности и правового воспитания граждан.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
----------	---

Раздел первый ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ И ПРОБЛЕМА СУДЕБНЫХ ОШИБОК

Глава I. Наука об эффективности правосудия — теоретическая основа изучения судебных ошибок	21
§ 1. Значение целей правосудия для определения его эффективности	2 1
§ 2. Критерии и показатели эффективности правосудия	32
§ 3. Системно-структурный подход к изучению эффективности правосудия	48
§ 4. Эффективность правосудия и преступность	78
Глава II. Понятие, виды и общая характеристика судебных ошибок	94
§ 1. Понятие судебных ошибок и основания их классификации	94
§ 2. Необоснованное осуждение и необоснованное оправдание	101
§ 3. Ошибки суда при установлении отдельных элементов предмета доказывания, доказательственных фактов и оценке средств доказывания	ПО
§ 4. Уголовно-правовые ошибки	119
§ 5. Латентные судебные ошибки	1124
§ 6. Субъективная сторона судебных ошибок	1 3 3
Глава III. Структура судебных ошибок (количественные характеристики)	138
§ 1. Понятие структуры судебных ошибок и способы ее изучения	138
§ 2. Соотношение процессуальных и уголовно-правовых судебных ошибок	141
§ 3. Структура процессуальных судебных ошибок	1 5 2
§ 4. Структура уголовно-правовых судебных ошибок	1 6 5
Глава IV. Динамика судебных ошибок	Ц 70
§ 1. Понятие динамики судебных ошибок, общий подход к ее изучению и основные тенденции	170
§ 2. Социальная и историко-правовая интерпретация динамики судебных ошибок*	183
§ 3. Динамика судебных ошибок, исправляемых различными процессуальными способами	208

²⁴ И. Петрухин. Народный судья.—«Советская юстиция», 1969, № 1, стр. 10

Раздел второй

РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА И ПОДГОТОВКИ СУДЕБНЫХ КАДРОВ
В УСТРАНЕНИИ СУДЕБНЫХ ОШИБОК

Глава V. Научная организация труда в судах как условие сокращения судебных ошибок	226
§ 1. Уровень организации труда судей и судебные ошибки	226
§ 2. Объект и методы НОТ в правосудии	234
§ 3. НОТ и проблема функций органов правосудия	238
§ 4. Нормирование и разделение труда в судебных органах, организация рабочего времени судей,	245
Глава VI. Судебные кадры и повышение эффективности правосудия	272
§ 1. Комплектование судебных кадров и уровень образования судей	273
§ 2. Стаж судебной работы и его влияние на качество приговоров	276
§ 3. Подготовка и переподготовка судебных кадров	280
§ 4. Материальное и моральное стимулирование работников суда	288

|
|
1
|
*
#
!
|
|
|
|

Эффективность правосудия и проблема
устранения судебных ошибок
Утверждена Институтом государства
и права Академии наук СССР
Редактор Я. М. Дмитриева
Художественный редактор Т. И. Поленова
Технический редактор В. Д. Прилепкая
Корректоры Е. А. Васильева и Е. А. Гольденштейн

Сдано в набор 21/IV 1975 г. Подписано к печати 15/VI 1975 г. Формат бумаги 60X90/16.
Бумага № 1. Печ. л. 18,75. Уч.-изд. л. 20,17. Заказ 1924. Тираж 1500 экз. Цена 1 р. 54 к,
Тула. Тип. изд-ва «Коммунар», ул. Ф. Энгельса, 150.